

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

- Акимова Е.В.** Обработка бивня на многослойной палеолитической стоянке Лиственка 2

ДИСКУССИЯ

Проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту

- Мегнин Л., Бар-Йозеф О.** Каменные индустрии среднего и верхнего палеолита Леванта: последовательная или прерванная линия развития? 12

- С.Ю. Лев, Х.А. Амирханов.** Сравнительная характеристика и стилистический анализ статуэтки бизона с Зарайской стоянки 22

ИСКУССТВО

- Яacobсон Э.** К вопросу об информативности петроглифических и погребальных памятников эпохи бронзы 32

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

- Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В.** Могильник Старый Тартас-4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности) 48

- Кубарев В.Д.** Древние зеркала Алтая 63

- Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К.** Святилище на реке Жинишке и проблема первоначального вида кыпчакских изваяний 78

- Черных Е.Н.** Древнейшее горно-металлургическое производство на границе Европы и Азии: Каргалинский центр 88

- Цыбиктаров А.Д.** Центральная Азия на заре бронзового века (проблемы этнокультурной истории Монголии и Южного Забайкалья в конце III – начале II тыс. до н.э.) 107

- Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А.** Комплекс памятников с руническими надписями в местности Кок-Сай в Кочкорской долине на Тянь-Шане 124

ЭТНОГРАФИЯ

- Туров М.Г.** Эвенкийский обряд “проводов медведя” как форма организации пространства 132

АНТРОПОЛОГИЯ

- Козловская М.В.** Системы питания и образ жизни первобытных и исторических сообществ охотников-рыболовов-собирателей 141

- СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ** 160

УДК 902.676:56

Е.В. Акимова

*Красноярская лаборатория археологии и палеогеографии Средней Сибири
Института археологии и этнографии СО РАН
Академгородок, Президиум КНЦ СО РАН, Красноярск, 660036, Россия
E-mail: krs_arch@mail.ru*

ОБРАБОТКА БИВНЯ НА МНОГОСЛОЙНОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ ЛИСТВЕНКА*

Введение

Изделия из бивня мамонта, найденные на палеолитических памятниках Сибири, привлекают внимание археологов на протяжении почти полутора веков – со времени открытия стоянки Военный Госпиталь под Иркутском. Сегодня самые яркие образцы изделий из бивня известны на классических памятниках мальтино-буретской культуры в Прибайкалье и на стоянке Усть-Кова в Северном Приангарье [Герасимов, 1935, 1941; Васильевский, Дроздов, 1983; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988]. На среднем Енисее находки из бивня сравнительно малочисленны, они воспринимаются как чужие в комплексах артефактов [Абрамова, 1979а, б; Ауэрбах, 1930; Сосновский, 1934]. Единственным пока памятником на Енисее, где представлены значительные материалы, характеризующие эту отрасль палеолитической индустрии, является стоянка Лиственка [Археология..., 1992].

Общая характеристика стоянки Лиственка

Многослойная стоянка расположена в 40 км юго-западнее г. Красноярска, на окраине г. Дивногорска на правом берегу р. Лиственки-Заречной, являющейся правым притоком р. Енисей (Средняя Сибирь, Красноярский край, 56° с.ш.). Стоянка открыта в 1982 г., изучалась отрядом Красноярского педуниверситета совместно с Лабораторией археологии и палеогеографии Средней Сибири ИАЭТ СО РАН под

руководством Н.И. Дроздова (1983 – 1986 гг.) и Е.В. Акимовой (1987 – 1997 гг.). На памятнике выделено более 25 культуросодержащих горизонтов (по нумерационной шкале памятника культурные слои 1 – 20), залегающих в толще переслаивающихся песков и алевроитов, вероятно, древней террасы Лиственки-Заречной.

В раскопе 3 вскрыт следующий разрез (по В.П. Чеха) [Археология..., 1992] (рис. 1):

1. Современная подзолистая почва. Мощность слоя 0,5 – 1,0 м.

2. Пески тонкозернистые с пятнистой окраской (ожелезненные), бескарбонатные. Мощность слоя 0,4 – 0,8 м.

3. Супеси светло-серые, белесые, пылеватые, карбонатные. На отдельных участках фиксируется неясная наклонная слоистость. В подошве слоя по жильным льдам сформированы псевдоморфозы, имеющие двухъярусное строение, глубину около 2 м и ширину у устья до 1 м. Они прорывают отложения слоев 4 и 5. В отложениях зафиксированы культурные слои 1 и 2. Мощность слоя 0,2 – 1,0 м.

4. Переслаивание серых тонко-, мелкозернистых глинистых песков, алевроитов. Слоистость линзовидно-волнистая, прерывистая, подчеркиваемая линзочками разнозернистых песков и белесых супесей. Залегание слоя наклонное – от 10° в месте прилегания осадков к коренным породам до 3° к западу с увеличением мощности от 0,4 до 0,7 м.

5. Переслаивание серых, желтовато-серых тонко-, мелкозернистых песков и алевроитов. Слоистость наклонная, волнистая, менее отчетливая, чем в слое 4, но более упорядоченная и выдержанная. Слой имеет

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 98-01-12018в.

наклонное залегание, более крутое (7°) у выступа коренных пород и к западу выполаживается с некоторым увеличением мощности (от 1,2 до 1,4 м). Слой содержит культурные слои 4 – 8, залегание которых в целом согласное с напластованием осадков.

6. Переслаивание серых, светло-серых, желтовато-серых тонко-, мелкозернистых песков и алевритов. Осадки и в верхней части по характеру достаточно однородны, ниже приобретают отчетливую наклонную, а в центральной части понижения – горизонтальную слоистость. Мощность слойков 0,5 – 1,5 см. Имеются прослои сизовато-серых илистых суглинков, хорошо промытых разномзернистых песков, дресвы и щебня с песчаным заполнителем мощностью до 10 см. У выступа коренных пород проявляются дополнительные дресвяно-щебнистые прослои и линзы. Зафиксированы единичные морозобойные трещины шириной 5 – 30 см, прослеженные от кровли слоя до глубины 2,6 м. В слое имеется 11 культурных слоев позднего палеолита, согласных с общим напластованием осадков. Мощность слоя 3,0 м.

7. Щебень, галечники, мелкие глыбы гранитоидов и роговиков с дресвяно-гравийно-песчаным промытым заполнителем. Отложения плохо сортированы, имеют грубую горизонтальную слоистость. Отложения как подстилают песчано-алевритовую культуросодержащую толщу, так и ограничивают ее с запада. Видимая мощность более 1 м.

Накопление нижней части песчано-алевритовой толщи происходило, по-видимому, в водном проточном бассейне, о чем свидетельствует хорошая промытость осадков. Кроме того, для данной толщи характерны сортировка, слоистость. Выше осадки имеют признаки делювиального накопления (слои 5 – 3).

Стоянка, расположенная выше древней стрелки притока Енисея, зажатого с обеих сторон крутыми скальными склонами, очевидно, представляла собой удобный пункт для охоты на крупных стадных животных, тяготеющих к лесостепному ландшафту. Практически 90% всех костных остатков принадлежит бизону.

Орудия из бивня мамонта

Разрозненные кости и крупные фрагменты скелета не менее чем от двух особей мамонта, лежавшие нередко в анатомическом порядке, обнаружены только в нижних (19-й и 20-й) культурных слоях. В вышележащих слоях в единичных экземплярах были найдены сильно минерализованные массивные обломки трубчатых костей, значительно отличающиеся по сохранности от других фаунистических остатков. Редкие обломки бивня отмечены в культурных слоях 15А и 12Г, в то время как изделия из бивня встречены в культурных слоях 19, 12Г, 10, 7, 4 и 2.

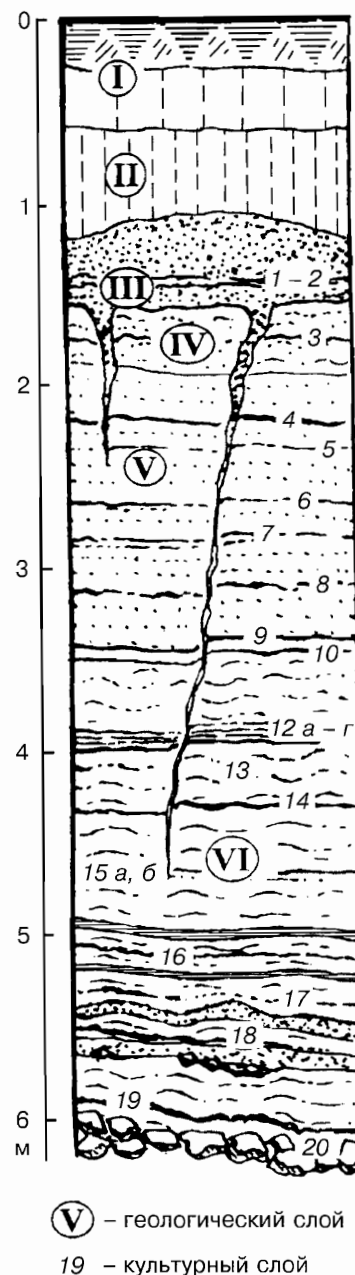

Рис. 1. Обобщенный стратиграфический разрез. Лиственка.

По последним данным, на территории Красноярского района мамонты обитали, по меньшей мере, до 13 тыс. л.н., в районе Лиственки достоверные остатки, относящиеся ко времени не позднее 16 тыс. л.н., не отмечены. В этой связи можно предполагать, что обломки костей и бивней древние обитатели края извлекали из более древних горизонтов, а свежие бивни приносили со стороны и использовали как ценный поделочный материал. Очевидно, они могли находить и более древние изделия из бивня и подвергать их доработке.

В ходе археологических работ в 1992 – 1993 и 1996 – 1997 гг. в культурном слое 19 был открыт крупный хозяйственный комплекс (жилище-мастерская) с каменной обкладкой, вполне отчетливо локализуемыми местами обработки камня, шкуры и бивня, многочисленным и разнообразным каменным и бивневым инвентарем [Акимова, 1995, 1998]. Для самого слоя получена дата $16\ 640 \pm 350$ л.н. (СОАН-3734), но для подстилающего (культурный слой 20) – $16\ 300 \pm 600$ л.н. (ГИН-6093) и $20\ 610 \pm 380$ л.н. (СОАН-4795).

Каменная индустрия характеризуется техникой изготовления орудий на мелких и средних по размеру (2 – 7 см) пластинах и пластинчатых сколах (резцы, скребки, микропластины-вкладыши, разнообразные скребущие, скоблящие, режущие формы, в т.ч. выемчатые орудия). Пластины снимались с одноплощадочных нуклеусов с сильно выпуклым фронтом. Перевод снятий на торец уже фиксируется, но клиновидные нуклеусы отсутствуют [Горельченкова, Поплевченко, 2000].

В южном секторе жилища (1996 – 1997 гг.) было найдено более 200 фрагментов обработанного бивня. Как правило, это небольшие по размеру обломки, демонстрирующие известные способы расчленения и раскалывания бивня. Найдены классические отщепы, в сечении утончающиеся от центра к краям, с раковистым изломом, негативами предыдущих снятий, а также массивные узкие пластины-блоки с отвесными прямыми краями, возможно, предварительно прорезанными по предполагаемому контуру будущего скола. В ряде случаев крупные куски раскалывались повдоль. Сохранились фрагменты со следами зарубок и последующего разламывания. Мало крупных сколов, на внешней поверхности которых сохранялся бы наружный слой бивня. Вероятно, на данном участке происходило раскалывание (причем раскалывание до предела) одного массивного куска бивня, что никак не может быть связано с дефицитом сырья на стоянке.

Многие обломки на поверхности имеют следы строгания, резания, шлифовки и подбивки по краям. Необычно выглядят обломки бивня с короткими (до 3 см) прямыми V-образными пазами необъяснимого назначения. В одном случае пазы прорезаны по обеим сторонам обломка (рис. 2, 13). Подобные, но значительно более узкие и мелкие пазы были отмечены и на поверхности двух острий (рис. 2, 10, 12).

Коллекция изделий из бивня, обнаруженных в культурном слое 19, на сегодняшний день насчитывает 18 предметов, разных по степени готовности и сохранности.

Найдены десять обломков острий, овальных и овально-подтреугольных в сечении. Они, как правило, довольно небрежно выструганы из скола бивня и подшлифованы по всей или большей части поверх-

ности (рис. 2, 3 – 5, 9 – 11). Обломки в длину не более 5,5 см (как исключение – до 12 см) при максимальной ширине 3 – 5 мм. Единственное целое острие длиной 9 см изготовлено из тонкой пластины (см. рис. 2, 9). На нем следы подшлифовки отмечены только на кончике орудия. Вероятно, именно подобные острия (“шильца”) были найдены М.М. Герасимовым на Мальте [Герасимов, 1941].

Из крупного бруска бивня тщательно выстругана и частично зашлифована заготовка изделия, похожего на известные антропоморфные фигурки (рис. 2, 7). На одной стороне показаны, по нашему мнению, слегка округлый живот, длинные ноги, глубоким угловатым вырезом выделена паховая область. На другой стороне просматривается спина с легким прогибом в пояснице, а в нижней части прочерчены два продольных несмыкающихся встречных паза. Один подобный паз (если учесть, что могла произойти техническая ошибка и две линии не слились в одну, как предполагалось) мог быть интерпретирован как прием, позволяющий передать в подобной проекции сразу обе ноги. Признаки пола не выражены. Верхняя часть предмета (на уровне предполагаемого плечевого пояса) обломана, видимо, в процессе изготовления. Длина изделия 19,7 см, ширина и толщина соответственно 3,4 – 1,3 и 1,8 – 1,1 см.

Особого внимания также заслуживают два предмета, найденные в 6 м друг от друга. Они четко различаются по размерам, сохранности, но имеют черты сходства. У одного из них, чрезвычайно близкого по форме и размерам (длина 6 см) метоподию зайца, одна из головок-“эпифизов” имеет идеально округлую в плане и овальную в сечении форму ($1 \times 1 \times 0,5$ см) (рис. 2, 1). Переход от головки к центральной части (“шейка”) плавный, несколько асимметричный. Функционально данный предмет, на первый взгляд, может быть интерпретирован как пуговица или элемент какой-то застежки. Другое изделие (обломок заготовки?) представляет собой собственно головку с близким соотношением параметров ($2,1 \times 2,3 \times 1,4$ см) (рис. 2, 2). В зоне “шейки” прослеживается та же асимметрия. Возможности для интерпретации здесь обширны: от более массивной пуговицы до обломка антропоморфной фигурки. Возможно, оба предмета были сделаны одним и тем же мастером.

Из крупной пластины, снятой с наружной части бивня, вырезано орудие в виде асимметричной лопатки на длинной массивной рукояти (рис. 2, 8). Длина изделия 32 см, ширина и толщина рабочей части соответственно 7,5 и 1 см, рукояти – от 4 до 1,6 и 2 см. Поверхность изделия, особенно на тыльной стороне, почти полностью зацементирована слоем карбонатного песка. Песок также проник под отслоившийся тончайший верхний слой бивня, несколько “раздвинув” границы изделия и деформировав его.

Можно предположить, что при изготовлении сама рабочая часть предмета имела асимметрично-овальную форму с ровно срезанными и подшлифованными краями. При сегодняшней сохранности предмета говорить о происхождении и характере подшлифовки краев очень трудно, однако на выпуклой стороне лопатки эта мягкая заглаженность края (следы обработки шкуры?) прослеживается достаточно четко. Конец лопатки неровный по форме, с двумя овальными выступами, что может быть связано с механическими повреждениями. Рукоять орудия сохраняет широкие рельефные негативы срезов на тыльной стороне и обоих краях. На внешней поверхности видны следы поперечного скобления (срез?). Конец рукояти заострен асимметричным (в боковой проекции) клином.

В качестве обломка наконечника копья может быть интерпретирован диагональный фрагмент шлифованного изделия конической формы ($14 \times 2,2 \times 2,2$ см) (рис. 2, б). Кончик изделия тупой, с явными следами повреждения. По всей длине выскоблен сегментовидный в сечении желобок: у кончика он широкий и глубокий (8 и 5 мм), в зоне ближе к концу фрагмента он пропорционально уменьшается (соответственно 3 и 1,5 мм).

Из отдельных обломков и слоившихся пластин бивня удалось собрать фрагменты неопределимых заготовок изделий, а также фрагмент изделия с коническим в сечении зашлифованным концом.

Данные о расположении большинства предметов в культурном слое являются дополнительным и весьма значимым источником информации: лопатка находилась у "стены" на камне обкладки и была придавлена другим камнем, обломок наконечника и заготовка статуэтки оказались воткнутыми в грунт рядом с центральной ямкой, остря, "головка", обломки с пазами были разбросаны в наиболее насыщенной отходами производства и орудиями части жилища.

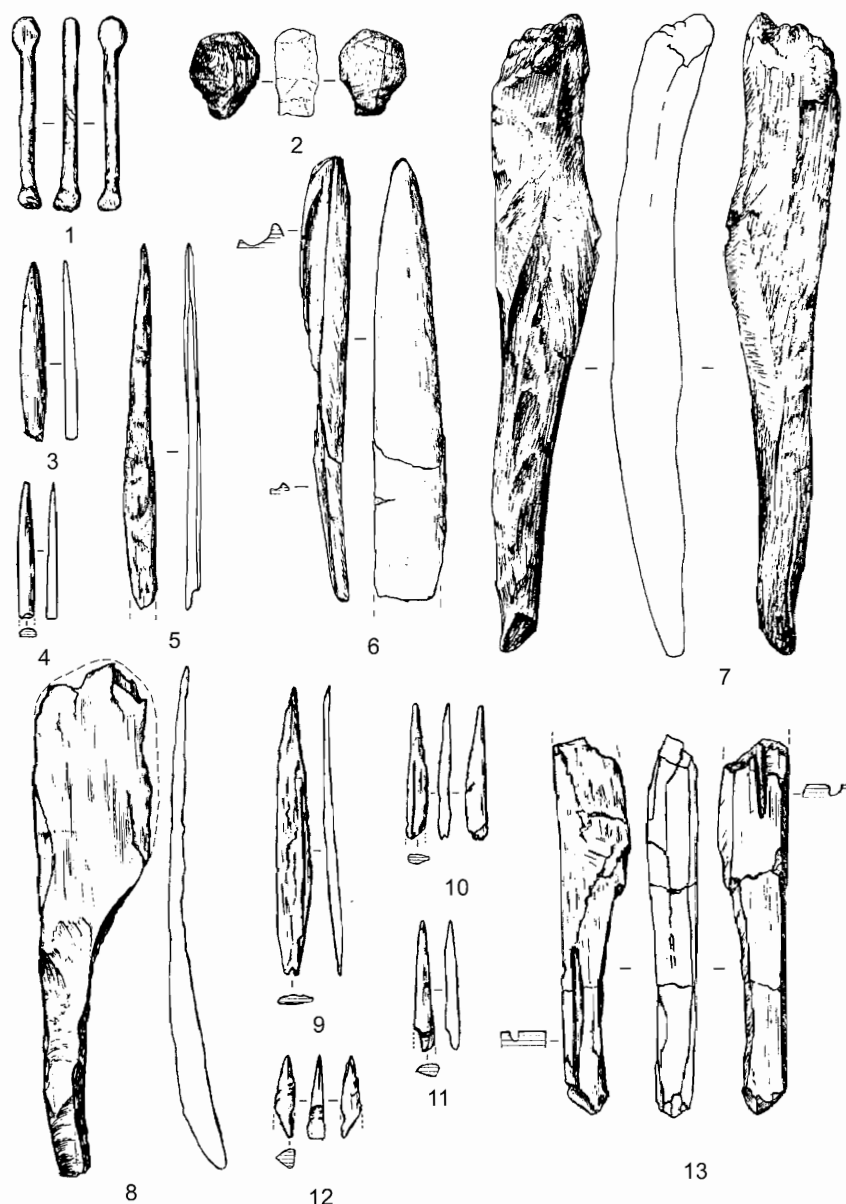

Рис. 2. Изделия из бивня мамонта. Лиственка. Культурный слой 19.
1 – "пуговица"; 2 – обломок изделия – "головка"; 3 – 5, 9 – 12 – остря; 6 – обломок наконечника с пазом; 7 – заготовка антропоморфного изображения (?); 8 – лопатка; 13 – фрагмент бивня с пазами.

Вызывает интерес тот факт, что скопление фрагментов обработанного бивня концентрируется рядом с ямкой неправильно овальной формы ($90 \times 65 \times 18$ см) с пологими бортами, образующими несимметричные, неровные уступы. Заполнение маломощное, супесчаное, рыхлое, с вкраплениями древесного угля. В целом оно соответствует заполнению на прилегающих участках. Следов очага или прокала не обнаружено. В северной части отмечена тонкая линза охры. Дно углубления неровное. По бортам наклонно уложены крупный фрагмент локтевой кости, отросток позвонка и сколы с бивня мамонта, два фраг-

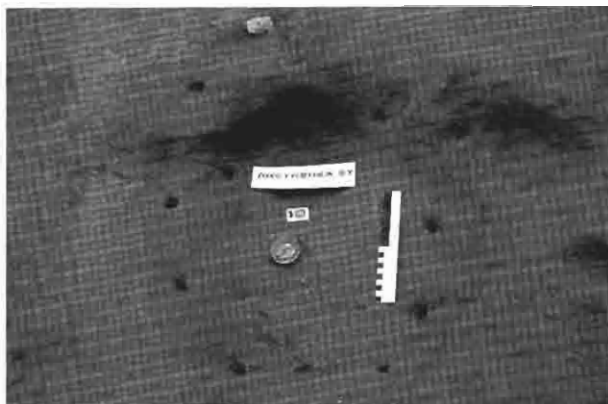

Рис. 3. Ямка для вымачивания бивня. Лиственка.
Культурный слой 19.

мента ребра бизона. В самом заполнении найдены немногочисленные отщепы, сколы, мелкие осколки костей и бивня. Главная особенность углубления – 13 конических ямок диаметром около 2 см и глубиной от 1,5 до 4–9 см, выявленных при зачистке дна и бортов по сероватому контрастному заполнению (рис. 3, 4). Большинство ямок расположено в верхней части углубления или непосредственно по его кромке. В их размещении можно выявить определенную симметрию: участок, ооконтуренный ямками, имеет при развертке трапециевидную форму и вызывает ассоциации со шкуркой не крупного животного (зайца?), растянутой на вогнутой поверхности и закрепленной острыми колышками, которые были вбиты перпендикулярно бортам. Допустимым кажется и то, что колышки могли переставлять (поправляя или меняя шкурки), о чем свидетельствуют следы двух нечетких вдавлений.

Несомненно, что ямка не может быть интерпретирована ни как кладовочка, ни как углубление под очаг. Возможно, ямка, застеленная шкурой или кожей, использовалась в качестве резервуара для воды, необходимой при обработке бивня. При такой трактовке воткнутая рядом с ней в грунт поделка в виде антропоморфной статуэтки и располагавшийся рядом с ней резец (рис. 5, 2) могут свидетельствовать о том, что изделие находилось непосредственно “в работе”.

Факт существования подобной ямки позволяет объяснить функцию обломка массивного конического острия с желобком, вертикально воткнутого в грунт непосредственно у северной границы углубления. Столь странное положение обломка, возможно, было вызвано использованием его в качестве еще одного колышка, сохранившегося в отличие от остальных деревянных.

В культурном слое были найдены более 20 резцов и резчиков на пластинах и отщепах, 10 проколов, около 300 разнообразных отщепов, пластин и микропла-

стин с ретушью во всевозможных комбинациях. Поскольку на вскрытой площади достаточно четко прослеживаются участки, где осуществлялась обработка кожи, камня и бивня и многие каменные орудия имеют визуально различимые следы сработанности, можно предположить, что большинство орудий было связано именно с обработкой бивня (см. рис. 5).

Выше культурного слоя 19 единичные фрагменты бивня зафиксированы лишь в культурных слоях 15А и 12Г. В условиях сокращения количества сырья его ценность в глазах древнего мастера резко возрастала. Характерный для культурного слоя 19 утилитарный подход к бивню со временем сменяется чрезвычайной тщательностью работы и избирательностью в выборе предмета, достойного столь редкого материала.

В 1991 г. в культурном слое 12Г* было найдено оригинальное изделие из бивня, относящееся, очевидно, к категории т.н. жезлов начальника (рис. 6) [Акимов, Сидоренко, 1992]. “Жезл” имеет симметричную овально-вытянутую уплощенную форму, мягкие закругленные контуры. В качестве заготовки использован кусок крупного бивня, который был рассечен по диагонали и, возможно, прошел в дальнейшем стадию распрямления. Длина изделия 43 см, ширина 6–9 см, толщина 2,5–3 см. Величина и массивность “жезла” сочетаются с изяществом обработки и продуманностью его конструкции. На его поверхности сохраняются негативы срезов, сильно сглаженные последующей подшлифовкой. С одной стороны изделие выпуклое, с другой плоское. В центре выпуклой поверхности прослеживаются неглубокие кучные следы отвесных ударов. Плоская поверхность сохранилась хуже, что объясняется, видимо, особенностью залегания предмета в слое. По продольной оси изделия расположены три биконических отверстия. Первое, у более узкого конца “жезла”, округлое (1,8 × 1,8 см), со стенками, полностью сохранившими следы грубой обработки режущим инструментом. В этой же части изделия находится второе отверстие – овальное (3,7 × 2,5 см). Третье отверстие сделано у более широкого конца “жезла” и имеет ровную, слегка округлую, чуть вытянутую форму (4,2 × 3,5 см), что подчеркивается слегка наклонными стенками. Стенки второго и третьего отверстий идеально зашлифованы.

Традиционные “жезлы” из рога северного, или благородного, оленя широко известны среди позднелеолитических находок из Европы, а также Сибири (долина Енисея – Афонтова Гора II, III, Кокорево I, III, Новоселово VII, Большая Слизнева, Лиственка) [Сосновский, 1934; Абрамова, 1979а, б; Археология..., 1992]. У них, как правило, одно овальное или округлое отверстие располагалось в зоне ответвления над-

* Для него получены даты: 13 100 ± 410 л.н. (ГИН-6965), 13 470 ± 285 л.н. (СОАН-3733), 13 910 ± 400 л.н. (СОАН-3833).

глазничного отростка. Бивень для изготовления таких “жезлов” использовали значительно реже (Костенки XXI), при этом оформлялась рукоятка для упора, которую, видимо, забивали в расклиненное дерево [Палеолит Костенковско-Борщевского района..., 1982]. Особенностью листовенского “жезла” из бивня является отсутствие этого элемента и наличие трех разных по размеру отверстий. Традиционно считается, что “жезлы” были выпрямителями древков копий или дротиков, а также оправ для вкладышевых орудий или заготовок иных изделий [Семенов, Коробкова, 1983]. Вполне возможно, что данная связанная с этим производственная операция имела для людей палеолита и какое-то ритуальное значение. Этим, видимо, можно объяснить тот факт, что в Западной Европе некоторые выпрямители украшали орнаментом или изображением животных. В нашем случае уникальность предмета, значимость его функции могли подчер-

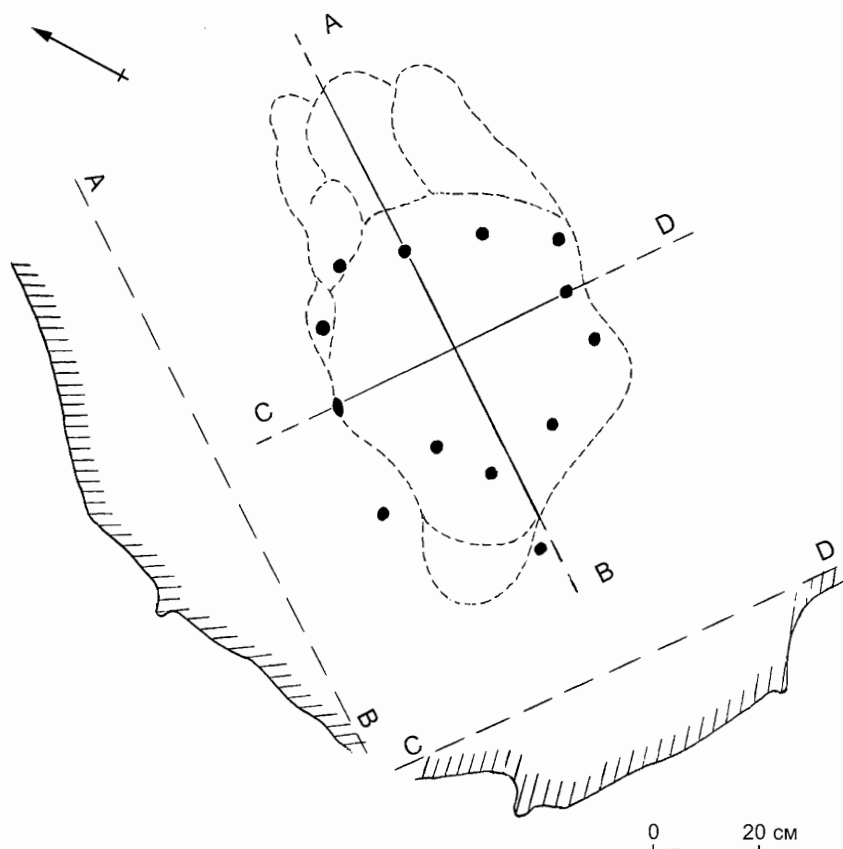

Рис. 4. План и разрезы ямки. Лиственка. Культурный слой 19.

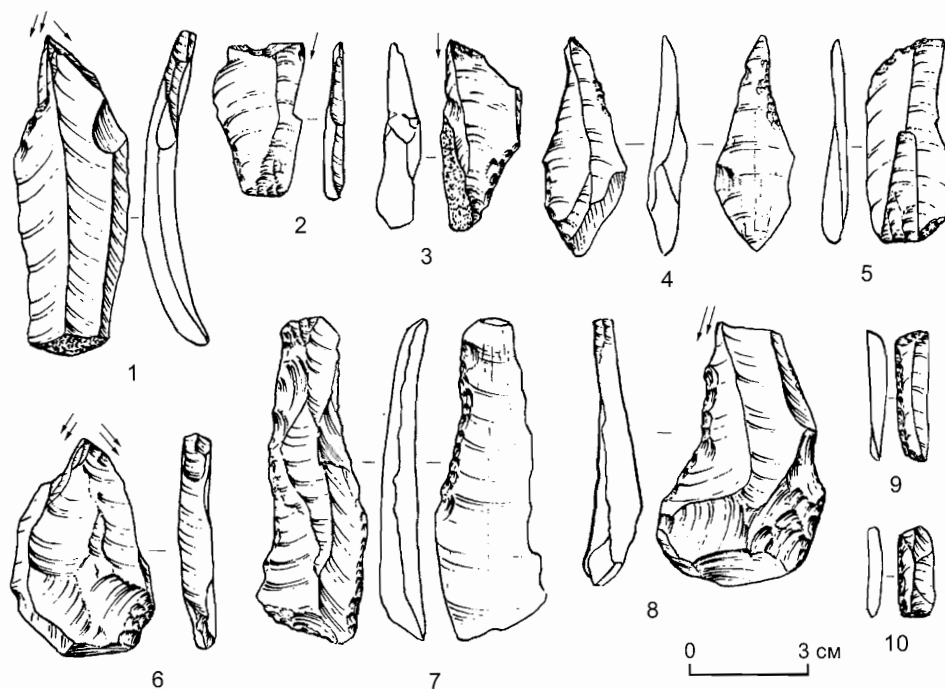

Рис. 5. Резцевидные и режущие орудия. Лиственка. Культурный слой 19.

киваться избранием столь трудоемкого вида сырья. Однако оригинальность конструкции листовского “жезла” не позволяет ограничиться столь односложным толкованием. Интерес вызывает и наличие трех разных отверстий, их группировка, “свободный” участок со следами забитостей, отсутствие какого-либо видимого упора для проведения действий, связанных с физическими усилиями, и явных следов сработанности от воздействия древка, наклонно вставленного в отверстие.

С культурным слоем 12Г связаны также нижняя челюсть ребенка *Homo sapiens* и очаг со стоящими вертикально вдоль стенок плоскими камнями, заполненный зубами и фрагментами костей бизона в идеальной сохранности, не характерной для плейстоценовых памятников. В 1,5 м южнее “жезла” был обнаружен комплекс из трех сближенных очажков, одинаковых по размерам и расположенных по одной линии в направлении север – юг. Здесь же зафиксировано небольшое рассеянное скопление колотого бивня, в составе которого отмечены единичные фрагменты со следами резания и скобления, обломок крупного изделия (по характеру обработки подобного жезлу), расколотая “головка” ($4 \times 4 \times 4$ см) – грубо оббитая заготовка шарообразного изделия (или изделия с шарообразным навершием) и маленький конический фрагмент изделия со следами подрезки и разлома на обоих концах.

Каменный инвентарь культурного слоя 12Г отличается крупными орудиями, использованием массивных отщеповых и пластинчатых заготовок. Характерный афонтовский ансамбль (массивные скребла, округлые скребки) включает, однако, и четкие серии остроконечников на пластинах, крупных срединных резцов (рис. 7), микропластин-вкладышей без следов обработки. Кроме того, в нем представлены плоские (“кокоревские”) пазовые орудия из рога с сочетанием прямых и волнистых (“афонтовских”) линий на внешней поверхности.

Каменную индустрию культурного слоя 10 представляют серии скребков, остроконечников и двойных многофасеточных резцов на крупных пластинах, что не вызывает никаких сомнений в их принадлежности к кокоревской археологической культуре. Единственный предмет из бивня мамонта – идеально круглый в сечении стерженек с удлинением зауженным “носиком”. Тщательная шлифовка не отмечена, на поверхности четко просматриваются продольные следы резца. Интересно, что стерженек был зафиксирован в вертикальном положении севернее очага, на участке, почти полностью свободном от находок. По характеру каменного инвентаря, сосредоточенного юго-восточнее очага, можно предположить, что здесь производилась обработка шкур и кости. Если это верно, то стерженек, независимо от его изначальной функ-

циональной принадлежности, мог использоваться и как один из колышков для закрепления на земле расправленной и растянутой шкуры.

В культурном слое 7 (около 13 тыс. л.н.) на участке, где располагались только немногочисленные фрагменты колотых трубчатых костей и единичные отщепы, была найдена серия предметов из кости: пазовое орудие из рога с вкладышем, обломок шила, три обломка игл и оригинальное кинжаловидное орудие из бивня. Орудие удлиненное, изогнутой в плане формы ($29,7 \times 3 \times 0,9$ см), с трапециевидно вырезанным основанием и длинным узким острием (рис. 8). На выпуклом крае прорезан непривычно крупный, глубокий и широкий (соответственно до 5 и 3 мм) паз, явно не предназначенный для удержания стандартных микропластин. Большая часть поверхности орудия была, вероятно, обработана крупным каменным инструментом типа скобеля с широким вогнутым рабочим краем, оставившим поперечные ребристые следы. Интенсивной шлифовкой на одной стороне практически ликвидированы неровности. Идеально зашлифовано также острие на противоположной более выпуклой стороне (до $1/4$ длины всего изделия). В зоне четко вырезанного трапециевидного основания поверх шлифовки сделано несколько сострогов, очевидно, с целью несколько смягчить резкость контуров. Аккуратно подрезан и обломан конец основания. Признаки попыток зашлифовать излом не прослеживаются. Качество обработки позволяет считать кинжал предметом, вполне уместным для какого-либо ритуального комплекса. Однако он был найден за пределами хозяйственной зоны среди сломанных или изношенных костяных предметов, разбросанных на площади около 4 м^2 . Можно предположить начавшееся расслоение бивня, но трудно найти объяснение тому, что заставляло древнего человека выбрасывать в отдельное место исключительно костяные предметы.

В немногочисленном каменном инвентаре слоя не обнаружено изделий, которые можно было бы связать с обработкой бивня или рога. Преобладают крупные режущие орудия на пластинах.

В культурном слое 4, отнесенном нами к афонтовской культуре, у границ кострища была найдена овальная пластинка, срезанная поперек ствола бивня ($4,2 \times 2 \times 0,4$ см). Проявившаяся в разрезе структура бивня воспринималась, очевидно, как элемент украшения. Обе поверхности и края пластинки тщательно зашлифованы, но с обеих сторон просматриваются короткие параллельные и перекрещивающиеся насечки. Один конец имеет следы выкрошенности, что может быть следствием неудачного сверления.

В культурном слое 2 на участке, поврежденном многочисленными кротовинами, было найдено изделие в виде ковша (чаши) с короткой массивной ручкой ($15,7 \times 7,5 \times 4$ см) (рис. 9). Изделие имеет

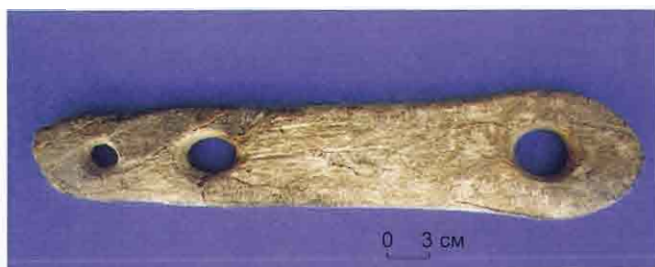

Рис. 6. “Жезл начальника”. Лиственка. Культурный слой 12Г.

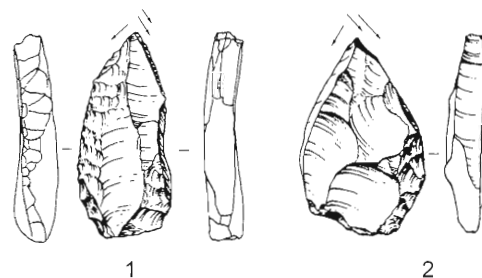

Рис. 7. Резцы. Лиственка. Культурный слой 12Г.

Рис. 8. Пазовый кинжал. Лиственка. Культурный слой 7А.

Рис. 9. “Чашка”. Лиственка. Культурный слой 2.

углубление правильной овальной формы, с ровными толстыми стенками и вогнутым дном. По форме и размерам (но не по сырью) этот предмет вызывает аналогии с “лампами”, известными по находкам из европейских позднепалеолитических памятников. Привлекает внимание явно вторичный характер использования изделия. Вся его поверхность, очевидно, полностью зашлифованная когда-то, несет на себе следы воздействия природной среды, сравнимые со следами корразии. Исключением является дно углубления – сравнительно свежее, со следами работы орудием с широкой режущей кромкой. Цель дополнительной обработки (углубить дно, срезать въевшиеся в поверхность следы предыду-

щего использования или убрать что-то, мешающее воспринимать изделие как емкость) определить невозможно.

В культурных слоях 2 и 4 не найдено резцевидных орудий, а также орудий, которые могли быть использованы в данном качестве.

Заключение

Анализ материалов Лиственки наглядно демонстрирует, что в эпоху раннекаменного века значение бивня как поделочного материала претерпело значительную эволюцию. Некоторая небрежность в изготовлении бытовых предметов, обилие брака и отходов,

типологическое и морфологическое разнообразие изделий характерны только для культурного слоя 19 Лиственки, соответствовавшего рубежу гыданской стадии и интерстадиала. Из бивня изготавливались довольно примитивные остря, а также предметы, имевшие для древнего человека огромную эстетическую, магическую и интеллектуальную ценность. В дальнейшем ситуация несколько меняется: хозяйственно-бытовое значение бивня окончательно замещается хозяйственно-ритуальным: из бивня делали только уникальные предметы, часто не имеющие аналогов на сопредельных территориях*. Такая очень общая схема рассуждений, видимо, не могла бы вызывать принципиальных возражений, если бы не явные культурные различия в индустриях стоянок (слоев). Наличие мамонта как объекта охоты не было гарантией расцвета в обработке бивня. Население Афонтовой Горы использовало бивень достаточно часто, хотя и несколько однообразно, а на памятниках кокоревской культуры (за исключением Лиственки) даже на ранних ее этапах вообще не известны сколько-либо значимые изделия из него. Можно предположить, что широкое использование бивня мамонта является определенным индикатором своеобразной технической традиции, охватывавшей всю Южную Сибирь, по меньшей мере, до Прибайкалья. Термин “мелкие пластинчатые индустрии”, используемый Н.Ф. Лисицыным [1996, 1997] и С.А. Васильевым [1996], нельзя считать очень удачным. Вполне корректным представляется термин “мальтино-буретский, или мальтинский, пласт”, уже используемый специалистами.

Сегодня, вероятно, следует вернуться к высказанной в первой половине – середине XX в. идее о западном происхождении данного “пласта”. Сибирь является крайней восточной территорией его распространения – памятники с мелкопластинчатой индустрией датируются здесь в интервале от 22 – 20 до 16 тыс. лет, в то время как в Западной и Центральной Европе – от 30 до 20 тыс. лет, в Восточной Европе – более 20 тыс. лет. Очевидно, что к приходу нового населения в Сибири должны были находиться носители иных традиций, в частности, техники торцевого скалывания и крупных пластин, имевшей локальную специфику. Последнее обусловило региональную индивидуализацию привносимой традиции обработки камня, кости, бивня, выразившуюся в своеобразии мелкопластинчатых индустрий Алтая, Енисея, Прибайкалья. Например, на среднем Енисее искусство обработки бивня на рубеже каргинско-сарганского времени представлено

только на стоянке Каштанка I, здесь найдены бусинки-пронизки, обломок браслета, фрагменты пластин бивня со следами обработки. В среднем и позднем сартане дальнейшее развитие этой культуры могло идти по разным направлениям. Реальным представляется ее растворение в местных культурах, хотя возможны и различные варианты смешения разных культурных традиций. Так, вероятным отдаленным “потомком” Мальты на северной Ангаре является Усть-Кова (средний и поздний комплексы), возраст которой представляется сейчас чрезмерно удревленным. Усть-Кова – это вариант пластинчатой каменной индустрии без вкладышевой техники и классических форм резцов, но с бифасами-клинками, что не характерно для памятников мелкопластинчатой индустрии. Развитая техника обработки бивня проявилась в стилизованном искусстве, в многочисленных и разнообразных украшениях (бусинки, браслет), в гравированных пластинах, в предметах неопределенного назначения (односторонневыпуклые диски) [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988]. На среднем Енисее искусство обработки бивня в среднем и позднем сартане сохранилось только в афонтовской культуре, но в более упрощенной форме, по сравнению с той же Мальтой. Просматривается определенная близость к памятникам пласта малоизученных позднесартанских (около 13 тыс. л.н.) местонахождений Абрашиха и Ближний Лог (Балахтинский р-н Красноярского края), где отсутствуют клиновидные нуклеусы, но имеются скребки высокой формы, микропластинчатые сколы с ретушью (Ближний Лог) [Акимова, Стасюк, Томилова, 1998].

На Лиственке каменная индустрия культурного слоя 19 не находит своего продолжения в более молодых комплексах. Вместе с тем явное сходство между культурными слоями 19 и 12Г можно увидеть в костяной индустрии: только этим слоям соответствуют признаки раскалывания, резания и шлифования бивня. При сравнительной немногочисленности готовых изделий в изобилии представлены обломки бивня. Важно отметить, что к культурному слою 12Г относятся также вкладышевые орудия с характерным сочетанием прямых и волнистых линий на поверхности, отмеченные только в культурном слое 14Б [Акимова, Вдовин, Макаров, 1996]. Даже учитывая частичную смешанность культурного слоя 12Г, соединение в едином комплексе каменного инвентаря, сочетающего в себе специфические признаки обеих “традиционных” енисейских культур, изделий из бивня, вкладышевых орудий с гравировкой и “кокоревских” очагов с каменной выкладкой представляется реальностью. Объяснить его локально-культурным или стадийным развитием вряд ли возможно. Таким образом, обработка бивня в палеолите Сибири может стать одним из ключей к решению вопроса о преемственности, сменяемости и взаимовлиянии археологических культур.

* Необходимо учесть, что горный ландшафт, узкие распадки в окрестностях стоянки могли быть неудобными для мамонтов, и то, что бивень был редкостью, объясняется не только сокращением количества этих животных к концу сарганского времени, но и удаленностью удобных пастбищ.

Список литературы

- Абрамова З.А.** Палеолит Енисея: Афонтовская культура. – Новосибирск: Наука, 1979а. – 175 с.
- Абрамова З.А.** Палеолит Енисея: Кокоревская культура. – Новосибирск: Наука, 1979б. – 200 с.
- Акимов Е.В.** Исследования многослойной позднепалеолитической стоянки Лиственка // Обзорение 1993 года. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 136 – 138.
- Акимов Е.В.** Позднепалеолитическое жилище-мастерская в 19 культурном слое стоянки Лиственка (Средний Енисей) // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 301 – 309.
- Акимов Е.В., Вдовин А.С., Макаров Н.П.** Пазовые орудия Красноярского археологического района // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1996. – Вып. 1. – С. 62 – 82.
- Акимов Е.В., Сидоренко В.В.** “Жезл” с палеолитической стоянки Лиственка // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1992. – С. 56 – 59.
- Акимов Е.В., Стасюк И.В., Томилова Е.А.** Археологическое изучение Дербинского залива (Красноярское водохранилище) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 4. – С. 6 – 11.
- Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири (Северо-Минусинская впадина, Кузнецкий Алатау и Восточный Саян): Путеводитель международного симпозиума / Дроздов Н.И., Чеха В.П., Акимов Е.В., Артемьев Е.В., Кольцова В.Г., Бокарев А.А., Оводов Н.Д., Мартынович Н.В., Вдовин А.С., Орлова Л.А., Ямских А.Ф., Ларичев В.Е., Холюшкин Ю.П., Сулержицкий Л.Д. – Красноярск: Зодиак, 1992. – 130 с.**
- Ауэрбах Н.К.** Палеолитическая стоянка Афонтова III. – Новосибирск: Б.и., 1930. – (Тр. ОИС; Вып. 7).
- Васильев С.А.** Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). – СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. – 225 с.
- Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И.** Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1988. – 244 с.
- Васильевский Р.С., Дроздов Н.И.** Палеолитические скульптурные изображения из Восточной Сибири // Пластика и рисунки древних культур. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 59 – 65.
- Герасимов М.М.** Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальта. – М.; Л.: Б.и., 1935. – С. 78 – 124.
- Герасимов М.М.** Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта // МИА. – 1941. – № 2. – С. 65 – 85.
- Горельченкова О.А., Поплевченко Н.А.** Техника первичного расщепления в 19 культурном слое стоянки Лиственка // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. – Т. 1 – С. 56 – 58.
- Лисицын Н.Ф.** Средний этап позднего палеолита Сибири // РА. – 1996. – № 4. – С. 5 – 17.
- Лисицын Н.Ф.** Относительная и абсолютная хронология позднего палеолита юга Средней Сибири. – СПб.: Б.и., 1997. – 120 с.
- Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону (1879 – 1979).** – Л.: Наука, 1982. – С. 208 – 209.
- Семенов С.А., Коробкова Г.Ф.** Технология древнейших производств. – Л.: Наука, 1983. – С. 38 – 44.
- Сосновский Г.П.** Палеолитические стоянки Северной Азии. – М.; Л.; Новосибирск: Б.и., 1934. – (Тр. II конф. АИЧПЕ).

Материал поступил в редколлегию 12.03.02 г.

ДИСКУССИЯ

ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ

УДК 903.01/09

Л. Мегнин¹, О. Бар-Йозеф²

¹*Центр по изучению предыстории, археологии и средневековья
Национальный центр научных исследований
Вальбон, Франция*

*CEPAM-CNRS, UMR 6130, Sophia-Antipolis, 06560, Valbonne, France
E-mail: meignen@cra.cnrs.fr*

²*Отделение антропологии, Музей Пибоди, Гарвардский университет, Кембридж, США
Department of Anthropology, Peabody Museum, Cambridge, MASS 02138, USA
E-mail: obaryos@fas.harvard.edu*

КАМЕННЫЕ ИНДУСТРИИ СРЕДНЕГО И ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЛЕВАНТА: ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНАЯ ИЛИ ПРЕРВАННАЯ ЛИНИЯ РАЗВИТИЯ?

Введение

Проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту в Леванте недавно приобрела особую значимость в палеолитоведении. Это обусловлено прежде всего уникальным географическим положением этого региона, расположенного на перекрестке путей из Африки в Азию. В пещере Кебара были представлены две пластинчатые индустрии – ахмарийская (примерно 43 – 42 тыс. л.н.), а также пластинчатая, характерная для верхнего палеолита (см., напр.: [Bar-Yosef et al., 1996]). До этого на Ближнем Востоке индустрии, традиционно называемые переходными, относились к раннему верхнему палеолиту [Marks, 1990; Kuhn, Stiner, Gülec, 1999]. Они зафиксированы в гроте Кзар Акил в Ливане [Bergman, 1987; Ohnuma, 1988; Bergman, Ohnuma, 1987; Ohnuma, Bergman, 1990; Azoury, 1986], а также на стоянке Бокер Тактит в Негеве [Marks, 1983; Marks, Volkman, 1983]. Коллекция артефактов из слоя 1 Бокер Тактита включает заготовки, почти соответствующие верхнепалеолитической технологии расщепления нуклеуса, для которой характерны систематическое снятие пластин и острий, повторное использование реберчатых пластин, а также массивных сколов, отделенных от короткого узкого фронта исходного нуклеуса (торцовые нуклеусы) (подробнее см.: [Meignen, 1996, p. 111 – 115]). Эта концепция объемного нуклеуса, получившая воплощение в верхнем палеолите, позволяет классифицировать индустрию слоя 1 Бокер Тактита как ранневерхнепалеолитическую (ср.: [Marks, Volkman, 1983]).

Чтобы выяснить, как зародилась верхнепалеолитическая технология – на местной основе или же она была результатом культурной диффузии, необходимо составить четкое представление о технических традициях среднего палеолита, в частности, о его последней стадии.

Средний палеолит Леванта

Благодаря исследованиям, проводившимся в последние 20 лет на Ближнем Востоке, удалось увеличить количество датированных комплексов, что способствовало расширению объема знаний об индустриях и хронологии среднего палеолита (см., напр., [Bar-Yosef, 1998]). В противоположность ранее существовавшим представлениям, новые данные указывают на то, что на Ближнем Востоке начальная стадия среднего палеолита приблизительно соответствует восьмой (или началу седьмой) стадии изотопно-кислородной шкалы [Mercier et al., 1995; Marks, Schwarcz, 1999]. Следовательно, она продолжалась более 200 тыс. лет.

Для того чтобы составить обобщенное представление об облике среднепалеолитических комплексов, бытовавших в течение столь длительного периода, важно учитывать следующее:

1. Самые ранние среднепалеолитические индустрии (т.н. тип Табун D) были зафиксированы на таких памятниках, как Рош Эйи Мор [Marks, Monigal, 1995], пещеры Хайоним (слои E (низ) и F), Абу Сиф [Meignen, 1998]. Каждая из их индустрий демонстрирует разно-

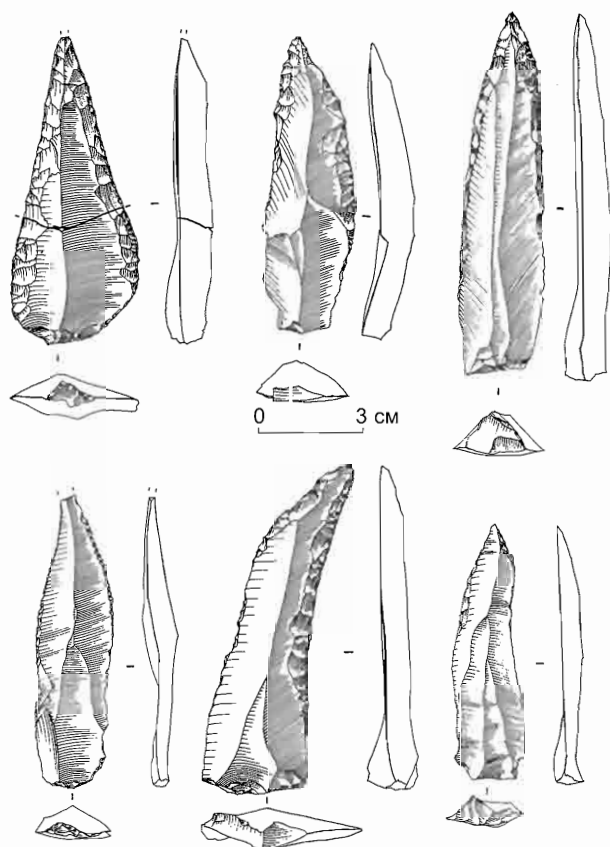

Рис. 1. Удлиненные ретушированные острья. Хайоним, слой Е (низ) и F.

образии систем производства, или стратегий расщепления, нуклеуса, применявшихся с целью получения морфологически варьирующихся заготовок. Подобное разнообразие было отмечено на ашельских комплексах Леванта Н. Горен-Инбаром и А. Белфер-Кохэном [1998, р. 206]. Этими исследователями было выдвинуто предположение о том, что каждый морфологический тип является отражением специфической стратегии расщепления нуклеуса. Недавно проанализированные комплексы раннего среднего палеолита демонстрируют подобную комбинацию технических методов расщепления исходных нуклеусов. Удлиненные заготовки (пластины и острья), которые зафиксированы в нижних слоях пещеры Хайоним, датируемых 215 – 180 тыс. л.н., а также в коллекции Рош Эйр Мор* [Marks, Monigal, 1995], датируемой 210 тыс. л.н., являлись продуктами особой пластинчатой стратегии расщепления нуклеусов (рис. 1, 2), которая напоминала верхнепалеолитическую и явно сосуществовала с ле-

* Marks A., Schwarcz H. Dating the Middle Paleolithic of the Central Negev: an Ongoing Effort: Paper presented at 64th Annual Meeting, Society for American Archaeology. – Baltimore, 1999.

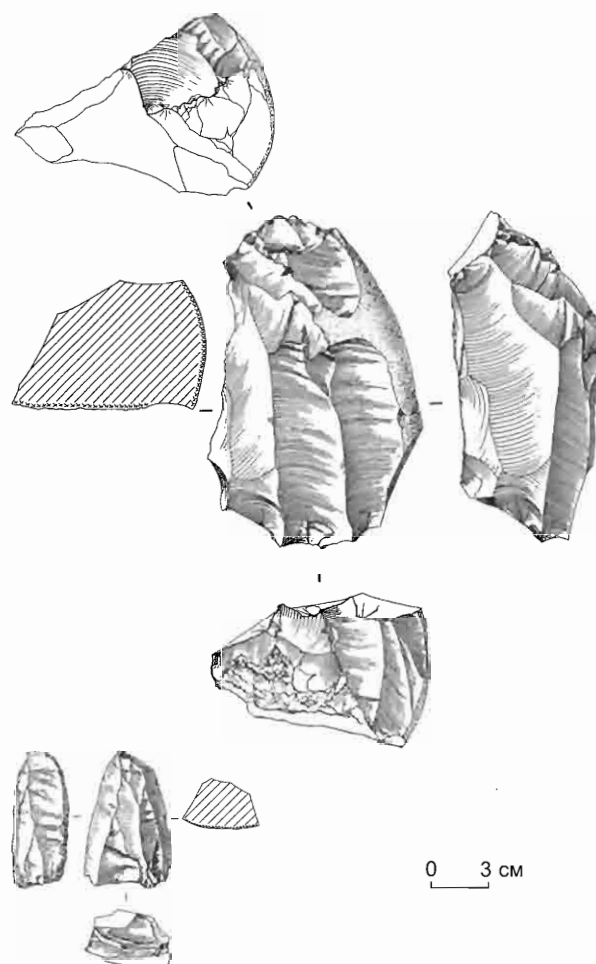

Рис. 2. Подпризматические нуклеусы. Хайоним, слой Е (низ) и F.

валлуазскими технологиями производства укороченных заготовок. К началу позднего среднего палеолита леваллуазская система стала господствующей на большинстве стоянок Леванта. Леваллуазские черты, зафиксированные в материалах некоторых ашельских памятников, стали характерными и раскрылись во всем многообразии в Леванте примерно к 150 тыс. л.н.

2. К среднему палеолиту Леванта относятся заготовки, которые можно назвать относительно удлиненными. Они классифицируются как пластины (их длина более чем вдвое превышает ширину) или же как удлиненные отщепы, у которых отношение длины к ширине выражается пропорцией 1,7 : 1,9. Материалы среднего палеолита демонстрируют повторение производства подлинных пластин [Meignen, 1994, 2000; Monigal, 2001] на основе разнообразных леваллуазских и пластинчатых методов [Boëda, 1990]. Как уже говорилось, производство пластин получило распространение между 200 и 150 тыс. л.н. (напр., Табун, слой IX; Довара IV; Рош Эйр Мор; Хайоним, слой Е (низ))

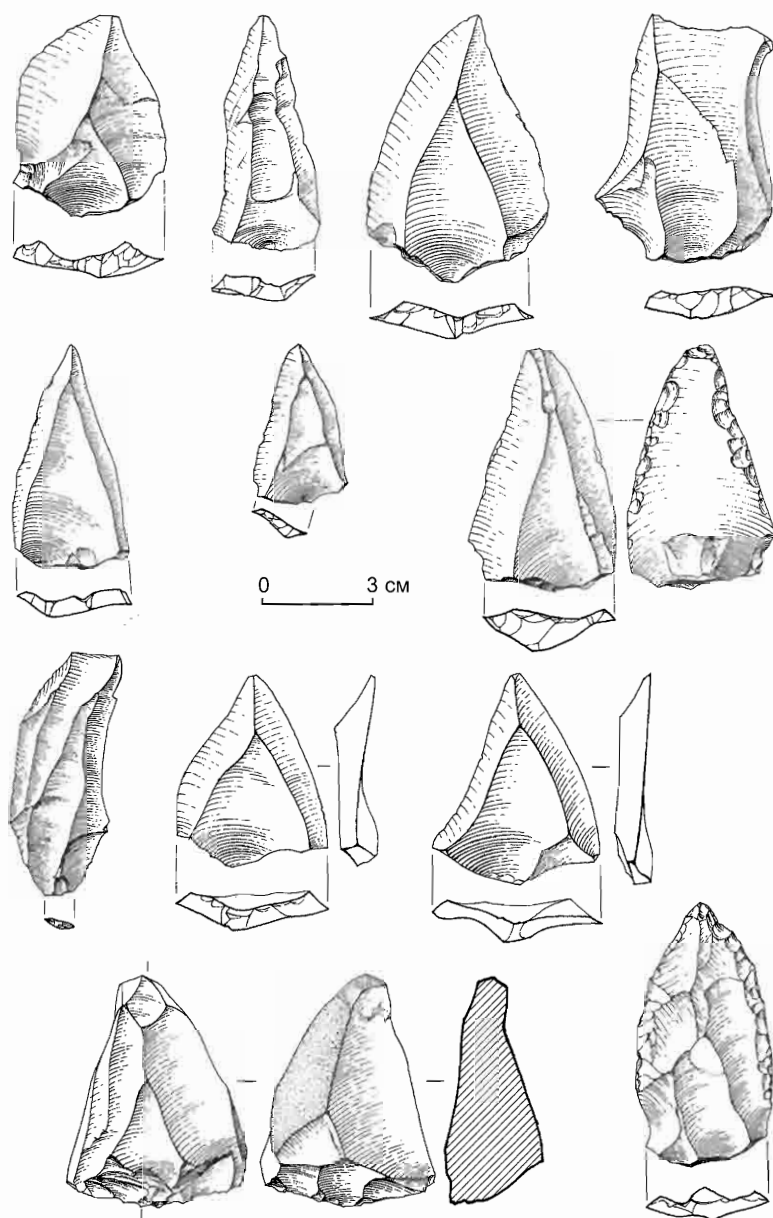

Рис. 3. Леваллуазские продукты, боковые скребла и нуклеус. Кебара.

и F; Абу Сиф). Хотя при изготовлении пластин использовались методы расщепления камня, которые применялись позднее в верхнем палеолите, морфологически заготовки типичны для среднего палеолита. Например, пластины сравнительно массивные, со слегка неправильными краями и гранями, образовавшимися в результате использования техники жесткого отбойника. Кроме того, они часто связаны с производством и более коротких изделий, многие из которых являются отщепами или острями. В коллекциях раннего среднего палеолита с таких стоянок, как Хумал, Хайоним (см. рис. 1) и Абу Сиф, как правило,

преобладает доля среднепалеолитических орудий, в т.ч. ретушированных острий, хотя для некоторых индустрий (напр., Рош Эйн Мор) типичны орудия верхнепалеолитических типов, в частности резцы.

Производство пластинчатых заготовок сокращается в период, который соответствует четвертой стадии изотопно-кислородной шкалы. В коллекциях с некоторых стоянок (напр., Кунейтра [Goren-Inbar, 1990]) пластины сохраняются на фоне доминирования леваллуазских отщепов. Возможно, пластинчатая технология была повторно изобретена примерно 47 – 46 тыс. л.н., в эпоху раннего верхнего палеолита.

3. Для индустрий позднего мустье (т.н. тип Табун В), в частности, из памятников Табун В, Амуд и пещеры Кебара, характерны леваллуазские продукты – короткие, но сравнительно удлиненные [Copeland, 1975, p. 332]. В этих комплексах имеются нуклеусы для снятия отщепов и острий, при преобладании пластинчатых и узких форм. Индустрии “типа Табун В” значительно отличаются от мустьерских индустрий Европы.

4. Средний палеолит Леванта в целом характеризуется наличием нуклеусов, с которых производились односторонне направленные и реже встречные снятия [Crew, 1975]. Результатом применения техники одностороннего конвергентного расщепления [Meignen, 1995] часто были заготовки с дистальным концом, заканчивающимся острием. Подтреугольные основы заготовок подобной морфологии были зафиксированы Д. Гаррод в слоях В и D пещеры Табун [Garrod, Bate,

1937], хотя слой С содержал значительно меньшее количество продуктов подобного рода. Удивительно, что заготовки этого типа редко встречаются среди среднепалеолитических материалов в других регионах (напр., в Западной Европе и Северной Африке).

Таким образом, преобладание удлиненных форм в коллекциях с территории Леванта наводит на мысль о необходимости проверки предположения о местном происхождении индустрий раннего верхнего палеолита. Представляется важным провести более детальное исследование позднего мустье и его вариантов, начиная с пещеры Кебара, из которой было получено

и проанализировано значительное количество материалов [Meignen, Bar-Yosef, 1991; Meignen, 1995, 1998a, б]. Напомним, что, по мнению большинства антропологов, палеоантропологические остатки, связанные с артефактами позднего среднего палеолита, относятся к неандертальцам (Кебара, Амуд, Дэдэриэ, Табун) [Vandermeersch, 1997; Trinkaus, Ruff, Churchill, 1998], хотя на этот счет существует и альтернативное мнение [Arensburg, Belfer-Cohen 1998].

Позднее мустье пещеры Кебара и вариabельность каменных индустрий в период позднего среднего палеолита

В мустьерских материалах из пещеры Кебара, имеющих ТЛ- и ЭПР-даты в пределах 64 – 48 тыс. л.н. [Bar-Yosef et al., 1992], фиксируется преобладание отщепов, полученных в технике леваллуазского рекуррентного снятия (рис. 3). У отщепов, многие из которых подтреугольной формы, соотношение длины и ширины равно 1,70 : 1,80. Снятия обычно однонаправленные конвергентные с ядрищ, имеющих выпуклый фронт скалывания и косые боковые снятия, а не с классических леваллуазских нуклеусов [Meignen, 1995, p. 372]. Схемы первичного расщепления в основном одинаковые во всех стратиграфических подразделениях, с небольшими внутренними особенностями, обусловленными незначительными различиями в составе каменного инвентаря. В коллекции из нижней пачки слоев (XI – XII) пластины составляют 30% от леваллуазских заготовок. В слоях IX – X чаще встречаются леваллуазские острия с широким основанием. В слоях VIII – VI имеются признаки сохранения тенденции к производству подтреугольных форм, которые сочетаются с подпрямоугольными продуктами снятий. Ретушированные изделия встречаются редко; они составляют 3 – 4% в коллекции каждого слоя общей стратиграфической колонки.

Имеется несколько вариантов индустрий, что объясняется применением разных методов, образующих леваллуазскую техническую систему позднего среднего палеолита [Boëda, 1994; Meignen, 1998a, б]. В некоторых индустриях (напр., Кунейтра [Goren-Inbar, 1990] и слой XXVI Кзар Акила [Marks, Volkman, 1986]) преобладает центростремительное расщепление. В коллекциях, представляющих в основном однонаправленную конвергентную систему расщепления, есть элементы, которые указывают на развитие тенденции к производству удлиненных заготовок. Примером может служить индустрия слоя В 1 пещеры Амуд [Hovers, 1998], для которой были получены ТЛ- и ЭПР-даты в пределах 53 – 58 тыс. л.н. Большая часть изделий подтреугольной формы, относимых к классу “листовидных отщепов” [Watanabe, 1968], является результатом особого способа расщепления

нуклеуса [Meignen, 1995; Hovers, 1998]. Коллекции со стоянок Тор Фараж и Тор Сабиха в Иордане [Henry, 1995, 1998] дают примеры производства и укороченных, и удлиненных острий, полученных в результате применения разных стратегий расщепления нуклеуса. В частности, индустрия Тор Сабиха характеризуется высоким индексом пластинчатости ($I_{\text{lam}} = 37,1$), типичным для комплексов раннего мустье. Находки с указанных памятников демонстрируют техническую гибкость позднемустьерских индустрий, которая могла послужить “предпосылкой для восприятия нового технологического метода... ослабление технологических традиций способствовало распространению инноваций” [Hovers, 1998, p. 158]. Однако особенностью среднепалеолитической стадии в Леванте являлось преобладание подтреугольных, относительно удлиненных отщепов.

Поздний средний палеолит Леванта представлен множеством морфологически разнообразных продуктов (отщепы, пластины, острия), полученных главным образом в результате реализации одной основной технологии расщепления. Господство одной технологической системы обработки камня, отмеченное в индустриях одного возраста в Леванте (напр., Амуд, Тор Фараж, Тор Сабиха), резко контрастирует с разнообразием стратегий расщепления (леваллуа, а также кина и дисковидное), наблюдаемым в синхронных индустриях на территории Западной Европы и особенно Франции.

Ранний верхний палеолит

В пещере Кебара мы не зафиксировали т.н. переходную (эмиранскую) индустрию. Материалы слоев IV – III содержали верхнепалеолитические комплексы, датируемые около 43 – 42 тыс. л.н. [Bar-Yosef et al., 1996]. Коллекция каменных артефактов включает преимущественно пластины, снятые мягким отбойником с призматических нуклеусов, многие из которых имеют две ударные площадки. Пластинки немногочисленны. Ретушированные изделия представлены в основном пластинами, часть из которых имеет заостренную форму. Исходя из типов орудий, индустрии слоев II – I, содержащие килевидные скребки и скребки с носиком, а также костяное острие с расщепленным основанием, можно классифицировать как левантский ориньяк. Таким образом, в отличие от западноевропейских комплексов, самые древние верхнепалеолитические слои пещеры Кебара не содержат ориньякских индустрий. Подобное зафиксировано на стоянках Кзар Акил и Бокер Тактит. Эта особенность очень важна. Отсутствие свидетельств преемственности в развитии индустрий пещеры Кебара можно объяснить перерывом в ее заселении человеком. Поэтому для того чтобы ответить на вопрос

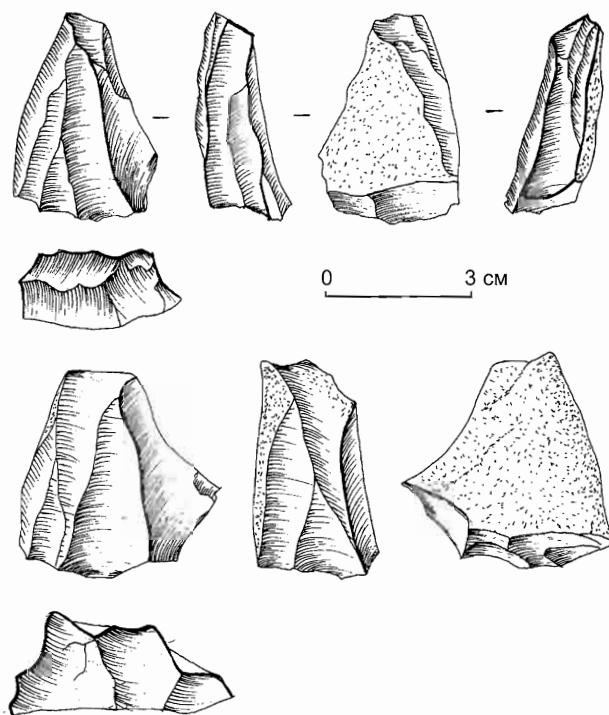

Рис. 4. Однонаправленные “плоские” нуклеусы с фронтом скальвания на широкой поверхности и латералях. Кзар Акил, слой XXIV.

об истоках изменений в технологии обработки камня (местная основа, диффузия – культурные контакты или миграции людей), необходимо обратиться к анализу материалов других стоянок.

Четкая стратиграфическая последовательность была зафиксирована в гроте Кзар Акил. Несмотря на то что при раскопках стоянки и отборе материалов использовались несовершенные методы, коллекции Кзар Акила являются наиболее перспективными для дальнейших исследований, поскольку в них представлены комплексы позднего среднего палеолита и начала раннего верхнего палеолита. Коллекции, как считают исследователи, отличаются невысокой степенью смешанности [Ohnuma, Bergman, 1990, p. 94]. Кроме того, мощность лишь нескольких слоев превышает 50 см [Marks, Volkman, 1986, p. 7]. Изучение материалов грота затруднено ввиду неправильно проведенного отбора образцов. Например, характер каменных изделий, отобранных для последующего исследования и хранящихся в Музее Пибоди (Гарвардский университет), не позволяет провести полную фиксацию технологических атрибутов артефактов и их статистический анализ. Имеющиеся образцы пригодны лишь для выявления самых общих признаков первичного расщепления нуклеусов. Отсутствуют и радиометрические данные для самых нижних слоев Кзар

Акила. Имеется серия дат, определенных по образцам древесного угля из верхней части стратиграфической последовательности [Mellars, Tixier, 1989]. Самыми ранними для левантийского ориньяка являются следующие даты: $31\,200 \pm 1\,500$ л.н. (OaX-1804); $32\,400 \pm 1\,100$ л.н. (OaX-1805); $32\,000 \pm 1\,500$ л.н. (MC-1192). Исходя из предполагаемой скорости седиментации, П. Мелларс и Ж. Тиксье предположили, что самые ранние комплексы могут быть датированы в диапазоне 43 и 50 – 52 тыс. л.н. (см.: [Bar-Yosef, 2000]).

Анализ коллекции Кзар Акила, проведенный несколькими исследователями, в т.ч. одним из соавторов настоящей статьи (Л. Мегнин), позволяет представить основные черты ранних комплексов данного памятника следующим образом. Слои XXVIII – XXVI содержат материалы среднего палеолита. Коллекция нижних слоев XXVIII А и В состоит из более или менее удлиненных треугольных заготовок, многие из которых являются листовидными отщепами, снятыми с однонаправленных конвергентных, леваллуазских или подпризматических нуклеусов. В этих двух слоях преобладают верхнепалеолитические орудия – резцы и концевые скребки [Marks, Volkman, 1986], средние по качеству. В слоях XXVI А и В зафиксирована индустрия, в которой доминируют овальные и подтреугольные отщепы, снятые с леваллуазских нуклеусов центростремительными либо однонаправленными ударами. Таким образом, комплексы демонстрируют разнообразие технических леваллуазских методов, ранее описанных для среднего палеолита. Типичные мустьерские скребла являются наиболее распространенными ретушированными изделиями.

Индустрия слоев XXV – XXI определяется как переходная. Коллекция отражает устойчивость леваллуазского метода, основанного преимущественно на однонаправленных конвергентных снятиях, что было связано с развивающейся стратегией, направленной на утилизацию нуклеуса. Эта стратегия отражена в сравнительно плоских нуклеусах с однонаправленными снятиями. Для данных нуклеусов характерны следующие технические особенности: сколы снимались не только с широкого фронта (по однонаправленной конвергентной схеме), но и с узких торцов. Изменение ориентации подготавливающей ударную площадку сколов (рис. 4, 1), создававших новый угол между ударной площадкой и фронтом скальвания [Boëda, 1995], позволяло производить расщепление на всей полезной площади заготовки. Эти специфические ядрища зафиксированы и в других переходных индустриях, напр., Куличивки [Meignen et al., in press].

В коллекции Кзар Акила представлены также призматические нуклеусы с одной или двумя ударными площадками (рис. 5). Они были зафиксированы в основании верхнепалеолитической пачки слоя XXIV. Конеч-

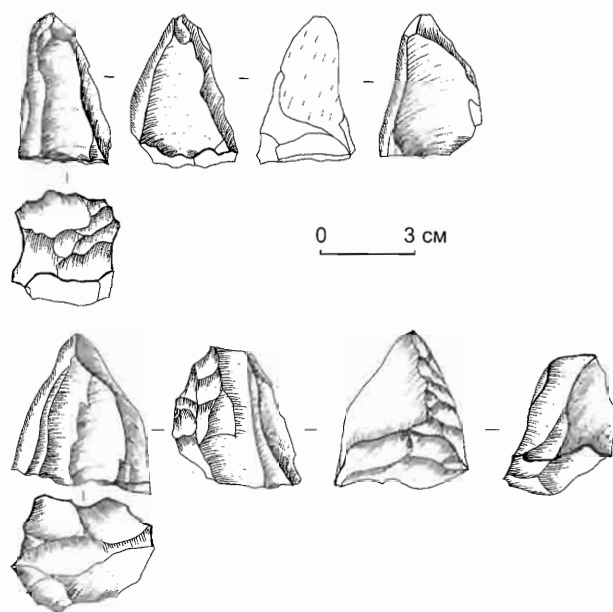

Рис. 5. Призматический и подпризматический нуклеусы. Кзар Акил, слой XXIV.

ным продуктом расщепления были очень удлиненные изделия, многие из которых имели конвергентные края (рис. 6). Однако полученные таким способом пластины и острия не совсем правильные по форме. Эти изделия, снятые с нуклеуса жестким отбойником, имеют фасетированные ударные площадки. К. Онума и К. Бергман, учитывая линейные и точечные ударные площадки, а также ударные площадки с карнизом, снятым с помощью абразивной обработки, отмечают появление техники мягкого отбойника [Ohnuma, Bergman, 1990].

К ретушированным изделиям относятся верхнепалеолитические орудия – концевые скребки, орудия типа *a'chafréin* и резцы на краевых сколах [Ibid, fig. 5 – 9].

Слой XX – XVI содержат типичные верхнепалеолитические материалы – стандартизированные пластины правильной формы, а также пластинки, многие из которых с параллельными краями (рис. 7). Нуклеусы, как правило, имеют противолежащие ударные площадки. Снятия производились мягким отбойником с края ударной площадки (краевые сколы), в результате получались длинные и тонкие изделия. Хорошо был развит такой технический прием, как удаление нависающего скола для подготовки края нуклеуса для краевых снятий [Ibid, p. 104].

По мнению К. Онумы и К. Бергмана [Ibid, p. 114], технология постепенно менялась: вместо жесткого стал использоваться мягкий отбойник, на смену

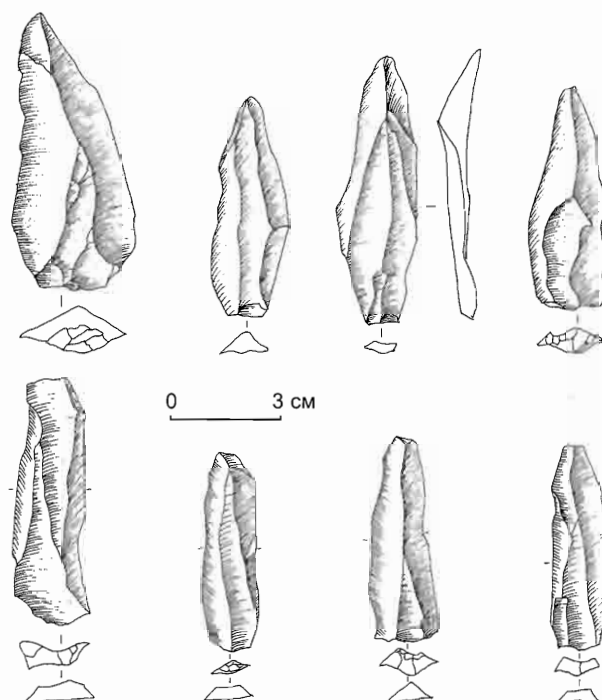

Рис. 6. Пластиночные заготовки. Кзар Акил, слой XXIV.

некраевому пришло краевое расщепление. Наиболее распространенные типы орудий – концевые скребки, изделия с обушком и острия типа Кзар Акил.

Переходные комплексы Кзар Акила содержат подтреугольные пластины и удлиненные острия, морфологически близкие леваллуазским изделиям, но полученные другим способом, на что указывает наличие полупризматических, призматических, однонаправленных конвергентных и более редких двунаправленных нуклеусов. Последние из описанных стратегий первичного расщепления нуклеуса тем не менее имеют сходство со стратегиями, которые представлены в слоях XXVIII A и B и, следовательно, близки к позднесреднепалеолитическим. В таких комплексах применялся жесткий отбойник, а изменения касались лишь сколов, оформляющих ударную площадку (см. рис. 4, 1). Угол между ударной площадкой и фронтом скалывания (называемый также внешним углом) облегчал снятие не только продуктов с более широкого фронта, как при леваллуазской технике, но и с узких сторон нуклеуса. Это техническое нововведение позволяло увеличить количество снимаемых заготовок. Оно же обусловило наличие подпризматических нуклеусов в коллекции.

Выводы

Операционные цепочки, представленные в комплексах позднего среднего и раннего верхнего палеолита Кзар Акила, иллюстрируют эволюцию в технологичес-

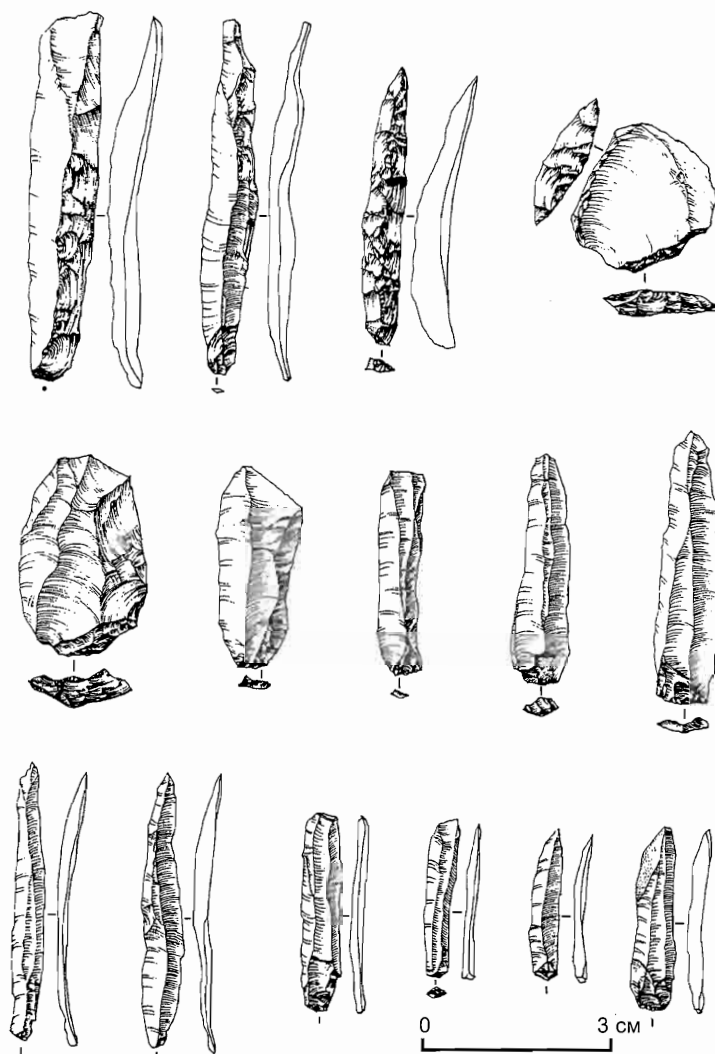

Рис. 7. Продукты дебитаж (по: [Ohnuma, Bergman, 1990]). Кзар Акил, слои XVII – XVI.

кой концепции. В Леванте ее изменения проходили в период до 250 – 180 тыс. л.н. Мягкий отбойник использовался при изготовлении ашельских бифасов. Признаки этой же технологической концепции прослеживаются в материалах, представляющих верхнепалеолитические стратегии первичного расщепления, и имеют сходные результаты – тонкие снятия. Следовательно, можно предположить, что технический сдвиг от среднего к верхнему палеолиту не был революционным; он скорее протекал в виде усовершенствования ранее использованных технических элементов.

Комплексы каменных изделий раннего верхнего палеолита отражают производство пластин и пластинок. В результате применения краевой оббивки и техники мягкого отбойника, а также более тщательной обработки нуклеусов, особенно с целью создания ударных площадок с определенной ориентацией, продольного изгиба и поперечной выпуклостью ядрищ, полу-

чались тонкие заготовки (пластины и острия) правильной формы. Эти достижения особенно хорошо проявляются в ранних ахмарийских комплексах Бокер Тактита [Marks, 1983], Тор Садафа*, Учазлы [Kuhn et al., 1999], Кзар Акила (слои XX – XVI), Кебары (слои IV – III). Техники, представленные в комплексах Кзар Акила и Учазлы, где наблюдается использование мягкого отбойника, похожи [Kuhn et al., 1999].

Однако постепенный технологический сдвиг не коснулся процесса изготовления ретушированных изделий. В этой сфере значительные изменения, связанные с исчезновением мустьерских типов орудий и явным преобладанием тех типов, которые считаются типичными для верхнего палеолита в большинстве

* Fox J. Tor Sadaf rockshelter: the Middle to Upper Paleolithic Transition and the Early Ahmari in the Wadi al-Hasa, West-Central Jordan: M.A. – Iowa State University, 2000.

районов Евразии и Африки, произошли уже в раннем палеолите. Они, судя по последним данным радиоуглеродного датирования, продолжались несколько тысячелетий и рассматриваются некоторыми исследователями как революционные (см., напр., [Bar-Yosef, 1998, 2000; Tostevin, 2000]).

Мы можем сделать вывод о том, что технические знания, приобретенные человеком в период позднего среднего палеолита, послужили основой для формирования верхнепалеолитической пластинчатой технологии. Следовательно, в Леванте имели место культурные изменения, подтверждением чему могут служить материалы Кзар Акила. Хотя стимулом для этого могла быть диффузия или контакты с иными популяциями, верхнепалеолитические технические элементы уже присутствовали в культуре рассматриваемого региона. Если гипотеза о диффузии верна, то нам необходимо найти в соседнем регионе позднесреднепалеолитическую индустрию, которая датировалась бы 60–50 тыс. л.н. и демонстрировала бы господство удлиненных заготовок в технокомплексах. В этом плане перспективной выглядит стоянка Тарамза-1 в долине Нила. Комплекс позднего среднего палеолита этой стоянки содержит продукты двунаправленного расщепления, определяемые Ван Пииром [Van-Peer, 1991, 1998] как “переходные леваллуа”. Однако недавно опубликованная дата 55 тыс. л. н. [Vermeersch et al., 1998] требует дополнительного подтверждения. Материалы слоя 1 Бокер Тактита в Негеве, датируемые в пределах 46–47 тыс. л.н., отличаются преимущественно двунаправленным расщеплением, характерным для начала верхнего палеолита, в основе которого лежит египетский среднепалеолитический культурный субстрат. К сожалению, данные по Африке недостаточны для подтверждения этой гипотезы.

Вполне возможно, что появление верхнепалеолитической культуры, зафиксированной в сфере каменной технологии Леванта и отмеченной стандартизованными пластинами и пластинками, а также типичными ретушированными орудиями, было закономерным процессом. Определенные элементы (напр., пластины, концевые скребки и резцы) были известны уже в среднем палеолите. Следовательно, человек среднего палеолита уже обладал навыками (и, возможно, потребностью) изготавливать пластинчатые продукты, а также орудия разной формы.

Неизбежно следует вывод о том, что изменения, вызванные появлением верхнепалеолитической технологии обработки камня, не были радикальными. Это скорее были интенсифицированное использование существовавших ранее изобретений, как это интерпретируется Я. Козловским [Kozlowski, 1996, p. 260], и их новая компоновка.

Возможно, внешние импульсы (контакты с пришедшим населением или диффузия идей и традиций

в сфере производства орудий) стимулировали формирование новых орудийных наборов в определенных регионах, что требовало использования накопленных технологических знаний.

Безусловно, исследования каменных комплексов не могут предоставить убедительных свидетельств о том, что ранний верхний палеолит знаменовал культурную революцию. Этот период, отмеченный крупным сдвигом, характеризовался иными культурными атрибутами, такими, например, как использование раковин для украшения тела, широкое применение костей, зубов и рогов при изготовлении орудий и украшений, а также символических изображений.

Список литературы

- Arensburg G.B., Belfer-Cohen A.** Sapiens and Neandertals: Rethinking the Levantine Middle Paleolithic Hominids // *Neandertals and Modern humans in Western Asia* / Eds. T. Akazawa, K. Aoki, O. Bar-Yosef. – N.Y.; L.: Plenum Press, 1998. – P. 311 – 322.
- Azoury I.** Ksar Akil, Lebanon: A technological and typological analysis of the Transitional and Early Upper Paleolithic levels of Ksar Akil and Abu Halka. – Oxford: British Archaeological Reports, 1986. – 244 p. – (BAR Int. Series; N 289).
- Bar-Yosef O.** On the Nature of Transitions: the Middle to Upper Palaeolithic and the Neolithic Revolution // *Cambridge Archaeological Journal*. – 1998. – Iss. 2, vol. 8. – P. 141 – 163.
- Bar-Yosef O., Arnold M., Mercier N., Belfer-Cohen A., Goldberg P., Housley R., Laville H., Meignen L., Vogel J.C., Vandermeersch B.** The dating of the Upper Palaeolithic layers in Kebara cave, Mt Carmel // *Journal of Archaeological Science*. – 1996. – N 23. – P. 297 – 306.
- Bar-Yosef O., Pilbeam D.** The Geography of Neandertals and Modern Humans in Europe and the Greater Mediterranean. – Cambridge: Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, Harvard University, 2000. – 197 p.
- Bar-Yosef O., Vandermeersch B., Arensburg B., Belfer-Cohen A., Goldberg P., Laville H., Meignen L., Rak Y., Speth J.D., Tchernov E., Tillier A.M., Weiner S.** The Excavations in Kebara cave, Mt Carmel // *Current Anthropology*. – 1992. – N 33. – P. 497 – 550.
- Bergman C.A.** Ksar Akil, Lebanon: a Technological and Typological Analysis of the Later Upper Palaeolithic Levels. – Oxford: British Archaeological Reports, 1987. – 333 p. – (BAR Int. Series; N 329).
- Bergman C., Ohnuma K.** The Upper Palaeolithic sequence of Ksar Akil, Lebanon // *Berytus*. – 1987. – N 35. – P. 13 – 40.
- Boëda E.** De la surface au volume. Analyse des conceptions des débitages Levallois et laminaire // *Paléolithique moyen récent et Paléolithique supérieur ancien en Europe* / Ed. C. Farizy. – Nemours: N.p., 1990. – N 3. – P. 63 – 68. – (Mémoires du Musée d'Ile de France; N 3).
- Boëda E.** Le concept Levallois: variabilité des méthodes. – P.: CNRS Editions, 1994. – 280 p. – (Monographies du CRA; N 9).
- Boëda E.** Levallois: A Volumetric Construction, Methods, a Technique // *The Definition and Interpretation of Levallois Technology* / Eds. H. Dibble, O. Bar-Yosef. – Madison: Prehistory Press, 1995. – P. 41 – 68.

- Copeland L.** The Middle and Upper Paleolithic of Lebanon and Syria, in the light of recent research // *Problems in Prehistory of North-Africa and Levant* / Eds. F. Wendorf, A. Marks. – Dallas: SMU Press, 1975. – P. 317 – 350.
- Crew H.L.** An examination of the variability of the Levallois method: its implication for the internal and external relationship of the levantine Mousterian. – Davis: Unpublished PhD, University of California, 1975.
- Ferring R.** Technological variability and change in the Late Paleolithic of the Negev. – Dallas: PhD, Southern Methodist University, 1979.
- Garrod D., Bate D.** The Stone Age of Mount Carmel. – Oxford: Clarendon Press, 1937. – 240 p.
- Goren-Inbar N.** Quneitra: a Mousterian Site on the Golan Heights. – Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 1990. – 239 p.
- Goren-Inbar N., Belfer-Cohen A.** Technological Abilities of the Levantine Mousterians // *Neandertals and Modern Humans in Western Asia* / Eds. T. Akazawa, K. Aoki, O. Bar-Yosef. – N.Y.; L.: Plenum Press, 1998. – P. 205 – 221.
- Henry D.O.** Prehistoric Cultural Ecology and Evolution. Insights from Southern Jordan. – N.Y.; L.: Plenum Press, 1995. – 466 p.
- Henry D.** The Middle Paleolithic of Jordan // *The Prehistoric Archaeology of Jordan* / Ed. D. Henry. – Oxford: British Archaeological Reports, 1998. – P. 23 – 38. – (BAR Int. Series; N 705).
- Hovers E.** The Lithic Assemblages of Amud Cave: Implications for Understanding the End of the Mousterian in the Levant // *Neandertals and Modern Humans in Western Asia* / Eds. T. Akazawa, K. Aoki, O. Bar-Yosef. – N.Y.: Plenum Press, 1998. – P. 143 – 163.
- Jones M., Marks A., Kaufman D.** Boker: the artifacts // *Prehistory and Paleoenvironments of the Central Negev, Israel* / Ed. A. Marks. – Dallas: SMU University press, 1983. – P. 283 – 329.
- Kozłowski J.** Cultural context of the Last Neanderthals and Early Modern Humans in Central-Eastern Europe // *The Lower and Middle Palaeolithic: The Origin of Modern Man* / Eds. O. Bar-Yosef, L. Cavalli-Sforza, R. March, M. Piperno. – Forlì: Edizioni A.B.A.C.O., 1996. – P. 205 – 218.
- Kuhn S., Stiner M.C., Güleş E.** Initial Upper Paleolithic in South-Central Turkey and its regional context: a preliminary report // *Antiquity*. – 1999. – N 73. – P. 505 – 517.
- Marks A.E.** The Middle to Upper Paleolithic Transition in the Levant // *Advances in World Archaeology*. – N.Y.: Academic Press, 1983. – P. 51 – 98.
- Marks A.E.** The Middle and Upper Palaeolithic of the Near East and the Nile Valley: the Problem of Cultural Transformations // *The Emergence of Modern Humans. An Archaeological Perspective* / Ed. P. Mellars. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1990. – 555 p.
- Marks A.E., Monigal K.** Modeling the production of Elongated Blanks from the early Levantine Mousterian at Rosh Ein Mor // *The Definition and Interpretation of Levallois Technology* / Eds. H. Dibble, O. Bar-Yosef. – Madison: Prehistory Press, 1995. – P. 267 – 278.
- Marks A.E., Volkman P.** The Mousterian of Ksar Akil: levels XXVI A through XXVIII B // *Paléorient*. – 1986. – N 12/1. – P. 5 – 20.
- Marks A.E., Volkman P.W.** Changing core reduction strategies: a technological shift from the Middle to Upper Paleolithic in the southern Levant // *The Mousterian Legacy, Human Biocultural Change in the Upper Pleistocene* / Ed. E. Trinkaus. – Oxford: S.n., 1983. – P. 13 – 33. – (BAR Int. Series; N 164).
- Meignen L.** Paléolithique moyen au Proche-Orient: le phénomène laminaire // *Les industries laminaires au Paléolithique moyen* / Eds. S. Révillion, A. Tuffreau. – P.: CNRS Editions, 1994. – P. 125 – 159.
- Meignen L.** Levallois lithic production systems in the Middle Palaeolithic of the Near East: The case of the unidirectional method // *The Definition and Interpretation of Levallois Technology* / Eds. H. Dibble, O. Bar-Yosef. – Madison: Prehistory Press, 1995. – P. 361 – 380.
- Meignen L.** Les prémices du Paléolithique supérieur au Proche Orient // *The Last Neandertals, The First Anatomically Modern Humans. Cultural Change and Human Evolution. The crisis at 40 000 B.P.* / Eds. E. Carbonell, M. Vaquero. – Barcelone: Universitat Rovira i Virgili, 1996. – P. 107 – 128.
- Meignen L.** Hayonim cave Lithic assemblages in the context of the Near-Eastern Middle Palaeolithic: a preliminary report // *Neandertals and Modern Humans in Western Asia* / Eds. T. Akazawa, K. Aoki, O. Bar Yosef. – N.Y.: Plenum Press, 1998a. – P. 165 – 180.
- Meignen L.** Le Paléolithique moyen au Levant sud et central: que nous apprennent les données récentes? // *Préhistoire d'Anatolie, Genèse de deux mondes* / Ed. M. Otte. – Liège: ERAUL, 1998a. – P. 685 – 708.
- Meignen L.** Early Middle Palaeolithic Blade Technology in Southwestern Asia // *Acta Anthropologica Sinica* (suppl.). – 2000. – N 19. – P. 158 – 168.
- Meignen L., Bar-Yosef O.** Les outillages lithiques moustériens de Kebara (fouilles 1982–1985): premiers resultants // *Le squelette moustérien de Kebara 2* / Eds. O. Bar-Yosef, B. Vandermeersch. – P.: Editions du CNRS, 1991. – P. 49 – 75.
- Meignen L., Geneste J.M., Koulakovskaia L., Sytnik A.** Koulichivka and its place in the Middle-Upper Paleolithic transition in eastern Europe // *The Early Upper Paleolithic East of the Danube*. – University of California Press (in press).
- Mellars P., Tixier J.** Radiocarbon-accelerator dating of Ksar'Aqil (Lebanon) and the chronology of the Upper Palaeolithic sequence in the Middle East // *Antiquity*. – 1989. – Vol. 63, N 241. – P. 761 – 768.
- Mercier N., Valladas H., Valladas G., Reyss J.L., Jelinek A., Meignen L., Joron J.L.** TL dates of burnt flints from Jelinek's excavations at Tabun and their implications // *Journal of Archaeological Science*. – 1995. – N 22. – P. 495 – 509.
- Monigal K.** Lower and Middle Paleolithic blade industries and the Dawn of the Upper Paleolithic in the Levant // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. – 2001. – N 1. – P. 11 – 24.
- Ohnuma K.** Ksar Akil (Lebanon). A technological study of the earlier upper paleolithic levels of Ksar Akil. – Oxford: British Archaeological Reports, 1988. – 338 p. – (BAR Int. Series; N 426).
- Ohnuma K., Bergman C.A.** A Technological Analysis of the Upper Paleolithic Levels (XXV–VI) of Ksar-Akil, Lebanon // *The Emergence of Modern Humans-An archaeological perspective* / Ed. P. Mellars. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1990. – P. 91 – 138.

Tostevin G.B. Behavioral change and regional variation across the Middle to Upper Paleolithic transition in Central Europe, Eastern Europe and the Levant. – Cambridge: Harvard University, 2000. – 492 p.

Trinkaus E., Ruff C., Churchill S. Upper Limb versus Lower Limb Loading Patterns among Near Eastern Middle Paleolithic Hominids // Neandertals and Modern Humans in Western Asia / Eds. T. Akazawa, K. Aoki, O. Bar-Yosef. – N.Y.: Plenum Press, 1998. – P. 391 – 404.

Van-Peer P. Interassemblage Variability and Levallois Styles: The Case of the Northern African Middle Paleolithic // Journal of Anthropological Archaeology. – 1991. – N 10. – P. 107 – 151.

Van-Peer P. The Nile Corridor and the Out-of-Africa Model // Current Anthropology. – 1998. – N 39. – P. 115 – 140.

Vandermeersch B. The Near East and Europe: Continuity or Discontinuity? // Conceptual Issues in Modern Human Origins Research / Eds. G.A. Clark, C.M. Willermet. – N.Y.: Aldine de Gruyter, 1997. – P. 107 – 116.

Vermeersch P.M., Paulissen E., Stokes S., Charlier C., Peer P.V., Stringer C., Lindsay W. A Middle Palaeolithic burial of a modern human at Taramsa Hill, Egypt // Antiquity. – 1998. – N 72. – P. 475 – 484.

Watanabe H. Flake production in a transitional industry from the Amud Cave, Israel. A statistical approach to Paleolithic techno-typology // La préhistoire, problèmes et tendances / Ed. F. Bordes. – P.: Editions du CNRS, 1968. – P. 499 – 509.

Материал поступил в редколлегию 14.05.02 г.

УДК 903.27

Х.А. Амирханов, С.Ю. Лев*Институт археологии РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия**E-mail: Amirkhanov@rambler.ru**sergeylev@mtu-net.ru*

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТАТУЭТКИ БИЗОНА С ЗАРАЙСКОЙ СТОЯНКИ

Введение

Благодаря исследованиям, проводившимся особенно активно в 90-х гг. истекшего века, Зарайская верхнепалеолитическая стоянка получила широкую известность как памятник исключительной научной значимости. Расположена она на правом берегу р. Осетр (правый приток р. Оки) в исторической части современного города Зарайска Московской области. Толчком для открытия и целенаправленных исследований послужили кремневые материалы, собранные на разрушаемом участке культурного слоя у северной стены зарайского кремля главным хранителем Зарайского городского музея Л.И. Максимовой. В 1980 г. эти материалы были переданы А.В. Трусову, который в том же году заложил шурф и установил наличие здесь культурных отложений. В дальнейшем раскопки велись в 1982 – 1983 и 1989 гг. [Трусов, 1994]. Консультационную помощь в этих работах оказывала Л.В. Грехова.

Исследования возобновились в 1994 г. Поводом для начала новых раскопок послужило то, что отложения стоянки оказались существенно потревоженными в результате рытья траншеи для газификации строений на территории кремля. Именно на этом участке небольшой экспедицией Отдела археологии каменного века Института археологии РАН, возглавляемой А.В. Трусовым, был разбит раскоп 4 размерами 5 × 5 м.

С 1995 г. непрерывные и интенсивные работы на стоянке ведутся Зарайской археологической экспедицией под руководством Х.А. Амирханова [Амирханов, 2000]. К настоящему времени исследовано 265 м² площади стоянки, из которых 100 м² приходится на рас-

коп 4, являющийся основным. Это весьма скромная часть общей площади распространения культурных отложений памятника.

Комплекс данных по различным видам стратиграфии (археологическая, литологическая, палеокриологическая, палинологическая) позволяет выделять на стоянке не менее четырех разновременных уровней обитания. По коррелирующей со стратиграфическими показателями серии радиоуглеродных дат (22 даты) первый (наиболее древний) из этих уровней относится ко времени 23 – 22 тыс. л.н., наиболее поздний сформировался около 17 тыс. л.н. Статуэтка бизона, которой посвящена данная статья, была обнаружена в типичной для памятников костенковской культуры “яме-хранилище”, связанной здесь с первым уровнем обитания.

По каменному инвентарю, характеру объектов культурного слоя (разнотипные ямы, очаги), а также особенностям структуры и планировки элементов жилищно-хозяйственных комплексов (в той части, которая нам известна) Зарайская стоянка обнаруживает максимальное сходство с памятниками костенковской культуры. Имеющиеся костяной инвентарь, украшения (ожерелье и отдельные зубы песка и волка с прорезями в корневой части), а также известные приемы орнаментации (гравировка в виде сетки, “косого креста”) дополняют указанное сходство. До последнего времени ничего определенного нельзя было сказать об искусстве древних обитателей Зарайской стоянки, при том что этот элемент культуры является весьма важной и специфичной составляющей в археологических остатках однокультурных с Зарайском стоянках Костенки-1 (слой 1) и Авдеево.

а

б

Рис. 1. Статуэтка бизона с Зарайской стоянки. Фото авторов.
а – левая сторона, б – правая сторона.

Первое произведение искусства на Зарайской стоянке обнаружено в ходе раскопок 2001 г. Находка представляет собой скульптурку бизона, вырезанную из бивня мамонта. В сравнении с известными образцами палеолитической скульптуры Восточной и Центральной Европы это изделие обладает столь выразительной спецификой по объекту изображения, мастерству исполнения, художественной выразительности, стилистическим особенностям, отчасти по размерам и контексту залегания, что ставит вопросы, выходящие далеко за рамки проблематики костенковской культуры. Проблемы эти лежат в историко-искусствоведческой, археолого-культурологической и палеоэтнологической плоскостях. Особый интерес представляет то, что имеются хорошо документированные и предельно убедительные факты, указывающие на действия, связанные с намеренным нанесением изделию повреждений, частичной окраской его красной охрой и последующим ритуальным погребением данной фигурки.

Ввиду ограниченности объема статьи мы затрагиваем здесь лишь два аспекта темы: сравнительный (в контексте палеолитического искусства Европы) и стилистический анализ статуэтки. За рамками работы остаются сюжеты, касающиеся подробных художественных и эстетических характеристик рассматриваемой скульптурки, техники ее изготовления, тафономии находки, смысла и назначения данного предмета.

Общие характеристики статуэтки

Выполненная в рамках искусства малых форм, зарайская статуэтка формально реализует в себе суть и идею произведений обычной скульптуры. Это настоящая круглая скульптура, предназначенная для осмотра ее со всех сторон (рис. 1). Фигурка имеет следующие размеры: длина 16,4 см, высота 10,4 см, максимальная толщина (в средней части живота) 3 см. Соотношение высоты (в крупе) и длины туловища со-

Рис. 2. Статуэтка бизона с Зарайской стоянки (деталь).
Фото авторов.

ставляет 1,6 : 1, что идеально совпадает с пропорциями тела взрослой особи бизона. Передняя часть туловища выглядит существенно более массивной, чем задняя.

Голова поставлена низко. Она массивная и короткая. Рога расходящиеся, короткие и толстые. Концы рогов не загibaются, что в реальности характерно для молодых особей бизона. Грива передана в виде невысокого валика, гравированного частыми поперечными нарезками, которые перечеркиваются короткими косыми линиями. В результате получается орнамент в виде “косого креста”. Начинается грива от затылочной части и заканчивается чуть ниже вершины горба. В верхней, зауженной, части крестообразный характер орнамента более регулярный. Здесь он воспроизводится двумя косыми перекрещивающимися резными линиями. Подобный орнаментальный мотив характерен для предметов искусства костенковской культуры. В Зарайске он был встречен ранее на рукояти колотушки (концевой фрагмент бивня с орнаментом на утолщенной части).

Жировой горб изображен акцентированно. Он показан как продолжение загривка и достаточно резко возвышается над спиной. Наиболее высокая точка приходится на центральную часть горба. За счет ограниченности участка, занятого горбом (не более трети длины спины), круп не выглядит сколько-нибудь заметно срезанным к задней части. Непосредственно за горбом линия спины имеет незначительный прогиб. Хвост изображен обобщенно в виде небольшого (0,5 см) округленного и направленного вниз выступа.

Волосной покров не показан, за исключением челки и участков бороды в нижней части шеи. Волосы передаются здесь гравированными линиями – тонкими, регулярными и параллельными друг другу (рис. 2).

Одной из выразительных особенностей скульптуры является наличие у нее четырех отдельных, а не “сросшихся” попарно тумбообразных ног. Статуэтка могла стоять на ногах, но не очень устойчиво, поскольку расстояние между ними не слишком велико.

Вырезаны ноги с соблюдением пропорций и особенностей их строения. Подчеркнуты резкие выступы пяточных костей, а также место сочленения локтевой и плечевой костей передней ноги. Очень тонко отделано место соединения ног с туловищем. Здесь нет ничего от обобщения или схематизма. Проработка детализирована до передачи рельефа мышц. Этого не скажешь об изображении окончания ног – не видно даже попытки показать раздвоенность копыт.

На первый взгляд несколько недоработанным выглядит участок живота возле задних ног. Здесь плавная линия живота переходит в небольшую выпуклость, занимающую все пространство между ногами. По мнению палеозоолога Е.Н. Машенко, таким образом показано вымя. Основываясь на этом, и особенно на характере рогов, исследователь считает, что изображена самка. У авторов нет оснований оспаривать данное заключение.

Кого изображает зарайская статуэтка?

В связи с изображаемым статуэткой образом возникает вопрос о том, насколько он похож именно на бизона. Вопрос этот связан с тем, что имеются некоторые различия в экстерьере американского и европейского бизонов (зубров). По описаниям зоологов, современный настоящий зубр* отличается от бизона

следующими признаками: а) голова меньше и поставлена выше; б) остистые отростки грудных позвонков, образующие горб, более короткие, и, соответственно, сам горб не столь крупный; в) крупнее срезан; г) тело и ноги длиннее, однако максимальный вес зубра меньше. Относительно рогов в описаниях имеются разночтения. Таким образом, наиболее показательными внешними признаками, отличающими бизона от зубра, являются величина горба и степень срезанности крупа. Если судить по этим признакам, то в нашей скульптуре просматриваются характерные особенности как бизона (явно массивная и низко поставленная голова, подчеркнута большой горб), так и зубра (меньшая срезанность крупа).

Возможно, рассмотрение того, что изображает скульптура – бизона или зубра, достаточно схоластично. Все-таки в данном случае более уместно сравнение не с современными представителями рода бизонов, а с их ископаемыми сородичами, которых наблюдал первобытный художник. Известное нам самое раннее графическое изображение бизона относится к XVI в. [Герберштейн, 1988, с. 193]. Это гравюра, выполненная с натуры в королевской пуще в Мазовии по просьбе Сигизмунда Герберштейна для его книги “Записки о Московии” издания 1556 г. Изображенный на гравюре зверь похож на американского бизона больше, чем на современного зубра. То же самое можно сказать об изображениях зубра в палеолитическом наскальном искусстве Европы.

Если судить об ископаемом зубре Европы по костным остаткам, то он заметно отличался от современного. Так, по мнению Н.М. Ермоловой, изучавшей кости бизона со стоянки Кокорево-1 на Енисее, ископаемый зубр был значительно крупнее современного (см.: [Абрамова, Гречкина, 1985, с. 44 – 45]). С другой стороны, не столь единообразны и современные представители бизонов и зубров. По современной систематике, и американский бизон (*Bison bison*), и европейский, или зубр (*Bison bonasus*), разделяются на подвиды. Первый представлен разновидностями, характерными для прерий (*Bison bison*) и горно-лесных пространств (*Bison bison athabaskae*), а второй – беловежским или литовским (*Bison bonasus bonasus Linnaeus*), кавказским (*Bison bonasus caucasicus Satunin*) и трансильванско-карпатским (*Bison bonasus hungarorum Kretzoi*) подвидами. Впрочем, некоторые исследователи различия на уровне подвидов считают не столь значимыми.

Ископаемый бизон в существующей систематике определяется как вид *Bison priscus* с двумя подвидами – *Bison priscus occidentalis* (был распространен в позднем плейстоцене на территории Сибири, Аляски и Канады) и *Bison priscus mediator* (территория оби-

* Речь идет о собственно зубре – европейском бизоне (*Bison bonasus*), – которого в настоящее время уже не существует в чистом виде. Современный зубр, обитающий в заповедниках, в действительности является гибридом американского и европейского бизонов. Вообще “зубр” – это известное с XIV в. русское название бизона. В близком звучании оно есть и в других восточнославянских языках (украинском, польском, чешском и др.). В романо-германских языках Европы ему соответствует “bison” (лат., фр.), “bisonte” (исп.), “wisent” (нем.).

тания в позднем плейстоцене – Европа, Западная Азия). На основании изучения фаунистических остатков и с учетом изображений палеолитического наскального искусства биологи делают уверенное заключение о том, что “позднеплейстоценовые бизоны Европы (*Bison priscus mediator*) были очень близки к одновременным бизонам Восточной Сибири и Северной Америки” [Зубр..., 1979, с. 74]. Таким образом, зарайская скульптурка изображает бизона вида *Bison priscus* и лишней раз подтверждает приведенное заключение о близости ископаемых бизонов Европы и Америки. Наиболее показательным в этом смысле является отражение в данной статуэтке характерных экстерьерных признаков древнего американского бизона (*Bison priscus occidentalis*). Они описываются следующим образом: “Горб очень велик, самая высокая его точка находилась посередине, линия спины сильно прогнута позади горба... Крестец высокий, задние конечности длинные, поэтому спина не имеет пологого спуска назад к хвосту” [Там же, с. 77].

Скульптурные изображения бизона в Центральной и Западной Европе

Как известно, бизон идет вторым после лошади по частоте изображения в палеолитическом наскальном искусстве. Что же касается памятников со скульптурами бизона, то в палеолите Западной и Центральной Европы их относительно немного. На юго-западе Германии известны две пещерные стоянки, в материалах которых имеются статуэтки бизона, – Фогельхерд и Гайсенклёштерле с ориньякскими скульптурными слоями, датируемыми в интервале 32 – 30 тыс. л.н. Каменный и костяной инвентарь этих памятников в техническом и типологическом отношениях практически идентичен. К одному стилю – реалистическому с большой долей обобщения образа – относятся и образцы мелкой пластики (скульптурки бизона, льва, лошади, мамонта), однако художественная выразительность и манера изображения довольно заметно разнятся.

Весьма оригинальна выразительная в художественном отношении статуэтка бизона из бивня мамонта со стоянки Фогельхерд (рис. 3, 2) [Adam, 1980, S. 22 – 23; Los comienzos..., 1989, p. 29 – 34; Bosinski, 1990, p. 67]. В ней просматривается применение своеобразного технического приема в передаче экстерьера животного. В частности, здесь реализуется редкая для палеолитической скульптуры попытка передачи волосяного покрова. Сделано это, правда, не пластическими средствами, а с помощью орнаментального приема – нанесением на поверхность скульптуры частых точечных углублений. Вообще орнаментализм играет большую роль в оформлении статуэток Фогельхерда. Грива животного изображается, как

это характерно для реалистического и натуралистического искусства палеолита, в виде слегка возвышающегося валика, украшенного крестовидным орнаментом (лошадь) или частыми поперечными нарезками (лев, бизон). Регулярный крестовидный орнамент покрывает иногда ограниченные участки бока (мамонт) или окаймляет морду зверя (лев).

Говоря о скульптуре бизона из Фогельхерда, нельзя не отметить, что она производит впечатление повторения в твердом материале пластической манеры, более свойственной для мягкого, вязкого материала. Изображение более или менее уплощенное, как бы вылепленное. Сильно стилизованная клювовидная голова не отделена от туловища. Неразделенные грива и горб начинаются непосредственно от головы и показаны также стилизованно, в виде выпуклого петушиного гребня. Борода выделена в манере лепки (в глине это достигается простым зашпигиванием пальцами) утончением протяженного участка под шеей, подчеркнутого несколькими параллельными и направленными вниз линейными нарезками. Последние, по видимому, изображают свисающие длинные волосы. Ноги короткие, незначительно выступающие вниз от туловища. Длина скульптурки 7,5 см.

На фоне описанного контрастно выглядит скульптурка бизона (если это бизон, а не овцебык) из Гайсенклёштерле. Она тяжелая, массивная, приземистая. Здесь видна не очень успешная попытка реалистического изображения зверя. Голова и морда не детализированы. При такой манере моделирования, естественно, не показаны уши и хвост. Туловище имеет округлую в поперечном сечении форму. “Сросшиеся” попарно ноги выглядят, как короткие отросстки от туловища. Волосяной покров на туловище не показан в том виде, как это сделано в условной манере на вышеописанной фигурке. Примечательным является то, что, как и у скульптурки из Фогельхерда, голова не отделена от туловища и невысокий горб начинается непосредственно от макушки едва намеченной головы. В рассматриваемых изображениях хорошо видно единство художественного стиля при резких различиях в способах моделирования фигуры, манере передачи и орнаментальной проработке частей тела.

Если перейти к рассмотрению более поздних скульптурных изображений бизона, то прежде всего следует остановиться на материалах пещеры Истюриц в Пиренеях, где в двух залах в среднемадленском слое обнаружено более 180 мергелевых и костяных образцов мелкой пластики, как собственно статуэток (целых и фрагментов), так и слегка подработанных или гравированных более тонко мелких обломков камня. Целые изделия имеют различную степень завершенности. Некоторые изображения хорошо идентифицируются. В других случаях видовое и даже родо-

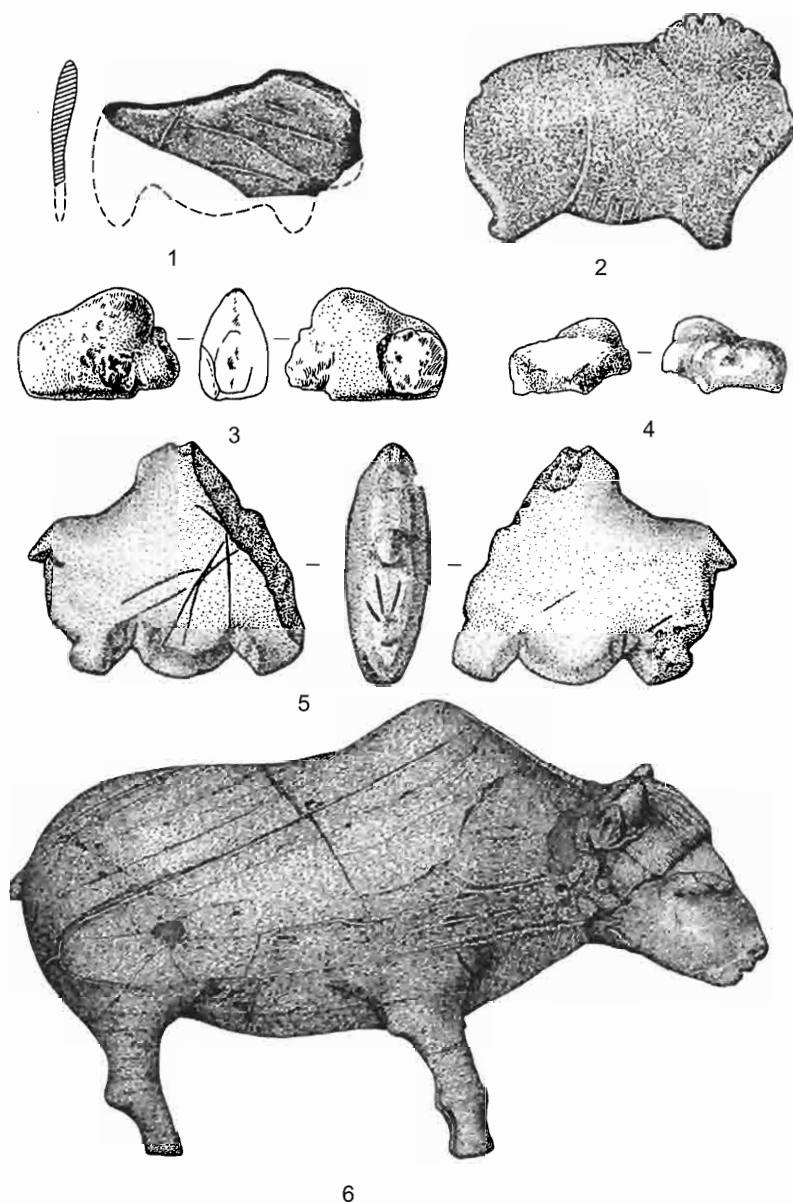

Рис. 3. Стилистические особенности скульптурных изображений бизона в памятниках Восточной и Центральной Европы. 1 – Сунгирь (по: [Бадер, 1976]); 2 – Фогельхерд (по: [Kozlowsky, 1992]); 3, 4 – Костенки-4, горизонт 1 (по: [Абрамова, 1962]); 5 – Косауцы (по: [Borziak, Chirica, 1996]); 6 – Зарайск (рис. А.Е. Кравцова). 1, 6 – кость; 2, 4 – бивень мамонта; 3, 5 – мергель.

вое определение изображенных зверей затруднительно. В количественном отношении наиболее представлена лошадь – 70 фигурок, следом идут бовиды (бизоны, быки и др.(?)) – 45. Изображения человека крайне редки. Большинство находок представлены фрагментами. Столь уникальная концентрация предметов скульптуры дает исследователям основания считать материалы мадленского слоя пещеры Истюрц остатками мастерской по изготовлению преимущественно каменных статуэток [L'art préhistorique..., 1996, р. 236].

Если говорить об изображениях бизона, то наряду с барельефными и гравированными здесь есть и

скульптурные: несколько хорошо определимых фигурок, выполненных в форме круглой скульптуры, и одна плоская [Ibid, р. 238]. Последняя представляет собой костяную пластину в виде контурного изображения бизона, на которой гравировкой с использованием элементов резного орнамента весьма искусно показаны наиболее характерные для этого зверя экстерьерные признаки: массивная передняя часть тела, грива и мощный загривок, борода, очень высокий жировой горб. В реалистическом стиле неглубокой резьбой оформлены глаза, выпуклое переносье, ноздри, рот. Изображение хвоста абсолютно такое же, как у зарайской статуэтки, – условное, в виде короткого,

слегка закругленного и направленного вниз выступа. Длина скульптуры 22 см.

Описываемая плакетка фрагментирована в древности. Она найдена в виде двух крупных обломков, располагавшихся вне жилища на расстоянии более 150 м один от другого. Линия излома проходит через область груди. Более мелкие обломки, относящиеся к нижним частям груди и брюха, не обнаружены. Характер повреждений (особенно контур излома) указывает на то, что их возникновение связано с несколькими акцентированными сильными ударами.

По крайней мере две наиболее определимые круглые скульптуры бизона (одна – с подогнутыми ногами) из пещеры Истюриц также представлены обломками (задние части туловища). Поперечная линия излома проходит в области груди. Наличие отчетливой точки удара на линии излома на одном из экземпляров и контекст находок, указывающий на хранение фигурок, после того как они были фрагментированы, позволяет предполагать, что эти изделия были разбиты в древности преднамеренно. Стилистически статуэтки укладываются в характерный для среднего мадлена ранний стиль 4 (“классический”).

Пример использования иного материала и применения иной техники изготовления демонстрируют известные изображения бизонов из пещеры Тюк д’Одубер [Абрамова, 1980], относящиеся к тому же стилю 4. Два бизона представлены здесь в виде уплощенных крупных глиняных фигур (длина 61 и 63 см), прислоненных к скальным блокам. Фигуры моделированы лепкой, но борода и грива показаны резными линиями, т.е. так, как они передаются на твердом материале (камень, кость). В этих изображениях можно распознать самца и самку. У первого гораздо более выпуклый горб, голова массивнее и выразительнее борода. Ноги у обеих фигур “сросшиеся” попарно, вероятно, уже в момент изготовления предусматривалось, что фигуры будут прислонены к скале. Еще одна уплощенная глиняная скульптурка бизона обнаружена несколько в стороне от двух указанных.

Стилистическое сходство со скульптурой Тюк д’Одубер обнаруживает выполненная также из глины фигура бизона (длина 12 см) из пещеры Лабуиш.

К позднему стилю 4 относится скульптурное изображение “бегущего бизона” (длина 11 см, ширина 8 см, толщина 2 см) из Мас д’Азиля [L’art préhistorique..., 1996, p. 265]. Этот предмет изготовлен из рога оленя. Он относится к несколько иному, чем собственно скульптура, типу изделий, являющихся навершиями орудий, которыми столь богата завершающая стадия мадлена. Данный предмет рассматривается как основание удлинителя дротика. Фигурка сломана в области шеи; голова отсутствует. Туловище оформлено

в натуралистичной манере. Наличие знака пола, изображенного легким рельефом, указывает на то, что это самка. Горб выделен узким орнаментированным вертикальными насечками пояском в виде валика, который тянется от загривка до хвоста, и таким же валиком по внешнему контуру. На левом боку имеются три длинные вертикальные нарезки. Сохранились следы окраски фигурки в красный цвет. Изображен бизон в экспрессивном беге.

Два крупных фрагмента мергелевой скульптуры бизона найдены в мадленском слое пещеры Энлен в Пиренеях [Clottes, 1979]. Фрагмент передней части фигурки имеет длину 7,2 см, задней – 5,2 см. По детальности и тщательности отделки сохранившихся частей эта фигурка стилистически примыкает к предыдущей, хотя животное изображено здесь статично.

Рассмотренными образцами мелкой пластики практически исчерпываются находки, которые можно бесспорно отнести к скульптурным изображениям бизона в палеолите Западной и Центральной Европы.

Скульптурные изображения бизона в памятниках Восточной Европы

По количеству палеолитических памятников с произведениями мелкой пластики Восточная Европа не уступает Западной и Центральной. Тем не менее и здесь скульптурных изображений бизона не так много (рис. 3, 1, 3 – 6), хотя единичными их тоже нельзя назвать. Помимо Зарайской, известны лишь две стоянки, в материалах которых имеются достоверные фигурки бизона. Это Костенки-4 (горизонт 1) [Рогачев, 1955, с. 77; Рогачев, Аникович, 1982, с. 76 – 80], откуда происходят четыре мергелевые скульптурки бизона, и Косауцы в долине Днестра, где в слое 2а найдена одна фигурка (также из мергеля; скорее всего, изображение самки бизона) [Borziak, Chirica, 1996, p. 399]. По нашему мнению, с достаточной долей вероятности к изображениям бизона можно отнести некоторые из считающихся неопределенными мергелевых фигурок из Костенок-1 (слой 1) и 11 (Аносовка-2) [Абрамова, 1962, табл. XIV, 4, 9; XXIII, 20]. Предположительно в качестве изображения бизона определяется один обломок плоской костяной фигурки со стоянки Сунгирь [Бадер, 1976, с. 18].

Таким образом, бесспорные фигурки бизона на Восточно-Европейской равнине обнаруживаются только в граветтоидных и одном постграветтском памятнике. Хронологический разброс находок примерно от 23 до 17 тыс. л.н. Если принимать во внимание реконструируемое как бизонье контурное плоское изображение из Сунгира, то можно говорить о встречаемости этих фигурок и в стрелецкой культуре. Будучи схематичными изображениями, в стилистическом отношении все они резко отличаются от зарайс-

кой статуэтки. Кроме того, фигурки из Костенок-4 и предполагаемые скульптурки бизонов из Костенок-1 (слой 1) и 11 несопоставимо мельче по размерам. Наиболее характерную из них (длина 3,5 см, высота 2,4 см, толщина 1,3 см) З.А. Абрамова описывает следующим образом: “Высокий выпуклый горб круто снижается назад. Плоская маленькая головка как бы увенчана рогами. Основание фигурки срезано горизонтально. Фигурка частично повреждена широкими плоскими сколами спереди на правой стороне и сзади на левой” [Абрамова, 1962, с. 24]. По стилю, размерам, изобразительному канону и материалу скульптурки бизонов из Костенок-4 тождественны фигуркам мамонтов из слоя 1 Костенок-1. А одно из этих изображений со сплюснутым и смещенным к голове горбом напоминает статуэтку бизона из пещеры Фогельхерд.

В Косауцах скульптурка бизона обнаружена в постграветтском (эпиграветтском) слое, датируемом временем 18 – 17 тыс. л.н. Ноги у этого изображения “сросшиеся”, короткие, тумбообразные. И фигура в целом, и части тела переданы в обобщенном, стилизованном виде. Статуэтка фрагментирована в древности. Голова и шея отсутствуют и в слое они не обнаружены. Линия излома приходится на область груди. С правой стороны на животе и груди отмечается шесть гравированных линий. Четыре из них пересекаются в области груди. При явных стилистических различиях с зарайской статуэткой (как и с некоторыми из указанных выше костенковскими) это изделие объединяет наличие значительных повреждений. Говорить сколько-нибудь определенно о том, что данный предмет был поврежден намеренно, сложно, тем более при отсутствии детальных сведений о контексте его залегания в слое. Но и исключать такую возможность трудно, так как отрицание также требует аргументации.

Среди отмеченных выше восточноевропейских находок зарайская статуэтка занимает совершенно особое место. Это касается прежде всего ее стилистических характеристик.

Стилистический анализ

Основной целью археолого-искусствоведческого изучения произведений палеолитического искусства является классификация исследуемых объектов. Частные, служебные классификации могут основываться на таких признаках, как материал, техника изготовления, тема изображений. Главной же является классификация, которая подчинена выявлению и упорядочению художественных стилей. Именно определение стиля в системе существующих типологий мы и рассматриваем здесь в качестве основной задачи при анализе художественно-стилистических особенностей зарайской статуэтки.

Как известно, для палеолитического искусства Западной Европы имеются претендующие на универсальность базовые классификационные системы А. Брейля [Breuil, 1974] и А. Леруа-Гурана [Leroi-Gouran, 1995]. Применительно к Восточной Европе, общая схема, перекликающаяся с указанными, разработана Я. Козловским [Kozlowsky, 1992]. Исходным для концептуальных систем французских исследователей было положение об однолинейном поступательном и эволюционном развитии палеолитического искусства. Согласно схеме А. Брейля, выделяется два последовательных цикла в развитии наскального искусства Европы – ориньякско-перигордийский и солютрейско-мадленский. В сформулированных позднее (к середине 60-х гг. XX в.) и основанных на структурном анализе изображений обобщениях А. Леруа-Гурана совокупность произведений изобразительного искусства палеолита Западной Европы подразделяется на более дробные составляющие. Выделяются четыре стиля, последовательно сменяющие друг друга. Характеристики их, естественно, описываются с опорой главным образом на наскальное искусство, которое для Западной Европы, где оно богаче, чем скульптура, гораздо более показательнее. Однако принципы выделения этих стилей в основном применимы и к произведениям искусства малых форм.

Стиль 1 (“первый примитивный”), по А. Леруа-Гурану, соответствует ориньяку и началу граветта. Главной его особенностью является нечеткая обрисовка контуров и незаконченность фигур животных. В тематике искусства явно выделяется знаковое изображение женских признаков пола.

Стиль 2 (“второй примитивный”) связан с граветтом – началом солютре. Изображение животных оформляется “синусоидной” линией, которая обрисовывает шею и спину. Рога показываются в профиль или в фас в искаженной перспективе. Ноги часто отсутствуют или только обозначены. Это период женских скульптур, называемых “палеолитическими венерами”.

Стиль 3 (“архаический”) относится к концу солютре и началу мадлена. Изображения животных этого периода характеризуются объемностью тела. Часто передняя часть тела преувеличена, а ноги укорочены.

Стиль 4 (“классический”) соотносится со средним и поздним мадленом. Он подразделяется на две стадии – раннюю и позднюю. Уже на ранней стадии отмечается исключительная согласованность деталей изображаемого объекта и большее соответствие пропорций фигур морфологическим соотношениям реального животного, но в изображениях сохраняется скованность; фигуры как бы висят в воздухе. Грива всегда передается штриховкой, показывается волосяной покров на различных участках тела. К концу периода реализм в передаче экстерьера усиливается [Leroi-Gouran, 1995, p. 284].

Изображение бизона описываемого стиля имеет свои особенности. Использование штрихованных деталей отражается на оформлении контура спины, который передается в двух видах. В первом неразделенные грива и горб гипертрофированы, располагаются за головой, уподобляясь петушину гребню. Во втором виде грива и горб меньше и разделены. Последняя разновидность изображения представляется А. Леруа-Гурану более поздней по времени. На этом этапе появляется возможность распознавать в изображениях пол животного, даже если половые признаки прямо не показаны. У самцов в отличие от самок грива больше и особенно подчеркнута [Ibid].

С открытием наскальной живописи в пещерах Шове [Chauvet et al., 1995] и Коскер [Clottes, Courtin, 1994] и получением серий дат для некоторых групп изображений (особенно наиболее древних рисунков в пещере Шове) возник вопрос об обоснованности заключений, согласно которым первобытное искусство развивается по однолинейной схеме с последовательной сменой одних художественных стилей другими. Однако чрезмерный скепсис здесь вряд ли уместен. Необходимы дальнейшие исследования по датированию новых объектов и более детальной стилистико-хронологической разбивке изображений в пещере Шове. Но даже если они будут противоречить эволюционной схеме А. Леруа-Гурана, не следует спешить с упразднением стилей, указанных выше. Речь в таком случае могла бы идти лишь о корректировке представлений о наборах стилей и установлении нескольких иных хронологических и территориальных соотношений между ними.

Стилистическая характеристика отдельных произведений палеолитического искусства имеет смысл лишь тогда, когда она осуществляется в какой-либо общей системе. Использование для этой цели схемы А. Леруа-Гурана оправданно хотя бы тем, что не существует других разработок, которые могли бы сравниться с ней по детальности и масштабу охвата источников.

Основными понятиями стилистического анализа и наскальной живописи, и предметов мелкой пластики палеолита являются: “схематизм”, “реализм”, “натурализм”. Главной стилистической характеристикой зарайской статуэтки в системе этих понятий является натуралистичность изображения. Манера передачи как тела целиком, так и большинства его частей здесь предельно реалистична. Каждая деталь дополняет остальные, и ни одна из них не акцентирована настолько, чтобы другие части скульптуры оттеняли именно ее. Анатомические пропорции тела выдержаны правильно, и поза стоящего животного естественна. Впрочем, говорить о полном отсутствии какого бы то ни было обобщения было бы неверным. Как уже отмечалось, в условной манере показаны хвост, вымя,

не детализированы копыта. Не передается волосной покров на туловище, при том что челка, грива и борода на шее выделены. Весьма примечательной особенностью является раздельное изображение ног. Важно отметить, что это не неуверенная попытка показать их разделенными, при том что каждая нога сохраняет “тумбообразность”, характерную для палеолитических скульптур со “сросшимися” ногами. В этом смысле данная статуэтка демонстрирует несопоставимо большее художественное совершенство по сравнению с образцами мелкой пластики из ориньякских пещер Фогельхерд и Гайсенклёштерле (34 – 30 тыс. л.н.) на юго-западе Германии, где впервые отмечается такая тенденция. Очень показательно сравнение с наиболее выразительной в этом смысле скульптурой мамонта из пещеры Гайсенклёштерле [Los comienzos..., 1989, p. 28].

Исходя из отмеченного выше, особенность зарайской статуэтки можно сформулировать как сочетание натурализма в изображении объекта в целом со стилизованной передачей отдельных, второстепенных для идентификации изображаемого объекта, деталей экстерьера. Другая, более общая, черта – включение орнаментальных приемов в арсенал художественных средств собственно скульптуры. Эти характерные для других форм изобразительного искусства элементы (орнамент, гравированные изображения) используются для выделения деталей, которые важны для передачи образа (борода, грива), но не могут быть переданы мастером собственными средствами пластики. Указанный изобразительный синкретизм дополняется частичным раскрашиванием фигуры. Впрочем, делается это не для усиления художественной выразительности произведения, а с целью имитации поражения зверя и истекания его кровью, что важно при использовании статуэтки в качестве ритуального атрибута.

Таким образом, согласно классификациям, созданным на материалах палеолитического искусства Западной Европы, рассматриваемое произведение следует относить без оговорок ко второй (“солютрейско-мадленской”) стадии, по А. Брейлю, или к раннему стилю 4 (“классическому”), по А. Леруа-Гурану. Если же основываться на аналогичной схеме, разработанной применительно к палеолитическому искусству Центральной и Восточной Европы, то столь же уверенно можно говорить о стадии натуралистического искусства эпиграветта Восточной Европы. Какой бы из этих классификаций мы ни придерживались, оказывается, что зарайская статуэтка на несколько тысячелетий опережает время, когда получает широкое распространение художественный стиль, к которому она относится.

В связи с ярким своеобразием рассматриваемой фигурки на фоне образцов мелкой пластики из дру-

гих одновременных и близких к Зарайску в культурном отношении памятников Восточной Европы (см. рис. 3) встает вопрос о причине этих различий и о степени отражения в произведениях первобытного искусства специфики конкретных археологических культур. Объясняются ли стилистические различия между рассматриваемой статуэткой и скульптурой, например, однокультурных с Зарайской стоянок Костенки-1 (слой 1) и Авдеево разницей в материале и, соответственно, влиянием свойств исходного сырья на моделировку фигуры и совершенство отделки изделия? Имеющиеся материалы этого не подтверждают.

Если говорить не только об изображениях бизона, но о скульптуре рассматриваемых памятников целиком, то мы обнаружим независимость детализации и изобразительной точности в передаче экстерьера зверя или формы человеческого тела от используемого материала. Каменные женские статуэтки из Костенок не менее совершенны, чем костяные. Выполненные в глине и затем обожженные изображения животных из граветтоидных памятников Центральной Европы ничем существенным не отличаются от изделий, выполненных из кости или бивня. Мергелевый мамонт с Авдеевской стоянки гораздо более реалистичен, чем изображение этого же зверя, выполненное из кости, хотя, казалось бы, кость, как более пластичный материал, предоставляет большие технические возможности для моделировки фигуры.

При всей их кажущейся внешней непохожести фигурки мамонта, а также других животных из Костенок-1 и Авдеева, несомненно, едины по стилю независимо от материала, из которого они изготовлены. Главным элементом здесь является линия головы и спины. Пропорции тела весьма приблизительные. Ноги или не показаны вовсе, или лишь слегка намечены. Попытка изобразить ноги не выводит фигурку (предположительно лошади) из бивня со стоянки Авдеево за пределы общего изобразительного канона искусства Костенок – Авдеева. Ноги здесь “сросшиеся”, “тумбообразные” и укороченные; детализация элементов экстерьера, как правило, отсутствует. Когда в редких случаях она имеет место, например в изображении льва из слоя 1 Костенок-1 [Абрамова, 1962, табл. XIV, 3], то фигура зверя передается лишь частично. Нетрудно заметить, что все эти характеристики полностью подпадают под определение стиля 2, по А. Леруа-Гурану, хотя (и это представляется весьма существенным с точки зрения проблемы развития изобразительного искусства) оно было сформулировано для палеолита Западной Европы и к тому же главным образом на основе наскальных изображений.

Об иных, чем различия в материале, причинах возникновения и сохранения стилистических особенностей искусства малых форм палеолита свидетель-

ствуют и материалы Сунгиря. Здесь в распоряжении мастеров были и бивень, и кость, и рог оленя. На высоком уровне была и техника резьбы. Тем не менее круглая скульптура в противоположность граветтоидным памятникам Русской равнины здесь не представлена. Этот, отнюдь не частный, факт говорит о существовании связи стилистических особенностей и даже форм изобразительного искусства с определенными культурными общностями и/или хронологическими подразделениями палеолита. Но с другой стороны, пример зарайской статуэтки (и не только он) свидетельствует о том, что в стилистическом отношении могут существенно различаться и предметы искусства в памятниках, относящихся к одной археологической культуре палеолита (если брать за образец костенковскую).

Подтверждения приведенному выше заключению можно найти в материалах памятников разных отрезков верхнего палеолита и разных культур. Так, стилистически гораздо ближе друг к другу фигурки хищников с восточнограветтской стоянки Павлов [Pavlov I., 1997, p. 274] и ориньякской Фогельхерд, чем скульптурные изображения бизонов из двух однокультурных и одновременных ориньякских памятников Фогельхерд и Гайсенклёштерле. Если бы близость всех трех памятников определялась только на основе названных произведений искусства, то полученный результат явно противоречил бы их реальному археолого-культурному статусу. Подобных примеров можно привести много. Ограничимся двумя фактами. Так, по изобразительному канону в пределах единого стиля скульптуры стоянки Павлов и Дольни Вестонице оказываются ближе к указанным ориньякским памятникам, чем к родственным им восточнограветтским. Или фигурка бизона из горизонта 1 Костенок-4 не только стилистически, но и по более частным особенностям исполнения (уплощенный горб в виде петушиного гребня) несопоставимо ближе аналогичному изображению из того же Фогельхерда, чем статуэтке с Зарайской стоянки, при том что последнюю с Костенками-4 (горизонт 1) объединяют общая граветтоидная традиция и сравнительно одинаковый возраст.

Таким образом, произведения искусства малых форм не всегда отражают археолого-культурную специфику того или иного памятника. Это особенно справедливо для тех случаев, когда их отдельные образцы мы рассматриваем вне общего контекста культуры. Сказанное можно отнести и к зарайской статуэтке. По стилистике и в некоторой степени по теме изображения она не характерна для костенковской культуры, к которой относится Зарайская стоянка. Однако при всем своеобразии статуэтки есть один частный, казалось бы, элемент, указывающий на ее принадлежность костенковской культуре. Речь идет об уже описанном

орнаменте в виде “косого креста”, которым выделена грива на изображении животного. Но опять таки, как уже отмечалось, этот элемент в строгом смысле не является средством самой скульптуры как формы изобразительной деятельности. Он относится к знаковой и орнаментальной сфере, существует относительно самостоятельно и используется для декорирования различных объектов, а отнюдь не только скульптурных изображений. Отсюда возникает еще один вопрос: не является ли орнамент, с точки зрения культурных идентификаций в палеолите, более показательным, чем произведения мелкой пластики? Примеры яркой специфики в орнаментальных системах разнокультурных памятников Восточной Европы (Костенки – Авдеево, Елисеевичи, Мезин и др.) склоняют к положительному ответу на этот вопрос.

Заключение

Фигурка бизона с Зарайской стоянки уникальна тем, что является древнейшим на сегодняшний день образцом натуралистического стиля в искусстве малых форм. Если перенести типологию художественных стилей, разработанную А. Леруа-Гураном для палеолитического наскального искусства, на мелкую пластику, то рассматриваемый объект должен быть отнесен к стилю 4, появившемуся на семь-восемь тысячелетий позже, чем время, к которому относится зарайская фигурка. Это несоответствие подтверждает сомнения в существовании строгой последовательности и жестких хронологических привязок стилей в палеолитическом искусстве. Однако считать их достаточными для пересмотра основ концепции А. Леруа-Гурана не представляется оправданным, так как это означало бы отрицание какого бы то ни было развития палеолитического искусства.

Из рассмотренных в статье данных вытекает и другой общий вывод. Он касается степени отражения в произведениях палеолитического искусства культурной специфики конкретных памятников. Сравнительный анализ материалов показывает, что произведения искусства из однокультурных памятников, как правило, относятся к одному и тому же стилю, но могут и весьма существенно различаться в стилистическом отношении. Степень сходства и различий между памятниками, оцениваемая по предметам утилитарного назначения (особенно каменные орудия) и объектам, имеющим отношение к духовной сфере жизни, неодинакова. Приоритет при выделении археологических культур остается за каменным инвентарем. Однако выделенные на базе последнего культуры будут далеко не полностью отражать этнокультурные характеристики населения, оставившего отдельные группы памятников.

Список литературы

- Абрамова З.А.** Палеолитическое искусство на территории СССР. – М.; Л.: Наука, 1962. – 86 с., 63 табл. – (САИ; Вып. А4-3).
- Абрамова З.А.** В пещерах Арьеза // Звери в камне. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 62 – 95.
- Абрамова З.А., Гречкина Т.Ю.** Об охоте и охотничьим вооружении в позднем палеолите Восточной Сибири // КСИА. – 1985. – Вып. 181. – С. 44 – 49.
- Амирханов Х.А.** Зарайская стоянка. – М.: Научный мир, 2000. – 246 с.
- Бадер О.Н.** Раскопки на Сунгире в 1973 г. // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. – М.: Наука, 1976. – С. 11 – 20.
- Герберштейн С.** Записки о Московии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 431 с.
- Зубр:** Морфология, систематика, эволюция, экология. – М.: Наука, 1979. – 495 с.
- Рогачев А.Н.** Александровское поселение древнекаменного века у села Костенки на Дону. – М.: Наука, 1955. – 164 с. – (МИА; № 45).
- Рогачев А.Н. Аникович М.В.** Костенки-4 (Александровская стоянка) // Палеолит костенковско-боршевского района на Дону. 1879 – 1979. – Л.: Наука, 1982. – С. 76 – 88.
- Трусов А.В.** Культурный слой Зарайской верхнепалеолитической стоянки // Тр. ГИМ. – 1994. – Вып. 88: Древности Оки. – С. 94 – 116.
- Adam K.D.** Eiszeitkunst im südeutschen Raum. – Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, 1980. – 161 S.
- Borziak I., Chirica C.-V.** Pièces de marne du paléolithique supérieur de la vallée du Dnestr // Préhistoire Européenne. – 1996. – Vol. 9. – P. 393 – 401.
- Bosinski G.** Les civilisations de la préhistoire. Les chasseurs du Paléolithique supérieur (40 000 – 10 000 av. J.-C.). – P.: Edition Errance, 1990. – 281 p.
- Breuil H.** Quatre cents siècles d'art pariétal / Ed. by M. Fourni. – P.: Art et industrie, 1974. – 416 p.
- Chauvet J.-M., Deschamps E.B., Hillar C.** La grotte Chauvet à Vallon Pont-d'Arc. – P.: Seuil, 1995. – 120 p.
- Clottes J.** Eléments sur l'art rupestre paléolithique en France // Préhistoire ariégeoise: Bulletin de la Société préhistorique Ariège-Pyrénées. – 1979. – T. 35. – P. 79 – 111.
- Clottes J., Courtin J.** La grotte Cosquer: Peintures et gravures de la caverne engloutie. – P.: Seuil, 1994. – 199 p.
- Kozłowski J.K.** L'art de la Préhistoire en Europe orientale. – P.: CNRS éditions, 1992. – 224 p.
- L'art préhistorique des Pyrénées.** – P.: Edition de la réunion des musées nationaux, 1996. – 375 p.
- Leroi-Gouran A.** Préhistoire de l'art occidental / Nouvelle édition revue et augmentée par Brigitte et Gilles Delluc. Preface de Yves Coppens. – P.: Citadelles & Mazenod, 1995. – 623 p.
- Los comienzos del arte en Europa central** / Eds. C. Cacho, G.-C. Weniger. Museo arqueológico nacional, 1989. – 123 p.
- Pavlov I.** – Northwest: The upper palaeolithic burial and its settlement context / Ed. by J. Svoboda. – Brno: Institute of archaeology, Academy of Sciences of the Czech Republic, 1997. – 472 p.

Материал поступил в редколлегию 8.04.02 г.

К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАТИВНОСТИ ПЕТРОГЛИФИЧЕСКИХ И ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Введение

Нет необходимости доказывать, что археологические полевые исследования позволяют выявлять определенные модели социально-экономической и культурной жизни предков. В частности, раскопки захоронений предоставляют сведения об идеальном земном и загробном мире, как он представлялся тем, кто оставил эти погребения. Кем бы ни были при жизни он или она, после смерти они лишаются индивидуальности, сущность их сводится к общественным и духовным ценностям, они становятся посредниками между миром живых людей и миром духов. Погребальный контекст подтверждает то, что, веруя в жизнь после смерти, умершим создавали условия для поддержания идеального, нереального социального порядка. В самом деле, в нем отражаются основные верования, традиции хозяйственной и общественной деятельности, те, что могли быть или были забыты, но между тем служат тому, чтобы обеспечивать социальную стабильность как отдельной личности, так и общества в целом [Jacobson, 1987, p. 6 – 7; Pearson, 1982]. Наличие одних и тех же вещей в погребениях эпохи бронзы, например, свидетельствует о длительном и устойчивом сохранении традиций, в которых характерные особенности отдельных сообществ, семей и личностей подчинены общественным ценностям. Опытный археолог, конечно, выявит исключения из правил – необычный сосуд, какой-то особый орнамент и др. Но толкователи таких исключений обычно уклоняются от рассуждений о существовании индивидуальной альтернативы, делая при этом акцент на более значимые общественно-хозяйственные моменты. Так, один из сосудов окуневского типа из погребения

андроновской культуры воспринимается скорее как знак взаимодействия двух культур, нежели как отражения личного предпочтения умершего. Сложная орнаментация тулова сосуда воспринимается чаще как признак определенного общественного положения и богатства, а не хорошего вкуса и индивидуальности усопшего. Человек и в смерти сохраняет статус неотъемлемой части общества. Изучение материалов не одного, а большого числа погребений приводит к пониманию того, что все, найденное внутри и вокруг погребальной камеры, может быть лишь идеализированным отражением социального мифа, который передавался из поколения в поколение [Allen, Richardson, 1971; Brown, James, 1981].

В изучении петроглифов Северной и Центральной Азии существует устойчивая традиция поиска общего правила в той или иной записи, составленной из рисунков. Такой поиск можно сравнить с выявлением типологии керамических сосудов или оружия (см., напр.: [Дэвлет, 1998; Пяткин, Мартынов, 1985]). Исследование композиций и образов сводится обычно к анализу их типологии: составляются таблицы рисунков или списки вариаций изображения человека, видов животных, лодок, колесниц и т.д. Подобные типологические раскладки позволяют оценивать изобразительные возможности любого скопления наскальных рисунков. Там, где археологи пытаются представить целостную картину, анализируя ее детали, а затем воссоединяя их (для того чтобы понять, с какой целью эта картина создавалась и прийти к соответствующим теоретическим выводам), наскальные изображения зачастую рассматриваются как такие детали, изъятые из целого, тогда как всякий значимый образ в рамках любой культуры несет опреде-

ленную смысловую нагрузку именно в самой этой образной записи. При изучении петроглифов, “целым” могло быть комплексное восприятие всех качеств камня (тип породы, структура, цвет, размер плоскости, форма), ориентации композиции и составляющих ее фигур, а также окружающего контекста петроглифов и иных объектов, расположенных под открытым небом. На мой взгляд, изъятие одного типа образа человека из подобного контекста столь же значимо для целостного понимания образной записи, как и изъятие одного керамического сосуда из погребального контекста или персонажа эпического рассказа из более пространного повествования. Изъятый объект также теряет свою информативность: вне контекста трудно, а порой и невозможно понять, какое место он занимал в культуре того времени.

Считая неадекватным такой подход в изучении элементов материальной и духовной культуры, я попытаюсь далее поразмышлять относительно образов наскального искусства в пределах изобразительных контекстов, в которые они включены. Думаю, это позволит расширить наши представления о культурах бронзового века Северной Азии, основанные на изучении погребальных памятников.

Анализ археологических культур Алтая эпохи бронзы

Прежде чем приступить к рассмотрению трех необычных панно наскальных рисунков и их сложных образов, полезно, хотя бы кратко, остановиться на том, что известно об археологии бронзового века Южной Сибири и особенно Алтая. Здесь прежде всего стоит обратить внимание на элементы, которые могли бы найти отражение в наскальном искусстве. Археологи выделяют четыре культуры бронзового века: афанасьевскую, окуневскую, андроновскую и карасукскую. Их датировки, особенности формирования, специфика погребальных ритуалов хорошо известны. Меня интересуют те сведения о хозяйстве, погребальных сооружениях и ритуальных обрядах, которые могли бы заполнить пробелы в понимании наскального искусства Алтая.

Мне не известны какие-либо другие изобразительные элементы в погребальном контексте афанасьевской культуры, кроме тех, что обнаружены в Минусинской котловине над афанасьевским культурным слоем в сочетании с костными остатками окуневцев. Афанасьевцы изготавливали из золота, серебра, меди и метеоритного железа орудия и украшения, лишённые каких-либо изобразительных элементов. Похоже, они использовали копья, луки и стрелы, предназначенные для охоты. Но основой их хозяйственной деятельности было разведение животных, в т. ч. крупного рогатого скота. Характерная афанасьевская кера-

мика украшена орнаментальными элементами. Сосуды и жезлы, найденные в погребениях, возможно, свидетельствовали об общественном положении умершего [Вадецкая, 1986, с. 21 – 22; Древние культуры..., 1994]. Некоторые исследователи считают, что афанасьевская культура сформировалась на основе традиций ямно-срубной культурной общности Запада около 3 500 – 2 500 лет до н.э. [Вадецкая, 1986; Anthony, 1998]. Носители ямной культуры действительно использовали повозки с массивными колесами и телеги, в которые запрягали крупный рогатый скот [Anthony, 1998] и, возможно, лошадей. Однако точные сведения о верховой езде на лошадях отсутствуют. Свидетельства того, что афанасьевцы использовали лошадей для верховой езды и колесные повозки, косвенные и ненадежны [Окладников, 1968, с. 159 – 165; Anthony, 1998; Шер, 1980, с. 223 – 229]. Обнаруженные на Алтае и в районе Саян памятники афанасьевской культуры датируются концом III – началом II тыс. до н.э. [Древние культуры..., 1994, с. 134]*. Высказывается мнение, что эта культура распространилась к началу II тыс. до н.э. на юг до Синьцзяна [Mei Jianjun, 2000, p. 58; Kuzmina, 1998, p. 72]. Хотя раскопки на территории Западной Монголии не велись, все же считается, что именно через ее просторы пролегали миграционные маршруты афанасьевцев на юг, а начинались они в Российской Алтае и Минусинской котловине [Новгородова, 1989, с. 81 – 84; Древние культуры..., 1994, с. 134]. В горах Алтая афанасьевцы могли расселяться и в более поздние времена бронзового века [Новгородова, 1989, с. 39 – 49; Древние культуры..., 1994, 130 – 135]. Судя по материалам погребений афанасьевской культуры, изобразительными элементами могли бы быть жезлы, керамические сосуды, крупный рогатый скот и колесные повозки. Сюжеты, связанные со скотоводством, изображались бы, наверное, чаще, чем сцены охоты. Узоры, которыми афанасьевцы украшали глиняные изделия, среди петроглифов не зафиксированы. Открытие их погребений в районе плато Укок [Древние культуры..., 1994] свидетельствует о том, что петроглифы, обнаруженные на территории Монгольского Алтая, могли быть созданы афанасьевцами.

Окуневская культура представлена многочисленными памятниками в Минусинской котловине, а ее региональные варианты – на территории Российского Алтая [Кубарев, 1988; Молодин, Погожева, 1990; Молодин, 1992, 1993; Савинов, 1997]. Полагают, что носители окуневской культуры появились в Минусинской котловине в начале II тыс. до н.э., а в середине

* Однако Дж. Мэллори [Mallory, 1989, p. 223 – 225] и Мэй Цзяньцзюнь [Mei Jianjun, 2000] предполагают, что афанасьевская культура сформировалась ранее – в начале III тыс. до н.э.

того же тысячелетия они были ассимилированы андроновцами. Окуневцы занимались охотой и скотоводством. Сведения об использовании ими лошадей для верховой езды отсутствуют. Изображения крытых колесных повозок представлены лишь на хорошо известной Знаменской стеле [Шер, 1980, с. 223 – 229]. Другой информации об использовании такого вида транспорта нет. Изобразительная традиция окуневской культуры прослеживается на монументальных стелах, каменных плитах из погребений, а также на многих предметах искусства малых форм [Леонтьев, 2000]. На территории Монгольского Алтая она представлена лишь, быть может, рогатыми антропоморфными фигурами, обнаруженными только в Цагаан-Салаа/Бага-Ойгор (см., напр.: [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, t. 2, pl. 77, 106, 107, 208]). Этих материалов недостаточно, чтобы делать определенные выводы об окуневской культуре в Монгольском Алтае.

Андроновские традиции распространялись в XVII – XVI вв. до н.э. из евразийских степей [Kuzmina, 1998]. Наличие крупного рогатого скота и использование колесных повозок способствовали необычайной мобильности их носителей. Эти традиции прослеживаются в Восточном Казахстане и провинции Синьцзян [Kuzmina, 1998; Mei Jianjun, 2000], а также в Южной Сибири, от Оби до Енисея и в северной половине Минусинской котловины [Вадецкая, 1986, с. 46 – 47]. В пределах Алтая андроновские материалы обнаружены только в северной лесостепной зоне [Уманский, 1992]. На территории Тувы, Монгольского и Российского Алтая следы андроновцев отсутствуют. В Минусинской котловине андроновская культура была после окуневской и до карасукской – XIII – XI вв. до н.э. [Вадецкая, 1986, с. 46 – 47].

Есть все основания считать, что андроновцы Казахстана и Синьцзяна имели высокоразвитую технологию изготовления литых изделий из бронзы; но в Южной Сибири такие изделия встречаются в относительно небольшом количестве (см.: [Гришин, 1971; Уманский, 1992; Mei Jianjun, 2000]). Хотя колесные повозки и использование верблюдов-бактрианов устойчиво связываются с андроновской культурой Казахстана и Синьцзяна [Kuzmina, 1998], в пределах Южной Сибири в материалах погребений, относящихся к этой культуре, сведения о подобных животных, колесных повозках и верховой езде на лошадях отсутствуют [Вадецкая, 1986, с. 45]. Образ жизни андроновцев был обусловлен основным видом их хозяйственной деятельности – скотоводством (крупный рогатый скот, лошади, овцы, реже козы). Раскопанные поселения свидетельствуют о том, что андроновцы не имели постоянных жилищ для долговременного обитания. Кочуя в поисках новых пастбищ, они возили с собой разборные жилые конструкции [Там

же]. Их керамика и украшения из металла не позволяют обратиться к теме изобразительных традиций (неорнаментальных). Е.Е. Кузьмина [Kuzmina, 1998] пришла к выводу, что одежда андроновцев Центральной Азии включала кафтан, штаны, кожаную обувь, остроконечные шапки или колпаки. Все это изготавливалось из войлока, кожи, меха и шерстяных тканей. В материалах раскопок в Южной Сибири сведений об одежде андроновцев нет. Допуская, что носители андроновской культуры кочевали в степях Монгольского Алтая в эпоху развитой бронзы (вторая половина II тыс. до н.э.), можно предположить, что в их наборе изобразительных элементов могли быть фигуры людей в опоясанных кафтанах и кожаной обуви (сцены пасущихся животных: крупного рогатого скота, лошадей или овец), а также оружие и орудия труда. Можно ожидать (но с меньшей степенью уверенности), что в этом регионе когда-нибудь удастся обнаружить на камнях сцены охоты, изображения верблюдов-бактрианов и колесных повозок.

Вопрос о происхождении карасукской культуры остается дискуссионным. С.В. Киселев [1951, с. 178] полагает, что карасукцы пришли в Сибирь из Северного Китая. Т. Сулимирский [Sulimirsky, 1970, p. 307] усматривает их прародину в предгорьях Тянь-Шаня. По мнению М.П. Грязнова [1969, с. 97], карасукская культура сформировалась в пределах самой Минусинской котловины. Многие исследователи убеждены в том, что значимые компоненты более поздней карасукской культуры генетически связаны с окуневской [Окладников, 1968, с. 164 – 170; Вадецкая, 1986, с. 35; Савинов, 1997]. Однако по своим антропологическим особенностям карасукцы близки популяции Центральной Азии [Окладников, 1968, с. 180 – 187; Новгородова, 1989]. И наконец, к VIII в. до н.э. карасукская культура была вытеснена тагарской [Вадецкая, 1986, с. 65]. Недавно стал дискутироваться вопрос об абсолютном датировании карасукской культуры: действительно ли ее история заканчивается еще до конца II тыс. до н.э.? [Парцингер, 2000]. Ответ на этот вопрос имеет особую значимость для изучения бронзового века Северной Азии. Но независимо от того, каков будет ответ, похоже, что в скотоводческо-земледельческом укладе карасукцев произошел сдвиг в сторону большей зависимости от разведения крупного рогатого скота, овец и лошадей, а это привело их, в конечном счете, к полукочевому образу жизни. В пределах каменоложного этапа развития карасукской культуры охота стала уже второстепенной по значимости [Вадецкая, 1986, с. 60].

Карасукская традиция изготовления литых бронзовых изделий, как характерная особенность культуры, связана с аналогичной традицией андроновцев, населения Северного Китая и более поздних тагар-

цев. Ю.С. Худяков и Мэй Цзяньцзюнь считают, что материалы погребений Кэрмуци (близко от Алтая и Синьцзяна) свидетельствуют о контактах населения Северного Синьцзяна с носителями культур бронзового века Южной Сибири II тыс. до н.э., и в особенности с карасукцами [Худяков, 1995; Mei Jianjun, 2000, p. 15, 36]. Бронзовые изделия карасукского типа известны в Туве, Монголии, Ордосе и на севере Китая. Однако, как отмечает Э.Б. Вадецкая [1986, с. 62 – 63], на Алтае и в Монголии карасукские погребения не найдены, а в Туве обнаружены только два захоронения, относящиеся к каменоложскому этапу. Несмотря на то что сам факт обитания карасукцев в Монгольском Алтае в принципе возможен, все же раскопки не подтвердили пока эту гипотезу. Большинство известных карасукских бронзовых изделий отсюда относятся к категории случайных находок; но типичные по форме карасукские изогнутые ножи были обнаружены в карасукских захоронениях в Минусинской котловине, и по крайней мере одна литейная форма для изготовления копий найдена в погребении могильника Каменный Лог [Там же, табл. V, с. 55, 56, 62].

Данные о верховой езде на лошадях и колесных повозках в карасукское время проблематичны. И все же присутствие в погребении могильника Каменный Лог одной костяной псалии с тремя отверстиями [Там же, табл. V, рис. 25] намекает на то, что к тому периоду верховая езда уже была освоена. Предположение об использовании карасукцами колесных повозок основано на наличии бронзовых предметов ярмообразной формы в нескольких карасукских погребениях [Вадецкая, 1986, табл. V, рис. 28; Новгородова, 1989, с. 159 – 160; Варёнов, 1984; Савинов, 1995] и их изображений на оленных камнях Монголии, которые Э.А. Новгородова [1989, с. 173 – 201] датирует тем же временем. Поскольку каких-либо частей колесных повозок в карасукских погребениях пока не найдено, принадлежность им малочисленных ярмообразных предметов, как и датировка оленных камней, проблематична. Вопрос об использовании колесных повозок карасукцами остается открытым.

Хотя бронзовые изделия из Северного Китая с изображениями животных на их поверхностях обнаруживают связь с традициями карасукской культуры конца II – начала I тыс. до н.э. [Lin Yun, 1986; Парцингер, 2000], на карасукской керамике такие изображения отсутствуют. Не известно, какой была одежда карасукцев, но найдено много украшений из металла и кости. Женщины отращивали длинные волосы, заплетали их в косы или носили распущенными [Вадецкая, 1986, с. 54; Павлов, 1995]. Э.Б. Вадецкая связала антропоморфные изображения на скалах Минусинской котловины с культурой карасукцев, но ее описание этих фигур [Вадецкая, 1986, с. 57 –

58] показывает, что они не сходны с образами, которые будут рассмотрены далее. И все же в число унаследованных от карасукцев образов, которые могли быть зафиксированы в петроглифах, можно включить характерные бронзовые орудия, оружие и утварь – ножи, кинжалы и ярмообразные предметы, а кроме того, охотников, домашних животных (в особенности крупный рогатый скот), женщин с косами. Возможно, наиболее ранние из известных изображений всадников на лошадях и колесных повозок указывают на продолжение традиции карасукской культуры.

Рассмотрев изобразительные элементы, которые, судя по материалам погребений четырех культур бронзового века, могли бы быть зафиксированы в петроглифах, обратимся к образам наскального искусства. Особое внимание в последующем анализе будет уделено композициям в верховьях р. Цагаан-Гол (сомон Цэнгэль, Баян-Улэгэйский аймак, Монголия). Этот материал рассматривается на фоне наскальных изображений других хорошо известных памятников: Цагаан-Салаа/Бага-Ойгур (сомон Улаан Хус, Баян-Улэгэйский аймак); Елангаш в Кош-Агачском и Калбак-Таш в Онгудайском районах Республики Алтай*. Все связанные с ними композиции относятся, по моему мнению, к бронзовому веку. Такое заключение базируется на следующих показателях: тип фигуры, вид животного, тип оружия, степень патицизации по сравнению с расположенными вблизи изображениями (последнее анализируется не во всех случаях)**.

Анализ петроглифов

Первая композиция расположена в высокогорной степи, на северной стороне небольшого холма, который возвышается над правым берегом р. Хар-Салаа (притока р. Цагаан-Гол) (рис. 1). Здесь изображения размещены на гладкой широкой поверхности. Длина этого панно около 3 м, а ширина примерно 2 м (в наиболее широкой его части). На камнях сохранились царапины – следы, оставленные древним ледником. Цвет скальной поверхности варьирует от темно-красного в центре до голубовато-зеленого в сильно испещ-

* Эта статья написана по материалам полевых исследований автора, В.Д. Кубарева и Д. Цэвэндоржа. Они проводились в рамках совместного Монгольско-Американско-Российского проекта “Алтай” при поддержке Университета штата Орегон, Института истории Монгольской АН (Улан-Батор) и Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Новосибирск). Полный отчет по комплексу наскальных изображений в верховьях р. Цагаан-Гол готовится к печати.

** Объем статьи не позволяет детальнее рассмотреть вопрос о датировке петроглифов бронзового века (об этом см. раздел, написанный Э. Якобсон: [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001].

ренной прожилками части на восточной окраине. Эта скала сама по себе привлекает внимание, но окончательно очаровывает многочисленными изображениями, выбитыми на ее поверхности. Первые рисунки панно появились, наверное, в эпоху развитой бронзы (около 3 500 л.н.), а последние – в тюркское время. Уделим особое внимание двум группам изображений (рис. 2): сцене охоты на дикого быка и композиции, иллюстрирующей сражение. По главной фигуре этого панно будем впредь называть его “панно с быком”.

Панно с быком включает шесть небольших фигур охотников, которые окружают огромное животное, расположенное головой направо. У быка изображены две ноги, массивная холка, длинный изогнутый с шаровидным концом хвост и знак мужского пола. Рога животного образуют над головой круг. Фигура быка выполнена глубокой плотной выбивкой, внешние контуры темного силуэта отчетливы. Позади этого животного изображена сходного вида, но гораздо более грациозная корова, идущая за быком. Силуэт ее выбит частично. Хвост коровы также с шаровидным концом. Рога, как и у быка, образуют над головой круг. Над фигурой коровы изображение небольшого бычка. Голова его повернута влево, хвост с шаровидным кончиком, а рога выставлены вперед. Судя по стилю, технике исполнения и патинизации, изображения этого бычка и другого, который находится как раз перед крупным быком, а также несколько животных, расположенных правее, были выбиты в более позднее время. Фигуры пяти из шести охотников, окруживших бычка, выполнены в той же манере. Один из охотников, коего сопровождает собака, вонзает копье в грудь животного, двое других – в брюхо бычка. В пределах окружности, оконтуренной рогами, выбита еще одна фигура охотника, который нацеливает стрелу лука на голову жертвы. По крайней мере трое охотников изображены в “грибовидных” головных уборах, типичных для бронзового века (едва видимые фигуры двух других охотников не позволяют различить детали их одежды). Скорее всего, это меховые или кожаные шапки. От пояса охотников свисают длинные привески с шаровидным окончанием. Их иногда называют ритуальными хвостами, булавами [Кубарев, 1987] или мешками и походными сумками [Дэвлет, 1998, с. 161]. Но более вероятно, что это монгольские *даллууры* (охотничья метелочка – палка с прикрепленным к ней пучком шерсти яка), которые и по сей день используются монголами при охоте на небольших животных (типа сурков), чтобы фиксировать их внимание.

Выше и левее описанной группы охотников размещены еще несколько изображений людей. Они выполнены в ином стиле. Среди них выделяется большая фигура чужака в опоясанном кафтане, с горитом и *даллууром*. Этот персонаж окружен пятью фигура-

ми людей иного обличия. На головах по крайней мере двух из них показаны меховые (или кожаные) шапки. У одного имеется *даллуур*. Похоже, здесь изображено сражение: один из окруживших вонзает в чужестранца копье, а другой нацеливает стрелу лука в его спину. Вокруг и выше этой сцены размещается множество других фигур. Они различаются степенью патинизации и стилистикой, что свидетельствует о более позднем подключении данных персонажей к сцене боя.

Панно поражает не только красочностью поверхности камня и художественным мастерством исполнения образов. Оно представляет много знаковых элементов и деталей, по которым можно было бы датировать композицию. Первая тема, которая отражена на панно, – охота на крупного животного. Примечателен выбор оружия – копья, которое не столь часто можно видеть в сценах охоты, относящихся к эпохе бронзы, в Монголии (для них более характерны луки и стрелы). К тому же на головах некоторых охотников показаны хорошо известные округлые шапки, а отдельные персонажи вооружены *даллуурами*. Многие исследователи включают оба эти элемента в контекст культуры карасукского времени [Окладникова, 1984; с. 53; Кубарев, 1987, с. 161; Новгородова, 1989, с. 165 – 167; Дэвлет, 1998, с. 161 – 163]. Вторая тема панно – сражение с высоким чужестранцем. Даже если эта группа изображений появилась на скале позже, чем сцена охоты на дикого быка, поразительно, что она была размещена именно здесь, около центральной композиции. Подобное композиционное совмещение было не только обдуманым, но и весьма значимым в культурном контексте.

Это изображение дикого быка великолепно, но не уникально. Ближайший аналог открыт в долине верхнего течения р. Цагаан-Гол. Здесь на голубоватой поверхности скалы выбита фигура бегущего быка, меньшего, правда, размера (рис. 3). Заслуживает внимания и превосходного вида дикий бык, изображенный на панно, обнаруженном в той же речной долине. В эту композицию включены также олень, охотник и четыре волка или собаки, последние показаны как бы летящими (рис. 4). Рисунки, сходные с рассматриваемым изображением дикого быка, встречаются повсюду. Фигура массивного с горбом быка из Цагаан-Салаа I [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, t. 2, pl. 35] поражает своими огромными размерами и совершенством исполнения. На рисунке, наверное, бык, прирученный человеком, о чем свидетельствует изображение стоящего подле него навьюченного животного, частично прикрытое лишайниками. Если кто-то захочет поискать изображения быков с хвостом, имеющим шаровидный конец, то он сможет легко выявить многочисленные аналогии на других памятниках Алтая. Так, на панно в Елангаше изображены

Рис. 1. Вид на долину верховья р. Цагаан-Гол.
Фото Г. Тэпфера.

Рис. 2. Панно с быком: сцены охоты на дикого быка
(в центре) и сражения (выше, налево). Комплекс
в верховьях р. Цагаан-Гол. Фото Г. Тэпфера

Рис. 3. Изображение бегущего быка. Комплекс
в верховьях р. Цагаан-Гол. Фото Г. Тэпфера.

три, видимо, диких быка с разными по виду рогами, которые отличаются и от рогов дикого быка, выбитого на скале в верховьях р. Цагаан-Гол [Окладников и др., 1979, табл. 8, рис. 5]. Более изящное изображение быка, открытое в том же Елангаше, надлено

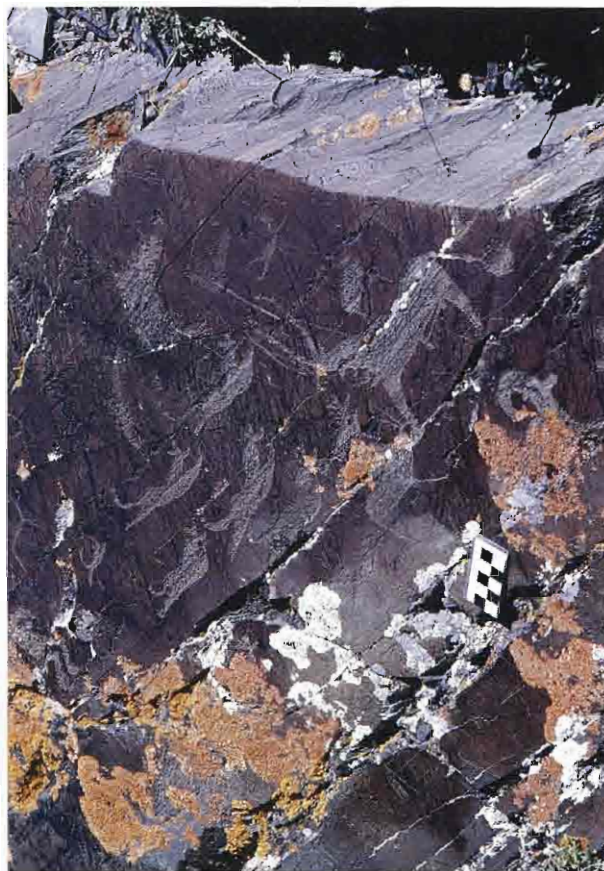

Рис. 4. Сцена с диким быком, оленем, “летающими”
собаками (или волками) и охотником (вверху, слева).
Комплекс в верховьях р. Цагаан-Гол.
Фото Г. Тэпфера.

огромными рогами и четкими признаками пола, но нет характерного горба и шарообразного кончика у хвоста [Там же, табл. 66, рис. 4]*. В одной из композиций Бага-Ойгур III [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, t. 2, pl. 329] лучник в меховой (или кожаной) шапке целится из лука в стадо диких животных, которые изображены с большими закругленными рогами и хвостами с шаровидным кончиком. Композиция Бага-Ойгур I на валуне содержит интересные детали, пригодные для сравнения с таковыми панно с быком. Здесь изображены быки с хвостами, имеющими шаровидные кончики, и закругленными рогами, которых атакуют собаки и охотники с луками [Ibid, t. 1, pl. XVIII, fig. 225 – 227]. Похоже, однако, что эта сцена относится к сложному по композиции рассказу [Jacobson, 1998]: олень (марал), а также дикие быки представляют собой объекты обычной охоты, но иной сюжет повествования отражает лучник, изображенный стоящим на роге оленя-самца. Статичные фигу-

* К сожалению, опубликованные рисунки Елангаша трудно использовать по ряду причин.

Рис. 5. Изображение дикого быка в окружении мужчин с копьями. Комплекс в верховьях р. Цагаан-Гол.
Фото Г. Тэпфера.

ры диких быков с закругленными рогами и хвостами с шарообразным концом обнаружены на панно Бага-Ойгур V [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, t. 1, fig. 1313; t. 2, pl. 396, 397]. В этой композиции их окружают лучники, все, за исключением одного, в меховых (или кожаных) шапках. В другом месте, а именно в Бага-Ойгур IV [Ibid, t. 2, pl. 355], изображен охотник, стреляющий в стадо диких животных. Среди них фигура огромного быка с закругленными рогами и хвостом с шарообразным концом. Однако в этом случае у животного показаны четыре ноги, а охотник изображен в халате и с составным луком – этот изобразительный элемент указывает на то, что рисунок сделан не ранее конца бронзового века.

Последняя композиция свидетельствует о том, что особый вид быка – с характерными для него рогами и хвостом – не является бесспорным признаком определенного культурно-хронологического этапа. Аналогичные изображения быка найдены в Калбак-Таше (см., напр.: [Kubarev, Jacobson, 1996, fig. 115, 183, 451]). И все же в каждом отдельном случае просматриваются значительные различия: своеобразные рога, характерный способ оформления туловища или хвоста, а то и просто оригинальная тема, отраженная в композиции. В Средней Азии, среди петроглифов Сармыша (Узбекистан) и Тамгалы (Казахстан), встречаются изображения величественных быков с рогами, образующими круг над головой. Они более других похожи на главного персонажа *панно с быком* [Khujazarov, 2001, fig. 7, 15; Samashev, 2001, fig. 20]. Однако в композициях с такими животными нет каких-либо иных изобразительных элементов, которые можно было бы сравнивать с теми, что выявлены на *панно с быком*. В данном случае следует, по-видимому, говорить о совпадении внешнего вида животных и конвергентном выборе изобразительных элементов, а не о сохранении культурной традиции.

На *панно с быком* представлено необычное животное: величественное и мощное, оно, скорее всего, иллюстрирует миф, в котором такого облика бык наделен сверхъестественными качествами. Сам же процесс сотворения мифа М.П. Грязнов связал с появлением эпической традиции в бронзовом веке Южной Сибири [1961]. Подобный мотив мифически величественного животного иногда повторяется в наскальном искусстве Алтая. Так, например, в одной из сцен охоты Бага-Ойгур IV [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, t. 2, pl. 375] лучник (небольшая фигура с “косичкой” и меховой шапкой на голове) целится в крупного изящного быка с длинным и массивным хвостом. В других композициях Цагаан-Салаа/Бага-Ойгур повторяется сюжет огромного быка и маленького лучника в кафтане и меховой (кожаной) шапке [Ibid, t. 1, fig. 1212]. В композиции Бага-Ойгур II [Ibid, t. 2, pl. 282] на гигантского быка с мощными рогами нападает небольшого роста охотник в меховой (кожаной) шапке, с *даллууром*. И все же чаще в сценах охоты на петроглифах Монгольского Алтая мифическими величественными животными выступают лоси или дикие бараны, иногда представленные жертвами охотников в меховых (кожаных) шапках*. Следует отметить, что точные копии композиции *панно с быком* пока не обнаружены.

Примечательно наличие в сценах охоты бронзового века такого изобразительного элемента, как копье, подобное бывает довольно редко. По моему мнению, этот тип оружия не представлен в композициях эпохи поздней бронзы или раннего железа на Алтае. В действительности, нетрудно представить себе, что копье могло бы быть одним из изобразительных элементов, являющихся характерными для определенной культуры, к которой можно было бы отнести *панно с быком*. В долине верхнего течения р. Цагаан-Гол, на поверхности камня выбита небольшая композиция – сцена охоты на быка [Ibid, t. 2, pl. 902] (рис. 5). У него короткий хвост с шаровидным концом, рога образуют круг над головой животного. Собаки нападают на быка, а четыре охотника пронзают его своими копьями. Помимо копий у каждого из них *даллуур*. Трое в меховых (кожаных) шапках. У четвертого головной убор отсутствует, его длинные волосы собраны в пучок и обвязаны шнурком. Здесь тот же сюжет, что и на *панно с быком*, но все фигуры соразмерны и выполнены в той манере, что делает их лишенными динамики. Иначе говоря, хотя в обеих композициях одни и те же изобразительные

* Ср.: [Kubarev, Jacobson, 1996, fig. 284]; сходные сцены с лосем есть в композициях Цагаан-Салаа II [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, t. 1, pl. III, IV]. Охота на гигантского марала, которую ведут мужчины в меховых шапках, изображена на участке Хар-Чулуут комплекса в верховьях р. Цагаан-Гол (см.: [Jacobson, 1997, fig. 23]).

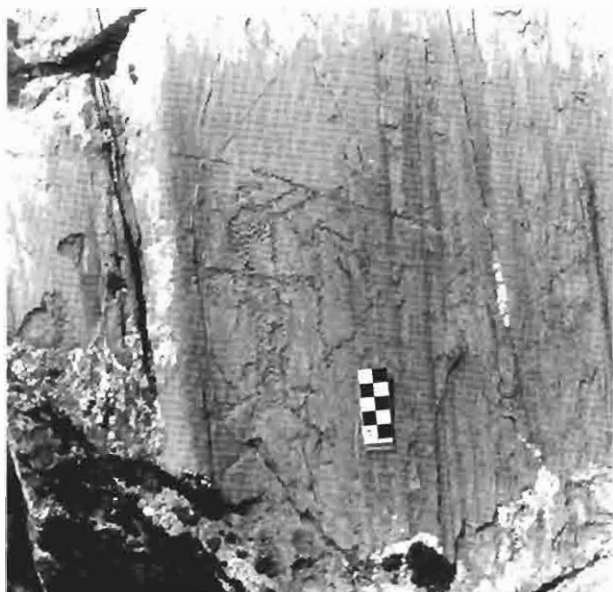

Рис. 6. Изображение охотника с копьем (незаконченная композиция). Бага-Ойгур IV. Фото Г. Тэпфера.

элементы (дикий бык, копыя, охотники в меховых шапках), они выполнены по-разному. На памятнике Бага-Ойгур IV запечатлены три сцены охоты, в которой участвуют вооруженные копьями мужчины в меховых (кожаных) шапках. Наиболее интересна одна из них: люди, с анималистическими чертами в изображении голов, окружили крупного кабана и яростно атакуют его, используя копыя и *даллууры* [Ibid, t. 1, pl. XXVII]. Вторая сцена более схематична. Ее персонажи – охотники, нападающие на небольшого кабана. Они вооружены такими же длинными *даллуурами* [Ibid, t. 2, pl. 379]. В третьей сцене, размещенной рядом со второй [Ibid, pl. 382], охотники в меховых (или кожаных) шапках вонзают копыя в некое подобие медведя. *Даллууров* у них нет. Весьма выразительная фигура обнаружена на том же памятнике [Ibid, t. 1, pl. XXXIII]: высокий и стройный человек с длинным копьем, большим луком, колчаном со стрелами и *даллууром* (рис. 6), энергично бегущий вперед, намереваясь атаковать кого-то. Очевидно, художнику не удалось закончить работу над задуманной композицией. Образы этого человека и тех, которые охотятся на крупного кабана [Ibid, pl. XXVII], невольно наводят на мысль, что в некой особой культурной среде столь высокие и стройные люди ассоциировались с копиями. К сожалению, такое предположение пока не подтверждается. Так, например, в композиции памятника Цагаан-Салаа I [Ibid, pl. II] великолепно выполненная фигура того же типа представляет лучника, который подкрадывается к несоизмеренно крупному горному барану (аргали). На участке Хар-Чулуут комплекса Цагаан-

Рис. 7. Валун со сценой охоты: трое лучников стреляют в убегающих животных. Комплекс в верховьях р. Цагаан-Гол. Фото Г. Тэпфера.

Гол (рис. 7) в сцене охоты изображены около десятка столь же высоких и стройных людей с луками и стрелами.

Хотя каждый изобразительный элемент может направить размышления о его значимости в какое угодно русло, ясно одно – в наскальном искусстве бронзового века Алтая и Саян нет точных аналогов темы *панно с быком*. Не обнаруживаются и параллели побочной темы того же панно – сцены сражения, размещенной выше и левее огромного быка (см. рис. 2). В петроглифах бронзового века долины Цагаан-Гол (Цагаан-Салаа/Бага-Ойгур) и других памятниках искусства Алтая сцены сражения встречаются довольно редко. Значительно больше сцен охоты, изображений пасущихся животных или сюжетов, связанных с перекочевкой. Соседство на *панно с быком* сцен охоты и сражения воскрешает в памяти одну из обширных композиций Бага-Ойгур IV. Там на вершине валуна изображено сражение группы людей в меховых (кожаных) шапках, а на сторонах того же камня расположены композиции, посвященные охоте [Ibid, t. 2, pl. 370, 371]. В сцене охоты на “мифического” лося в Калбак-Таше [Kubarev, Jacobson, 1996, fig. 286] такие же небольшие фигуры в меховых (кожаных) шапках размещены ниже крупного лося. В руках у них копыя, но, кажется, что внимание этих персонажей направлено скорее друг на друга, нежели на величественное животное. Возможно, в этих композициях, совмещающих сцены охоты и сражения, отражена борьба за владение родовыми охотничьими угодьями. Даже если рисунок, воспроизводящий сражение, на *панно с быком* добавлен к сцене охоты на дикого

быка в более позднее время, за этим скрыта преднамеренная попытка переосмыслить тему охоты, дополнить ее мотивом участия в борьбе родовой общины за овладение охотничьими угодьями*.

Наибольшее сходство со сценой сражения, запечатленной на *панно с быком*, имеет рисунок на другом, тоже необычном панно, расположенном на северо-западной стороне того же холма, где размещено первое. *Второе панно с быками* еще обширнее, чем первое, и поверхность камня здесь не менее красивая: гладкая, почти шлифованная, с мелкими царапинами, оставленными ледником. Первоначальный блок был расчленен на большое количество крупных частей, и многие трещины разломов сохранили острые края. На этом панно изображены фактически две группы вооруженных людей. В одной (рис. 8, вверху справа) – небольшая прекрасно исполненная “рогатая” фигура лучника с длинным *даллууром* и большим горитом; вторая – в меховой (или кожаной) шапке, а третья – с широким телом, длинными ногами и руками, растопыренными пальцами и крупными закругленными рогами. Эта группа может представлять сцену сражения или охоты. Третья фигура производит странное впечатление. Она во многом напоминает изображение “великана” с вытянутыми руками, которого атаковали два лучника в меховых шапках, из Бага-Ойгур II [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, t. 1, fig. 826; t. 2, pl. 243] или “великана”, запечатленного в Калбак-Таше [Kubarev, Jacobson, 1996, fig. 451, 511]; или странную фигуру в сцене сражения на *панно с быком***. Эти фигуры людей, как и отдельных животных, которые находятся возле них, поражают совершенством исполнения и тонкостью техники выбивки. Тут в пределах одной и той же композиции представлены две разновидности головных уборов – меховые (или кожаные) шапки и головные уборы с рогами. Среди петроглифов Алтая и Саян довольно часто встречаются изображения “рогатых” лучников***. В качестве примера можно упомянуть фигуру мужчины, который держит на привязи свору собак, в композиции Бага-Ойгур I [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj,

2001, t. 2, pl. 213]; изображения охотников на большом панно в Бага-Ойгур II [Ibid, pl. 255 – 258]; фигуру мужчины, держащего большой нож, в Цагаан-Салаа IV [Ibid, pl. 157]; изображения двух охотников с луками и шаровидным оружием, которые преследуют оленя [Окладников и др., 1979, табл. 38], и две фигуры с рогами, расположенные рядом с изображениями мужчин в “грибовидных” головных уборах [Там же, табл. 56, рис. 1], в Елангаше.

Еще большее сходство с воинами, запечатленными в сцене сражения на *панно с быком*, обнаруживает группа из пяти высоких и стройных фигур, размещенных на юго-западной стороне *второго панно с быками* (рис. 9). На головах трех из них – удлиненные Т-образные выступы. Эти три персонажа изображены с большими луками и кинжалами, а два других – с луками меньшего размера и *даллуурами*. Близко от них находятся еще две, нечетко выраженные фигуры и третья, со странным хохолком на голове. Из-за глубокой патинизации и мелкой выбивки трудно определить замысел древнего художника: объединены ли воины в Т-образных головных уборах в одну группу, напротив своих врагов, или же те и другие смешались в беспорядочную толпу в ходе сражения. Кроме одной аналогичной композиции недалеко от этого панно, единственная подобная сцена обнаружена в Гобийском Алтае на памятнике Хавцгайт [Окладников, 1981, табл. 93, рис. 4]. Там запечатлена группа из четырех воинов или охотников, на головах которых отчетливо видны хохолки, а трое из них изображены с длинными хвостами, похожими на хвосты животных. Не отражена ли здесь сцена сражения местных жителей с чужаками? Если это так, то к какому времени она относится? А может быть, рисунки свидетельствуют (как то уже фиксировалось при анализе других композиций) о том, что головной убор вовсе не является культурно-хронологическим признаком?

Главные образы *второго панно с быками* – три огромных быка с красивыми причудливыми рогами. Внутренне пространство фигур частично заполнено выбитыми узорами. У самого крупного быка (см. рис. 8) хвост заканчивается расширением в виде лопасти весла, а большие закругленные рога простираются змеевидными изгибами вверх и по краю поверхности камня. Пол животного четко обозначен. Внутри контура этой фигуры геометрический узор. От изящной головы быка идет тонкая линия к незаконченной фигуре, судя по волосам, женщины, из чего можно заключить, что это не дикое животное. Ноги быка выглядят неуклюжими, а в целом его образ передан превосходно. Над ним, в другой части той же скальной поверхности изображены еще два быка с изящно изогнутыми рогами и отчетливыми знаками пола. Эти животные не столь грациозны, как самый крупный бык, но все же производят сильное впечатление. Они

* Среди наскальных изображений бронзового века сцены сражения групп мужчин – явление не обычное. Они встречаются довольно часто в композициях скифской эпохи (см.: Русакова, 1998; Советова, 1995).

** “Великаны” запечатлены также на скалах среднего Енисея [Советова, 1995, с. 50 и табл. IV]. Однако образительный контекст этих фигур остается неясным. Если судить по оружию и головным уборам, все они относятся к более позднему периоду (тагарскому).

*** Несомненно, “рогатые” головные уборы были, на самом деле, изображениями голов животных с длинными ушами; такие шапки, возможно, шились из лисьих шкур; в более древние времена могли использоваться шкуры других животных (например, снежного леопарда).

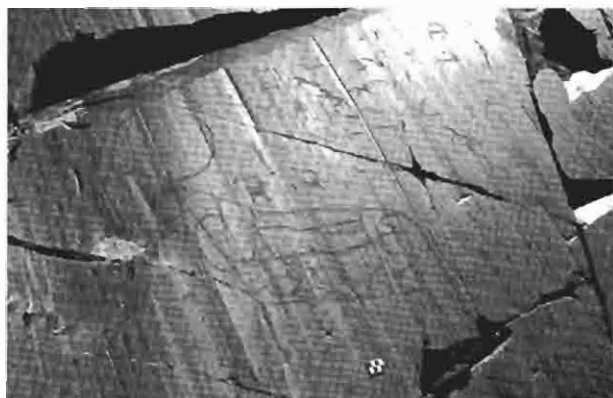

Рис. 8. Второе панно с быками: изображение женщины, ведущей огромного быка, и над фигурой животного – сцена сражения или охоты. Комплекс в верховьях р. Цагаан-Гол. Фото Г. Тэпфера.

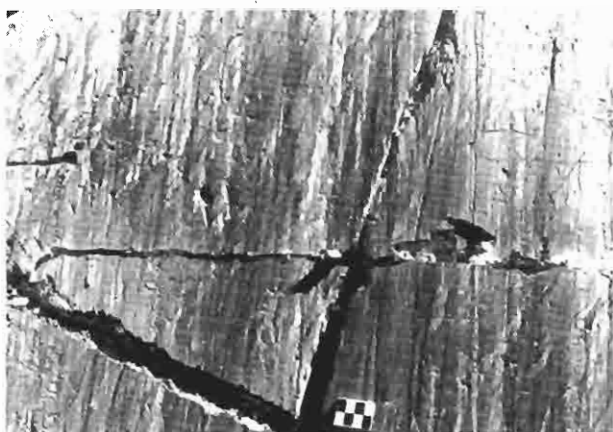

Рис. 9. Фрагмент сцены сражения в правой половине второго панно с быками: пять воинов с большими луками, в Т-образных головных уборах. Комплекс в верховьях р. Цагаан-Гол. Фото Г. Тэпфера.

расположены друг против друга. На одной фигуре волнистый узор, а другая покрыта крошечными выбоинками (рис. 10). В этом случае быки не связаны с какими-либо фигурами людей. Не похоже, что они имеют отношение и к фигурам животных, которые находятся возле них; однако ясно, что все три изображения быков появились на скальной поверхности в один и тот же отрезок времени.

Изображения быков с узорами внутри контура фигур часто встречаются в наскальном искусстве Алтая. Несколько таких рисунков найдено в пределах комплекса Цагаан-Гол. Среди них фигура огромного быка (с волнистым узором) на обширном панно участка Хар-Чулуут (рис. 11). В данном случае изображено одомашненное животное, чем-то нагруженное, в окружении нескольких человек, один из которых (в меховой шапке) ведет его на длинной веревке. Здесь непропорциональные размеры “мифического” животного сочетаются с признаками одомашнивания

Рис. 10. Верхняя часть второго панно с быками: изображение двух быков, стоящих друг против друга. Композиция в верховьях р. Цагаан-Гол. Фото Г. Тэпфера.

Рис. 11. Фигура навьюченного быка с узорами на туловище. Комплекс в верховьях р. Цагаан-Гол. Фото Г. Тэпфера.

и ритуальной значимости (груз, веревки и узоры), а также с размещением вокруг животного фигур людей. В композиции Цагаан-Салаа IV изображение навьюченного быка, которого ведет небольшого роста женщина, менее выразительно [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, t. 1, pl. XIV]. У животного большие закругленные рога, хвост с шаровидным концом. Некоторые из наиболее выразительных изображений быков с выбитыми внутри контура фигур узорами обнаружены на Калбак-Таше. Один рисунок запечатлел быка с ребенком на спине. Хвост этого животного заканчивается расширением в виде лопасти весла. Контур шеи и выемки на рогах тщательно обработаны, а внутреннее пространство фигуры заполнено кружками и диагональными линиями [Kubarev, Jacobson, 1996, fig. 429]. Другие, более тяжеловесные быки с такими же хвостами запечатлены в сложных композициях, включающих изображения разных животных, охотников, женщин и даже телег [Ibid,

Рис. 12. Фрагмент *третьего панно с быками*: массивные быки; одного из них ведет невысокая женщина (вверху), а другой привязан к ограде (ниже). Комплекс в верховьях р. Цагаан-Гол. Фото Г. Тэпфера.

fig. 449 – 451]. На одной из таких композиций [Ibid, fig. 473] представлены 19 быков с разнообразными рогами. Внутреннее пространство всех фигур частично заполнено выбитыми узорами. Восемь быков изображены нагруженными предметами домашнего обихода или с детьми на спинах. Эта композиция свидетельствует о том, что ни тип рогов, ни вид хвоста не могут считаться ни датирующими признаками, ни показателями принадлежности петроглифов к какой-либо культуре. Однако изображения этих быков, как и огромных быков в Хар-Чулууте и на *втором панно с быками*, позволяют предположить, что художественный прием выбивки узора внутри контура фигур использовался только при изображении одомашненных животных, по крайней мере, во времена бронзового века.

Примечательно, что на холме, о котором идет речь (назовем его *холмом панно с быками*), находится еще одно, *третье панно с быками*. Оно расположено выше *второго* и ориентировано на запад. Поверхность камня ровная, отшлифованная, с царапинами, оставленными ледником. Значительная часть поверхности обширного панно подразделена на обособленные секции, покрытые красными лишайниками. Здесь запечатлены два огромных быка: изображение одного из них представляет начальную стадию его исполнения, а работа над образом второго, возможно, не была закончена (рис. 12). Однако то, что изображено здесь, весьма необычно. Тяжеловесность быков подчеркивается контрастом между изящно закругленными рогами и преувеличенно широкими шеями, окаймленными фестончатым узором. Контур верхней почти завершенной фигуры оформлены частичной выбивкой. Хвост у этого животного с шаровидным концом, в то время как у более крупного быка он заканчивается изящной кисточкой. Размеры фигур

и тщательная обработка их шей наводят на мысль о ритуальном назначении композиции и воскрешают в памяти большое количество изображений быков на других местонахождениях, например, в Калбак-Таше [Ibid, fig. 473] и Бага-Ойгур IV [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, t. 2, pl. 360, 361]. В сюжете, представленном на *третьем панно с быками*, верхнего быка ведет небольшая женщина с косами (изображение фронтальное), а нижний, пасущийся бык привязан к ограде. Внутри огороженного места находится небольшая фигура, напоминающая ребенка, а за оградой – тонкая фронтальная фигура и изображения одного или двух небольших животных.

Несмотря на тяжеловесность двух быков *третьего панно* (что может рассматриваться как признак диких животных), это, видимо, домашние животные, символизирующие изобилие скота, домашнее благополучие. Те же мысли возникают при анализе других изображений быков с выбитыми узорами внутри контура фигур, о которых речь шла выше, а также сцен, где запечатлены мужчины, женщины, дети, быки и огороженные места (как, например, на петроглифах Бага-Ойгур III) [Ibid, t. 2, pl. XXII, XXIII, fig. 327 – 330]. Образы женщин (с косами и без них), ведущих за собой одомашненных быков, часто встречаются в наскальном искусстве Алтая, как и изображения быков (диких или одомашненных) с шеями, окаймленными узорами. Примеры тому есть в Елангаше [Окладников и др., 1979, табл. 6; 16, рис. 1; 32, рис. 1; 84, рис. 1], Калбак-Таше и Цагаан-Салаа [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, t. 1, pl. XIV, fig. 281, 332, 393]. На всех этих памятниках искусства представлены бытовые сцены, отражающие изобилие и благополучие. На *втором панно с быками*, как и на *третьем*, отражена сходная картина: величественные животные, нагруженные домашним скарбом, в сочетании с образом женщины. Однако изображения быков на этих панно различаются манерой исполнения и уровнем художественного мастерства. Изображения женщин с косами по обеим сторонам головы вызывают в памяти карасукские женские фигуры [Вадецкая, 1986, с. 54; Павлов, 1995]. Быков, которые по размерам и пропорциям сходны с теми, что изображены на *панно с быком*, обычно относят к мифическим животным. Сцены сражения на *панно с быком* и *втором панно с быками*, вероятно, отражают тему борьбы за сохранение охотничьих угодий и стойбищ. Характерные признаки, отличающие изображения людей в таких композициях (рога на головных уборах, меховые шапки, хохолки на голове, маленькие или большие луки, копья), свидетельствуют скорее о принадлежности этих людей к разным культурам, нежели о их единстве.

На *холме панно с быками* много петроглифов, которые не похожи на те, что составляют композиции трех рассмотренных панно, ни размерами, ни слож-

ностью образов, ни художественным мастерством их исполнения. Этот холм возвышается над р. Хар-Салаа (правым притоком р. Цагаан-Гол), и на севере с него открывается вид на священную гору Шивээт-Хайрхан (рис. 13). Очевидно, именно этим можно объяснить появление здесь трех выдающихся панно. Все три плоскости необычной структурой камня привлекли внимание тех, кто первыми обнаружил их, и кто в более поздние времена добавлял к уже выбитым рисункам новые изображения. Тема и стиль исполнения композиции *панно с быком* позволяют предполагать, что она создавалась раньше других. *Второе* и *третье панно*, отражающие приручение животных, наводят на мысль о более позднем их появлении на холме; но ничто в стиле исполнения этих композиций не позволяет утверждать, какая из них выполнена раньше. Скорее всего, каждое панно вдохновляло на создание очередного, повыше, на том же холме; это относится, по крайней мере, к композициям с быками. Что же касается фигур в сценах сражения, вероятно, включающих изображения “великанов”, я думаю, на *панно с быком* они появились позднее главной композиции, но все же в бронзовом веке; а кроме того, мне кажется, что они представляют собой вторичное использование древней композиции для отражения борьбы за охотничьи угодья или ради расширения смысла запечатленного ранее повествования. Группа фигур в сцене сражения *второго панно с быками* может также быть поздним добавлением к *панно с изображением огромного быка*, так как стиль, в котором исполнены фигуры более многочисленной группы воинов, предполагает иное видение и мастерство художника. В любом случае, на том же холме поблизости находятся достаточно удобные для размещения рисунков поверхности скалы. Так что древний художник имел возможность выбрать подходящее место для создания своего панно, но он предпочел разместить свою композицию возле тех самых быков. Поступая так, он стремился развить уже имевшийся сюжет.

Петроглифы и археологические реалии

Из четырех рассмотренных культур окуневскую исключим далее из анализа, так как в материалах памятников наскального искусства Монгольского Алтая изобразительная традиция этой культуры не находит сюжетных параллелей (кроме рогатых антропоморфных фигур). Жезлы, которые держат в руках люди в меховых (или кожаных) шапках и с *даллуурами*, запечатленные в композициях Калбак-Таша, Елангаша, Цагаан-Салаа/Бага-Ойгур и Цагаан-Гол, можно было бы отнести к афанасьевским ритуальным вещам. Однако такие фигуры чаще представлены в сценах охоты, чем в композициях с животными на пастбищах, поэтому

вопрос о их культурной принадлежности остается открытым. Отождествление жезла с определенным знаком общественного положения в афанасьевской культуре [Вадецкая, 1986, с. 21 – 22; Древние культуры..., 1994] также еще слишком дискуссионно.

Изобразительные элементы, которые могли относиться к андроновской культуре, часто встречаются в пределах Монгольского Алтая. В Цагаан-Салаа/Бага-Ойгур много сцен, где запечатлены мужчины, одетые в опоясанные кафтаны и пасущие крупный рогатый скот (рис. 14; см. также: [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, t. 2, pl. 319, 320, 332, 374]), но изображений всадников на лошадях, а также колесных повозок здесь нет. В комплексе Цагаан-Гол выявлена одна сцена, где высокий мужчина в опоясанном кафтане целится из лука в двух крупных маралов. Эти массивные животные не похожи на каких-либо других в композициях периода ранних кочевников, как и две крупные фигуры в колесных повозках, которые более похожи на изображения людей в опоясанных кафтанах в других композициях. Такие характерные изобразительные элементы, как колесница, кафтан, массивность фигур, отсутствующие в трех панно с быками, возможно, свидетельствуют о принадлежности рисунков андроновцам. Такая гипотеза заслуживает дальнейшей разработки.

Как уже отмечалось, предположение о связи колесных повозок с карасукской культурой [Новгородова, 1989, с. 141 – 142] всецело основано на том, что обычно называют объектом неизвестного назначения (яркообразное изделие – см.: [Варёнов, 1984, Савинов, 1995]). Среди десятков обнаруженных в Монгольском Алтае изображений колесных повозок нет ни одного такого объекта. Единственное его изображение размещено над головой изящной мужской фигуры в Цагаан-Салаа IV [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, t. 2, pl. 157], мужчина запечатлен в головном уборе, имеющем два вертикальных выступа, и с кинжалом, у которого массивная рукоять с кольцом на конце. Форма кинжала позволяет датировать это изображение карасукским или тагарским временем (см.: [Вадецкая, 1986, табл. IV, рис. 10], ср.: [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, t. 1, fig. 807]). Похожий головной убор есть у человека в колесной повозке, изображенного в композиции р. Цагаан-Салаа V [Ibid, fig. 680], а сходный кинжал – у женщины(?), запечатленной в композиции в верховьях р. Цагаан-Гол. Эта фигура позже была частично перекрыта другой, меньших размеров (рис. 15). У кинжала четко видна массивная рукоять с кольцом или навершием округлой формы. Такое же изделие изображено в композиции Хар-Чулуут. Изображения яркообразного предмета, кинжалов и женщины с косами позволяют датировать композиции поздним карасукским или даже тагарским временем. К тому же периоду, по-видимому, относятся и колесные повозки.

Рис. 13. Вид на долину р. Хар-Салаа: холм панно с быками (в центре) и Шивээт-Хайрхан (слева).
Фото Г. Тэпфера.

Рис. 15. Изображение высокой женщины с кинжалом в руке; его перекрывает небольшая фигура, выбитая позже. Комплекс в верховьях р. Цагаан-Гол. Фото Г. Тэпфера.

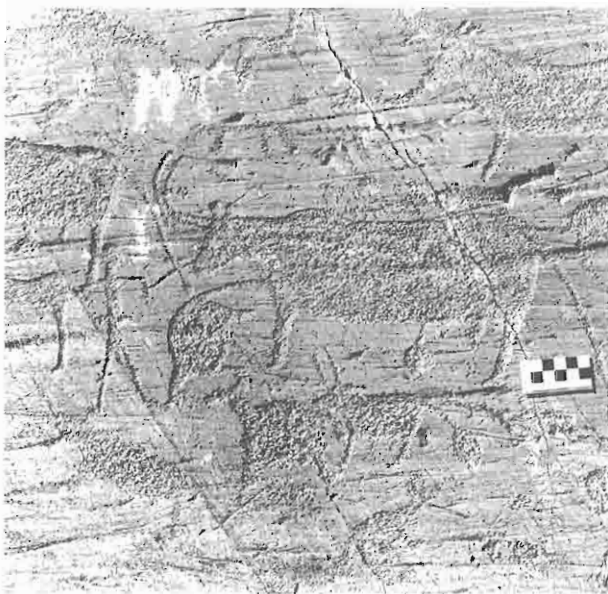

Рис. 14. Часть композиции, запечатлевшей пастбище: изображены мужчины, крупный рогатый скот и лошади. Комплекс в верховьях р. Цагаан-Гол. Фото Г. Тэпфера.

Рис. 16. Фрагмент сцены с девятью колесными повозками: повозка со спицами в колесах (движется в правую сторону) и еще одна, с массивными колесами (движется влево). Комплекс в верховьях р. Цагаан-Гол. Фото Г. Тэпфера.

Сложность датировки колесных повозок в пределах карасукско-тагарского времени заключается в том, что в петроглифах Алтая нет единообразия в изображении этих повозок и возниц. Так, в рамках одной и той же композиции в Цагаан-Гол у девяти колесных повозок, исполненных в одном стиле и, надо полагать, одним художником, количество спиц в колесах варьирует от 0 до 16 (рис. 16). Большинство фигур людей – высокие и стройные, все они изображены в меховых (кожаных) шапках, в руках у некоторых показаны *даллууры*. Иными словами, они полностью отличаются от небольших фигур в композиции Цагаан-Салаа IV. На том же камне три изображения бы-

ков. Стиль их выбивки не похож на тот, в котором исполнены фигуры мужчин, лошадей и изображения повозок. Во многих композициях, где наряду с другими изобразительными элементами представлены колесные повозки, лошади не похожи друг на друга, а возницы в разных головных уборах и часто с *даллуурами*, как, например, в сценах Цагаан-Гол III и V [ibid, fig. 215a, 680]. Более того, ни одна из повозок в композициях Цагаан-Салаа/Бага-Ойгур не имеет признаков типичных “военных колесниц” или неких “мифических” по смыслу повозок. Во всех упомянутых случаях, и в других тоже, они изображены с разным количеством спиц в парах колес, а фигуры возниц не обна-

руживают сходства. В редких случаях эти колесные повозки представлены в сценах охоты [Ibid, t. 1, fig. 520, 870; t. 2, pl. 178]. Но остается непонятным, как охота на колесных повозках могла осуществляться на практике в местах, где находят подобные изображения. Ведь здесь всюду горы. Кроме того, в одной из композиций Цагаан-Салаа IV [Ibid, t. 1, fig. 590] фигура человека на повозке (с массивными колесами), который преследует оленя, совершенно отличается от изображений тех мужчин, что участвуют в охоте. Последние, с их большими меховыми (кожаными) шапками и *даллуурами*, ближе по стилю исполнения фигурам с копьями на *панно с быком*.

Изображение женщины с косами, держащей в руке кинжал, в одной из частей композиции священной горы Шивээт-Хайрхан (см. рис. 15) напоминает женские фигуры *второго* и *третьего панно с быками*, а также многих других петроглифов Алтая, где они тоже с косами и соседствуют со сценами кочевания или с изображениями быков*. Разнообразная художественная детализация и стилистика таких композиций отражают одну важную истину: все эти женские фигуры связаны по времени с культурной стадией доместикации животных рода настоящих быков и кочевания в поисках пастбищ. В яркой композиции Бага-Ойгур III [Ibid, pl. XXIII, fig. 300, 979, 980] две колесные повозки включены в сцену, где женщина с косами ведет навьюченного быка. В отличие от композиций с девятью повозками комплекса в верховьях р. Цагаан-Гол, эта сцена отражает период интенсивного разведения крупного рогатого скота, сложения развитого домашнего хозяйства, а также использования колесных повозок**. Разнообразие в изображении колесных повозок, лошадей, которые их везут, и возниц в петроглифах Цагаан-Салаа/Бага-Ойгур и Цагаан-Гол позволяет констатировать, что подобные средства передвижения бытовали в течение длительного

времени и, вероятно, были общим элементом для нескольких культур. Конечно, было бы проще автоматически отнести все колесные повозки и связанные с ними детали к карасукской культуре. Однако многое остается неясным или свидетельствует не в пользу столь поспешного решения проблем их возраста и культурной принадлежности*.

Выводы

В ходе проведенного выше анализа (на примере *трех панно с быками*) рассматривались разные варианты решения проблем датировки тех или иных изобразительных элементов и их принадлежности к отдельным культурам. В конечном счете, наиболее приемлемым представляется следующий вывод.

Петроглифы Северной Азии (и особенно Алтая) бронзового века значительно более информативны, чем что-либо в предположительно одновременных погребальных контекстах.

В самом деле, возможные перестановки изобразительных элементов, а также изменения стиля их исполнения в пределах любой группы композиций почти столь же разнообразны, как и сама жизнь. За этим скрываются конкретные проблемы и возможности их решения. Любой образ, вырванный из контекста и низведенный до типологии, теряет содержательность. Если же тот или иной образ рассматривается с учетом контекста, быстро становится понятным, что многие изобразительные элементы (копья, определенного вида головные уборы, нагруженные скарбом быки, колесные повозки и др.), которые ранее связывались с какой-то одной культурой, вполне могли относиться к нескольким культурам. Сложность использования типов изобразительных элементов как знаков культурной принадлежности еще более усиливается, когда осознаешь, сколь «реалистично» то, что изображается. Многие сцены охоты, а также композиции с животными на пастбище, возможно, отражают реалии окружающей среды. Но они могут также содержать в себе нечто из области мифов и памяти, в том числе изменения, которые появились при передаче сказителями из поколения в поколение. Откуда бы ни черпались образы (непосредственное наблюдение, миф или память), источник изобразительных элементов, использовавшихся художниками Северной Азии бронзового века для воплощения этих образов, — реальность. Большое разнообразие рас-

* Например, в следующих сюжетах: женщина ведет двух нагруженных быков (композиция Бага-Ойгур I) [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, t. 2, pl. 212]; женщина ведет нагруженного быка (композиция Цагаан-Саала IV) [Ibid, t. 1, pl. XIV]; женщина с косами ведет нагруженного быка (композиция Бага-Ойгур III) [Ibid, pl. XXIII]; женщина около сцены сражения, в пределах которой находится огромный нагруженный бык [Ibid, pl. XXIV], и т.д. См. также композиции из Елангаша [Окладников и др., 1979, табл. 16, рис. 1; табл. 32, рис. 7].

** Еще один пример — композиция Калбак-Таша [Kubarev, Jacobson, 1996, fig. 449]. Здесь у женщины, которая запечатлена рядом с нагруженным быком, волосы тоже, быть может, заплетены в косы по обе стороны головы. Впереди фигуры второго, сходного по виду, быка изображение повозки, но без возницы и лошадей. Кажется, что оно было вставлено в композицию для того, чтобы заполнить пустое пространство, ибо непонятно, что связывает эту повозку с персонажами.

* Тема верховой езды на лошадях здесь не рассматривается, но на многих панно в верховьях р. Цагаан-Гол она отражена. Ясно, что в бронзовом веке люди, носившие меховые (кожанные) шапки, ездили верхом на лошадях. Этот мотив (а он получит развитие в других контекстах) также способствует углубленному пониманию бронзового века Монгольского Алтая.

смотренных здесь изобразительных элементов свидетельствует о том, что все еще не удается выделить обособленные культурно-хронологические пласты в петроглифических записях бронзового века. К памятникам наскального искусства нельзя подходить с позиций изучения материальной культуры; они не подчиняются привычным канонам классификации. А все оттого, что происхождение петроглифов связано с эмоциональными побуждениями. Всей своей сутью они отвергают консервативные и идеализированные традиции, которые господствуют в погребальных обрядах. Петроглифы бронзового века свидетельствуют о более многогранном видении жизни их создателями, чем то, что отражено в любом погребальном контексте. Поэтому отображение жизни в искусстве этого времени должно внести существенный вклад в представления о культурах рассматриваемой эпохи, сложившиеся на основании материалов археологических раскопок.

Список литературы

- Вадецкая Э.Б.** Археологические памятники в степях среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 179 с.
- Варёнов А.В.** О функциональном предназначении “моделей ярма” эпохи Инь и Чжоу // Новое в археологии Китая: Исследования и проблемы. – Новосибирск, 1984. – С. 42 – 52.
- Гришин Ю.С.** Металлические изделия Сибири эпохи неолита и бронзы. – М.: Наука, 1971. – 89 с.
- Грязнов М.П.** Древнейшие памятники героического эпоса Южной Сибири // Археологический сборник. – Л., 1961. – Вып. 3. – С. 7 – 31.
- Древние культуры** Бертекской долины. – Новосибирск: Наука, 1994. – 223 с.
- Дэвлет М.А.** Петроглифы на дне Саянского моря. – М., 1998. – 286 с. – (Памятники исторической мысли).
- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 638 с.
- Кубарев В.Д.** Антропоморфные хвостатые существа алтайских гор // Антропоморфные изображения. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 150 – 167.
- Кубарев В.Д.** Древние раскопки Каракола. – Новосибирск: Наука, 1988. – 172 с.
- Леонтьев С.Н.** Мелкая пластика окуневской культуры из кургана Черновая XI // Вестн. САИПИ. – 2000. – Вып. 3. – С. 15 – 17.
- Молодин В.И.** Бронзовый век Южной Сибири – современное состояние проблемы // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. – С. 25 – 33.
- Молодин В.И.** Еще раз о датировке турочакских писаниц // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул: АГУ, 1993. – С. 10 – 25.
- Молодин В.И., Погожева А.П.** Плита из Озерного (Горный Алтай) // СА. – 1990. – № 1. – С. 167 – 177.
- Новгородова Э.А.** Древняя Монголия. – М.: Наука, 1989. – 384 с.
- Окладников А.П.** История Сибири с древнейших времен до наших дней. – Л.: Наука, 1968. – Т. 1: Древняя Сибирь. – 454 с.
- Окладников А.П.** Петроглифы Монголии. – Л.: Наука, 1981. – 228 с.
- Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А.** Петроглифы долины реки Елангаш. – Новосибирск: Наука, 1979. – 137 с.
- Окладникова Е.А.** Петроглифы средней Катунь. – Новосибирск: Наука, 1984. – 110 с.
- Павлов Д.Г.** К реконструкции карасукского погребального костюма // Южная Сибирь в древности: Археологические изыскания. – СПб., 1995. – Вып. 24. – С. 47 – 54.
- Парциггер Г.** Сейминско-турбинский феномен и формирование сибирского звериного стиля // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 66 – 75.
- Пяткин Б.Н., Мартынов А.И.** Шалоболинские петроглифы. – Красноярск: КГУ, 1985. – 188 с.
- Русакова И.Д.** Батальные композиции на писанице Абакано-Перевоз // Вестн. САИПИ. – 1998. – Вып. 1. – С. 21 – 24.
- Савинов Д.Г.** ПНН: Новые материалы и наблюдения // Южная Сибирь в древности: Археологические изыскания. – СПб., 1995. – Вып. 24. – С. 57 – 66.
- Савинов Д.Г.** Проблемы изучения окуневской культуры (в историографическом аспекте) // Окуневский сборник. – СПб.: ИИМК, 1997. – С. 7 – 18.
- Советова О.С.** Петроглифы горы Тепсей // Древнее искусство Азии: Петроглифы. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1995. – С. 33 – 54.
- Уманский А.П.** Находки эпохи бронзы из Верхнего Приобья // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул: БГПИ, 1992. – С. 18 – 27.
- Худяков Ю.С.** Изображения воинов на петроглифах Синьцзяна // Древнее искусство Азии: Петроглифы. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1995. – С. 109 – 113.
- Шер Я.А.** Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 327 с.
- Allen W.L., Richardson J.B.** The reconstruction of kinship from archaeological data: the concepts, methods and the feasibility // American Antiquity. – 1971. – Vol. 36. – P. 41 – 53.
- Anthony D.** The Opening of the Eurasian Steppe at 2000 B.C. // The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia / Ed. by V.H. Mair. – Washington, D.C.: Institute for the Study of Man, 1998. – Vol. 1. – P. 94 – 113.
- Brown J.A.** The Search for Rank in Prehistoric Burials // The Archaeology of Death / Ed. by R. Chapman et al. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981. – P. 25 – 37.
- Gryaznov M.P.** Southern Siberia: Translated by James Hogarth. – Geneva: Nagel, 1969.
- Jacobson E.** Burial Ritual, Gender and Status in South Siberia in the Late Bronze – Early Iron Age. – Bloomington: Indiana University Research Institute for Inner Asian Studies, 1987.
- Jacobson E.** The “bird woman”, and the “woman of the animals”: a consideration of the female image in petroglyphs of Central Asia // Arts Asiatiques. – 1997. – T. 52. – P. 37 – 59.
- Jacobson E.** The Recreation of Landscape Settings in Petroglyphs of Northern Central Asia // International Journal of Central Asian Studies. – 1998. – Vol. 3. – P. 192 – 214.

Jacobson E., Kubarev V.D., Tseevondorj D. Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa/Baga Oigor: En 2 t. – P.: De Boccard, 2001. – 481 p. + 1318 figs. – (Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale; N 6).

Khujanazarov M. Petroglyphs of Uzbekistan // Petroglyphs of Central Asia. – Bishkek: International Institute of Central Asian Studies, 2001. – P. 80 – 121.

Kubarev V.D., Jacobson E. Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale, Fascicule No. 3. Sibérie du Sud 3: Kalbak-Tash I (République de l'Altai). – P. De Boccard, 1996. – 45 p. + 622 figs.

Kuzmina E.E. Cultural Connections of the Tarim Basin People and Pastoralists of the Asian Steppes in the Bronze Age // The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia / Ed. by V.H. Mair. – Washington, D.C.: Institute for the Study of Man, 1998. – Vol. 1. – P. 63 – 93.

Lin Yun. Reexamination of the relationship between bronzes of the Shang culture and of the Northern Zone // Studies

of Shang Archaeology / Ed. by K.C. Chang. – New Haven; L.: Yale University Press, 1986. – P. 237 – 273.

Mallory J.P. In Search of the Indo-Europeans. – L.: Thames and Hudson, 1989. – 288 p.

Mei Jianjun. Copper and Bronze Metallurgy in Late Prehistoric Xinjiang. – Oxford: Archaeopress, 2000. – 187 p. – (BAR International Series; N 865).

Pearson M.P. Mortuary practices, society and ideology: an ethnoarchaeological study // Symbolic and Structural Archaeology / Ed. by I. Hodder. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – P. 99 – 113.

Samashev Z. Petroglyphs of Kazakhstan // Petroglyphs of Central Asia. – Bishkek: International Institute of Central Asian Studies, 2001. – P. 151 – 219.

Sulimirsky T. Prehistoric Russia. – L.: John Baker, 1970. – 449 p.

Материал поступил в редколлегию 14.01.02 г.

УДК 902.2

В.И. Молодин, А.В. Новиков, Р.В. Жемерикин*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: bronz@nus.nsc.ru*

МОГИЛЬНИК СТАРЫЙ ТАРТАС-4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности)

Введение

Андроновская историко-культурная общность – яркое и самобытное образование эпохи бронзы. Ее памятники открыты и исследованы на огромной территории Северной Азии. Лесостепь Западной Сибири также относится к зонам проживания носителей андроновских культурно-исторических традиций, археологическое исследование которых ведется уже более 100 лет [Позднякова, 2001, с. 89]. По “андроновской” проблеме написаны десятки монографий и сотни статей (об этом см., напр.: [Кузьмина, 1994, с. 281 – 359; Матвеев, 1998, с. 380 – 396; Эрлих, 1994; и др.]). Тем не менее перед исследователями андроновской культурно-исторической общности по-прежнему остро стоит целый спектр проблем, в т.ч. касающихся реконструкции семантики погребального обряда, орнаментики андроновской посуды, социальной и демографической структуры андроновского общества, а также выявления общего и особенного в культурных традициях на огромной территории бытования общности и т.д.

Одним из главных условий в решении этих и многих других проблем андроноведения является изучение новых памятников (как поселений, так и могильников), полностью исследованных на современном уровне полевой методики. В последнее время в западносибирской лесостепи ведутся широкомасштабные работы на ряде андроновских, или андронидных, некрополей [Абдулганеев и др., 1996, с. 11 – 20; Бобров, Горяев, 2000, с. 226 – 230; Кирюшин, Лузин, 1993, с. 67 – 94; Ковтун, Горяев, 2001, с. 53 – 63; Папин, Позднякова, Шамшин, 2001, с. 435 – 459; Тишкин, Позднякова, 2001, с. 460 – 464; Шамшин, 1997,

с. 326 – 331; и др.]. Однако полностью изученных памятников сегодня известно пока немного (один из последних обзоров исследованных андроновских могильников лесостепи Верхнего Приобья и особенностей зафиксированной в них погребальной обрядности см.: [Кирюшин, 1995, с. 58 – 75], еще меньше качественно опубликованных их материалов. О могильнике Старый Тартас-4 в печати появлялись лишь отрывочные сведения [Молодин, Новиков, 1998, с. 57, рис. 70; с. 83, рис. 94; Молодин, Новиков, Гришин, 1998, с. 294 – 299; Жемерикин, 1999, с. 366 – 371].

Характеристика памятника. Результаты полевых исследований

Курганный могильник Старый Тартас-4 обнаружен в 1982 г. В.А. Захом. Памятник расположен в 1,5 км к юго-востоку от с. Старый Тартас Венгеровского р-на Новосибирской обл. на гриве в 0,5 км к югу от края высокой (7 – 9 м) надпойменной террасы левого берега р. Омь (рис. 1). Грива, на которой уже десятилетия ведется интенсивная распашка, в настоящее время к тому же подвергается сильной ветровой эрозии. Все это, вероятно, привело к разрушению отдельных насыпей курганов. В.А. Захом была зафиксирована 21 насыпь различного диаметра. В пределах могильника можно выделить группы (“цепочки”) насыпей, которые ориентированы по линии север – юг. В ходе проводившейся в 1994 г. инвентаризации памятников Венгеровского р-на при осмотре могильника нами было насчитано только 19 курганных насыпей (рис. 2). Аварийное состояние памятника явилось причиной проведения охранных раскопок.

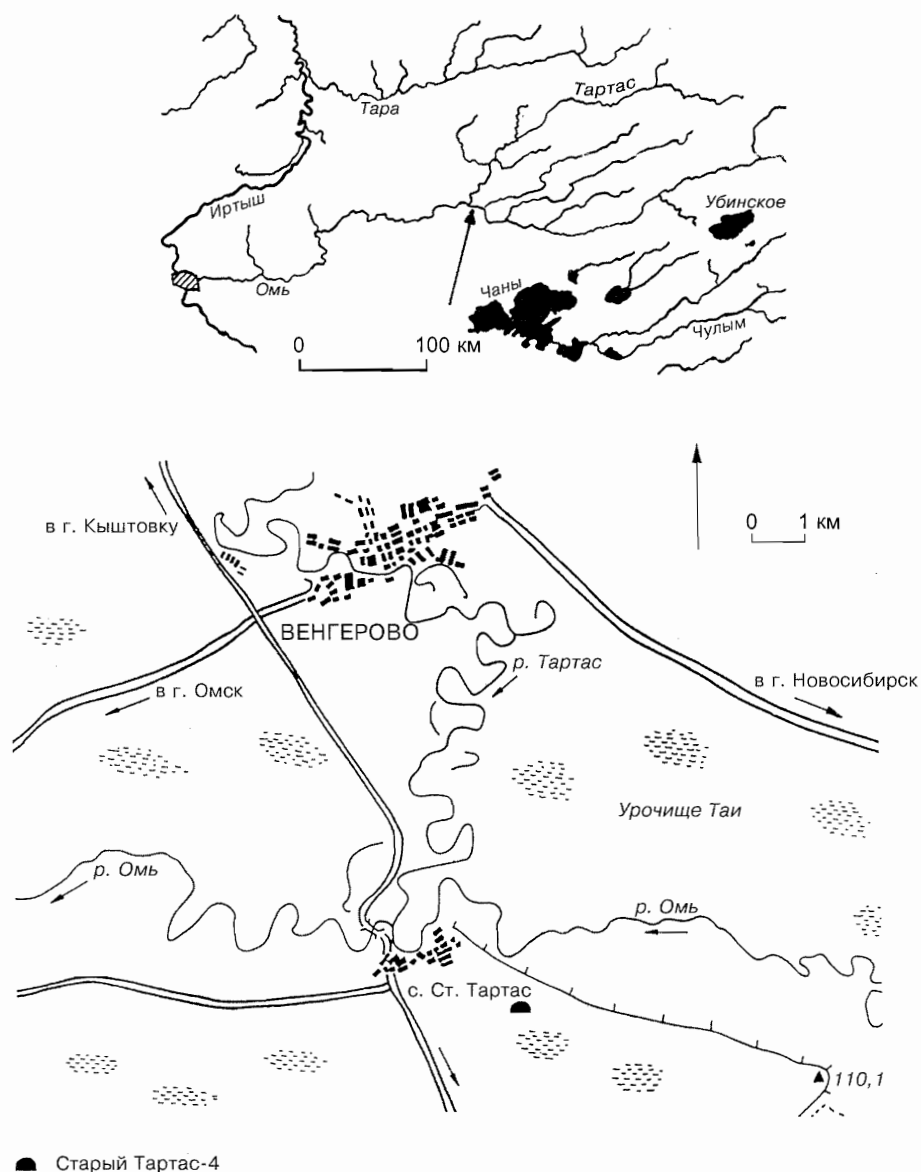

Рис. 1. Карта-схема расположения памятника Старый Тартас-4.

Пятнадцать насыпей круглой формы диаметром 6–13 м и высотой 0,2–1 м (от уровня современной дневной поверхности) расположены компактной группой, еще четыре кургана несколько удалены к западу от нее на 15–90 м. Диаметр этих насыпей 11–20 м, высота 0,3–0,4 м.

Стратиграфическая ситуация, зафиксированная при раскопках могильника, следующая:

1. Дерн – до 10 см.
2. Насыпи сложены из темно-серой супеси мощностью до 80 см.
3. Желтый суглинок с мерзлотными трещинами, заполненными серой супесью, – материк.
4. В центральной части отдельных насыпей курганов, выше уровня материка в слое темно-серой су-

песи зафиксированы “линзы” желтой супеси мощностью 10–15 см. Очевидно, это материковые выбросы из могильных ям.

5. В некоторых разрезах имеются следы прокалов, представляющие собой ярко красную супесь – остатки кострищ.

Памятник представляет разнообразные формы погребальной обрядности, сопутствующей посуды и другого инвентаря (см. таблицу). Более развернутую информацию можно найти в отчетах В.И. Молодина о работах Западно-Сибирского отряда в 1995–1998 гг., хранящихся в архивах отдела полевых исследований Института археологии РАН и Института археологии и этнографии СО РАН.

№ кур-гана	Насыпь								№ могилы	Длина могилы, м	Ширина могилы, м	Глубина могилы от уровня материка, м	Охра	Деревянное перекрытие	Возраст погребенного	Труположение
	диаметр, м	высота, м	находки	прокал	яма	кости животных	ров	кол-во могил								
1	9	0,4	+	-	-	-	-	1	1	2	1,8	0,6	-	-	В	+
2	7,5	0,3	-	+	-	-	-	1	1	1,62	1,05	0,68	-	-	?	-
3	12,5	0,9	+	-	-	+	+	1	1	1,9	1,28	1,03	-	-	?	-
4	6	0,1	-	-	-	-	-	1	1	1,14	0,75	0,24	-	-	Р	+
5	16	0,8	-	+	+	+	+	1	1	3	2,7	1,47	-	-	?	-
6	10	0,4	-	+	+	+	-	1	1	2,3	1,6	0,8	+	-	?	-
7	8,5	0,2	-	-	-	-	+	2	1 (1)	1,1	0,9	0,3	-	-	Р	+
									1 (2)	1,1	0,9	0,3	-	-	Р	+
									2 (1)	1,06	0,9	0,25	-	-	Р	+
									2 (2)	1,06	0,9	0,25	-	-	Р	+
8	11	0,58	-	+	-	-	-	1	1	2,53	1,59	0,66	-	-	?	-
9	14,5	0,57	-	+	+	-	-	1	1	2,5	1,6	0,92	+	-	Р	+
10	12	0,58	+	+	-	+	-	1	1 (1)	3	1,7	1,1	-	-	Р	+
									1 (2)	3	1,7	1,1	-	-	?	-
11	8	0,2	-	+	+	-	-	1	1	1,02	0,7	0,24	-	-	Р	+
12	11	0,95	-	+	-	-	-	1	1	2,2	1,4	0,93	-	-	?	-
13	6	0,15	-	-	-	-	-	1	1	1,59	1,57	0,37	-	-	Р	+
14	7,3	0,2	-	+	-	-	-	2	1	1,4	0,98	0,35	-	+	Р	+
									2	1,4	0,93	0,5	-	-	Р	+
15	12,75	0,4	-	+	-	-	-	1	1	2,21	1,31	0,95	-	-	?	-
16	15	0,55	+	+	+	-	-	1	1	2,12	1,74	0,65	-	-	?	-
17	14	0,6	+	+	-	-	-	2	1	2	1,6	0,48	-	-	Р	+
									2	1,8	1,4	0,5	-	-	?	-
19	21,5	0,5	+	+	-	-	+	3	1	0,71	0,5	0,44	-	-	?	-
									2	2,05	1,2	0,56	-	-	?	-
									3	2,15	1,7	0,69	-	-	?	-
Итого								23								

Примечание. "В" – взрослый, "Р" – ребенок. В графе "№ могилы" в скобках указан номер погребения.

Кроме 23 погребений, обнаруженных в 19 исследованных курганах, данные о которых отражены в таблице, на памятнике благодаря фронтальному исследованию найдено два грунтовых погребения, несомненно принадлежащих по времени к изучаемому некрополю.

Грунтовое погр. 1. Расположено неподалеку от кург. № 2. Могильная яма прямоугольной формы размерами 1,14 × 0,74 × 0,41 м ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Остатки скелета ребенка очень плохой сохранности, что не позволяет говорить о положении и ориентации погребенного в могиле. У юго-западной стенки обнаружен сосуд.

Грунтовое погр. 2. К северу от кург. № 16 обнаружено 56 ям, расположенных рядами. Внешние ряды ям образовывали подпрямоугольную фигуру размерами 7 × 4,8 м, ориентированную по линии северо-запад – юго-восток. В ее центре находились большая яма и погр. 2. Выявленные ямы делятся на две группы. К первой относятся 14 ям, заполненных светло-серой супесью и включениями материкового суглинки. Они сходны по габаритам, одинаковой в плане формы. Вторая группа, к которой относится большая часть ям, образует контур означенного прямоугольника. По глубине и форме они более разнообразны, чем остальные, заполнены темно-серой супесью.

могильника Старый Тартас-4

Вытянуто	Скорченно	На правом боку	На левом боку	Ориентация	Одиночное	Парное	Коллективное	Захоронение головы	Признаки трупосождения	Бронзовая игла, экз.	Бронзовая пластина, экз.	Бронзовое кольцо, экз.	Ножевидная пластина, экз.	Бронзовый топорик, экз.	Сосуд, экз.	Речная раковина, экз.	Астрагал, экз.
-	?	?	?	?	+	-	-	-	-	-	1	1	-	-	2 (1)	-	-
-	-	-	-	-	?	?	?	-	+	-	-	-	-	-	1	-	-
-	-	-	-	-	?	?	?	-	+	-	-	-	-	-	2 (1)	-	-
-	+	-	+	СВ	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-
-	-	-	-	-	?	?	?	-	+	1	-	-	-	-	5 (?)	+	-
-	-	-	-	-	?	?	?	-	+	-	-	-	-	-	4	-	-
-	+	-	+	3	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-
-	-	-	-	3	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
+	-	-	-	3	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-
?	?	?	?	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	?	?	?	-	+	-	-	-	-	-	2	-	-
?	?	?	?	?	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4 (?)	-	-
-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	6 (?)	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	+	-	+	ЮЗ	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-
-	-	-	-	?	?	?	?	-	+	-	-	2	-	-	2	-	-
-	+	-	+	3	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-
-	+	+	-	?	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	22
-	+	-	+	ЮЗ	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-
-	-	-	-	-	?	?	?	-	+	-	-	-	-	-	6	-	-
-	-	-	-	-	?	?	?	-	+	-	-	-	-	-	2	-	-
-	?	?	?	ЮЗ	+	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	-	-
-	-	-	-	-	?	?	?	-	+	-	-	-	-	-	4 (?)	-	-
-	-	-	-	-	?	?	?	-	+	-	-	-	1	-	1	-	-
-	-	-	-	-	?	?	?	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	?	?	?	-	+	-	-	-	-	-	10 (?)	-	-
										1	1	3	1	1	64 (?)		22

Могильная яма погребения не перерезает материк, поэтому ее размеры можно установить лишь приблизительно – 1,5 × 0,65 м. Обнаружено погребение ребенка. Скелет сохранился плохо, однако, очевидно, что ребенок погребен на левом боку в скорченном положении головой на юго-запад. Находок в погребении не обнаружено.

На курганном могильнике Старый Тартас-4 раскопано 18 из 19 отмеченных нами курганных насыпей, обнаружено 25 погребений. Нераскопанным остался кург. № 18, почти полностью разрушенный при разграблении, и, вероятно, зафиксированные В.А. Захом две курганные насыпи, целиком уничтоженные распашкой и нами не обнаруженные.

Планиграфия могильника

Курганы могильника планиграфически четко делятся на две большие группы: первая – курганы № 1 – 15, вторая – курганы № 16 – 19 (см. рис. 2).

Планиграфическое ядро могильника составляют курганы № 2 – 14, западное крыло – курганы № 16 – 19, восточное – курганы № 1, 15, плюс две исчезнувшие конструкции. Центральная группа тоже демонстрирует неоднородность принципов организации составляющих ее курганов: первая группа – курганы № 3, 6, 8, 9, вытянутые в цепочку по линии северо-восток – юго-запад; вторая – три крупные (№ 5, 10, 12)

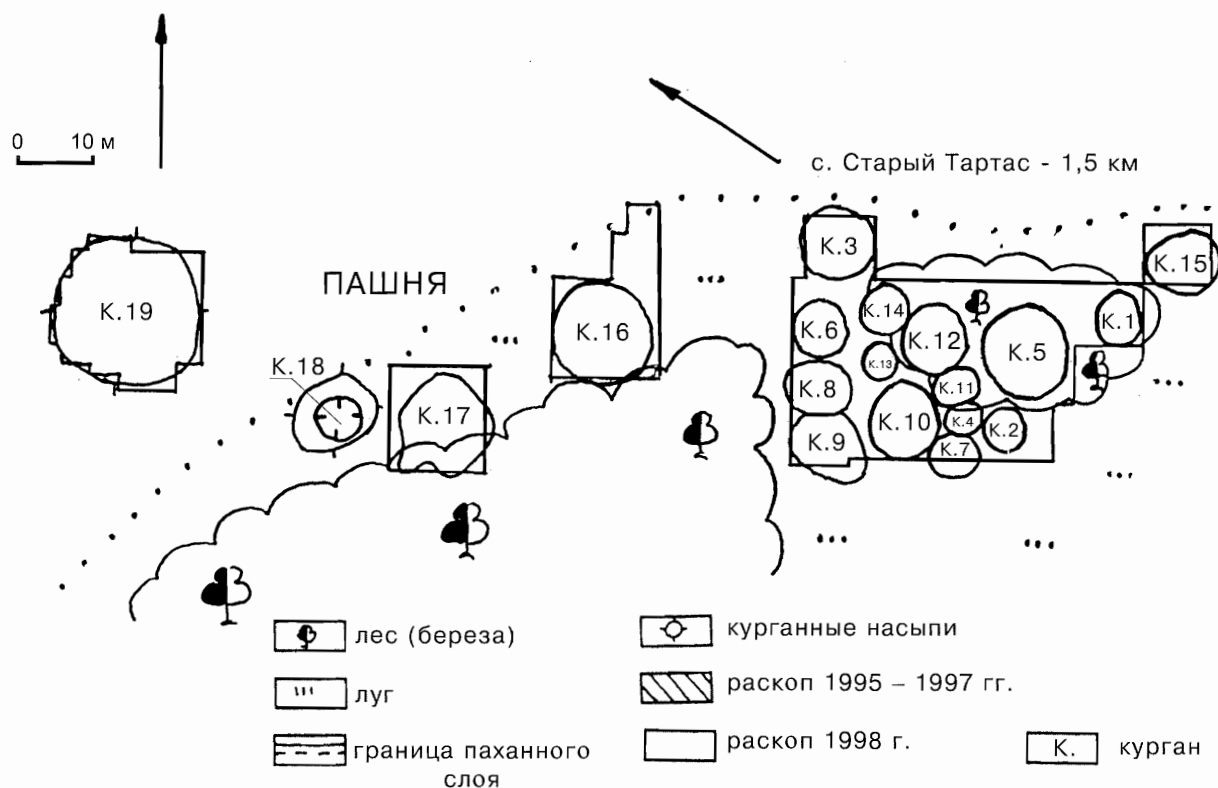

Рис. 2. План курганного могильника Старый Тартас-4 с контурами раскопов.

и шесть маленьких (над детскими погребениями № 2, 4, 7, 13, 14) насыпей, грунтовое погр. 1. В рамках этой группы сооружений центральное место занимают более крупные по размерам насыпи, содержащие, судя по параметрам ям, погребения взрослых; на периферии же находятся меньшие по величине конструкции, возведенные над детскими захоронениями.

Погребальная архитектура и ритуалы

В целом земляные сооружения достаточно хорошо делятся и по величине, и по внешним конструктивным особенностям. Все они в плане округлые или слегка овальные. Диаметр сооружений, воздвигнутых над захоронениями, вероятно взрослых, составляет от 7,5 до 21,5 м, “детских” – от 6 до 14,5 м. В высоту земляные сооружения, под которыми были погребены взрослые, также больше (от 0,3 до 0,9 м), чем конструкции над детскими могилами (от 0,1 до 0,58 м).

Сооружение земляной конструкции над погребальной камерой сопровождалось традиционным разведением костров, следы которых в виде одного или нескольких прокалов обнаружены в 13 (72,2%) из 18 случаев. Очевидно, что перед нами следы устойчивого элемента погребального ритуала, связанного с огнем. Пожалуй, в виде исключения в насыпях кур-

ганов встречены фрагменты андроновской посуды и кости животных, возможно, остатки погребальных пиршеств (6 (33,3%) из 18 случаев).

Пространственная обособленность курганов западного крыла подчеркивается их конструктивными отличиями, причем эти особенности характерны для структуры всех трех курганов – вокруг центрального погребения (погребений) с четырех сторон имеются углубления в грунте (рвы, могила, жертвенная яма).

Курган № 16 – под насыпью вокруг центрального погребения имеет три вытянутых рва и жертвенную яму на месте четвертого.

Курган № 17 – два рва вокруг главного погребения, а вместо ожидаемого третьего рва находится детское погребение (рис. 3, 1).

Курган № 19 – вокруг центральных погребений находится четыре длинных рва, в одном погребении обнаружены в сосуде жженные кости (рис. 3, 2).

Рвы под насыпью отдельных андроновских курганов отмечены в Барабе [Молодин, 1985, с. 105] и в Верхней Оби [Кирушин, 1995, с. 67].

Важно подчеркнуть, что черты, присущие надмогильным сооружениям (остатки костров – прокалы в насыпи, ямы, остатки мясной пищи и разбитой посуды), наблюдаются и в сменяющей в регионе андроновскую ирменской культуре эпохи поздней бронзы [Молодин, 1985, с. 131 – 136]. Данную преемствен-

ность особенно ярко демонстрируют четырехугольные ровики в ряде погребальных комплексов памятника Старый Тартас-4. Аналогичные конструкции, как и близкие в плане сооружения, зафиксированы на памятниках ирменской культуры [Там же, с. 133; Молодин, Чижишева, 1988, с. 132, 135, 146, 148], что может свидетельствовать о хронологической и генетической близости сопоставляемых комплексов данных культур.

Погребения могильника

При раскопках могильника Старый Тартас-4 были обнаружены 25 погребений, из них 13 взрослых*, 11 детских, одно совместное (рис. 4, 5). В трех погребениях находилось по два костяка детей.

Все захоронения взрослых на данном некрополе были произведены под курганными насыпями, что является характерной чертой погребального обряда федоровских памятников Барабы [Молодин, 1985, с. 105], широко представленной и на сопредельных территориях лесостепного Приобья [Кирюшин, 1995, с. 59 – 61].

На подкурганной площадке отмечено от одного до трех захоронений. В восьми из девяти курганов, являющихся местом погребения взрослых, прослеживается по одному погребению. В кург. № 19 было совершено три погребения. Все могилы расположены в центре кургана. Только одна из могил кург. № 19 сооружена непосредственно в северо-восточном углу ямы рва № 1.

Могильные ямы подпрямоугольной и прямоугольной формы имеют закругленные углы. Перекрытия и обкладки из камня и дерева в могилах отсутствуют. Длина могильных ям колеблется от 0,71 до 3 м, ширина – от 0,5 до 2,7 м, глубина от уровня материка – от 0,44 до 1,47 м. Могильные ямы ориентированы, как правило, по линии северо-восток – юго-запад.

Труположение было отмечено лишь в одной могильной яме. Кости находились в полном беспорядке, поэтому говорить о положении погребенного в могиле не представляется возможным. Все остальные погребения взрослых на могильнике Старый Тартас-4 совершены по обряду трупосожжения. В могилах не прослеживается определенный порядок в расположении кальцинированных костей – остатков трупосожжения в могиле. В некоторых погребениях такие кости встречаются в заполнении могильной ямы, в двух (кург. № 8, погр. 1; кург. № 12, погр. 1) кальцинированные кости локализовались в центре могильной ямы. В погр. 1 кург. № 19 кости находились

* Следует иметь в виду, что определение захоронений людей, выполненных по обряду кремации, как взрослых следует воспринимать с определенной долей условности, поскольку говорить о возрасте и численности кремированных можно далеко не всегда.

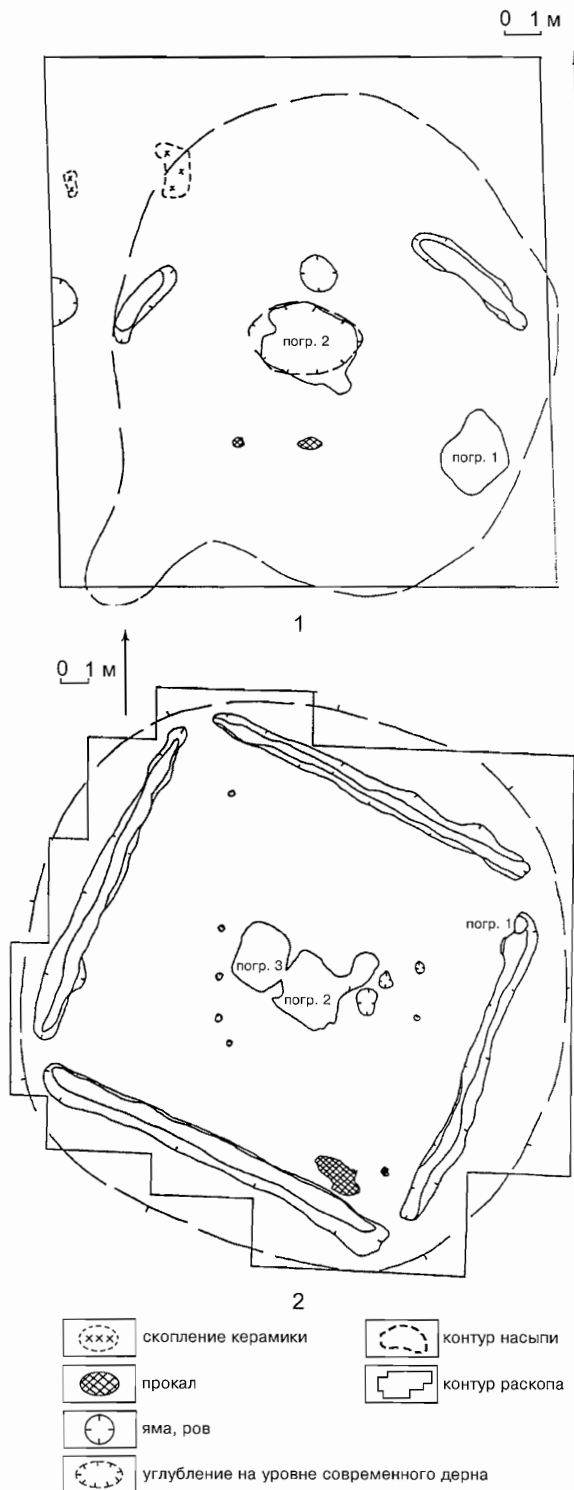

Рис. 3. Планы курганов № 17 (1) и 19 (2).

в сосуде. Можно предположить, что при совершении ритуала в могильную яму сначала поместили сосуды, а затем в нее засыпали прах умерших, который до этого едва ли находился в какой-то емкости, о чем свидетельствует ситуация в мог. № 1 кург. № 15, а также других захоронениях. Сожжение умерших соверша-

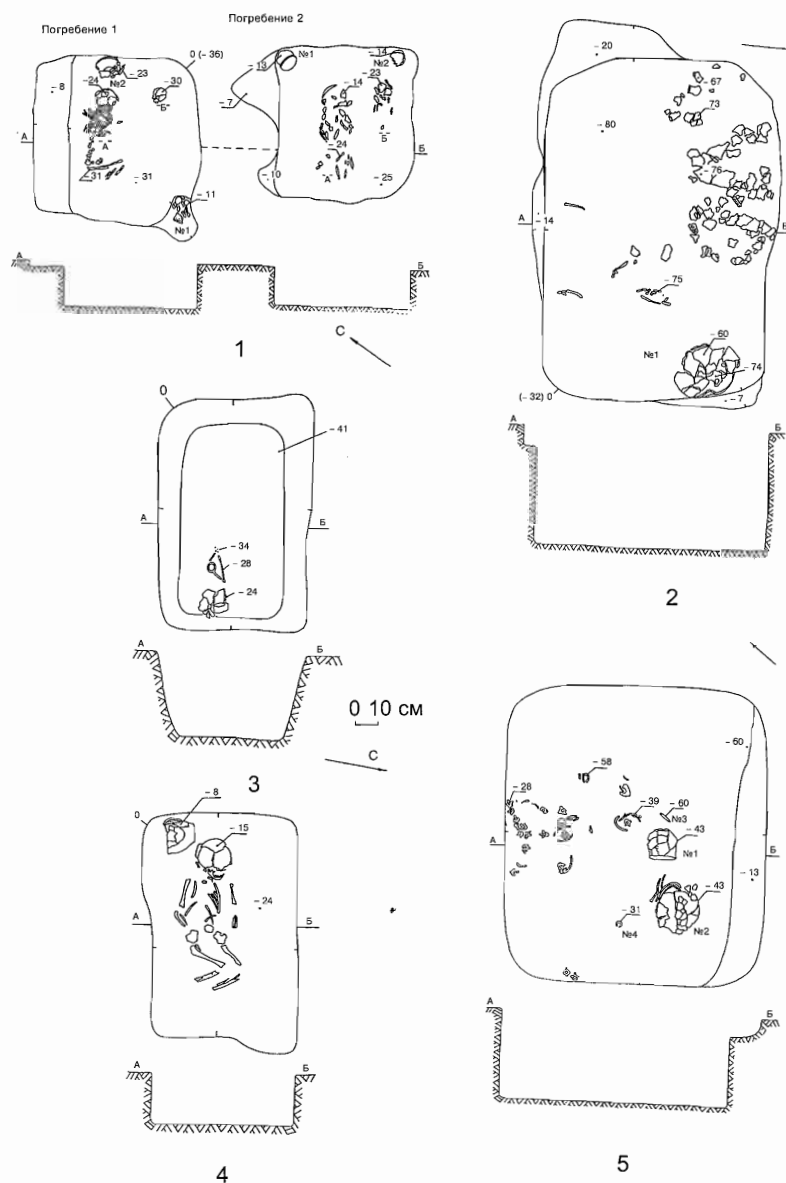

Рис. 4. Типы погребений могильника Старый Тартас-4.
1 – кург. № 7, погр. 1, 2; 2 – кург. № 6, погр. 1; 3 – грунтовый могильник, погр. 1;
4 – кург. № 4, погр. 1; 5 – кург. № 1, погр. 1.

лось на стороне. Лишь в погр. 1 кург. № 16 зафиксированы прокаленные стенки могилы, что указывает на кремацию непосредственно в могильной яме. Аналоги означенному обряду мы находим практически на всей территории бытования федоровских памятников андроновской общности [Молодин, 1985, с. 105 – 106; Кирюшин, 1995, с. 62; и др.].

Интересен факт погребения во рву № 1 кург. № 19. Подобное не отмечалось в других андроновских (федоровских) памятниках Барабы. Вместе с тем в кург. № 7 могильника Путиловская Заимка-2 (Северный Казахстан) за каменной оградкой в юго-восточном секторе во рву была обнаружена ямка подпрямоу-

гольной формы, на дне которой у северо-западной стенки находился сосуд, а в центре могилы – кучка кальцинированных костей. На памятнике Бурлук I (Северный Казахстан) в ограде № 9 под камнями в ямке найден развал сосуда, в котором были пережженные кости [Зданович, 1988, с. 97, 105]. Оба памятника отнесены исследователями к федоровской культуре.

На могильнике Старый Тартас-4 было обнаружено 11 детских могил, что составляет 44% от общего количества погребений. Детские погребения отмечены двух видов – подкурганные (девять) и грунтовые (два). Прослежено два вида подкурганных захоронений детей: 1) по два погребения под одной курганной насыпью (кург. № 7, погр. 1, 2; кург. № 14, погр. 1, 2); 2) одно погребение под курганной насыпью в центре.

Детские захоронения находились в основном под отдельными курганными насыпями, которые располагались между курганами, содержащими захоронения взрослых. Эта тенденция прослеживается и на других андроновских памятниках восточного ареала культуры. М.П. Грязнов на основе исследований ряда памятников на верхней Оби предположил, что у андроновцев существовал обычай хоронить своих детей на отдельных кладбищах [1956, с. 22]. Эту гипотезу поддержал Г.А. Максименков [1978, с. 53]. По мне-

нию В.И. Матющенко, на андроновских памятниках такая закономерность не прослеживается [1973, с. 40]. Одним из авторов данной статьи было проведено специальное изучение детских погребений полностью исследованного памятника Преображенка-3, в результате которого установлены разные варианты захоронения детей андроновцев, в т.ч. специальные грунтовые детские могильники [Молодин, 1984, с. 37 – 44]. Подобное сочетание зафиксировано на анализируемом памятнике. Погребения детей совершались по обряду труположения на левом боку в скорченном положении головой на юго-запад, реже на запад и востоко-северо-восток. Аналогичная ориентация костяка

наблюдается на других федоровских памятниках Барабы [Молодин, 1985, с. 110]. Была обнаружена могила с прокаленными стенками (кург. № 14, погр. 1), что свидетельствует об использовании огня в процессе погребения умершего. В центре могилы лежал обожженный череп ребенка, здесь же находилось в полном беспорядке несколько костей его скелета. В двух могилах захоронены только головы умерших детей.

В могилах отмечены парные (кург. № 7, погр. 1, 2) и одиночные захоронения. Парные захоронения детей встречаются и в андроновских погребениях в Минусинской котловине [Максименков, 1978, с. 28, 34].

Захоронение взрослого и ребенка зафиксировано в двух вариантах: первый – взрослое и детское погребение под одной курганный насыпью (кург. № 17, погр. 1, 2); второй – совместное захоронение, скорее всего, взрослого, совершенное по обряду трупосожжения, и ребенка, от которого найден только череп (кург. № 10). Погребения, подобные последнему, представлены на памятнике Преображенка-3. Здесь в погр. 2 кург. № 12 в прямоугольной яме, ориентированной по линии юго-запад – северо-восток, находился скелет ребенка в скорченном положении, в районе костей его ног помещалась кучка пережженных костей, вероятно взрослого человека [Молодин, Соболев, 1975, с. 14]. Захоронения такого типа М.Д. Хлобыстина связывала с особым видом погребального обряда, который она назвала “биритуальным” [1976, с. 8 – 15]. Признавая своеобразие данного варианта погребального обряда, отметим, что сам термин “биритуальность” может быть применен только к совместному захоронению ребенка по обряду ингумации и взрослого по обряду кремации. Если же оба умерших похоронены по обряду ингумации, то использование термина “биритуальность” некорректно [Молодин, 1985, с. 109]. В целом можно заключить, что памятник Старый Тартас-4 имеет общие для федоровских могильников черты, характерные как для территории Барабинской лесостепи [Там же, с. 104 – 113], так и для практически всего ареала данной культуры.

Остановимся на планиграфических конструктивных особенностях периферийных курганов (№ 16, 17, 19). Они отличаются главным образом удаленностью от остальной группы и разреженностью, размерами, элементами погребальных сооружений (наличие ям-рвов, ритуальной ямы, комплекс ямок у погр. 20), оригинальным сопроводительным инвентарем. Эти характерные черты нельзя объяснить разновременностью и разнотипностью центральных и периферийных курганов, т.к. в их могилах представлены обряд трупосожжения и керамика федоровского типа. Вероятно, специфика устройства периферийных курганов связана с захоронениями в них особо выделяемых по каким-либо причинам федоровцев (социальный, имущественный ста-

1

2

3

Рис. 5. Барабинская лесостепь, вид на р. Омь в районе могильника Старый Тартас-4 (1); общий вид (2) и его фрагмент (3) погр. 1 кург. № 16.

тус, половозрастные признаки?). Подобные памятники известны в Центральном Казахстане [Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, с. 66].

Инвентарь

Основным видом погребального инвентаря данного могильника, как и других памятников данной культу-

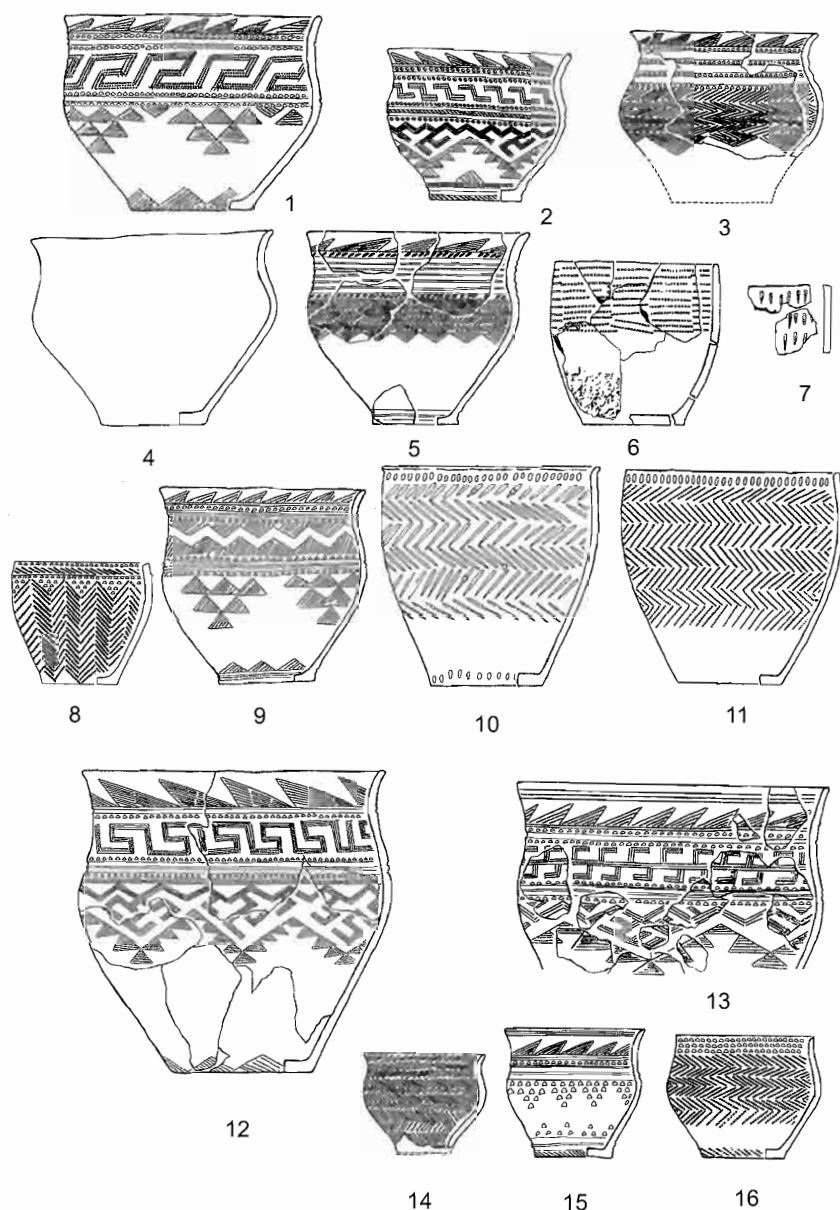

Рис. 6. Керамика из могильника Старый Тартас-4.

1, 2 – кург. № 1, погр. 1; 3 – насыпь кург. № 1; 4 – кург. № 2, погр. 1; 5 – кург. № 3, насыпь; 6, 7 – кург. № 3, погр. 1; 8 – кург. № 4, погр. 1; 9 – 13 – кург. № 5, погр. 1; 14 – кург. № 13, погр. 1; 15 – грунтовое погр. 1; 16 – кург. № 11, погр. 1.

ры, является глиняная посуда. В целом рассматриваемый керамический комплекс памятника демонстрирует типичные для андроновской культуры формы и орнаменты, являя при этом ряд ярких своеобразных черт.

Посуда

При раскопках могильника обнаружено (в основном в погребениях и насыпях курганов) не менее 64 сосудов (рис. 6 – 9). Из них 38 сосудов являются археологически целыми, 26 представлены только фрагмента-

ми, на основании которых удалось сделать полную графическую реконструкцию еще для 15 сосудов, 11 возможно реконструировать лишь частично.

К настоящему времени в андроноведении разработаны методы анализа орнамента (см., напр.: [Зотова, 1965, с. 177 – 181; Михайлов, 1990, с. 9; Ковтун, Михайлов, 1998, с. 253 – 257]). Они ориентированы на изучение значительных групп сосудов из разных памятников и позволяют аргументированно выделять в общей массе андроновской посуды отдельные типы и варианты, локальные комплексы на основании особенностей построения орнамента. Не менее полезным и актуальным представляется детальный анализ керамического комплекса отдельно взятого памятника.

Полученный на могильнике керамический комплекс в целом характерен для федоровских памятников как Барабы, так и других зон ареала данной культуры. Подавляющее большинство сосудов соответствует классическому для андроновской культуры набору типов керамики (при расчетах учитывались только археологически целые и сосуды, для которых удалось сделать графическую реконструкцию, – 53 экз.): плавно профилированные богато украшенные – 39 экз. (73,6% комплекса), простые баночной – 10 экз. (18,9%) и переходной формы (баночные сосуды со слабо выраженным венчиком) – 4 экз. (7,5% комплекса).

Наряду с классическими андроновскими сосудами в могильнике обнаружены довольно редкие образцы:

в курганах № 16 и 19 по одному сосуду с подчетырехугольным устьем (см. рис. 8, 15; 9, 7);

в двух курганах сосуды с валиками: кург. № 6 – валик наlepной, сам горшок обнаружен в комплексе с другими сосудами (см. рис. 7, 4), кург. № 4 – формованный валик, единственный в погребении сосуд (см. рис. 6, 8);

в кург. № 16 вместе с федоровским сосудом с подчетырехугольным устьем обнаружен сосуд, выпол-

ненный, скорее всего, по алакульской традиции, — с ребром на стыке тулова и шейки, с двумя выраженными ребрами на шейке (см. рис. 8, 16). Близкие аналоги этому сосуду (с одним ребром на шейке) обнаружены, напр., в могильниках Семипалатное (кург. № 6, сосуд 56; кург. № 2, сосуды 15, 23) и Аксайман (кург. № 9, 10) [Зданович, 1988, с. 85, 104, 108].

По особенностям технологии изготовления сосудов, обнаруженных в могильнике Старый Тартас-4, выявлено три пары сосудов, изготовленных, вероятно, рукой одного мастера. Такие пары обнаружены в кург. № 6, погр. 1 (см. рис. 7, 1, 2); кург. № 7, погр. 2 (см. рис. 7, 7, 8); кург. № 10, погр. 1 (см. рис. 8, 2, 5). Сосуды оформлены с помощью одного штампа, имеющего характерные особенности (размеры и частота зубцов с дефектами). Кроме того, изделия сходны по очертаниям, составу теста, толщине стенок. Два сосуда из кург. № 6 демонстрируют полное тождество орнаментальных схем (см. рис. 7, 1, 2). Факты обнаружения в одном погребении двух сосудов с одинаковыми сложными трехчастными орнаментальными схемами нам неизвестны.

Отмеченным выше планиграфическим особенностям могильника соответствуют некоторые специфические черты выделенных типов керамики в курганах указанных групп.

Две (№ 5, 10) из трех крупных насыпей в правой части центральной группы содержат идентичный с точки зрения типологии орнамента набор посуды — три профилированных горшка со сложным “ковровым” узором и два с простым елочным (см. рис. 6, 9–13; 8, 1–5). Во всех трех крупных курганах этой группы имеется по одному горшку с “ковровым” орнаментом и полосой оттисков штампа над треугольниками венчика (см. рис. 6, 13; 7, 14; 8, 4). Доля этого мотива в общей массе орнаментальных мотивов могильника еще более возрастает при учете горшочка из грунтового погр. 1 (см. рис. 6, 15). Эта незначительная, на первый взгляд, деталь, весьма примечательна, т.к. для богато орнаментированных сосудов с трехзональным членением поля и рядом треугольников по венчику

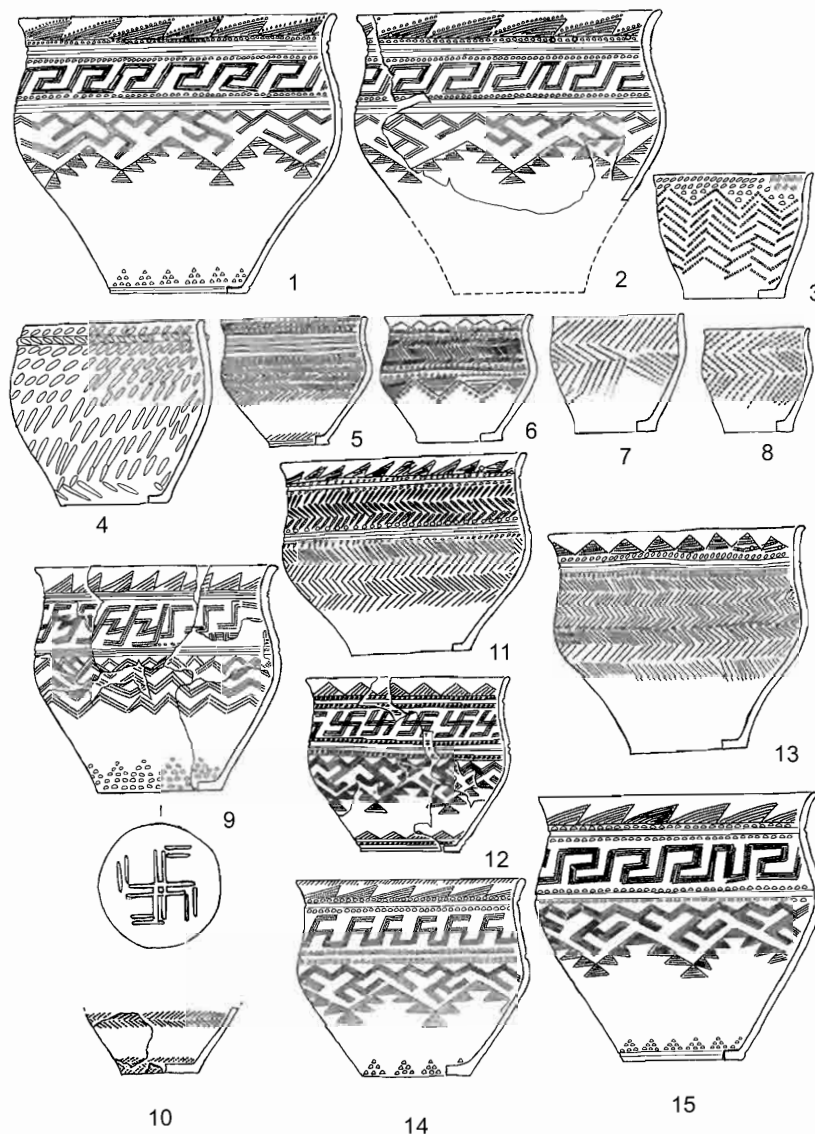

Рис. 7. Керамика из могильника Старый Тартас-4.

1–4 — кург. № 6, погр. 1; 5, 6 — кург. № 7, погр. 1; 7, 8 — кург. № 7, погр. 2; 9, 10 — кург. № 8, погр. 1; 11–13 — кург. № 9, погр. 1; 14, 15 — кург. № 12, погр. 1.

из восточной провинции андроновской культурно-исторической общности наличие такой дополнительной полосы абсолютно нехарактерно. В массиве андроновских классических сосудов с “ковровым” узором такой мотив, как полоска оттисков над треугольниками венчика, встречается только на единичных изделиях (Орак, мог. 28; Боровое, ограда № 10, мог. 2; Вахрушево, кург. № 3 и др.) [Комарова, 1961, с. 71, табл. XIII, 3; Оразбаев, 1958, табл. II; Троицкая, 1969, с. 5, рис. 1, а]. Примечательно, что полоска оттисков над треугольниками венчика характерна для орнаментальной схемы сосудов федоровской культуры, обнаруженных на Урале и в Казахстане (Солнце-Талика, Уреф-

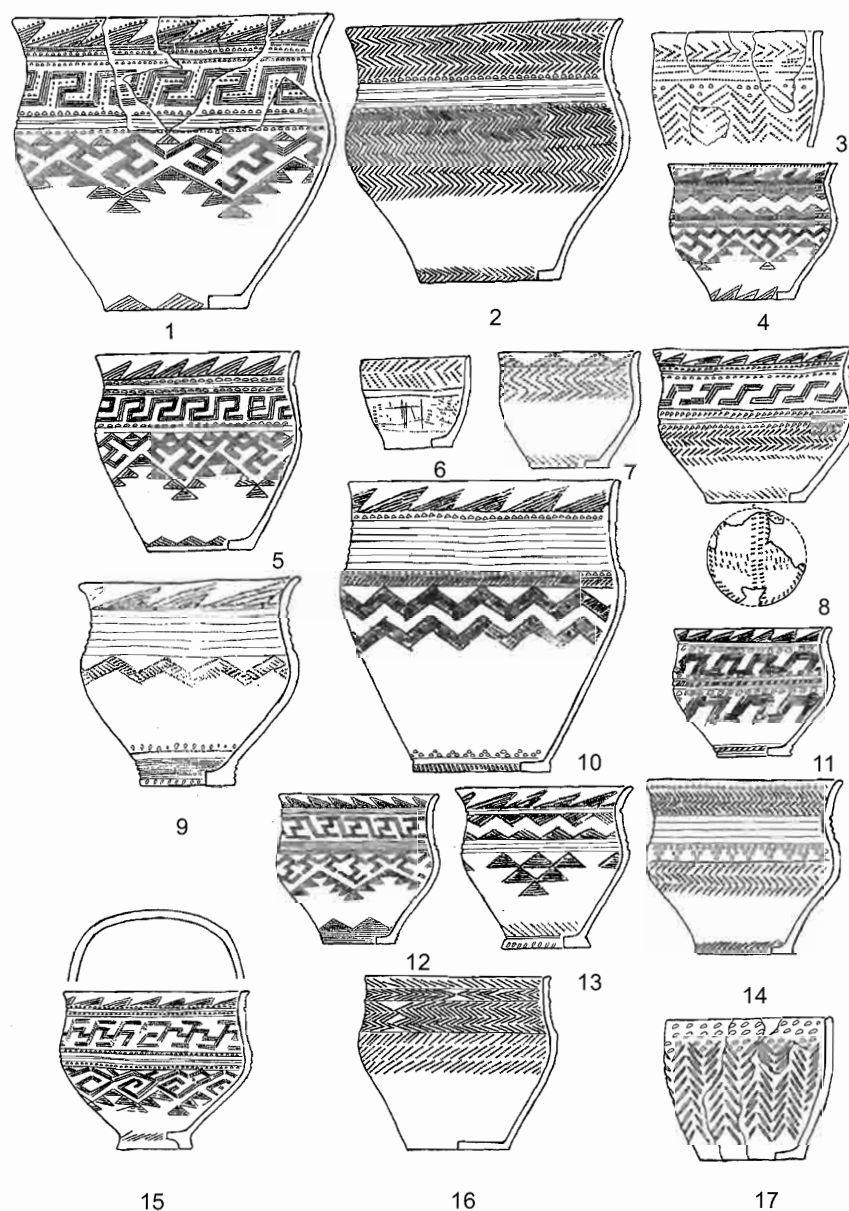

Рис. 8. Керамика из могильника Старый Тартас-4.

1 – 5 – кург. № 10, погр. 1; 6, 7 – кург. № 14, погр. 2; 8 – кург. № 14, погр. 1; 9 – 14 – кург. № 15, погр. 1; 15, 16 – кург. № 16, погр. 1; 17 – грунтовое погр. 2.

ты, Федоровка, Путиловская Заимка-2) [Виноградов, Костюков, Марков, 1996, с. 136, рис. 3; с. 141, рис. 6; Стефанов, Днепров, Корочкова, 1983, с. 157, рис. 2, 9; Сальников, 1940, с. 63, табл. I, 8; Зданович, 1988, с. 97, рис. 39, 2, 6]. В последнем из перечисленных памятников помимо классических андроновских есть сосуды с нарушениями в орнаментальном каноне, характерные для федоровской традиции.

Западное крыло могильника демонстрирует весьма специфичный набор керамики: два сосуда с подчетырехугольным устьем и один сосуд с ребром, напоминающий алакульский тип (см. рис. 8, 15, 16; 9, 7).

Интересно, что сосуд с четырехугольным устьем из кург. № 16 имеет выраженный красноватый, а прочие – коричневато-серый цвет. Подобное зафиксировано в могильнике Вахрушево: сосуд с четырехугольным устьем красный, а прочие – серо-коричневые [Троицкая, 1969, с. 12]. Можно предположить, что при изготовлении своеобразных по форме сосудов использовались особые формовочная масса и режим обжига.

Яркой особенностью орнаментации сосудов данного могильника является частое повторение одного и того же мотива “коврового” узора. Керамический комплекс могильника содержит 13 сосудов с “ковровым” узором, из которых 7 с одним мотивом – трехчетвертной свастики (т.е. свастика, у которой изображены только три ветви, варианты же соединения отдельных таких свастик в непрерывную цепочку могут быть различными). Так, сосуды из кург. № 1 (см. рис. 6, 2), № 6 (см. рис. 7, 1, 2), № 9 (см. рис. 7, 12), № 10 (см. рис. 8, 4), № 12 (см. рис. 7, 14, 15) имеют “ковровый” узор, который можно назвать “утопленной” трехчетвертной свастикой – третья ветвь сливается с опорным зигзагом, идущим по верху плечиков – базовым элементом для построения “коврового” узора. Сосуд из кург. № 10 орнаментирован той же трехчетвертной свастикой, но не “утопленной” – третья ветвь выделе-

на полностью (см. рис. 8, 5). На сосуде из кург. № 15 тот же базовый элемент перевернут – крепится к опорному зигзагу половинной ветвью (см. рис. 8, 12). Прямая полная трехчетвертная свастика встречается еще на двух сосудах, “ковровый” узор которых составлен из разных элементов (кург. № 5, 10) (см. рис. 6, 12; 8, 1). Сосуды только с ведущим вариантом этого узора (“утопленная” трехчетвертная свастика) составляют 53,8% (7 из 13 сосудов). Другой столь часто встречающийся элемент в комплексах с “ковровыми” узорами нам не известен. Сами по себе мотивы, образованные трехчетвертной свасти-

кой, вообще довольно редко встречаются на андроновских сосудах. Так, лишь на 4 из 30 горшков с “ковровым” узором на плечиках, найденных в андроновских могильниках в Кузнецкой котловине, отмечен рассматриваемый орнаментальный мотив. Три таких сосуда обнаружены в могильнике Титово (кург. № 5, мог. 1, 6; кург. № 6, мог. 5) и один в могильнике Танай* (кург. № 10, мог. 4). Данный мотив принадлежит к числу достаточно сложных, и его преобладание в комплексе очевидно. Факт столь значительной концентрации одного сложного орнаментального мотива в рамках керамического комплекса могильника беспрецедентен. Ни на одном из исследованных в настоящее время могильников андроновской культуры не наблюдается столь высокая частота встречаемости одного мотива “коврового” узора. Стоит отметить, что сосуды с трехчетвертной свастикой присутствуют только в центральной группе погребений могильника.

Материалы могильника Старый Тартас-4 дают новую информацию для анализа проблемы корреляции типов орнаментации сосудов и пола погребенных. Погребение кург. № 12 содержало две кучки кремированных останков, около каждой из которых стояло по сосуду. У северного скопления лежала пара полых бронзовых серег, которые, согласно андроновской традиции, могли принадлежать только женщине. Поэтому логично допустить, что северная кучка – останки женщины, а южная – жженные кости мужчины. Такой вывод соответствует традиции андроновцев совершать совместные захоронения людей разных полов по обряду ингумации. Следует обратить внимание на то, что сопровождавшие останки сосуды по степени сложности орнамента практически идентичны.

Остановимся на проблеме корреляции морфологических особенностей посуды и возраста погребенных. Керамические комплексы погребений образуют

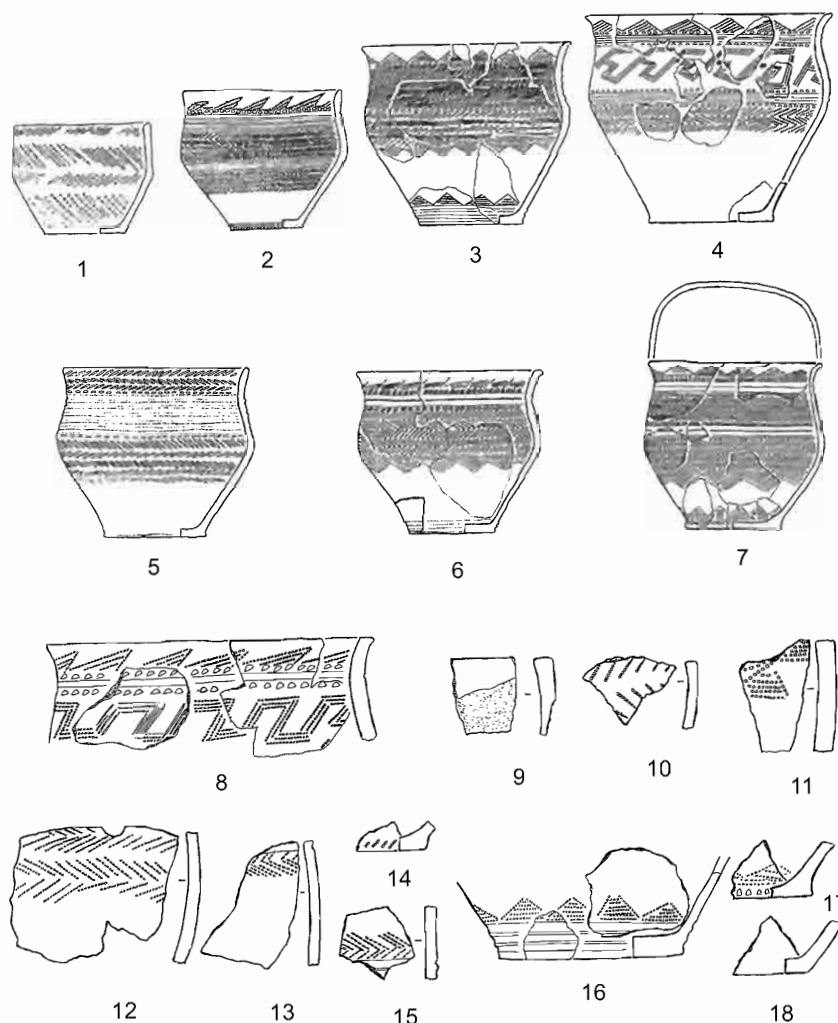

Рис. 9. Керамика из могильника Старый Тартас-4.
1 – кург. № 17, погр. 1; 2 – 4 – кург. № 17, погр. 2; 5 – кург. № 19, погр. 1;
6 – 18 – кург. 19, погр. 2, 3.

две большие группы, которые соответствуют возрастным группам умерших, – детские и взрослые. Определение детских погребений не вызывает сомнений – дети похоронены по обряду труположения, их могильные ямы небольшие по размерам. Погребения взрослых мы выделяем с известными оговорками и по косвенным признакам – размеры могильных ям, характер сопроводительного инвентаря и сохранившиеся фрагменты костей взрослых особей.

Керамика в детских погребениях (кург. № 4 (см. рис. 6, 8), № 7, погр. 1, 2 (см. рис. 7, 5 – 8), № 11 (см. рис. 6, 16), № 13 (см. рис. 6, 14), № 14, погр. 1, 2 (см. рис. 8, 6 – 8), № 17, погр. 1 (см. рис. 9, 1); грунтовые мог. № 1, 2 (см. рис. 6, 15; 8, 17)) и во взрослых различается по всем основным параметрам керамического комплекса. Она разнородная, различается по количеству сосудов, их размерам, форме, орнаментации. Исключение составляет погребение кург. № 9,

* Бобров В.В., Михайлов Ю.И. Андроновские памятники Обь-Чулымского междуречья. – М., 1989. – 194 с. – Деп. ВНИИОН, 26.06.89, № 38518.

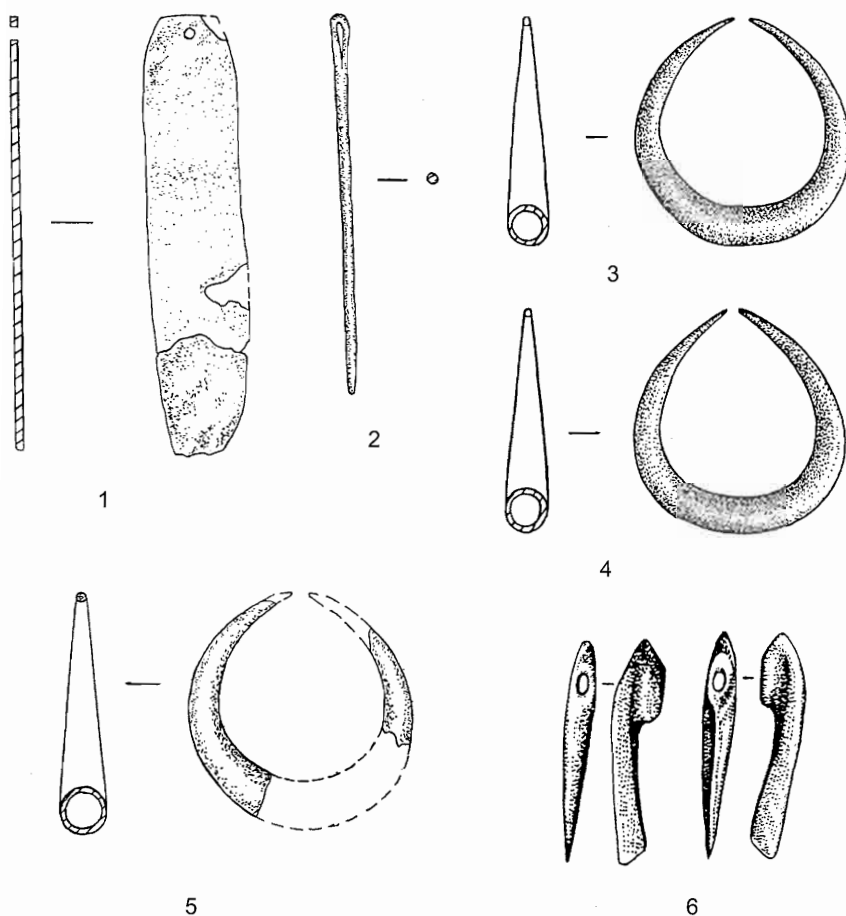

Рис. 10. Изделия из бронзы, обнаруженные при раскопках могильника Старый Тартас-4.

1 – пластина-накладка (кург. № 1, погр. 1); 2 – игла (кург. № 5); 3 – 5 – височные кольца (3 – кург. № 1, погр. 1; 4, 5 – кург. № 12, погр. 1); 6 – votивный топорик (кург. № 17).

в котором останки ребенка сопровождается комплекс из трех горшков, типичных для погребений взрослых (см. рис. 7, 11 – 13). Из нашего анализа исключается сосуд из погр. 1 кург. № 19 (см. рис. 9, 5) ввиду уникальности этого погребения – очень маленькие размеры могильной ямы (она выкопана специально под сосуд) и присутствия остатков сожжения в самом сосуде. Установить, ребенку или взрослому принадлежит прах, – не представляется возможным. Из-за сильных повреждений двух центральных погребений кург. № 19 и центрального погребения кург. № 17 не удалось установить точное количество находившихся в них сосудов.

В целом комплекс сосудов из детских погребений более однороден по всем показателям, чем сосуды из взрослых захоронений. “Детские” сосуды представлены в основном небольшими банками или горшками переходных форм с простым, преимущественно елочным орнаментом. Из этого общего ряда выделяется сосуд из погр. 1, кург. № 14 (см. рис. 8, 8).

Он больших размеров (диаметр 20 см, высота 15 см), с классической для горшка профилировкой, трехзональным членением орнамента и орнаментированным дном. Выделяется также сосуд из грунтовой детской мог. № 1, имеющий профиль, характерный для горшка, и тщательно выполненный двухзональный орнамент (см. рис. 6, 15).

Сосуды из взрослых погребений не укладываются в единое описание. В одном погребении может быть от одного до шести сосудов, разные по форме (представлены как классические горшки, так и типичные банки, а также горшки с четырехугольным устьем и алакульского типа с ребром). Следует отметить преобладание горшковидных форм (среди полностью сохранившихся сосудов 31 горшок и 7 банок). Эта группа сосудов демонстрирует весь спектр орнаментальных типов, бытовавших в андроновской культуре. Размеры сосудов из взрослых погребений также варьируют в очень широком диапазоне.

Бронзовые изделия

Среди представленных в комплексах предметов особое место занимает бронзовый votивный топорик, обнаруженный в кург. № 17 (рис. 10, 6). Он является уменьшенной копией массивновислообушного изделия. Полный его аналог – топорик из Змеиногорского рудника [Аванесова, 1991, рис. 13, 53]. Длина по лезвию 4 см, ширина обуха 1 см. По типологии Е.Н. Черных [1970, с. 58], его можно отнести к массивновислообушным топорам, разновидностью которых являются топоры с гребнем. М.П. Грязнов отмечал, что андроновцы имели подобные топоры [1956, с. 21]. Аналогичный по форме топор был найден у д. Ляпиной и отнесен исследователем к массивновислообушным топорам казахстанского типа. Топоры с массивным обухом были характерны и для срубной культуры. Г.Б. Ахмеров предполагает их использование в качестве отбойника или кирки при добытии руды [1955, с. 81]. Е.Е. Кузьмина считает, что массивновислообушные топоры были распространены в запад-

ной части ареала андроновской культуры, Приуралье и памятниках срубной культуры и датирует их третьей четвертью II тыс. до н.э. [1966, с. 11].

Бронзовая игла, изготовленная из круглой в сечении проволоки (рис. 10, 2), была найдена поломанной в кург. № 5. Аналогичное изделие обнаружено в Барабе на памятнике Абрамово-4 [Молодин, 1985, с. 104]. Игла с выраженным ушком из Абрамово-4 также была изготовлена из тонкой проволоки. Аналогичное изделие найдено на территории верхней Оби в Еловском могильнике (ЕК-2) [Матюшенко, 1973, с. 12].

Обнаружено три височных бронзовых кольца с несомкнутыми концами: в кург. № 1, погр. 1 – 1 экз., в кург. № 12, погр. 1 – 2 экз. (рис. 10, 3 – 5). Подобные украшения широко известны на всей территории распространения памятников андроновской общности [Аванесова, 1991, рис. 45, 27 – 44; 46, 11 – 45, 49 – 71].

Бронзовая пластина-накладка (рис. 10, 1) обнаружена в погр. 1 кург. № 1.

Прочие находки

Интерес представляет обнаруженное в погр. 2 кург. № 14 скопление из 22 астрагалов. В целом для Барабы астрагалы – нетипичная находка, хотя они встречаются в захоронениях памятника Преображенка-3 [Молодин, 1985, с. 104]. Астрагалы достаточно часто фиксируют в андроновских захоронениях в Верхнем Приобье [Матюшенко, 1973, с. 24].

В насыпи кург. № 16 обнаружены речные раковины, которые широко использовались андроновцами в качестве украшений [Там же; Молодин, 1984, с. 104].

Некоторые итоги

Рассматриваемый могильник без сомнения принадлежит восточному ареалу андроновской культурно-исторической общности. По целому ряду признаков он демонстрирует яркое своеобразие. Можно констатировать неоднородность могильника по пространственному размещению насыпей, конструкции подкурганых сооружений, типологическому и орнаментальному наборам керамического комплекса. Причиной такой неоднородности может служить скорее этническая или социальная градация населения, оставившего памятник, нежели хронологический разрыв между сооружениями. Специфические особенности погребального обряда (рвы), имеющие аналоги в памятниках ирменской культуры эпохи поздней поры бронзового века, свидетельствуют, очевидно, о принадлежности могильника к завершающей стадии бытования данной культуры в регионе и подтверждают преемственность ирменской культуры от предшествующей андроновской общности.

Материалы могильника Старый Тартас-4 расширяют источниковую базу для изучения семантики андроновской посуды. Получены дополнительные аргументы в пользу того, что посуда с валиками сосуществовала с классическими типами андроновских сосудов. Показателен факт синхронного бытования классической андроновской посуды федоровского типа и алакульских форм. В оформлении отмечено преобладание “коврового” узора, выявлены специфические черты орнаментации данного керамического комплекса, получены новые материалы, позволяющие судить о корреляции типов сосудов с полом погребенных.

Список литературы

- Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., Шамшин А.Б. Могильники развитой и поздней бронзы на Ближних Елбанах // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1996. – С. 11 – 20.
- Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). – Ташкент: Фан, 1991. – 200 с.
- Ахмеров Р.Б. Памятники срубно-хвалынской культуры Башкирии // КСИИМК. – 1955. – Вып. 59. – С. 81 – 90.
- Бобров В.В., Горяев В.С. Танай-12 – новый памятник эпохи бронзы в Кузнецкой котловине // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. 6: Материалы Годовой юбилейной сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 2000 г. – С. 226 – 230.
- Виноградов Н.Б., Костюков В.П., Марков С.В. Могильник Солнце-Талика и проблемы генезиса федоровской культуры бронзового века в Южном Зауралье // Новое в археологии Южного Урала. – Челябинск: Рифей, 1996. – С. 131 – 149.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 228 с. – (МИА; № 48).
- Жемерикин Р.В. Семиотический анализ керамического комплекса погребения // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. 5: Материалы Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1999 г. – С. 366 – 371.
- Зданович Г.Б. Бронзовый век урало-казахстанских степей. – Свердловск: УрГУ, 1988. – 184 с.
- Зотова С.В. Ковровые орнаменты андроновской керамики // Новое в советской археологии. – М.: Изд-во АН СССР, 1965. – С. 177 – 181.
- Кирюшин Ю.Ф. Особенности погребального обряда и погребальной посуды андроновской культуры // “Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...”: Сборник, посвященный памяти этнографов Г.Н. Грачевой и В.И. Васильева. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1995. – С. 58 – 75.
- Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю. Андроновский могильник Подтурино // Культура народов евразийских степей в древности. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1993. – С. 67 – 94.

Ковтун И.В., Горяев В.С. Могильник Танай-12 и культурно-хронологические особенности андроновской статуарной и изобразительной традиции // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул: АГУ, 2001. – С. 53 – 63.

Ковтун И.В., Михайлов Ю.И. Композиционные структуры в декоративном оформлении андроновской посуды // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 4: Материалы VI Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1998 г. – С. 253 – 257.

Комарова М.Н. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак // АСГЭ. – Л.: Гос. Эрмитаж, 1961. – Вып. 3. – С. 32 – 73.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. – М.: Изд-во АН СССР, 1966. – 150 с. – (САИ; Вып. В4-9).

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М.: “Восточная литература”, 1994. – 464 с.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. – Л.: Наука, 1978. – 192 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 435 с.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. – Новосибирск: Наука. Сибирское предприятие РАН, 1998. – 416 с.

Матюшенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). – Томск: ТГУ, 1973. – Ч. 3: Андроновская культура на Верхней Оби. – 118 с. – (Сер. “Из истории Сибири”; Вып. 11).

Михайлов Ю.И. Орнамент андроновского керамического комплекса: Проблемы анализа и интерпретации: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1990. – 18 с.

Молодин В.И. Особенности погребального обряда детских захоронений андроновцев Барабинской лесостепи (по материалам могильника Преображенка-3) // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: БашкГУ, 1984. – С. 37 – 44.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области: Материалы “Свода памятников истории и культуры народов России”. – Новосибирск: НПО по сохранению историко-культурного наследия, 1998. – Вып. 3. – 140 с.

Молодин В.И., Новиков А.В., Гришин А.Е. Результаты последнего года полевых исследований могильника андроновской культуры Старый Тартас-4 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 4: Материалы VI Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1998 г. – С. 294 – 299.

Молодин В.И., Соболев В.И. Андроновские погребения памятника Преображенка-3 // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. – 1975. – № 1. – С. 113 – 119.

Молодин В.И., Чикишева Т.А. Курганный могильник Преображенка-3 – памятник культуры эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 125 – 206.

Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Тр. Ин-та ист., арх. и этногр. Академии наук Казахской ССР. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1958. – Т. 5. – С. 216 – 294.

Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б. Погребальные комплексы эпохи бронзы южной Кулунды // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 7: Материалы Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 2001 г. – С. 435 – 459.

Позднякова О.А. Об этапе становления алтайского андроноведения // Гуманитарные исследования на пороге нового тысячелетия: Сб. науч. тр. молодых ученых ист. фак. АГУ. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. – С. 89 – 93.

Сальников К.В. Андроновский курганный могильник у села Федоровка // МИА. – 1940. – № 1.

Стефанов В.И., Днепров С.А., Корочкова О.Н. Курганы федоровского типа могильника Урефты I // СА. – 1983. – № 1. – С. 155 – 166.

Тишкин А.А., Позднякова О.А. Новые материалы андроновской культуры с территории лесостепного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 7: Материалы Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 2001 г. – С. 460 – 464.

Троицкая Т.Н. Памятники андроновской культуры (по материалам Новосибирской археологической экспедиции) // Из истории Западной Сибири. – Новосибирск: НГПИ, 1969. – С. 3 – 20.

Хлобыстина М.Д. К вопросу о “биритуальных” обрядах в андроновских могильниках // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. – Кемерово: КемГУ, 1976. – С. 8 – 15.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. – М.: Наука, 1970. – 180 с.

Шамшин А.Б. Фирсовский археологический микрорайон. Некоторые итоги и перспективы исследования // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. 3: Материалы Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, посвященные 40-летию Сибирского отделения РАН и 30-летию Института истории, филологии и философии СО РАН. Декабрь 1997 г. – С. 326 – 331.

Эрлих В.А. Бронзовый век Западной Сибири: Реферативный указатель отечественной археологической литературы 1917 – 1965 гг. – Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 1994. – 234 с.

Материал поступил в редколлегию 16.05.02 г.

УДК 903.2

В.Д. Кубарев

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: vd@online.nsk.su*

ДРЕВНИЕ ЗЕРКАЛА АЛТАЯ

Введение

Бронзовые зеркала, происходящие из курганов древних кочевников Центральной Азии, еще недостаточно изучены по сравнению с другими категориями археологических находок. Они неоднократно описывались и публиковались как в статьях, так и в контексте больших обобщающих работ. Однако авторы мало уделяли внимания анализу художественно-стилистических особенностей рисунков, нередко выгравированных на оборотной стороне дисков зеркал. В семантическом плане интересно и оформление ручек многих зеркал в зооморфном стиле. Одной из причин невнимания исследователей к этим находкам как к полноценному источнику по древнему искусству, надо полагать, является большое число маловыразительных зеркал с короткими петлевыми или дужковыми ручками и гладкими дисками. В то же время не исключено, что на многих зеркалах кочевников, находящихся в фондах и музейных хранилищах, возможно, также имеются гравюры, которые пока еще не выявлены. Такое суждение основано на давней традиции археологов хранить и даже экспонировать металлические раритеты нереставрированными, т.е. покрытыми окислами бронзы. К примеру, только благодаря реставрации в алтайской коллекции удалось обнаружить целую серию зеркал с тончайшими гравировками. Расшифровка рисунков и элементов декора дает дополнительную информацию по астральному культу, магии и мифологии. В отдельных случаях рисунки даже позволяют уточнить время изготовления зеркала и сооружения погребального комплекса, в котором оно было найдено.

Зеркала с гравировками на оборотной стороне встречаются в курганах древних кочевников достаточно редко, и их сводная публикация, несомненно, актуальна для сибирской археологии.

Распространение, типология и хронология

Зеркала – самая многочисленная категория ритуальных предметов, найденных в курганах древних кочевников Алтая. Только коллекция из погребений в Чуйской котловине, исследованных автором, насчитывает более 100 экз. Их классификация позволила выделить восемь основных типов зеркал [Кубарев, 1987а, с. 90 – 91, рис. 34]. Зеркала типов 2 и 3, получившие в литературе название “медальевидные”, наиболее многочисленны и чрезвычайно широко распространены в памятниках Центральной Азии. Их находят в погребальных комплексах V – II вв. до н.э. в Забайкалье, Монголии, Ордосе и Казахстане [Руденко, 1962; Максимова, 1976; Kubarev, 1996]. Учитывая столь большое число таких находок в указанных регионах, есть все основания предполагать местное, центральноазиатское происхождение “медальевидных” зеркал. В III – I вв. до н.э. – период интенсивных культурных контактов населения Саяно-Алтая – они попадают к тагарским племенам и древним кочевникам соседней Тувы [Мартынов, 1979, табл. 16; Вадецкая, 1986, с. 52; Курочкин, 1988, рис. 15, 11, 12; Мандельштам, 1992, табл. 76, 12, 19, 29]. В свою очередь, тонкие зеркала-бляшки с небольшой дугообразной петлей в центре диска (тип 7 по нашей классификации), найденные в курганах Юстыда и Уландрыка, появились на Алтае и в Туве, вероятно, благодаря тагарцам. Именно такие “дужковые” зеркала наиболее характерны для тагарской культуры Минусинской котловины, где их обнаружено более 300 экз. [Киселев, 1951, с. 229; Мартынов, 1979, табл. 15; и др.]. Они бытовали на всем протяжении тагарской культуры и в переходное тагарско-таштыкское время (V – I вв. до н.э.). Подобные “дужковые” зеркала впервые найдены на Алтае [Кубарев, 1987а, рис. 34, 10; 1991, рис. 25, 16; 1992, рис. 36, 16], если не учитывать близ-

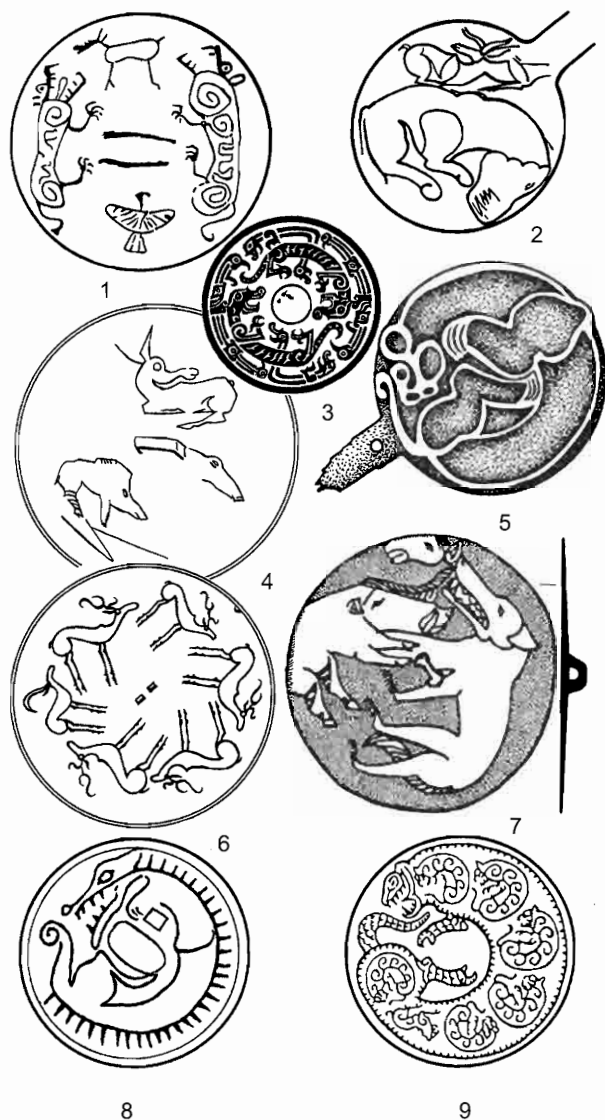

Рис. 1. Зеркала раннескифского времени.

1, 3 – Шаньцуньлинь (Китай); 2 – Уйгарак (Казахстан); 4 – Жиланды (Казахстан); 5 – Измайловка (Восточный Казахстан); 6 – Алтай (из коллекции П.К. Фролова); 7 – Тува (по: [Bokovenko, 1994]); 8, 9 – Синьцзян (по: [Комиссаров, 2000; Варёнов, 2000]).

кие по конструкции, но более массивные и древние (VIII – VI вв. до н.э.) зеркала с “бортиком” из раннескифских курганов (рис. 1, 1, 3, 4, 6, 8) или еще более архаичные зеркала андроновской культуры [Грязнов, 1947, 1956].

Все центральноазиатские зеркала, в том числе и алтайские, могут быть подразделены по размерам на три основные группы: 1) крупные (диаметр 7 – 12 см), 2) уменьшенные (4,5 – 6); 3) миниатюрные (2,5 – 4 см). Наиболее архаичные крупные зеркала (см. рис. 1) датируются VIII – VI вв. до н.э., уменьшенные (рис. 2 – 9), которые преобладают в количественном отношении, – V – III вв. до н.э., а миниатюрные зеркала –

Рис. 2. Зеркало из погребения на р. Юстыд. Алтай.

подвески самые поздние (II – I вв. до н.э.). Два редких зеркала (рис. 10), найденные на Алтае, относятся к позднему средневековью и этнографическому времени.

Гравировки обнаружены на оборотной стороне дисков зеркал типа 1 и 2. В меньшем числе они зафиксированы на зеркалах с “бортиком” и ручкой в виде петли в центре диска (см. рис. 1, 1, 3, 4, 6 – 9). Чаще всего гравюры встречаются на “медалевидных” зеркалах с короткими боковыми ручками (см. рис. 3, 1 – 4, 6; 4, 3, 6, 8; 7, 1, 6; 9, 3, 4), нередко оформленными в виде фигурок зверей или голов животных, как зверей, так и птиц (см. рис. 4, 4; 5; 6; 7, 2 – 5; 8). Другие зеркала также имели боковые ручки, судя по их сохранившимся фрагментам и неровным следам излома с одной стороны диска (см. рис. 2; 3, 5; 4, 5, 7; 9, 2, 5). Зеркала с длинными ручками (см. рис. 1, 2, 5; 11) найдены в памятниках, расположенных к западу от Алтая. Большая часть их – импортные изделия. Выявленная закономерность (гравировки на раннескифских зеркалах с “бортиком” и зеркалах с боковой ручкой) позволяет сузить время бытования анализируемых зеркал и облегчает сравнительный анализ рисунков на них.

Сюжеты и образы рисунков на зеркалах

В различных публикациях, посвященных зеркалам, они рассматриваются исследователями либо вверх, либо вниз ручкой. В результате неизбежно возникают разночтения в трактовке изображений на оборотной стороне диска, а в отдельных случаях это приво-

Рис. 3. Зеркала пазырыкской и саглынской культур Алтая и Тувы.

1 – Боротал; 2, 3 – Юстыд; 4, 6 – Мажалык-Ховузу; 5 – Саглы-Бажи.

дит к ложным выводам. К примеру, на зеркалах из Улангома (Монголия), по мнению Д. Навана, “фигурки изображены вверх ногами. Может быть, это означает, что животные уже мертвы, а может, это знак смерти носителя зеркала” [1978, с. 121]. Автор не пришел бы к подобному заключению, если бы рассматривал рисунок на зеркале, повернув его ручкой вниз, т.е. в единственно правильном, функционально оправданном, положении. Поэтому нужно согласиться с предложением Т.М. Кузнецовой: “Следует условиться описывать зеркало, располагая его ручкой вниз так, как оно изображено в руках женского божества на золотых бляшках из скифских курганов Куль-Оба, Чертомлык, Огуз, Носаки и др.” [1987, с. 23].

В алтайской серии находок из курганов древних кочевников выделяется зеркало из погребения на р. Юстыд (см. рис. 2). На его оборотной стороне имеется изображение хищника семейства кошачьих. В целом рисунок уже носит орнаментальный характер: в многочисленных завитках, вероятно, изображающих шерсть, с большим трудом можно рассмотреть предельно стилизованную фигуру свернувшегося в кольцо зверя. Голова и зад его почти соприкасаются, передние и задние лапы с “мягкими подушечками” прижаты друг к другу. Между брюхом и задней лапой зверя удачно вписана гравированная головка какого-то травоядного животного (косуля или олень?). Совершенно такая же по стилю миниатюрная головка

еще одного животного изображена перед оскаленной пастью хищника. И наконец, очертания головы третьего животного, напоминающего кабана (?), образуют линии бедра и задней ноги. Возможно, туловище и ноги этой последней фигуры переходили на ручку зеркала, которая не сохранилась. При внимательном рассмотрении рисунка в особенно крупных завитках различаются несколько крыльев, симметрично расположенных на теле хищника. В том, что это крылья, а не элементы орнамента, убеждает их форма и параллельная штриховка внутри контура. Точно так же оформлены крылья на птицевидных золотых бляшках, на реалистических деревянных фигурках орлов и лебедей, украшавших головные уборы древних кочевников из курганов Юстыда и Уландрыка. Крылья подобной формы показаны также на изображениях фантастических хищников из Пазырыка [Руденко, 1953, рис. 55; 72, а; 125 и т.д.; 1960, рис. 148]. Такое же, загибающееся концом вперед, крыло S-видной формы у крылатых фигурок зверей на известном семиреченском алтаре [Акишев, 1978, рис. 77]. Сходство с алтайской манерой исполнения крыла (у птиц и крылатых хищников) обнаруживается в изображениях золотых крыльев, “вырастающих” из спин фигур барсов (тигров?), которые украшали сакральный головной убор исыкского вождя [Там же, рис. 3, 4]. Но самыми близкими аналогами изображения хищника на юстыдском зеркале являются деревянные

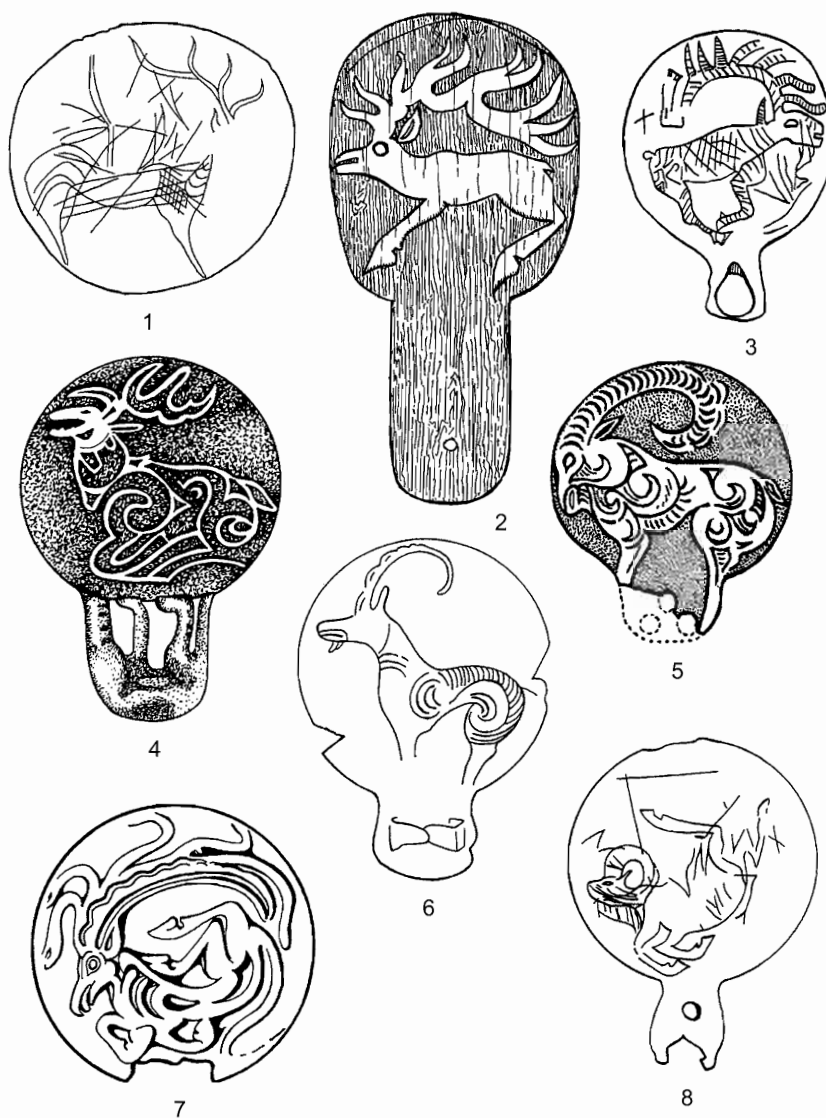

Рис. 4. Зеркала скифского времени из курганов Алтая, Тувы, Монголии и Северного Китая.

1 – Боротал; 2 – Ак-Алаха; 3, 8 – Улангом; 4 – Ордос; 5, 6 – Аймырлыг; 7 – Мажалык-Ховузу.

фигурки крылатых барсов из курганов Уландрыка [Кубарев, 1987а, рис. 46, 1, 2]. Таким образом, зверь, выгравированный на юстыдском зеркале, входит в круг идентичных, безусловно, фантастических крылатых хищников, наиболее распространенных в древнеалтайском искусстве. Образ крылатого хищника воспринят древними кочевниками из переднеазиатских источников, судя по изображениям крылатых львов и грифонов из известного Амударьинского клада [Зеймаль, 1979, рис. 23, 26 – 31, 111]. Тогда как мотив свернувшегося в кольцо гибкого зверя, удивительно точно вписанного в диск юстыдского зеркала, наваян более древними местными азиатскими прототипами [Адрианов, 1916, рис. 29; Кубарев, 1979, рис. 26; Грязнов, 1980, рис. 15, 4; Волков, 1981, рис. 6, 7]. Еще одним звеном в цепочке распространения (с вос-

тока на запад) этого древнейшего образа Центральной Азии являются зеркала из Измайловки в Восточном Казахстане (см. рис. 1, 5) [Ермолаева, 1985, с. 510, рис. 1] и Синьцзяна (см. рис. 1, 8, 9) [Комиссаров, 2000, рис. 1, 8; Варёнов, 2000, рис. 2, 10].

На местное происхождение юстыдского зеркала указывает и композиционный прием вписывания различных более мелких фигур животных в свободное пространство вокруг главного персонажа. Он разработан центральноазиатскими мастерами скифской эпохи [Грач, 1980, рис. 1, 1, 2; Мандельштам, 1992, табл. 78, 15 – 17, 32, 33; Кадырбаев, 1966, рис. 62; Кубарев, 1987а, табл. LXII, 12; Bokovenko, 1994, fig. 3, 3]. В стиле “загадочных картинок” (по: [Грач, 1980]) или “зоологических головоломок” (по: [Кадырбаев, 1966]) выполнены и отдельные художественные изделия савроматов [Смирнов, 1976, с. 83, рис. 4, 8]. Приведенные параллели дают основание датировать зеркало из Юстыда не позднее V в. до н.э.

Бронзовые зеркала с гравировками и рельефными изображениями различных животных представлены и в материалах других культур Центральной и Средней Азии. Они найдены в погребениях ранних кочевников Тувы [Грач, 1980, рис. 53; 113, 1 – 3; Мандельштам, 1992, табл. 78, 20, 27], Монголии [Novgorodova et al., 1982, Авв. 36, 1; 65, 8], в Ордосе [Киселев, 1951, табл. XXI, 2] и Казахстане [Кадырбаев, 1974, рис. 11; Грязнов, 1947, рис. 4, 11]. Изредка зеркала с гравировками на оборотной стороне встречаются в погребениях Средней Азии [Вишневская, 1973, табл. II, 4; Ягодин, 1978, с. 83] и в Минусинской котловине [Киселев, 1951, табл. XXI, 7; Окладников, 1959, рис. 32, 5; Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980, табл. VII, 1]. Покрытые позолотой серебряные и бронзовые зеркала с великолепными гравюрами найдены в степном Алтае [Уманский, Шульга, 1999, рис. 11 – 15]. Зеркала с изображениями тигров и кабанов обнаружены также в погребениях раннего железного века Западной Сибири [Троицкая, Бородавский 1994, рис. 25, 1] и в Поволжье [Корепанов, 1980, рис. 1, 2].

Персонажи, воспроизведенные на зеркалах и ручках, разнообразны. В рассматриваемой небольшой серии это в основном одиночные фигуры диких животных: хищника семейства кошачьих (см. рис. 1, 5), оленя (см. рис. 4, 1 – 4; 6, 2), козла и барана (см. рис. 4, 5 – 8; 6, 3), верблюда (см. рис. 5, 1 – 3, 7), лошади или кулана (см. рис. 5, 4, 9; 6, 1, 4; 9, 5) и кабана (см. рис. 5, 5; 6, 9, 2). В декоре нескольких зеркал отдают предпочтение образу птицы (см. рис. 7, 1, 4, 6; 8, 3, 5). Причем на двух из них изображения предельно стилизованы. Голова, клюв и крылья этих фантастических птиц уже с большим трудом “читаются” в орнаменте, покрывающем обратную сторону зеркала. Любопытно, что на алтайском зеркале глаз птицы (отверстие, просверленное в диске насквозь) инкрустировано золотой вставкой (см. рис. 7, 4). В единственном случае, на ручке зеркала из Тувы запечатлена сцена схватки двух хищников семейства кошачьих (см. рис. 5, 10).

Антропоморфные изображения на зеркалах древних кочевников неизвестны, если не принимать во внимание всего одно схематичное изображение лица на зеркале “скифской богини” (см. рис. 9, 1), запечатленном на известной золотой Сахновской пластине из Причерноморья [Онайко, 1984, рис. 2]. Поэтому интерпретация ручки зеркала из Мажалык-Ховузу (см. рис. 3, 6) как рельефного изображения “головы бородатого мужчины” [Грач, 1980, с. 35] вызывает сомнение. Фигуры двух вооруженных всадников на зеркале из Монголии (см. рис. 9, 3), очевидно, подрисованы позднее (гравировка более тонкая) к изображениям лошадей, выполненным в традиционном скифо-пазырыкском стиле [Эрдэнэбаатар, 1995]. Зеркало из Айдашинской пещеры, на котором есть изображение женщины (см. рис. 9, 4), возможно, привозное, так как эта гравюра не находит аналогий в рисунках на зеркалах древних кочевников, а также в изобразительном искусстве тагарской и кулайской культур Сибири [Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980, с. 33].

Нетрудно заметить, что сюжетной основой для оформления обратной стороны дисков зеркал послужили главные персонажи скифо-сибирского зверино-

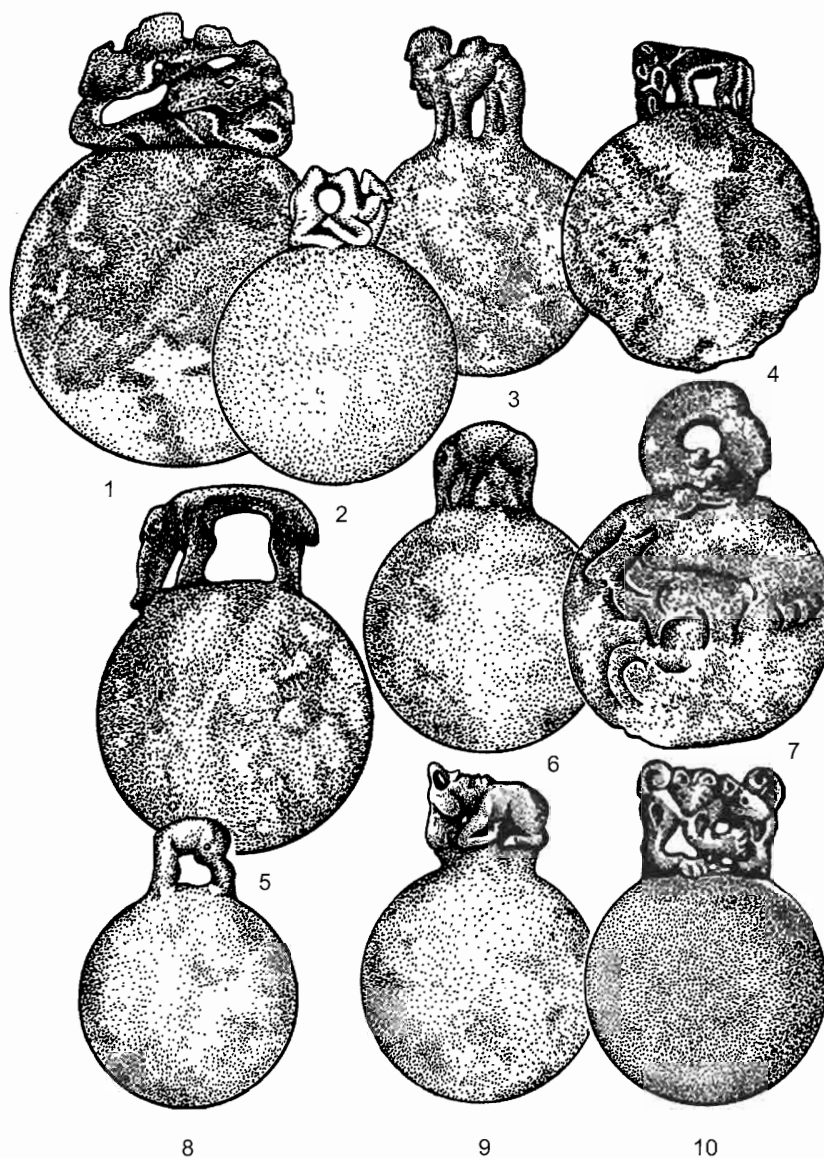

Рис. 5. Зеркала с зооморфными ручками из курганов Алтая и Тувы. 1 – Малталу; 2 – Тыткескень; 3 – Узунтал; 4 – Бике; 5 – Уландрык; 6 – Катунь; 7 – Алферово; 8 – Ала-Гаил; 9 – Аймырлыг; 10 – Саглы-Бажи.

го стиля. Те же образы в основном использованы и для декора ручек ряда центральноазиатских зеркал. Пожалуй, новым является оформление ручек в виде фигурок верблюдов. Но если учесть, что такие зеркала найдены в курганах юго-восточных районов Алтая, граничащих с Тувой и Монголией, то становится понятным появление этого редкого для скифо-сибирского искусства персонажа в декоре алтайских зеркал. Находка с Катунь с изображением лежащего верблюда на ручке зеркала [Степанова, Киришин, 1989, с. 66] также свидетельствует о заимствовании этого мотива населением Центрального Алтая, где, кстати, уже давно было известно еще одно подобное зеркало (рис. 5, 7). Его ручка также может трактоваться как

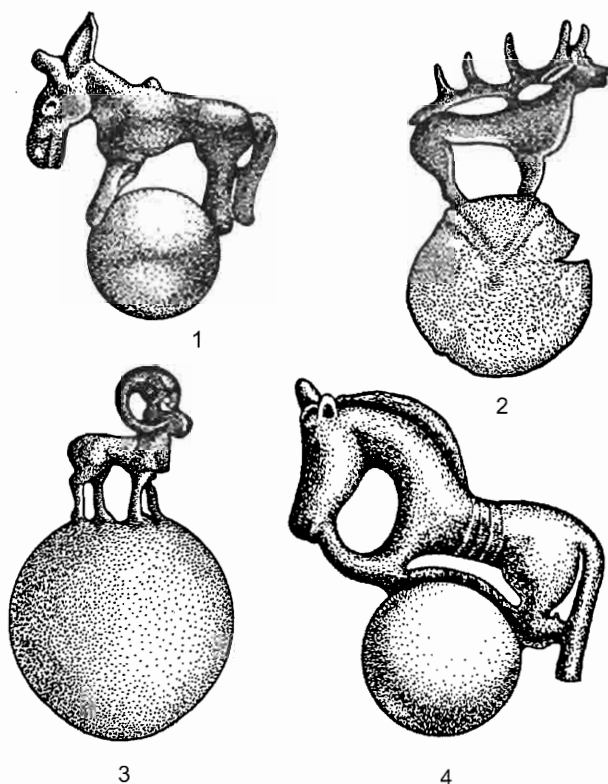

Рис. 6. Зеркала с зооморфными ручками и их имитации.
1, 3, 4 – Восточная Сибирь; 2 – Китай.

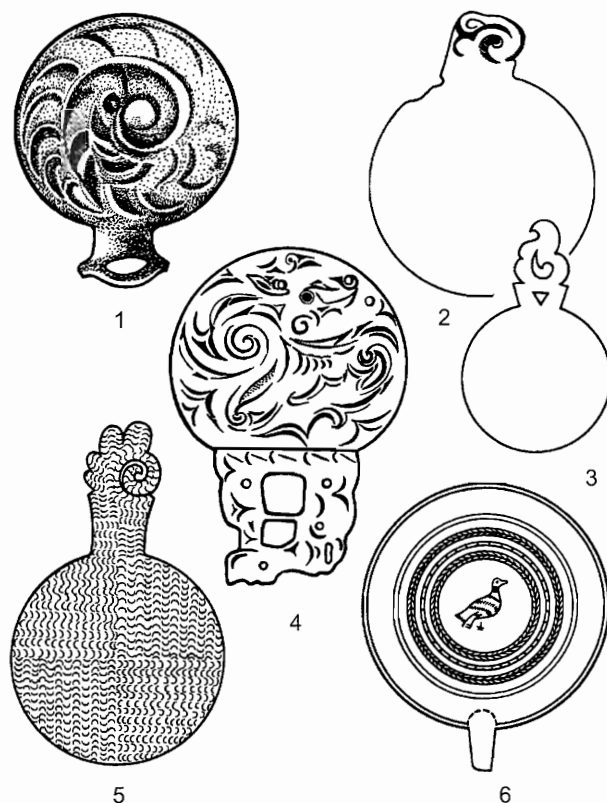

Рис. 7. Зеркала с гравировками и ручками в виде голов птиц из Хакасии, Алтая и Узбекистана.
1 – Минуса; 2 – Медведка; 3 – Юстыд; 4 – Балык-Соок;
5 – Раздумье; 6 – Каскажол.

стилизованное изображение лежащего верблюда с длинной змеевидной шеей и одним горбом. Поза животного, манера его исполнения обнаруживают сходство с фигуркой лежащего верблюда на ручке зеркала (см. рис. 5, 1), найденного в одном из высокогорных курганов Чуйской котловины [Кубарев, 1992, рис. 27, 1].

Следует также обратить внимание на те зеркала, в оформлении ручек которых применялся еще один типичный для скифо-сибирского искусства изобразительный прием, продиктованный древнейшим законом парциальной магии – “частью вместо целого”. Иначе говоря, ручки зеркал отливались только в виде голов птиц и зверей (см. рис. 7, 8). Причем на отдельных экземплярах степень стилизации изображений зашла так далеко, что в прорезных фигурных ручках с трудом можно различить плоскостное профильное изображение головы хищной птицы* (ср. рис. 7, 2 и 7, 3, 5; 8, 3).

* Существует и другое толкование ручек подобных зеркал. В.Е. Ларичев видит в них черты, присущие “змие фантастическому – дракону (грифону)”, находящемуся у корней мирового дерева, “ствол которого – рукоять, а крона – диск зеркала” [1998, с. 274 – 275].

На дисках других зеркал представлены сюжетные сцены, где иконографические схемы в зримой и лаконичной форме, возможно, отражают разного рода фрагменты из космогонических мифов. В них участвуют только хищные звери, фантастические существа и травоядные животные. Сочетание зооморфных мифических образов варьирует: два фантастических хищника, олень и птица (см. рис. 1, 1), хищник семейства кошачьих(?) и олень (см. рис. 1, 2; 3, 1), два “дракона” и шесть птиц (см. рис. 1, 3), два кабана и олень (см. рис. 1, 4), пять оленей и один козел (см. рис. 1, 6), волк, кабан и лошадь (см. рис. 1, 7), хищник семейства кошачьих, косуля, сайга(?) и кабан(?) (см. рис. 2), козел и лошадь(?) (см. рис. 3, 2), фантастический хищник и голова архара (см. рис. 3, 4), фантастический хищник и олень (см. рис. 3, 5), три тигра (см. рис. 11, 1). Разнообразие персонажей и их сочетание в сюжетах, на наш взгляд, позволяют предложить и различную трактовку сцен, запечатленных на зеркалах. Так, на ранних зеркалах хищник и травоядное животное изображены без всякой взаимосвязи, т.е. принцип композиционного построения, повествовательности как таковой отсутствует (см. рис. 1, 1 – 4). На других зеркалах они уже показаны в оппозиции друг к другу, причем головы тра-

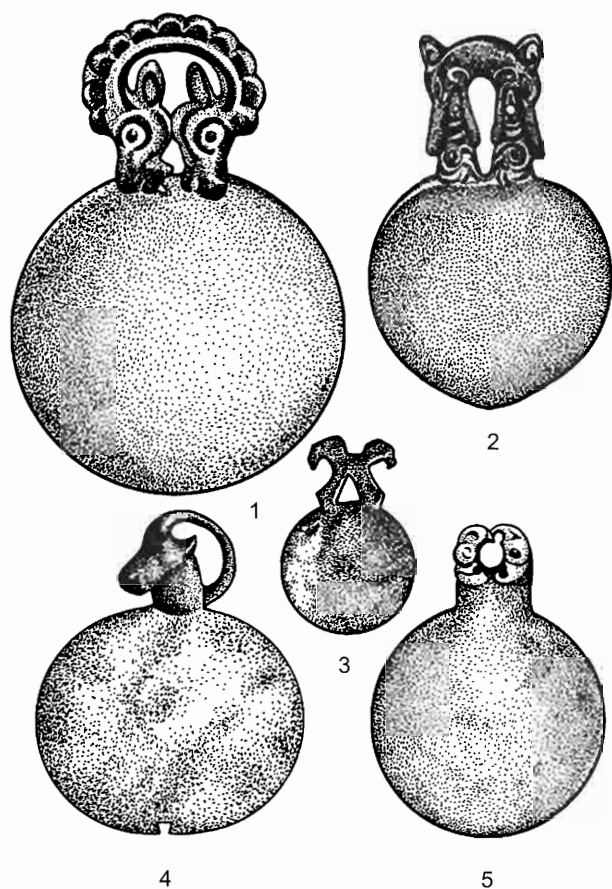

Рис. 8. Зеркала с ручками в виде голов зверей и птиц.
1 – 3 – Минусинская котловина; 4 – Малгалу, Алтай;
5 – Улангом, Монголия.

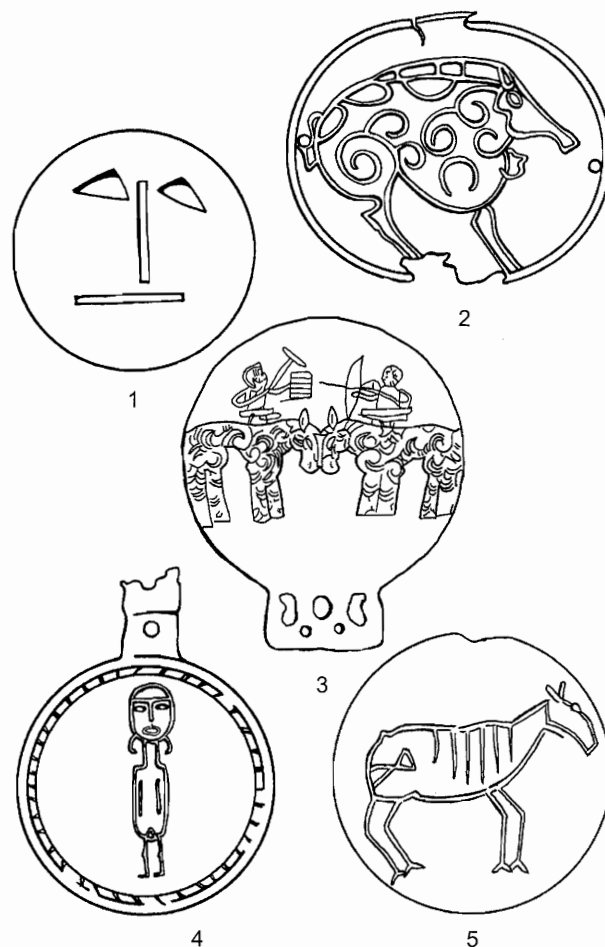

Рис. 9. Зеркала с гравюрами из различных регионов Евразии.
1 – Причерноморье; 2 – Южное Приуралье; 3 – Монголия;
4 – Восточная Сибирь; 5 – Западная Сибирь.

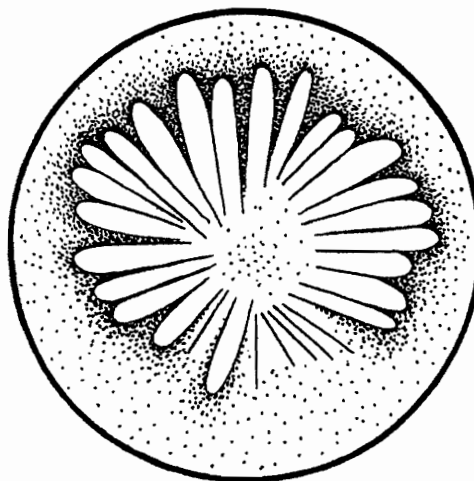
войдных животных вплотную приближены к пасти хищников или изображены зажатými в их лапах (см. рис. 1, 7; 3, 4). Вероятно, таким несложным приемом передан момент терзания, точнее, начало заглатывания хищником или фантастическим существом травоядного животного – сюжет, наиболее известный и вполне традиционный в скифо-сибирском искусстве. Вообще, почти все рисунки на зеркалах находят прямые аналогии в изобразительном искусстве пазырыкской культуры Алтая и других кочевых культур Центральной Азии. Еще А.Д. Грач заметил, что на зеркале из Мажалык-Ховузу изображение фантастического животного выполнено в пазырыкско-саглынской манере (см. рис. 4, 7). По его мнению, “фигура совмещает черты пяти животных – голова грифа, тело копытного (круп вывернут вверх), хвост кошачьего хищника, один рог горного козла, другой маралий (из отростков выползают змеи). Эта фигура имеет ближайшие аналогии среди мотивов татуировки вождя из Второго Пазырыкского кургана [Руденко, 1953, рис. 181, 182]. Среди находок

из могильника Мажалык-Ховузу имеется еще одно изображение фантастического зверя с туловищем собаки и ногами лошади (ноги подогнуты), терзающего голову горного барана” [Грач, 1980, с. 79] (см. рис. 3, 4). Последний сюжет явно копирует, хотя и в лаконичной форме, известную композицию, выполненную художественной резьбой на саркофаге-колоде из Второго Башадарского кургана [Руденко, 1960, с. 47, рис. 21]. Близки им по стилю и иконографии также сцены, воспроизведенные на бронзовых застежках из Минусы и Ордоса [Артамонов, 1973, рис. 149, 199].

В тувинской серии еще привлекает внимание зеркало из Саглы-Бажи (см. рис. 3, 5). На нем запечатлен фантастический хищник с головой барса, туловищем и ногами копытного (лошади?). Эта фигура налегает на незаконченное или плохо сохранившееся изображение оленя с S-видными рогами. Такие детали, как характерной формы рога оленя и “грива” хищника, имеющие аналогии в материалах Пазырыка и Уландрыка [Руденко, 1960, рис. 60; Куба-

1

2

Рис. 10. Зеркала средневекового (1) и этнографического (2) времени, найденные на Алтае.
1 – Онгудай; 2 – Уландрык.

рев, 1987а, рис. 44; табл. XXVII, 9; LXIX, 3], дают основание отнести это зеркало ко времени расцвета алтайского звериного стиля и наивысшего культурного подъема “скифоидных” племен Центральной Азии. Именно в V – III вв. до н.э. в горно-степных областях Центральной Азии повсеместно распространяется еще один символический и канонизированный образ – “космического оленя”. Его изображения, известные ранее только по оленным камням и петроглифам, становятся главным мотивом в комплексе зооморфных украшений головных уборов кочевников. К этому же времени, очевидно, относятся зеркала из Боротала, Ордоса, Улангома и Ак-Алахи (см. рис. 4, 1 – 4), на оборотной стороне дисков которых в типично скифо-пазырыкском стиле воспроизведены одиночные фигуры оленя. Видимо, в прямой семантической связи с изображением оленя находится и оппозиционная фигура хищника (волка?) на ручке зеркала из Ордоса (см. рис. 4, 4).

Находят параллели в пазырыкском искусстве, вплоть до полного тождества отдельных изображений, и другие рисунки на дисках центральноазиатских зеркал. Так, безупречно пропорциональные и необычайно реалистические фигуры сибирского козерога на зеркалах из Аймырлыга в Туве (см. рис. 4, 5, 6) близки по стилю изображениям на поясных бляхах из Пазырыка [Руденко, 1953, табл. XXVII, 2] и деревянным скульптуркам синкретических баранов с золотыми козлиными рогами из курганов Уландрыка [Кубарев, 1987а, рис. 44]. А эскизная фигура архара на улангомском зеркале (см. рис. 4, 8) повторяет во всех деталях иконографию рисунка на правой руке мумии вождя из Второго Пазырыкского кургана [Руденко, 1953, рис. 174].

Происхождение и назначение азиатских зеркал

Среди рассматриваемых в статье зеркал особняком стоит находка из Новосибирского Приобья (см. рис. 11, 1). Конструкция и форма, а также изображения тигров на оборотной стороне диска, как предполагается, восходят к иранским или среднеазиатским образцам, однако не исключается и культурная связь зеркала и рисунков на нем с сакским миром [Троицкая, Бородавский 1994, с. 96, рис. 25, 1]. Действительно, реалистическим изображениям тигров вроде бы нет прямых параллелей в скифо-сибирском зверином стиле, если опять же не учитывать приведенную авторами в качестве аналога одну из фигур тигров, вырезанных на погребальной колоде из Башадара [Там же, рис. 25, 2]. Но геометрическая фигура в виде шестиугольника, заключенного в две концентрические окружности (символ солнца?), выгравированная в центре зеркала из Быстровки, сопоставима с “шестилепестковыми розетками” в центре диска многих сарматских зеркал (см. рис. 11, 2) [Смирнов, 1984, рис. 42, 6; 50, 1, и т.д.]. Да и форма, конструкция этого зеркала может считаться сарматской, т.е. и оно изготовлено где-то в Приуралье. Наверное, прототипом для него послужили импортные зеркала, подобные уникальным образцам ювелирного мастерства, найденным в курганах Алтая (см. рис. 11, 3, 4) [Уманский, Шульга, 1999, рис. 11 – 15; Руденко, 1953, рис. 84] и в погребении Мечетсайского кургана (см. рис. 11, 5) [Смирнов, 1975, рис. 57]. Их конструкция (два склепанных позолоченных снаружи серебряных или бронзовых диска), размеры (диаметр 14 – 15 см), сюжеты и художественное оформление совершенно

иные, чем зеркала древних кочевников. Поэтому сравнительный анализ этих образцов не даст никаких результатов. Вместе с тем имеются все основания для предположения, что и рисунки на савроматских зеркалах – традиция, заимствованная носителями ананьинской культуры у населения восточных и южных районов Центральной Азии. В пользу этого свидетельствуют такие находки, как зеркало с гравированным изображением архара из Орского могильника в Оренбургской области [Смирнов, 1977, рис. 11, 1] и зеркало с фигурой кабана на диске с Селитренного городища (см. рис. 9, 2), поза кабана характерна для изображений этих животных в наскальном искусстве и в других изобразительных памятниках Центральной Азии (сводную табл. см.: [Самашев, 1992, рис. 173]). По мнению К.И. Корепанова, в оформлении фигур животных на зеркалах из Поволжья прослеживается восточное (алтайское) влияние, проявляющееся в украшении их тел спиралями [1980, с. 286].

Итак, можно сделать вывод, что рассмотренные зеркала из разных регионов Центральной и Средней Азии, отличаясь локальным своеобразием, объединяются не столько техникой изготовления и стилистическими особенностями, сколько общим магическим значением гравированных рисунков, еще более усиливающих охранительные функции зеркал. Они разительно отличаются от большой коллекции зеркал Минусинской котловины. Насколько известно, значительную ее часть составляют китайские привозные изделия, самые ранние из которых датируются IV – III вв. до н.э. [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 7]. Это время, очевидно, является верхней хронологической границей бытования центральноазиатских зеркал с гравировками, тогда как нижняя приходится на VIII – VII вв. до н.э. Возникает вопрос: появились ли подобные зеркала в Китае в подражание южносибирским образцам или развивались независимо от них? На первый взгляд ответ должен быть однозначным, судя по большой архаичности сибирских зеркал. Однако к настояще-

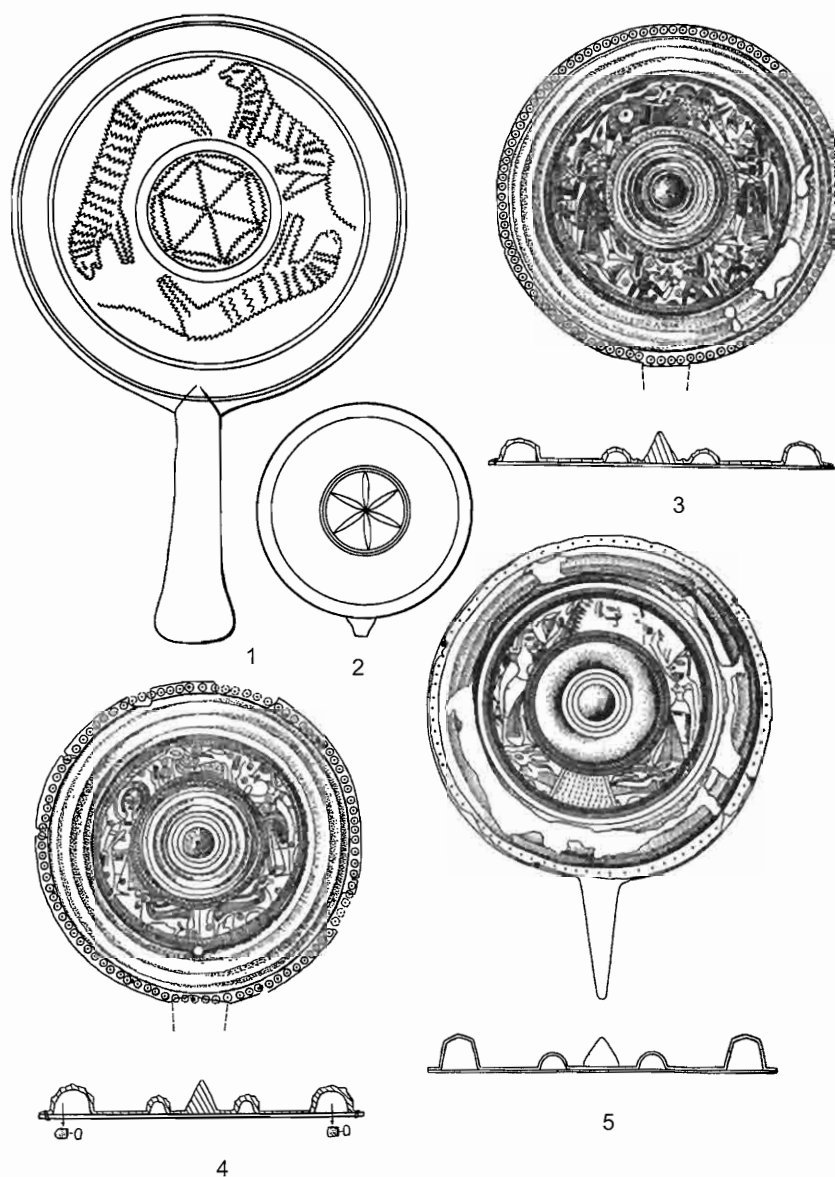

Рис. 11. Зеркала савромато-сарматского типа из различных регионов Азии. 1 – Быстровка (Новосибирское Приобье); 2 – пос. Фрунзе (Северное Причерноморье); 3 – Рогозиха, 4 – Локоть (степной Алтай); 5 – Мечетсай (Южное Приуралье).

му времени на территории КНР обнаружено не менее 60 зеркал, типологически близких южносибирским и относимых к эпохам Инь, Западное Чжоу и Чуньцю, причем самые древнейшие датируются XIII – XI вв. до н.э. [Варёнов, 1985, с. 164; Комиссаров, 2000, с. 456]. Среди них есть экземпляры с гравировками (см. рис. 1, 1, 3, 8, 9), идентичными по содержанию отдельным сценам на центральноазиатских зеркалах и оленных камнях, а также изделия с ручками, выполненными в зооморфном стиле (см. рис. 4, 4; рис. 6, 2). Тем не менее китайские зеркала не продукт собственного производства. К такому выводу приводят результаты исследования состава металла самых древних из них, а также анализ изобразительных

сюжетов, наиболее характерных для позднебронзовой культуры Монголии, к которой относятся оленные камни [Варёнов, 1985, рис. 3, 1, 2]. Таким образом, речь идет о еще более ранних заимствованиях древних китайцев из сибирских источников. “Зеркало для них, по-видимому, не имело никакого сакрального значения, тогда как, например, в Сибири зеркала были широко распространенным предметом культа уже в карасукской культуре, синхронной Инь” [Там же, с. 168]. Заметим, что бронзовые зеркала, столь обычные для Северной Азии в карасукское время [Киселев, 1951, табл. XII, 23; Маргулан, 1979, рис. 90, 2; Вадецкая, 1986, с. 56, табл. V, 11; и др.], восходят, вероятно, еще к андроновской эпохе [Грязнов, 1956, табл. III, 3]. Ритуальное назначение зеркал проявляется также в многочисленных изображениях их на оленных камнях Монголии [Волков, 1981, с. 137, 177, 199; и др.]. Не случайно округлые углубления, имитирующие зеркала, помещаются на изображении щита, а чаще всего рядом с изображением оружия: лука, стрел и кинжала. Они, наверное, по представлениям древних, должны были магически действовать на предметы, усиливать их эффективность. Эти древнейшие представления нашли свое прямое отражение и в погребальной обрядности носителей пазырыкской культуры Алтая. В курганах Чуйской котловины оружие нередко находилось в одной связке с зеркалом и кожаной сумочкой, содержащей различные амулеты: гребень, клыки зверей, раковины каури, человеческие зубы и т.п. [Кубарев, 1981, с. 4, рис. 7, 2].

Древние кочевники Алтая носили зеркала на поясе, ручкой вверх, в войлочных или кожаных сумочках-футлярах, часто орнаментированных с лицевой стороны разноцветными аппликациями. Зафиксировано несколько случаев, когда зеркала были вложены в руку погребенного. В курганах Уландрыка и Юстыда металлические зеркала – культовая и магическая принадлежность не только женских, но и мужских погребений. Встречаются они и в детских захоронениях. Вместе с тем в некоторых курганах Юстыда с непотревоженными парными погребениями зеркал нет. Их, вероятно, заменяли деревянные имитации, не сохранившиеся до наших дней. Об этом, в частности, свидетельствуют единственная в Юстыде (раскопано 44 кургана) такая модель и хорошо сохранившиеся деревянные имитации зеркал из Уландрыка и Барбургазы [Кубарев, 1987а, рис. 34, 1 – 4; 1992, рис. 27, 17].

Судя по локализации зеркал в погребениях, более крупные экземпляры чаще принадлежали женщинам, уменьшенные – мужчинам и детям. В отдельных, как правило, парных одноактных погребениях кочевников Алтая зеркала идентичные, отлитые в одной форме. Подобный факт подтверждает наш вывод о мест-

ном изготовлении большинства алтайских “медалевидных” зеркал. Они отливались маленькими сериями (по 2 – 3 экз.) специально для погребального обряда. Такие зеркала, как и бронзовые модели оружия, даже не обрабатывались после отливки. На них сохранились следы от форм; швы и неровности не зачищались. По крайней мере более одной трети алтайских зеркал не использовались их владельцами при жизни, а были изготовлены для погребального обряда. То же назначение имели и деревянные модели зеркал, пока известные только в курганах пазырыкской культуры.

Большое число бронзовых и деревянных имитаций зеркал в погребениях кочевников объясняется тем, что в конце I тыс. до н.э. на Саяно-Алтае широко распространился обычай помещать в могилы заменители настоящих предметов. Возможно, это связано и с большой редкостью металлических зеркал импортного происхождения, которые очень высоко ценились древними кочевниками во все времена [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 5]. Они передавались из поколения в поколение, продолжая жить в отдельных случаях целые столетия. И только сильно изношенные и поврежденные зеркала погребались вместе с их владельцами. Именно такие зеркала или их обломки составляют другую часть алтайской коллекции. У них обломаны ручки, в дисках проделаны отверстия для крепления к поясу. На многих экземплярах заметны следы неоднократного ремонта. Среди них привлекают внимание несколько фрагментов зеркал. Как правило, они имеют треугольную форму и представляют собой 1/3 или 1/4 часть изделия. Визуальное изучение краев этих обломков показывает, что зеркала были преднамеренно разломаны перед погребением. Крупные фрагменты зеркал, также имеющие треугольную форму, известны и в других алтайских погребениях пазырыкской культуры [Руденко, 1953, рис. 85; Савинов, 1978, рис. 1, 14; Кубарев, 1987а, табл. XXXIV, 6].

Зеркала как источник по магии, мифологии и верованиям

Культовая и магическая роль зеркала у многих народов Евразии общеизвестна. Но если у скифов и савроматов его назначение было двояким – как предмета женского туалета и атрибута магического ритуала, то кочевники Центральной Азии, очевидно, приписывали зеркалам чудодейственные свойства и использовали их уже в качестве амулетов или оберегов. С зеркалами на груди или на поясе шли в бой тагарские и пазырыкские воины [Мартынов, 1979, рис. 32]. Возможно, по их представлениям, в зеркале заключалась душа человека, и оно имело волшебную способность предсказывать прошлое и будущее. Скифы считали зеркало атрибутом божественной власти

и источником магических сил [Хазанов, 1964, с. 93]. У савроматов оно было ритуальным атрибутом жриц, и прежде чем положить зеркало в могилу, его ломали [Смирнов, 1964, с. 152], нередко помещали в огонь [Высотская, 1976, с. 69]. Может быть, это делалось с целью высвободить душу умершего или устранить магическую силу зеркала? То же назначение, очевидно, имели и преднамеренно разбитые зеркала из отдельных алтайских погребений в курганах Юстыда и Уландрыка. Они также свидетельствуют об общем круге магических представлений у кочевников Центральной и Средней Азии. Зеркала ломали намеренно, по мнению А.В. Маракуева, “на память друг о друге при разлуке родственников, любовников и супругов или чтобы удостоверить личность секретного посланца, который прикладывал данный ему в дорогу фрагмент зеркала к части, имевшейся у адресата” [1947, с. 171]. Более конкретно трактует назначение сломанного зеркала в могиле Б.А. Литвинский, считающий, что другая его половина или даже несколько частей оставались у живых родственников или супруга, “дабы после смерти он мог найти в загробном мире близкого человека” [1978, с. 107].

Магические свойства зеркала, его ценность не терялись, даже когда оно по воле случая оказывалось полностью разбитым на мелкие кусочки. Небольшие части таких зеркал с проделанными отверстиями продолжали служить самостоятельными амулетами*. Несколько таких фрагментов с обточенными краями, включая и петельки отдельных зеркал, входили в одну связку украшений, найденных в кургане № 17 алтайского комплекса Юстыд XII. Аналогичным образом использовались обломки зеркал и у других народов Евразии [Левашова, 1947, с. 48; Смирнов, 1975, с. 167; Литвинский, 1978, с. 109; Дьяконова, 1970, с. 195]. Вспомним и сохранившееся у многих народов до наших дней поверье, согласно которому разбитое зеркало предвещает несчастье, а может быть, и смерть близких людей. Доживший до современности обычай накрывать зеркало покрывалом после смерти человека, наверное, объясняет, почему зеркала, найденные в алтайских курганах, оказались наглухо зашитыми в войлочных сумочках. В них, по представлениям кочевников, могло появиться лицо, дух-душа умершего человека и поэтому необходимо было обезвредить таким простым способом волшебное свойство зеркала отражать потусторонний мир и его обитателей.

* Для оригинальной модели зеркала из погребения на Ак-Алахе [Полосьмак, 2000, рис. 81 – 83], на наш взгляд, был использован крупный обломок настоящего зеркала. Аналогичная по конструкции и назначению бронзовая имитация зеркала, вставленная в деревянную оправу, найдена в одном из курганов Боротала [Могильников, Суразаков, 1980, рис. 5].

В зеркале многие исследователи видят символ солнца и света [Хазанов, 1964, с. 89; Мартынов, 1979, с. 135; и др.], плодородия и связанного с ним женского божества [Хазанов, 1964, с. 93; Онайко, 1984, с. 24]. Другие ученые связывают зеркало с астрономическими объектами, считая, что оно могло выполнять функции солнечного календаря [Марсадалов, 1982, с. 30 – 33; Ларичев, 1998, с. 270 – 275]. В декоре оборотной стороны зеркала усматривают также сюжеты, заимствованные из различных мифов и преданий [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 21; Сарианиди, 1981, с. 291; и др.].

Разнообразие взглядов, очевидно, вызвано полисемантичностью древних и современных представлений о магических функциях зеркала. Оно также связано с многообразием сюжетных сцен, изображенных на зеркалах, среди которых пока трудно выделить тематические композиции. Но даже при первом взгляде на сюжеты алтайских зеркал нетрудно заметить, что в них среди различных зооморфных персонажей главное место занимают образы хищника семейства кошачьих или синкретического и копытных травоядных животных. На отдельных зеркалах они мирно соседствуют, на других хищник изображен убивающим, пожирающим, а травоядное – агонизирующим, умирающим (ср. рис. 1, 1, 2 и 1, 7; 3, 4). Часто сцены терзания переданы весьма условно: фигура хищника перекрывает собою изображение копытного. Например, такой прием мы видим на зеркале из Боротала (см. рис. 3, 1) или в идентичной сцене на зеркале из Тувы (см. рис. 3, 5). Так же условно показана сцена терзания и на юстыдском зеркале (см. рис. 2). Эти сцены при всей лаконичности и скупости художественных приемов, несомненно, имеют повествовательный характер и преимущественно мифологическое содержание. Вероятно, в них запечатлен самый яркий, кульминационный момент и узнаваемый фрагмент евразийского мифа “о космической погоне”. С такой трактовкой согласуются сведения в некоторых источниках северного буддизма о затмениях солнца и луны, которые связываются с легендой о чудовище-драконе Раху (Араха), глотающем небесные светила [Неклюдов, 1992, с. 372 – 373]. Затмения луны очень боялись как алтайцы, так и тувинцы. “Алтайцы объясняли его поеданием луны Джельбегеном, мифическим персонажем, представляемым иногда в виде многоголового зверя” [Дьяконова, 1976, с. 287]. По мере развития древнего мифа роль божества отводится светлomu небесному оленю, а преследователя-поглотителя – хищному зверю. Сцены нападения (терзания, благостного поедания) становятся изобразительным каноном в скифо-сибирском искусстве. Известно, что пазырыкское население Алтая сцену терзания “восприняло из переднеазиатского источника, о чем свидетельствует сходство стили-

Рис. 12. Зеркало со знаками зодиака. Онгудай. Алтай.

стической трактовки ряда образов с изображениями на изделиях из Амударьинского клада” [Кузьмина, 1979, с. 8]. В Средней Азии сцены терзания, в которых мирных копытных животных атакуют фантастические существа, уже известны по печатям-амuletам Маргианы с поселений II тыс. до н.э. [Сарианиди, 1976, с. 48 – 50, рис. 1, 2]. К этой же эпохе относятся уникальные бронзовые зеркала Бактрии с сюжетными сценами, где главную роль играют змеи и драконы, олицетворяющие собой диаметрально противоположные начала [Сарианиди, 1981, с. 291]. Все эти представления, наверное, восходят к еще более древним земледельческим обрядам. Шумерские жрецы уже 5 тыс. л.н. фиксировали важный для них момент: в ночь перед началом сева на весеннем небосводе последний раз сияют уходящие за горизонт Плеяды (звезда Быка) и Кассиопея (звезда Оленя), а в зените находится созвездие Льва с яркой царской звездой Регул. Это астральное явление, важное для земледельцев, в искусстве шумерийцев иллюстрировалось как победа Льва над Быком и Оленем.

В одном из первых сибирских вариантов этого широко распространенного мифа роль преследователя играет фантастическое существо, имеющее сложный синкретический характер. Его наиболее ранние изображения известны по петроглифам Шишкинских скал на р. Лене [Окладников, 1959, рис. 39], материалам окуневской культуры ранней бронзы [Вадецкая и др., 1980, табл. XXIII, 1], наскальным рисункам и оленным камням Монголии [Новгородова, 1984, рис. 2, 37 – 39]. К эпохе развитой бронзы относятся и изображения фантастических чудовищ-поглотителей в петроглифах Алтая [Кубарев, 1979, рис. 28; 19876, рис. 1].

Свернутое в кольцо тело хищника, кусающего себя за хвост или терзающего жертву, связывается как с верхней зоной космоса, так и с периферической – тождественной нижнему хтоническому миру. По мнению Д.С. Раевского, скифский вариант свернувшегося хищника находит параллели в образе мирового змея Шешы индийской мифологии [1985, с. 119]. Он опора мира, и земля покоится на его свернутом теле. Он осмысливается как символ вечности и всего космоса. Предлагаемое толкование прямо соотносится с декором рассматриваемых зеркал, где птицы, олени, козули, лошади и козлы символизируют средний мир – землю, а фантастические хищники и кабаны связаны с подземным миром. Возможно, и сам круглый диск зеркала с его отчетливыми солярно-астральными сюжетами является символом третьего элемента космоса – неба. Вполне правомерно сравнивать такие зеркала и с известной в азиатской мифологии эмблемой жизни. В ее графическом исполнении отражена сущность двух полярных сил Инь и Янь [Кубарев, 1985, табл. II].

Большое количество зеркал из Минусинской котловины, относящихся к XIII – XVI вв., определенно показывает, что они остаются весьма популярными среди местного населения и в эпоху средневековья [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 29]. Зеркала последующих эпох считаются малохудожественными изделиями, утратившими содержательность и символику декора. Наверное, по этой причине они изучены плохо, а в таких регионах, как Алтай и Тува, практически неизвестны. Поэтому особую ценность приобретают два зеркала, найденные на Алтае. Одно из них, вероятно, относящееся к XVII или XVIII в., обнаружено во впускном погребении кургана Уландрыка. Зеркало представляет собой массивный бронзовый диск (диаметром 13 см, толщиной 0,3 – 0,4 см) с отогнутым вертикальным бортиком. На его оборотной стороне в невысоком рельефе изображены радиально расходящиеся лучи (см. рис. 10, 1). Семантика рисунка предельно лаконична и проста: диск зеркала с лучами символизирует солнце. Другое зеркало-подвеска (диаметр 5,5 см, толщина 0,3 см), находящееся в экспозиции школьного музея с. Онгудай (Республика Алтай), очевидно, может быть отнесено к XVIII – XIX вв. На оборотной стороне его диска барельефное изображение 12 фигур животного календарного цикла (см. рис. 10, 2; 12). Аналогичное зеркало, со знаками зодиака, датируемое XIII – XV вв., известно в коллекции Минусинского музея [Там же, с. 89, рис. 82]. Сходство усиливается и такой общей деталью, как наличие шишки-петли в центре зеркал. Причем на онгудайском зеркале она оформлена в виде головы демона. Эти находки – еще одно доказательство того, что отдельные зеркала продолжали древнюю традицию и использовались в качестве календарей. О бо-

лее широком распространении зеркал с аналогичной иконографической схемой сообщают и этнографические источники. Так, тувинский информатор Б.К. Монгуш рассказал, как “один из знаменитых шаманов поймал *кузунгу ээрен* – шаманское зеркало в виде магического диска, на оборотной стороне которого оказалось двенадцать изображений животных” [Кенин-Лопсан, 1987, с. 57]. *Кузунгу* считалось самым могущественным из шаманских атрибутов и было известно также якутам под названием *кюсэнге* [Алексеев, 1984, с. 146, рис. 3]. Любопытно отметить, что на некоторых *кюсэнге*, как и на их древних прототипах, имеются гравированные рисунки животных. *Кузунгу*, по представлениям тувинцев, было небесного происхождения и считалось “главным помощником шамана при лечении больных, страдающих головной болью или параличом, поскольку источником этих болезней мыслилось небо” [Кенин-Лопсан, 1987, с. 56]. Сами тувинские шаманы утверждали, что достали *кузунгу* с небес. А во многих шаманских песнопениях зеркало выступает как атрибут сверхъестественного происхождения, как первый спутник шамана и грозный враг злых духов. И в других представлениях тувинцев о зеркале отчетливо видны отголоски древних верований. Приведем наиболее яркие из них. Собираясь в путь, шаман всегда брал свое зеркало, заворачивая его в белую ткань и пряча за пазуху. Отдельные шаманы хранили зеркало в специальных маленьких мешочках из войлока и носили его на поясе. После смерти шамана зеркало покойного имел право наследовать его преемник из числа родственников. Но если такового не было, то тогда зеркало уносили на могилу, и оно, согласно шаманской версии, возвращалось на небо [Там же, с. 58].

Приведенные данные, несомненно, выявляют особую роль зеркала, выполнявшего в тувинском шаманстве магиго-охранительные функции. При этом оно не только ограждало шамана от действия злых сил, но и осуществляло его связь с небом.

Заключение

В результате изучения и сравнительного анализа имеющейся в нашем распоряжении коллекции алтайских зеркал представляется возможным сделать некоторые выводы.

1. Зеркала, по представлениям древних кочевников, служили магическим атрибутом, фетишем и оберегом от злых сил, а также непременным ритуальным предметом, осуществлявшим медиативную связь умершего с потусторонним миром и обитавшими в нем предками и сородичами. Традиционный похоронный обычай древних кочевников Алтая предписывал снабжать зеркалом или его вотивной моделью не только женщин, но и мужчин, детей.

2. Основная часть “медалевидных” и “дужковых” зеркал Алтая и Центральной Азии – продукт местного производства, о чем свидетельствуют однотипные серии, отлитые в одной форме специально для погребального обряда.

3. В гравюрах на зеркалах выявлены устойчиво повторяющиеся сюжеты, которые находят параллели в скифо-сибирском искусстве и мифологии древних кочевников Евразии.

4. Приведенные данные о зеркалах демонстрируют широкий спектр первобытных представлений о магической силе древнего апотропея. Отдельные поверья и приметы, связанные с зеркалом, сохранились до наших дней у многих сибирских народов.

5. Гравюры на зеркалах, найденных в относительно точно датированных погребальных комплексах древнего населения Алтая, Тувы и Монголии, теперь могут быть использованы для определения времени создания многочисленных азиатских петроглифов.

Таким образом, зеркала кочевников, до сих пор не привлекавшие к себе должного внимания, несут, как выяснилось, богатейшую информацию по идеологическим представлениям древнего населения Центральной Азии.

Список литературы

- Адрианов А.В. К археологии Западного Алтая // Изв. Имп. Арх. комиссии. – Петроград: [Тип. Гл. упр. уделов], 1916. – Вып. 62. – 94 с.
- Акишев К.А. Курган Иссык. – М.: Наука, 1978. – 131 с.
- Алексеев Н.Л. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1984. – 232 с.
- Артамонов М.И. Сокровища саков. – М.: Искусство, 1973. – 120 с.
- Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 179 с.
- Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. – Л.: Наука, 1980. – 147 с.
- Варёнов А.В. Древнейшие зеркала Китая, отражающие этнокультурные контакты // Проблемы древних культур Сибири. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1985. – С. 163 – 172.
- Варёнов А.В. Древние художественные бронзы из восточной части Синьцзяна и истоки тибетского звериного стиля // Рериховские чтения 1997 г. – Новосибирск: Сиб. Рерих. об-во, 2000. – С. 445 – 452.
- Волков В.В. Оленные камни Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. – 255 с.
- Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII – V вв. до н.э. – М.: Наука, 1973. – 160 с.
- Высотская Т.И. Культы и обряды поздних скифов // СА. – 1976. – № 3. – С. 51 – 73.
- Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.
- Грязнов М.П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. – 1947. – Вып. 18. – С. 9 – 17.

- Грязнов М.П.** История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 256 с. – (МИА; № 48).
- Грязнов М.П.** Аржан. – Л.: Наука, 1980. – 80 с.
- Дьяконова В.П.** Археологические раскопки на могильнике Кокзель в 1966 г. // Тр. ТКАЭЭ. – 1970. – Вып. 3. – С. 80 – 209.
- Дьяконова В.П.** Религиозные представления алтайцев и тувинцев о природе и человеке // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л.: Наука, 1976. – С. 268 – 291.
- Ермолаева А.С.** Исследования на левом берегу Иртыша в Восточном Казахстане // АО 1983 года. – М.: Наука, 1985. – С. 509 – 510.
- Зеймаль Е.В.** Амударьинский клад: Каталог выставки. – Л.: Искусство, 1979. – 96 с.
- Кадырбаев М.К.** Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1966. – С. 303 – 433.
- Кадырбаев М.К.** Могильник Жиланды на реке Нуре // В глубь веков. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1974. – С. 25 – 45.
- Кенин-Лопсан М.Б.** Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. – Новосибирск: Наука, 1987. – 164 с.
- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 638 с.
- Комиссаров С.А.** О ранних бронзовых зеркалах, найденных на территории Восточного Туркестана // Рериховские чтения 1997 г. – Новосибирск: Сиб. Рерих. об-во, 2000. – С. 453 – 462.
- Корепанов К.И.** О находке зеркала на Селитренном городище // СА. – 1980. – № 1. – С. 283–287.
- Кубарев В.Д.** Древние изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1979. – 120 с.
- Кубарев В.Д.** Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 29 – 53.
- Кубарев В.Д.** Протобуддийские символы в древнеалтайском искусстве // Рериховские чтения 1984 г. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1985. – С. 193 – 199.
- Кубарев В.Д.** Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987а. – 302 с.
- Кубарев В.Д.** Антропоморфные хвостатые существа алтайских гор // Антропоморфные изображения. – Новосибирск: Наука, 1987б. – С. 150 – 167.
- Кубарев В.Д.** Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Сайлюгема. – Новосибирск: Наука, 1992. – 220 с.
- Кузнецова Т.М.** О терминах для описания зеркал из скифских памятников // СА. – 1987. – № 2. – С. 18 – 30.
- Кузьмина Е.Е.** Сцена терзания в искусстве саков // Этнография и археология Средней Азии. – М.: Наука, 1979. – С. 78 – 82.
- Курочкин Г.Н.** Тагарские курганы в зоне Новоселовской оросительной системы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. – Л.: Наука, 1988. – С. 5 – 22.
- Ларичев В.Е.** “Великое Зерцало” // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 270 – 275.
- Левашова В.Н.** Ремесло в древнехакасском государстве // Зап. ХакНИИЯЛИ. – 1947. – Вып. 1. – С. 32 – 59.
- Литвинский Б.А.** Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. – М.: Наука, 1978. – 216 с. + 36 табл.
- Лубо-Лесниченко Е.И.** Привозные зеркала Минусинской котловины // Культура народов Востока. – М.: Наука, 1975. – 165 с.
- Максимова Е.К.** Новые находки савроматского звериного стиля в Поволжье // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М.: Наука, 1976. – С. 210 – 218.
- Мандельштам А.М.** Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 178 – 195.
- Маракуев А.В.** Китайские бронзы из Басандайки // Тр. Том. ун-та. – 1947. – Т. 98. – С. 140 – 189.
- Маргулан А.Х.** Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. – 336 с.
- Марсадоллов Л.С.** Зеркало из алтайской коллекции П.К. Фролова // АСГЭ. – Л.: Искусство, 1982. – Вып. 47. – С. 30 – 33.
- Мартынов А.И.** Лесостепная тагарская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 208 с.
- Могильников В.А., Суразаков А.С.** Археологические исследования в долинах рек Боротал и Ала-Гаил // СА. – 1980. – № 2. – С. 180 – 191.
- Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н.** Айдашинская пещера. – Новосибирск: Наука, 1980. – 280 с.
- Наван Д.** Новые находки “звериного стиля” Монголии // Археология и этнография Монголии. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 118 – 122.
- Неклюдов С.Ю.** Раху // Мифы народов мира. – 2-е изд. – М.: Сов. энцикл., 1992. – Т. 2. – С. 372 – 373.
- Новгородова Э.А.** Мир петроглифов Монголии. – М.: Наука, 1984. – 168 с.
- Окладников А.П.** Шишкинские писаницы. – Иркутск: Кн. изд-во, 1959. – 210 с.
- Онайко Н.А.** О сахновской пластине // СА. – 1984. – № 3. – С. 18 – 27.
- Полосьмак Н.В.** Погребальный комплекс кургана Ак-Алаха-3 // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 57 – 85.
- Раевский Д.С.** Модель мира скифской культуры. – М.: Наука, 1985. – 256 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 359 с.
- Руденко С.И.** Культура хуннов и ноинулинские курганы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 124 с.
- Савинов Д.Г.** О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая // КСИА. – 1978. – Вып. 154. – С. 48 – 54.
- Самашев З.С.** Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. – Алма-Ата: Гылым, 1992. – 288 с.
- Сарианиди В.И.** Печати-амулеты мургабского стиля // СА. – 1976. – № 1. – С. 42 – 68.
- Сарианиди В.И.** Зеркала древней Бактрии // СА. – 1981. – № 1. – С. 288 – 293.

- Смирнов К.Ф.** Савроматы. – М.: Наука, 1964. – 380 с.
- Смирнов К.Ф.** Сарматы на Илеке. – М.: Наука, 1975. – 176 с.
- Смирнов К.Ф.** Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М.: Наука, 1976. – С. 74 – 89.
- Смирнов К.Ф.** Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. – Уфа: Б.и., 1977. – С. 3 – 51.
- Смирнов К.Ф.** Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. – М.: Наука, 1984. – 184 с.
- Степанова Н.Ф., Кирюшин К.Ю.** Могильник скифского времени Тыткыскень VI // Археологические исследования в Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1989. – С. 64 – 66.
- Троицкая Т.Н., Бородавский А.П.** Большеберенская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.
- Уманский А.П., Шульга П.И.** Два погребения с восточными зеркалами из Алтайского края // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 1999. – С. 43 – 81.
- Хазанов А.М.** Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов // СЭ. – 1964. – № 3. – С. 89 – 96.
- Эрдэнэбаатар Д.** Хурлийн уеийн шинэ олдворууд (Новые находки бронзового века) // Археологийн Судлал. – 1995. – Т. 15, Fasc. 4. – С. 39 – 52.
- Ягодин В.Н.** Сарматский курган на Устюрте // КСИА. – 1978. – Вып. 154. – С. 83 – 89.
- Bokîvenko N.A.** Tomb of saka princes discovered in the Sayans, Siberia // New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia. – Sankt-Petersburg: Institute of history of material culture Russian Academy of sciences, 1994. – P. 48 – 53.
- Kubarev V.D.** Spiegel asiatischer Nomaden als religionsarchäologische Quelle // Eurasia Antiqua. – B.: Verlag Philipp von Zabern – Mainz am Rhein, 1996. – Bd. 2. – S. 319 – 345.
- Novgorodova E.A., Volkov V.V., Korenevskij S.N., Mamonova N.N.** Ulangom: Ein skythenzeitliches Graberfeld in der Mongolei. – Weisbaden: Otto Harrassowitz, 1982. – 173 S. – (Asiatische Forschungen; Bd. 77).

Материал поступил в редколлегию 12.02.02 г.

УДК 903.27

Л.Н. Ермоленко¹, Ж.К. Курманкулов²¹ Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия
E-mail: museum@kemsu.ru² Министерство образования и науки Республики Казахстан,
Республиканское казенное предприятие "Институт археологии имени АХ. Маргулана"
пр. Достык, 44, Алматы, 480100, Республика Казахстан
E-mail: kurmankulov@nursat.kz

СВЯТИЛИЩЕ НА РЕКЕ ЖИНИШКЕ И ПРОБЛЕМА ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ВИДА КЫПЧАКСКИХ ИЗВАЯНИЙ

Введение

Внешний вид распространенного в казахстанских степях сооружения с изваяниями еще в начале прошлого века описал И.А. Кастанье: "Очень часто в верхней части кургана проделывают углубление, напоминающее воронку, в которой иногда находят одну или несколько баб" [1911, с. 10]. Однако исследование подобных сооружений началось лишь с конца 70-х гг. XX в. [Ермоленко, Гецова, Курманкулов, 1985]. Сооружения со скрытыми в насыпях изваяниями отнесены Л.Н. Ермоленко к кыпчакским "святилищам", представленным четырьмя основными типами [1991]:

1 – в камере, образованной стенами четырехугольной каменной ограды, вкопано одно или несколько (в один-два ряда) изваяний. Над оградой с изваяниями возведена насыпь; 2 – к сооружению типа 1 с запада примыкает каменный "курган" большего размера; 3 – на поверхности каждого из двух небольших, расположенных по линии север – юг возвышений, прослеживается четырехугольная каменная выкладка. Все сооружение обведено ровиком. Изваяния стоят на поверхности, в выкладках; 4 – одно или несколько (в один ряд) изваяний установлены с восточной стороны каменного "кургана".

В 1990 г. авторами статьи было исследовано сооружение с изваяниями на р. Жинишке (Центральный Казахстан). Святилище было частично перестроено, но по остаткам оригинальной конструкции его можно отнести к сооружениям типа 1. В ненарушенной части святилища найдено раскрашенное

изваяние. Уникальная находка позволяет поставить вопрос о первоначальном виде изваяний кыпчакского облика.

Описание святилища с изваяниями

Сооружение с изваяниями располагалось в 700 – 800 м к юго-западу от сопки Кызыл-тюбе массива Кызыл-Арай (Казахстан, Джезказганская (ныне Карагандинская) обл., Актогайский р-н). Оно было возведено на правом высоком берегу Жинишке, на мысе в месте впадения в реку безымянного притока (рис. 1). На этом же участке находится позднее казахское кладбище.

До раскопок сооружение имело вид задернованного каменного кургана диаметром около 11 м, высотой 0,6 м. Местами камни лежали на поверхности. Западную полу кургана опоясывала гряда камней шириной до 2 м. С северо-востока насыпь ограничивалась углублением шириной до 2 м, глубиной около 0,2 м; по юго-восточному ее краю рос кустарник. В средней части кургана стояло пять изваяний, возвышавшихся над поверхностью насыпи на 0,2 – 0,7 м. К северо-востоку от изваяний в насыпи отмечена выемка глубиной до 0,2 м.

Раскоп площадью 196 м² был ориентирован сторонами по странам света и имел две осевые бровки. Под дерном расчищена разрушенная конструкция из плоских камней неправильной формы. Размеры камней: от 10 × 20 × 5 до 30 × 60 × 10 см (рис. 2)*.

* Полевые чертежи и рисунки изваяний выполнены художницей О.П. Черепановой.

Каменная конструкция размерами 11×13 м имела овальные в плане очертания, вытянутые с северо-востока на юго-запад. В центральной ее части прослеживались три стенки каменной ограды вокруг изваяний. Ограда была ориентирована осью с северо-северо-востока на юго-юго-запад. Камни внутри и вне ограды располагались хаотично. Они, вероятно, принадлежали разрушенным верхним слоям ограды. Напротив предполагаемой северо-восточной стенки ограды в окружающем развале камней отмечена лакуна.

При снятии дерна и расчистке камней развала найдены фаланги и зуб нижней челюсти лошади, нижняя челюсть с зубами и обломки ребра мелкого рогатого скота*. Возле юго-восточной оконечности развала обнаружен кованый железный гвоздь (рис. 3, 2). В южной части внутреннего пространства ограды под дерном залегали нижний конец плечевой кости мелкого рогатого скота, каменный диск-пряслице (рис. 3, 3), куски истлевшей древесины. На поверхности юго-западной стенки ограды лежал неорнаментированный фрагмент керамического венчика сосуда ручной лепки (рис. 3, 1). Черепок в изломе черный, содержит мелкую слюду.

После удаления развала выявилась конструкция каменной ограды – массивного, почти квадратного ($5,6 \times 5,8$ м) сооружения со скругленными углами (рис. 4, 5). Ширина стенок ограды 1,2 – 1,6 м, наибольшая сохранившаяся высота 0,5 м. Ограда возведена из плоских гранитных камней, уложенных слоями. В кладке насчитывалось от двух до шести слоев, перемежавшихся с твердым серовато-коричневым земляным заполнением толщиной до 0,6 см. Первоначально ограда была замкнутой, но позже в ее северо-восточной стенке пробиты проход шириной около 1 м. При этом верхние слои кладки по сторонам от входа были разобраны, а большие плиты нижних слоев разбиты. В северной части профиля север – юг напротив входа в ограду отмечено мощное нагромождение камней, видимо, выброшенных из стенок.

Стенки ограды образовывали камеру размерами $2,8 \times 3,0$ (?) м. В перемешанном пестром заполнении

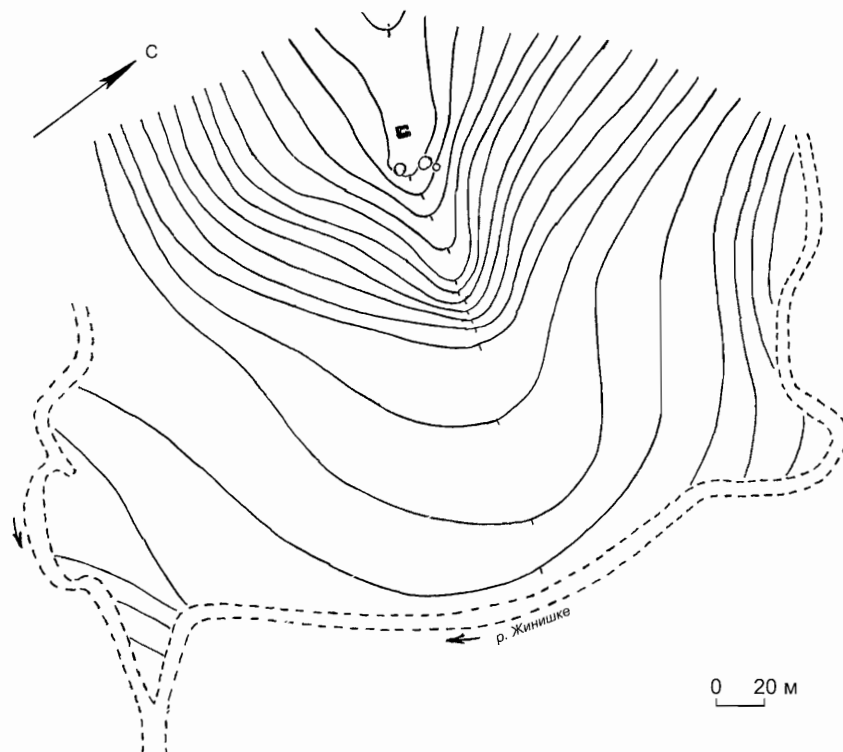

Рис. 1. Ситуационный план сооружения с изваяниями на Жинишке. Сечение горизонталей 1 м.

камеры встречались угольки, древесная труха, зола. В южной половине камеры заполнение было рыхлым, гумусированным, содержало песок.

В процессе выемки заполнения камеры были расчищены изваяния, установленные двумя рядами. Изваяния 1, 2 и каменный останец (разбитого изваяния?) стояли примерно по линии север – юг лицами в восточном направлении. Изваяния 3 – 5 были вкопаны почти по линии северо-запад – юго-восток и ориентированы лицами на северо-восток. В заполнении камеры на глубине (+24) см* около изваяния 4 найдена синяя “пастовая” (стеклянная) бусина (см. рис. 3, 5).

На дне камеры на глубине (+5) см перед изваяниями 3 – 5 выявлено расплывчатое белесое пятно. Здесь находилась яма неправильной трапециевидной формы, вытянутая по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. Размеры ямы $1,3 \times 1,7$ м, глубина 0,5 – 0,6 м. Западная и восточная стенки ямы имели небольшой наклон, южная была почти отвесной, а северная пологой. Заполнение ямы – светло-коричневое с уголками и древесным тленом; изредка в нем встречались камни. В верхней части ямы, на глубине

* Здесь и далее остеологические определения Т.Н. Нурмова.

* За “0” принята низшая нивелировочная отметка на борту раскопа.

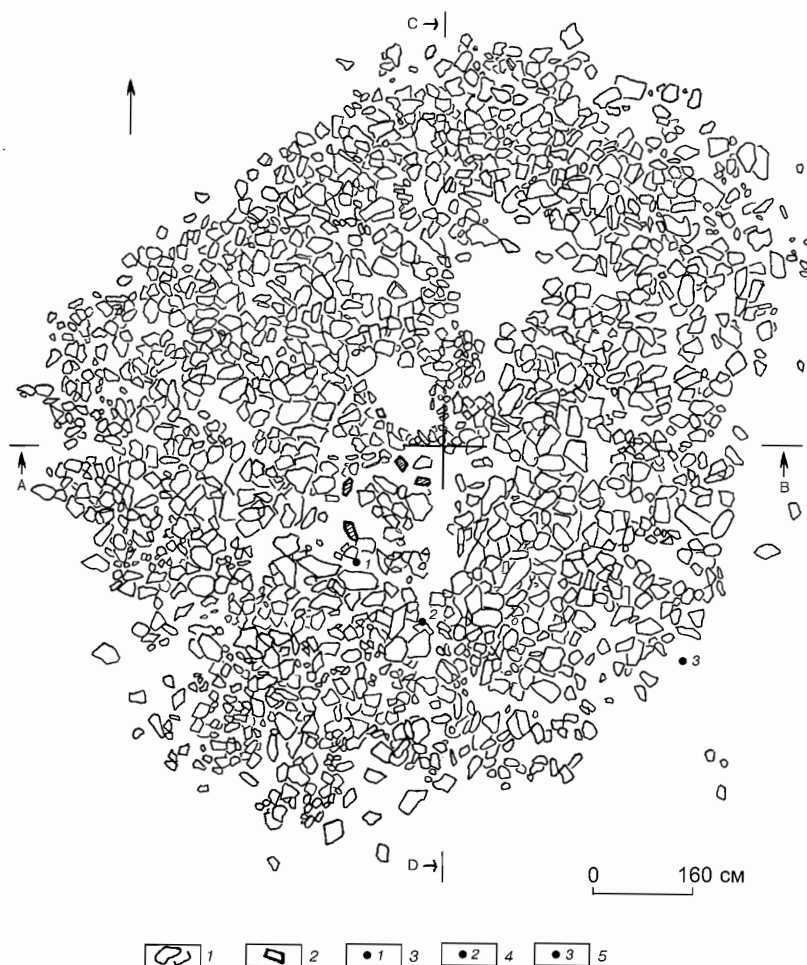

Рис. 2. План сооружения с изваяниями на Жинишке после снятия дерна.

1 – камни, 2 – изваяния, 3 – каменное пряслице, 4 – фрагмент керамики, 5 – железный гвоздь.

(– 4 ... – 9) см обнаружены фрагменты крупных костей конечностей молодой особи лошади (нижний конец и головка бедренной кости, берцовая кость) и куски истлевшей древесины. На дне ямы зафиксирована сажистая прослойка. Яма выкопана после того как в северо-восточной стенке ограды был пробит проход, т.к. северные очертания ямы заходили под реконструируемую внутреннюю границу ограды. Таким образом, яма, равно как и проход в ограде, свидетельствуют о вторичном использовании сооружения.

Изначально сооружение состояло из сплошной ограды с изваяниями внутри нее. Причем ограда, по-видимому, была построена на предварительно выровненной поверхности на подсыпке. Камеру с изваяниями вскоре после возведения засыпали (иначе вряд ли бы сохранилась раскраска на изваянии 2). Над оградой была сделана насыпь, участки которой просматривались на профилях (рис. 6). Ограду окружал ровик, также различимый на профилях. Кроме того, его следы фиксировались на уровне материка в виде темной полосы шириной около 1 м,

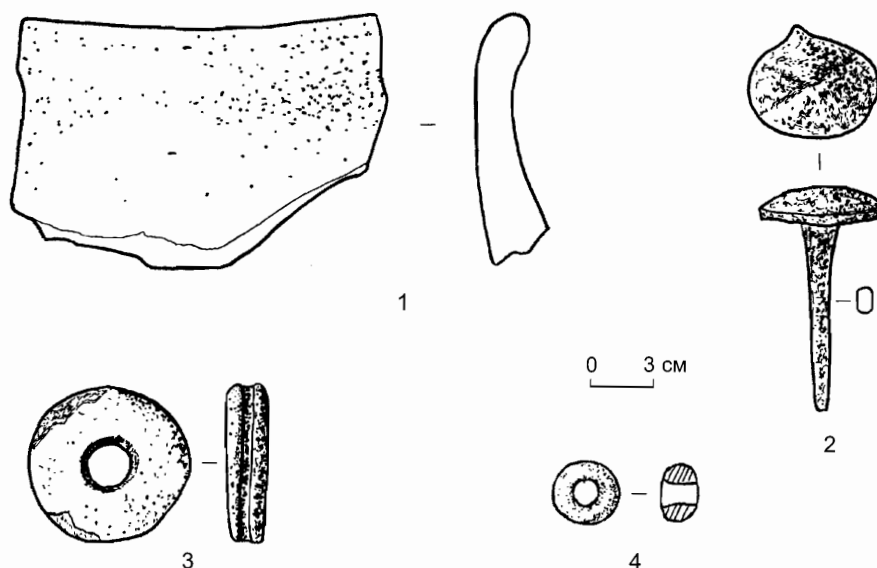

Рис. 3. Находки из святилища на Жинишке.

1 – фрагмент керамического венчика, 2 – железный гвоздь, 3 – каменное пряслице, 4 – синяя стеклянная бусина.

проходившей на расстоянии до 2 м от ограды. Полоса прерывалась на севере и отсутствовала на юго-востоке*.

Центральным компонентом сооружения на разных этапах его существования были изваяния. Каждое из них заслуживает особого рассмотрения.

Изваяние 1 (рис. 7, 1). Гранит. Размеры: $174 \times (35 - 38) \times (16 - 20)$ см. Изображение человека с опущенными руками. Черты лица стилизованы. Брови и нос слиты в одну рельефную фигуру. При этом концы бровей неестественно удлинены так, что почти достигают уровня рта. Линия носа продлена вверх и выступает над бровями. Рот обозначен углублением. Очертания головы напоминают островерхий убор. С левого плеча на грудь спускается рельефная полоса. Кисти рельефных рук не детализированы. Примерно в 30 см ниже рук поперек лицевой грани проходит выступ. Выдается живот, особенно заметный в профиль.

Изваяние 2 (рис. 7, 2). Гранит. Размеры: $143 \times 25 \times 20$ см. Изображение человека с сосудом в обеих руках на уровне живота. Черты лица стилизованы. Брови образуют общий рельеф с носом. Глаза и рот переданы маленькими овальными углублениями, монголоидные скулы – рельефом. Верхняя часть головы высокая, фигурно оформлена с боков и тыльной стороны грубыми сколами. Руки на передней грани изваяния и горшковидный сосуд изображены барельефом. На тулове сосуда углубленными линиями намечены пальцы. Ниже рук с сосудом нарисован черной, желтой и красной краской передник с волутообразным узором (рис. 8). На боковых гранях выбиты дуговидные уши (левое – с точкой внутри) и контуры рук с тыльной стороны.

Изваяние 3 (рис. 7, 3). Гранит. Размеры: $146 \times 27 \times (15 - 19)$ см. Трапециевидная в среднем сечении глыба. Изображение головы и женских признаков пола на торсе. Брови и нос стилизованы почти так же, как на изваянии 1, однако брови, выступ над переносицей и полоса, оконтуривающая нос, выполнены углублением. Щелевидными углублениями показаны глаза и рот. Верхняя часть головы высокая, сужающаяся, грубо

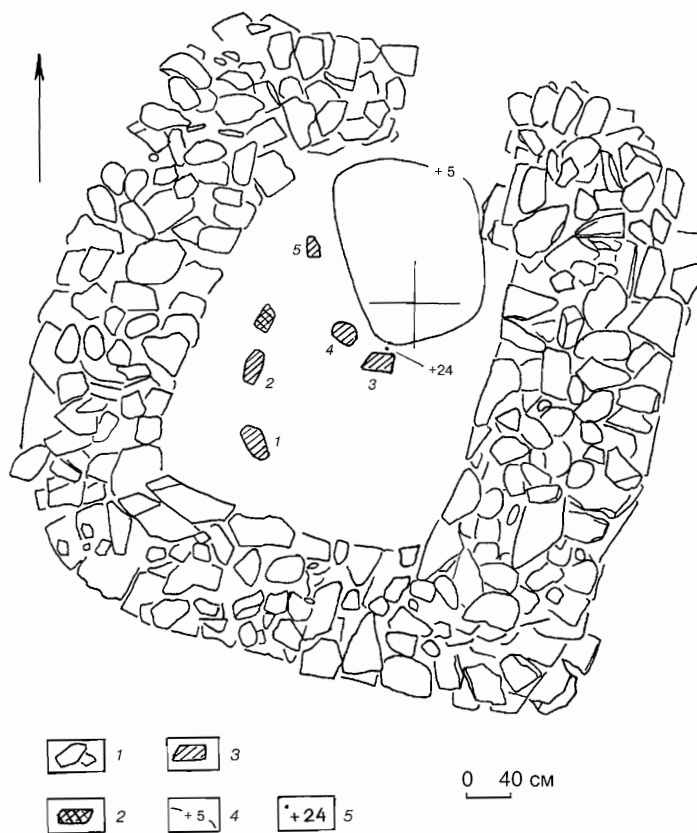

Рис. 4. План ограды с изваяниями на Жинишке. 1 – камни, 2 – изваяния, 3 – каменный останец, 4 – границы жертвенной ямы, 5 – стеклянная бусина.

Рис. 5. Святилище на Жинишке. Вид с северо-северо-востока.

оформлена сколами. В верхней части торса имеется естественный выступ, наподобие женской груди. Нижняя граница живота обозначена углублением по линии бедер (пах). Выступ на тыльной стороне изваяния соответствует выпуклости сидалища.

* Не исключено, что следы ровика могли быть нарушены на севере в ходе переделки сооружения. На юго-востоке они не прослеживались, возможно, из-за произраставшего здесь кустарника.

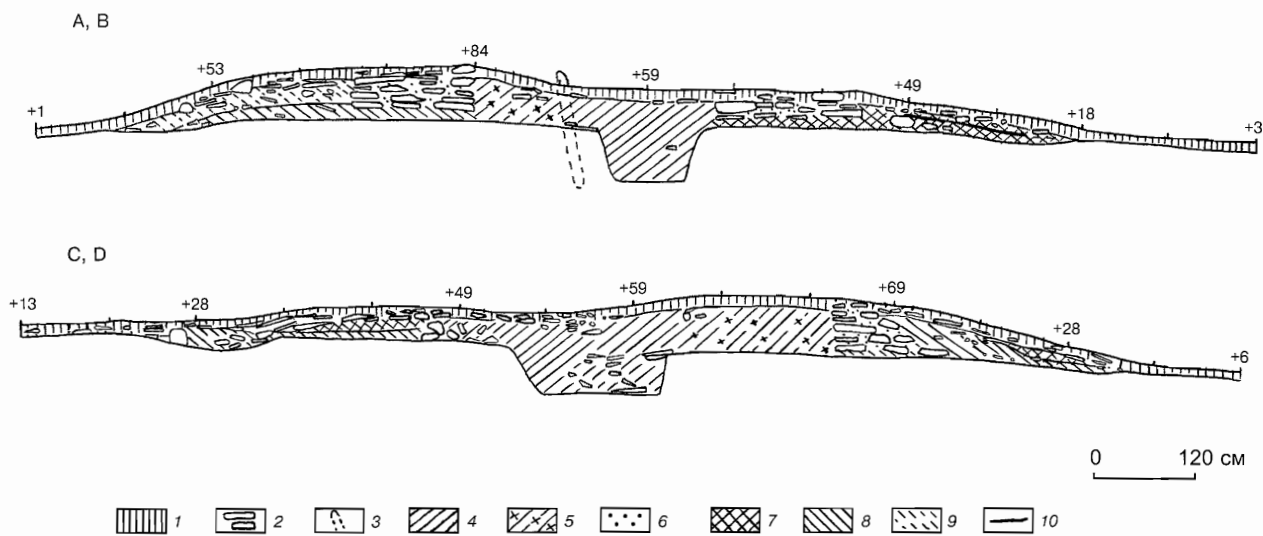

Рис. 6. Профили сооружения с изваяниями на Жинишке.

1 – дерн, 2 – камни, 3 – изваяние, 4 – пестроцветные отложения (смесь светло-коричневого, серого, темно-серого), 5 – рыхлые пестроцветные отложения, 6 – серовато-коричневое заполнение между камнями, 7 – темно-серая прослойка, 8 – серо-коричневый насыпной слой, 9 – светло-серый насыпной слой, 10 – черная прослойка.

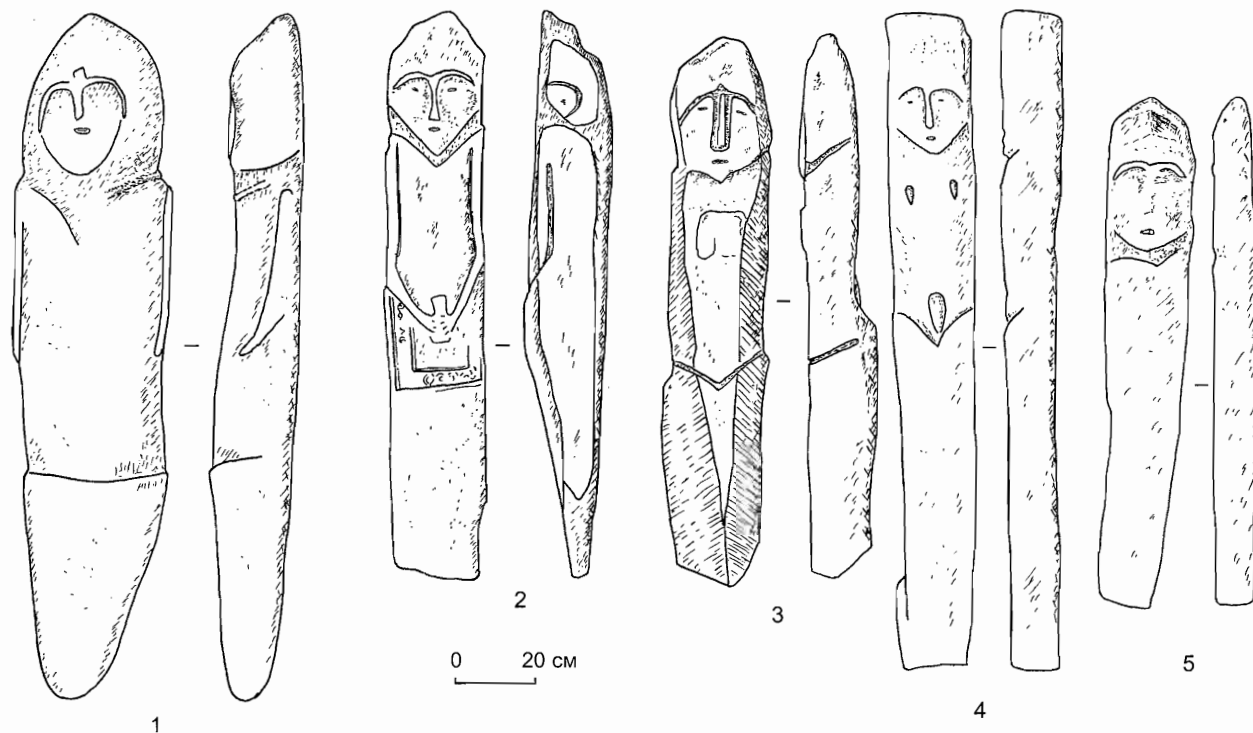

Рис. 7. Изваяния 1(1), 2(2), 3(3), 4(4), 5(5) из святилища на Жинишке.

Изваяние 4 (рис. 7, 4). Гранит. Размеры: $176 \times 23 \times (13 - 16)$ см. Изображение головы и женских признаков пола на торсе. Черты лица стилизованы. Выступающая плоскость верхней части головы, ограниченная линиями бровей, переходит в барельеф носа.

Рельефны также овал губ и нижние очертания лица. Глаза обозначены узкими углублениями. Верхняя часть головы высокая, прямоугольная. На торсе каплевидными выступами обозначена грудь и женский половой орган. Ниже высечена линия бедер (пахы).

Изваяние 5 (рис. 7, 5). Гранит. Размеры: $137 \times 23 \times 12$ см. Изображение головы человека. Черты лица стилизованы. Брови и нос образуют единый невыразительный барельеф. Рот передан углублением. Высокий верх головы имеет стрелчатую двугранную форму. По нижним очертаниям лица проходит выемка.

Культовое сооружение на Жинишке, судя по устройству, является кыпчакским святилищем типа 1. Святилища этого типа представляют собой “курган”, содержащий в насыпи мощную каменную ограду с изваяниями внутри [Ермоленко, 1991, с. 13]. Кыпчакские святилища типа 1 обнаруживают сходство с половецкими святилищами на нижнем Дону [Гуркин, 1987]. В последних деревянные* (реже каменные) статуи устанавливались в глубокой яме, вырытой в кургане предшествующего времени. Яму с изваянием (изваяниями) засыпали, и она, таким образом, оказывалась под курганной насыпью**.

Изваяния из святилища на Жинишке относятся к скульптуре кыпчакской группы, бытовавшей в Среднеазиатско-Казахстанском регионе в IX – XIII вв. Об этом свидетельствует их иконография, в частности, характерные разновидности канонической позы [Ермоленко, 1991, с. 12]. Причем изваяние человека с сосудом в обеих руках (изваяние 2) и изваяния без обозначенной позы (изваяния 3 – 5) обнаружены стоящими вместе в других кыпчакских святилищах [Ермоленко, Курманкулов, 1992, с. 119]. Что касается позы человека, запечатленного в изваянии 1 (руки опущены вдоль тела), то она иногда, хотя и редко, получает воплощение в кыпчакских статуях [Арсланова, Чариков, 1974, рис. 5, 14(2); Чариков, 1980б, рис. 2, 5]***.

Показательно для кыпчакской скульптуры изображение признаков пола, как это имеет место на изваяниях 3 и 4 [Ермоленко, 1991, с. 15]. Черты лица изваяний 1 – 5 стилизованы приемами, характерными для

* В Центральном Казахстане в кыпчакском святилище типа 2 зафиксированы ямки с остатками некогда установленных в них деревянных объектов, по предположению А.З. Бейсенова и Д.А. Кожаква, деревянных изваяний [Бейсенов, Кожаква, 2001, с. 162 – 163].

** Общим элементом жинишкинского сооружения и некоторых половецких святилищ на нижнем Дону является также ровик.

*** На изваянии в предгорьях Коктау (Семиречье) руки изображены в подобном положении, но при этом на торсе высечен сосуд [Чариков, 1980б, рис. 2, 12].

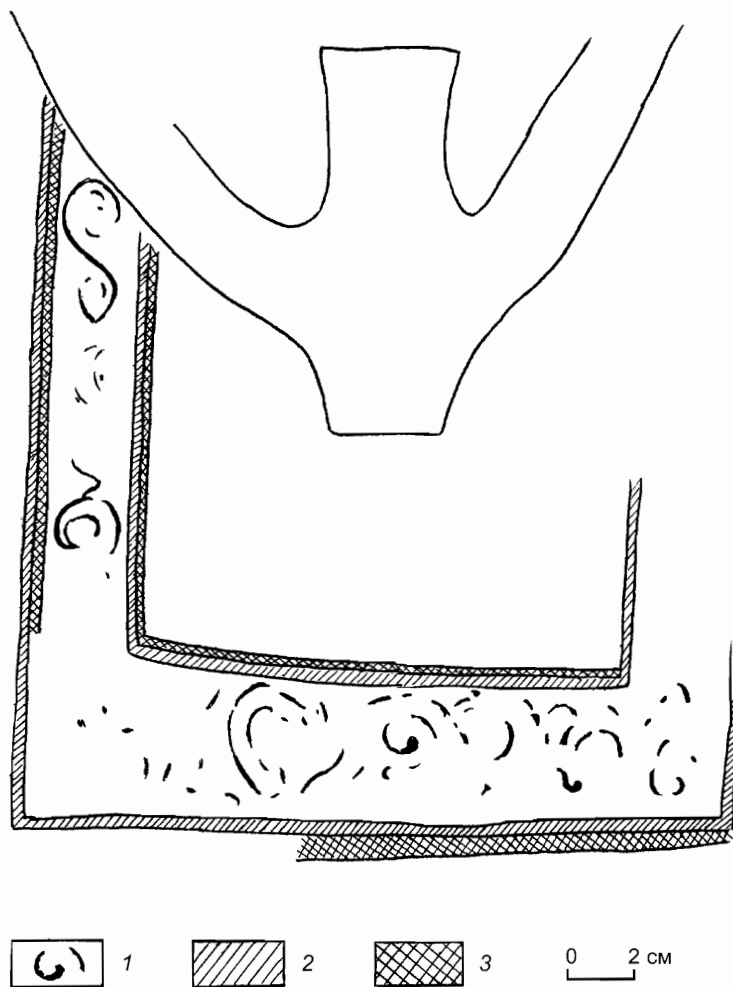

Рис. 8. Деталь изваяния 2 (передник, нарисованный красками).
1 – красный, 2 – черный, 3 – желтый цвет.

скульптуры кыпчакской группы [Там же, с. 10 – 11]. Аналогии сосуду, воспроизведенному на изваянии 2, можно найти на кыпчакских изваяниях в Южном и Центральном Казахстане [Шер, 1966, табл. XXVI, 124; Чариков, 1980а, рис. 3, 8]. Фигурное оформление верхней части голов изваяний 1 – 5 (недифференцированный головной убор) также обычно для кыпчакской скульптуры [Чариков, 1979, рис. 6, 7].

Рассматриваемые изваяния, подобно прочим кыпчакским, крайне бедны деталями. Основное внимание уделялось проработке головы, вернее, лица. Для изготовления их были использованы четырехгранные каменные глыбы, напоминающие по очертаниям человеческую фигуру. Поверхность камня обрабатывалась только в области лица и торса (немногочисленные детали). Тыльная сторона изваяний, а нередко и боковые грани оставались нетронутыми. Все выглядит так, как будто исходный монолит представлялся идолом, а выатель лишь способствовал

выявлению его облика. Перечисленные признаки сближают кыпчакские изваяния с традиционной скульптурой.

Из всех изваяний святилища на Жинишке необычно только раскрашенное изваяние 2. Оригинальна и нарисованная деталь одежды – передник. Такой же неорнаментированный передник (?) изображен на одном изваянии в Сандыкском кыпчакском святилище [Новгородова, 1989, табл. VII, 22]. Что касается узора, то волнитообразный орнамент, подобный изображенному на изваянии 2, украшает одежду одного из половецких изваяний [Плетнева, 1974, табл. 81, 1291].

Статуи из святилища на реке Жинишке и проблема первоначального вида кыпчакских изваяний

Остатки раскраски на изваянии 2 наводят на мысль о том, что статуи в изучаемом святилище (и кыпчакские изваяния вообще) в древности могли выглядеть иначе. Здесь мы сталкиваемся с проблемой реконструкции первоначального облика древних антропоморфных изображений, сформулированной в середине 60-х гг. XX в. М.П. Грязновым [1964]. Имея в виду трипольские статуэтки, он писал: “Мы, археологи, часто забываем о том, что в наши руки редко попадают древние вещи в своем первоначальном виде. Обычно мы имеем дело только с той частью предмета, которая не подвержена разрушительному действию времени. Мы же об этом забываем и часто не делаем даже попыток восстановить предмет в его первоначальном виде, дополнить его недостающие утраченные части” [Там же, с. 73].

Изображение одежды в нижней части изваяния 2 сохранилось благодаря тому, что фигура была засыпана землей. Между тем на других изваяниях следов краски не обнаружено. Это объясняется, например, тем, что изваяния 3 – 5 в возобновленном святилище какое-то время стояли открыто (жертвенная яма была вырыта вплотную к ним). Иное дело изваяние 1. Если бы его нижняя часть была раскрашена, то следы краски могли сохраниться. Однако изваяние 1, как и изваяние 2, ассоциируется с образом одетого человека, т.к. на головах обоих угадывается недетализированный убор. Поскольку на изваяниях 1 и 2 показаны руки, то естественно предположить, что головным убором одежда не ограничивалась. Цветное изображение передника на изваянии 2 – тому подтверждение. Фрагмент рельефной полосы и поперечный выступ на передней стороне изваяния 1, кажется, намекают верхний и нижний края платья, о покрое которого судить невозможно.

Однако была ли одежда, показанная на изваянии 1, лишена формы, деталей и цвета? И могла ли кыпчакская скульптура изначально быть монохромной (ахроматической)? Нам представляется, что восприятие мо-

нохромного пластического образа более свойственно современному человеку, чем древнему, поскольку оно предполагает абстрагирование от цвета натуры. Для человека естественно создавать расцвеченные вещи, потому что он ощущает окружающий мир в цвете. Древние полагали цвет присущим предмету. Об этом свидетельствуют, например, сохранившиеся образцы расцвеченной скульптуры древних цивилизаций – египетской, греческой, римской, индийской, китайской и т.д. Иное дело, что большинство дошедших до нас древних изваяний обесцветились. В таком виде античные статуи стали образцом для искусства эпохи Возрождения и, вероятно, прообразом современной монохромной скульптуры. А.Ф. Лосев считал, что в возникновении ахроматической скульптуры нового времени “несомненно, сыграла решающую роль *новоевропейская потребность представлять себе материю как нечто абстрактное и бесцветное* (курсив мой. – Л.Е.)” [1974, с. 416]. Показательно, что современная культовая скульптура, равно как и традиционная, иногда расцвечивается. Ведь культовые и традиционные изображения – суть не отвлеченные художественные образы, но существа идеального мира.

Приведенные факты как будто подтверждают наши сомнения в том, что одежда человека, запечатленного в изваянии 1, была “бесцветной”, хотя и не раскрашивалась. Известно, что такую одежду иногда изготавливали из других, нежели тело, материалов. Так, обнаженные части статуи Зевса Олимпийского работы Фидия были сделаны из слоновой кости, тогда как одежда из золота. Во времена Римской империи на статуи надевали бронзовую, иногда позолоченную одежду или одеяние из драгоценных камней [Там же, с. 402]. Одежда на изваяниях могла быть натуральной. Гречанки на Панафинеях ежегодно приносили в дар Афине пеплос. Он предназначался для древнего идола богини и, по мнению Н. Брагинской, восходил к тому времени, когда идола по праздникам одевали в новую одежду [1979, с. 24]*. На Бычьем форуме в дни триумфов на статую Меркурия надевали одежду триумфатора [Там же]. Видимо, одежду должны были надевать на древнегреческие акролифы – деревянные статуи с каменными конечностями. Ее надевали на архаичную “статую” Диониса, запечатленную на аттических вазах [Акимова, Кифишин, 1994, с. 197, ил. 24]: “Здесь не изображен антропоморфный бог, только маска повешена на столбе; иногда это две маски, янусообразно смотрящие в обе стороны; вокруг столба обвязано одеяние – грубый намет на тело, однако без рук и ног...” [Burkert, 1972, S. 260].

* Ср.: “приклады” у сибирских народов. В хантыйском фольклоре дух-хозяйка дома гневается на то, что ей “не по росту” сшили одежду [Новик, 1994, с. 147].

Проблему одевания античных изваяний ставит Н. Брагинская: “Стоит обратить внимание и на то, что древние статуи – это костюмированные статуи. Современному человеку, привыкшему восхищаться скульптурной красотой античных торсов, нужно сделать большое усилие, чтобы представить себе, что очень многие статуи, в том числе и весьма знаменитые, храмовые, были костюмированными куклами, а вся работа скульптора вообще была не видна” [1979, с. 24]*.

Известны случаи одевания современных культовых статуй, например, в монгольских монастырях, в пагоде-храме непальского святилища Муктинатх и т.д. Натуральная одежда характерна для традиционной скульптуры. Любое произведение традиционной антропоморфной скульптуры, по сути дела, – кукла, т.к. состоит из “тела” и одежды. Тело необходимо было облечь в его вещную оболочку – одежду, без которой оно не мыслилось сущим [Леви-Брюль, 1994, с. 258]**.

Традиционная скульптура народов Сибири представляет неисчислимое множество примеров одевания изображений в специально сшитую одежду или символического одевания путем завертывания в ткань, мех и пр. [Иванов, 1970, с. 283, рис. 8; 9; 10, 2; 28; 37; 58; 66; 144; 120; 152 и др.; 1979, рис. 22, 34, 82, 152, 158 и др.; Гемуев, Сагалаев, 1986, рис. 25, 26, 30; и т.д.]. С.В. Иванов видел в этом проявление “первобытного натурализма” [1979, с. 159]. Не случайно С.И. Вайнштейн обнаружил в традиционной сибирской скульптуре “неожиданно яркие аналогии” кокзельским деревянным фигуркам гунно-сарматского времени, на которых сохранились остатки одежды и обуви [1974, с. 37, 39].

Из сказанного следует, что на изваяние 1 могло быть надето какое-то платье (см. также: [Ермоленко, 1991, с. 5; 1994, с. 157, 163, прим. 3]), как и на деревянные изваяния из аналогичных половецких святилищ, о чем свидетельствуют сохранившиеся на двух из них остатки ткани [Гуркин, 1987, с. 108]. Изваяния с остатками ткани (кург. 12 Новоаксайского и кург. 7 Тузлуковского могильников) изображают человека с сосудами в обеих руках. Не исключено, что детали изваяний лишь угадывались под тканевыми одеяниями***.

* Н. Брагинская отмечает, что со статуями обращались как с живыми, их «не только умывали, подкрашивали, наряжали, увенчивали цветами, но и “раздушивали” (умащали благовониями. – Л.Е.)» [1979, с. 24].

** Ср.: в русском фольклоре значимость одежды описывается так: “Тело нагое – то же мертвое” [Былины..., 1988, с. 66].

*** Как в случае завертывания в тканевые одежды буддийских статуэток и статуй у современных монголов [Jisl, 1960, Abb. 28, 52].

Исследователи высказывали предположения об одевании схематичных каменных древнетюркских изваяний. Л.Р. Кызласов считает, что древние тюрки во время поминок надевали одежду умершего на стелу (или схематичное изваяние), стоящую с восточной стороны оградки [1964, с. 350]. Подобного мнения придерживался также Г.А. Федоров-Давыдов: “Примитивная каменная фигура с едва намеченной антропоморфностью и схематически выгравированным лицом, – писал он, – замещает реального покойника, ей приписывают свойства живого существа и с ней обращаются как с конкретным человеком – поят, кормят и одевают” [1976, с. 92].

Характерно, что древние каменные изваяния, сделавшиеся объектом современного почитания, одевают так, как того требует традиционное восприятие антропоморфного изображения. А.В. Адрианов, осмотревший в 1881 г. изваяние “Чингисхан” в Туве, отмечал, что на нем были надеты шапка и рубаха из миткаля [Дэвлет, 1990, с. 47]*.

В 1976 г. В.Е. Войтов обнаружил на изваянии в Унгету (Монголия) “сильно выцветшую голубую майку” и ленту вокруг шеи с привязанными к ней лоскутами, металлическими предметами и пряжами конских волос [1987, с. 107, прим. 15]. Майка, естественно, была надета поверх сложенных на груди рук. В Монголии в местности Диваджин газар до конца 20-х гг. XX в. существовало изваяние Даян Дерхе – мифического шамана или богатыря. По описаниям информаторов, оно представляло собой камень высотой в рост человека, обернутый шелком [Галданова, Жуковская, Очирова, 1987, с. 54]. Нечто подобное известно у нганасан, почитавших *койка* – камни, наподобие человеческой фигуры. *Койка* имели “одежду” – шкуру домашнего оленя, которую раз в три года заменяли новой [Грачева, 1977, с. 220].

Частично одетым, по нашему мнению, было и изваяние 2. Очевидно, что грубо оббитый верх головы, скорее, служил болванкой для натурального убора, чем основой для его изображения краской. Подобное сочетание натуральной и нарисованной одежды на изваянии “Чингисхан” засвидетельствовал А.В. Адрианов. На шапке красной краской были выведены “кружки и маски”, а на рубахе – ребра. Кроме того, “вся статуя была выбелена, усы, головной убор, брови и глаза вычернены, щеки и губы покрыты листовым золотом; на груди разрисованы красной краской соски и самые груди, и выемка на горле” (цит. по: [Дэвлет, 1990, с. 47]). Заметим, что спустя столетие от красок и прочего не осталось следа. В 1977 г. М.А. Дэвлет удалось рассмотреть лишь “слаборазличимые следы красной краски” [Там же, с. 48].

* Описывая внешний вид изваяния, А.В. Адрианов не упоминает о руках и сосуде, видимо, заслоненных рубахой.

В отличие от изваяний 1 и 2, на изваяниях 3 и 4 не показаны руки. На их торсах высечены признаки женского пола. Но головы их покрыты. На изваянии 3 обобщенно воспроизведен островерхий, а на изваянии 4 – плосковерхий высокий убор. Если допустить, что изваяния дошли до нас в изначальном виде, то они изображали безруких обнаженных женщин в головных уборах. Однако именно “безрукость” изваяний в сочетании с детализированностью торса позволяет видеть в них “кукол”, поскольку руки статуй могли быть образованы рукавами платья. В связи с данным предположением уместно привести доводы М.П. Грязнова в пользу одевания трипольских статуэток – также безруких обнаженных фигурок. М.П. Грязнов пришел к выводу, что трипольские статуэтки – это “своего рода манекены, куклы или болванки”, которых в древности одевали [1964, с. 77]. Он исходил из того, что, во-первых, древние создавали антропоморфные изображения духов, идолов, богов по своему образу и подобию, “как правило, подобно реальным людям в одежде, которая обычна для данного народа или племени или которая употреблялась ими в старину” [Там же, с. 72]; во-вторых, эти изображения могли частично состоять из недолговечных материалов [Там же, с. 74].

Косвенным подтверждением предположения об одевании кыпчакских изваяний с обозначенными признаками пола являются половецкие статуи. На половецких изваяниях с признаками пола также показана одежда. Н.И. Веселовский писал об этом: “Мастер, по наивности, выставя напоказ груди, имел в виду оттенить пол статуи, а не ее обнаженность” [1915, с. 29]*. Вероятно, создателям половецких изваяний было важно изобразить и то, и другое (и пол, и одежду), но они должны были сделать это на одной и той же поверхности камня средствами рельефа, гравировки и, видимо, раскраски.

Детализированный реалистичный облик половецких каменных изваяний позволяет предполагать расцвечивание деталей (краской, металлическими накладками). О возможности раскрашивания некоторых половецких статуй пишет С.А. Плетнева [1974, с. 58]. Наиболее совершенные из древнетюркских изваяний, по мнению В.Д. Кубарева, тоже могли раскрашиваться. “Особенно реалистичные фигуры Алтая, Тувы и Монголии – пишет он, – выполнены из известняка или мрамора белого цвета. Изображения предметов на них почти не различаются, сливаются с фоном камня. Возможно, они были раскрашены в древности, передавая всю цветовую гамму богатого костюма знатных тюрков. Причем цвет красок легко восстановить, опираясь на изображение тюрков и согдий-

цев в стенных росписях Пенджикента и Афрасиаба” [1984, с. 82]. В подтверждение своего предположения В.Д. Кубарев привел сообщение алтайского сказителя Калкина о виденном им в глухой тайге каменном изваянии воина, “опоясанного золотым поясом” (ср.: золотые пластины на щеках и губах “Чингисхана”). На одном боку изваяния была изображена красная сумка (или кожаный сосуд), на другом висело оружие в золотых ножнах. В рассказе Калкина, считает В.Д. Кубарев, могут быть отражены “реальные сведения о древнем обычае раскрашивания каменных статуй” [Там же, с. 83]. Добавим, что рассказ может служить иллюстрацией традиционного восприятия антропоморфных изображений, само собой разумеется, расцвеченных.

Таким образом, изваяния 1 – 4, по всей видимости, некогда были одетыми (изваяние 2 – частично). То же можно предположить и относительно изваяния 5. Последнее вполне подходит под определение “куклы”. У него детализировано только лицо, причем верхней части головы придана форма убора. Остальную часть изваяния можно соотнести с символизирующей тело болванкой для одежды. Вместе с тем лица на изваяниях 1 – 5, по логике вещей, также могли расцвечиваться.

Заключение

Культовое сооружение на Жинишке является кыпчакским святилищем типа 1 со скрытыми в насыпях изваяниями. По иконографическому облику все пять изваяний святилища относятся к кыпчакской группе (IX – XIII вв.). Так же, как аналогичные половецкие сооружения, кыпчакские святилища типа 1 недолго функционировали, если вообще функционировали, в открытом виде [Гуркин, 1987, с. 107; Ермоленко, 1994, с. 158 – 159]. Л.Н. Ермоленко предполагает, что ритуал сокрытия изваяний под насыпями актуализировал миф о рождении предка в горе/дереве. Подобный миф существовал у средневековых уйгуров и лег в основу легенды о рождении Кипчака, изложенной Рашидаддином [Ермоленко, 1994, с. 160 – 163]. Примечательно, что топонимическая ситуация святилища на Жинишке, сооруженного в месте слияния двух рек, совпадает с мифической. Изменение конструкции сооружения при вторичном его использовании имело целью обеспечить доступ к трем изваяниям ради их почитания. Перед фигурами был разобран участок стены ограды, вплотную к ним вырыта жертвенная яма.

Раскрашенное изваяние 2 из перестроенной части святилища подтверждает предположение некоторых исследователей о том, что средневековые кочевнические изваяния могли раскрашиваться. Анализ изобразительных особенностей данного и других из-

* Ср. изображения груди и ребер на рубахе, надетой на изваяние “Чингисхан”.

ваяний святилища позволяет заключить, что на них была надета и натуральная одежда. Средневековые кочевнические изваяния, близкие по своим характеристикам к традиционной скульптуре, очевидно, не были и не могли быть ахроматическими изображениями также в силу специфики исторического сознания их создателей. В ходе дальнейших раскопок кыпчакских святилищ со скрытыми в насыпях изваяниями, вероятно, будут получены новые данные для реконструкции первоначального вида изваяний.

Список литературы

- Акимов Л., Кифишин А.** О мифоритуальном смысле зонтика // Этруски и Средиземноморье: Язык. Археология. Искусство: Материалы Международного коллоквиума. Москва, 9 – 11 апреля 1990 г. XXIII Випперовские чтения / Под общ. ред Л.И. Акимовой. – М.: Б.и., 1994. – С. 167 – 244.
- Арсланова Ф.Х., Чариков А.А.** Каменные изваяния Верхнего Прииртышья // СА. – 1974. – № 3. – С. 220 – 234.
- Бейсенов А.З., Кожаканов Д.А.** Средневековые памятники Центрального Казахстана // История и археология Семиречья. – Алматы: Фонд “Родничок”; Фонд “XXI век”, 2001. – Вып. 2. – С. 150 – 164.
- Брагинская Н.** Театр изображений // Декоративное искусство СССР. – 1979. – № 4 (257). – С. 24 – 27.
- Былины и песни Алтая:** Из собраний С.И. Гуляева / Сост. Ю.Л. Троицкий. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1988. – 392 с.
- Вайнштейн С.И.** История народного искусства Тувы. – М.: Наука, 1974. – 220 с.
- Веселовский Н.И.** Современное состояние вопроса о “каменных бабах”, или “балбалах”. – Одесса: Б.и., 1915. – 39 с.
- Войтов В.Е.** Каменные изваяния из Унгету // Центральная Азия: Новые памятники письменности и искусства. – М.: Гл. ред. вост. лит-ры изд-ва “Наука”, 1987. – С. 92 – 109.
- Галданова Г.Р., Жуковская Н.Л., Очирова Г.Н.** Культ Даян Дерхе в Монголии и Бурятии // Традиционные верования и быт народов Сибири. XIX – начало XX в. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 52 – 64.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.** Религия народа манси: Культные места (XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1986. – 192 с.
- Грачева Г.Н.** Традиционные культы нганасан // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.) // Сб. МАЭ. – 1977. – Т. 33. – С. 217 – 228.
- Грязнов М.П.** О так называемых женских статуэтках трипольской культуры // Археологический сборник. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1964. – Вып. 6. – С. 72 – 78.
- Гуркин С.В.** Половецкие святилища с деревянными изваяниями на Нижнем Дону // СА. – 1987. – № 4. – С. 100 – 109.
- Дэвлет М.А. А.В.** Адрианов и изучение петроглифов Тувы и Западных Саян // История археологических исследований Сибири. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1990. – С. 41 – 64.
- Ермоленко Л.Н.** Средневековые каменные антропоморфные изваяния казахских степей: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1991. – 22 с.
- Ермоленко Л.Н.** О семантике средневековых святилищ со скрытыми в насыпях изваяниями // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I – II тысячелетии н.э. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. – С. 157 – 165.
- Ермоленко Л.Н., Гецова Н.С., Курманкулов Ж.К.** Новый вид сооружения с изваяниями из Центрального Казахстана // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. – Новосибирск: Б.и., 1985. – С. 137 – 161.
- Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.** Центральноказакстанские памятники с изваяниями кыпчакского облика // Маргулановские чтения. – Петропавловск: Б.и., 1992. – С. 116 – 119.
- Иванов С.В.** Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX в. – Л.: Наука, 1970. – 296 с.
- Иванов С.В.** Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар (XIX – первая четверть XX в.). – Л.: Наука, 1979. – 194 с.
- Кастанье И.А.** Надгробные сооружения киргизских степей. – Оренбург: Б.и., 1911. – 102 с.
- Кубарев В.Д.** Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.
- Кызласов Л.Р.** [Рецензия] // СА. – 1964. – № 1. – С. 349 – 355. Рец. на кн.: А.Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы (по материалам исследований 1953 – 1960 гг.). – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1964. – 95 с.
- Леви-Брюль Л.** Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 608 с.
- Лосев А.Ф.** О специфике эстетического отношения античности к искусству // Эстетика и жизнь. – М.: Искусство, 1974. – Вып. 3. – С. 376 – 421.
- Новгородова Э.А.** Кыпчакские святилища на юге Казахстана (Сандыкский перевал, г. Мерке) // Уч. зап. Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока Всесоюзной ассоциации востоковедов (Археологические источники). – М.: Гл. ред. вост. лит-ры изд-ва “Наука”, 1989. – С. 136 – 176.
- Новик Е.С.** Архаические верования в свете межличностной коммуникации // Историко-этнографические исследования по фольклору: Сб. статей памяти С.А. Токарева. – М.: Издат. фирма “Вост. лит-ра” РАН, 1994. – С. 110 – 163.
- Плетнева С.А.** Половецкие каменные изваяния // САИ. – 1974. – Вып. Е4-2. – 200 с.
- Федоров-Давыдов Г.А.** Искусство кочевников и Золотой Орды. – М.: Искусство, 1976. – 228 с.
- Чариков А.А.** О локальных особенностях каменных изваяний Прииртышья // СА. – 1979. – № 2. – С. 179 – 190.
- Чариков А.А.** Группа скульптур из Джамбула // СА. – 1980а. – № 3. – С. 301 – 307.
- Чариков А.А.** Новая серия каменных статуй из Семиречья // Средневековые древности евразийских степей. – М.: Наука, 1980б. – С. 213 – 234.
- Шер Я.А.** Каменные изваяния Семиречья. – М.; Л.: Наука, 1966. – 138 с.
- Jisl L.** Mongolei: Kunst und Tradition. – Praha: Artia, 1960. – 146 S.
- Burkert Valter.** Homo necans. Interpretationen altgriechischer Opferriten und Mythen. – Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 1972. – 356 S.

УДК 903

Е.Н. Черных

Институт археологии РАН,
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия
E-mail: chernykh.e@g23.relcom.ru

ДРЕВНЕЙШЕЕ ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО НА ГРАНИЦЕ ЕВРОПЫ И АЗИИ: КАРГАЛИНСКИЙ ЦЕНТР

Введение

Каргалинский древний медно-рудный и горно-металлургический центр (Каргалы) на Южном Урале (рис. 1) представляет собой гигантский и, вне всякого сомнения, уникальный комплекс. Подобное заключение становится совершенно очевидным при его сопоставлении не только с соседними, но и с весьма отдаленными древними горно-рудными центрами, разбросанными по безбрежным пространствам всей северной (пожалуй, и не только северной) половины Евразийского континента. Феномен Каргалинского комплекса обусловлен совокупностью ярких признаков; упомянем здесь лишь важнейшие*:

– чрезвычайно большая площадь оруденения, суммарно до 500 км²; с точки зрения геологических дефиниций, Каргалы относятся к категории обширных рудных полей;

– практически все поверхностные выходы руд или же рудные тела сравнительно неглубокого залегания были выявлены еще в ранней древности; открытие и начало широких разработок каргалинских руд датируются IV или же рубежом IV – III тыс. до н.э. (ранний бронзовый век); пик этой активности приходился на эпоху поздней бронзы (II тыс. до н.э.);

* Каргалинская экспедиция проводила свои комплексные исследования в течение десяти лет (1990 – 1999 гг.). За это время ею добыто огромное количество материалов самого разнообразного характера. Более или менее полная и подробная их публикация потребует, по оценкам сотрудников экспедиции, пяти томов. Поэтому в настоящей статье мы сможем – к тому же весьма лаконично – осветить лишь некоторые из важнейших аспектов проведенных изысканий.

– громадный объем древних и старинных горно-проходческих работ: количество разнообразных следов подобного рода работ (только поверхностных) превышает 30 тыс.;

– общая протяженность подземных выработок равняется, по всей видимости, многим сотням километров;

– максимальная глубина шахт и горизонтальных выработок в бронзовом веке достигала 40 – 42 м, а в XVIII – XIX вв. доходила до 80 – 90 м;

– общий объем извлеченных на поверхность песчаников, мергелей и иных пород оценивается примерно в 100 – 120 млн м³ или же до 250 млн т;

– Каргалы исключительно богаты выразительными археологическими памятниками, в настоящее время известны: 1) до двух десятков селищ II тыс. до н.э. (поздний бронзовый век); 2) четыре курганных некрополя, в которых исследованы захоронения раннего и позднего бронзового века, а также отдельные надмогильные курганы; 3) памятники, отражающие первые шаги российской меднорудной и медеплавильной промышленности (XVIII в.);

– масштаб добычи медных руд в бронзовом веке поразительно велик, хотя оценка совокупной массы добытых медных минералов и колеблется в широких границах: от 2,5 до 5 млн т;

– огромное количество выплавленной в эпоху бронзы из каргалинских руд меди; ее общий вес, по всей вероятности, может варьировать также в широком диапазоне: от 55 – 60 до 100 – 120 тыс. т;

– каргалинская медь в бронзовом веке распространялась по обширнейшим пространствам степей и лесостепей Восточной Европы, максимальный ареал ее распространения мог достигать 1 млн км²;

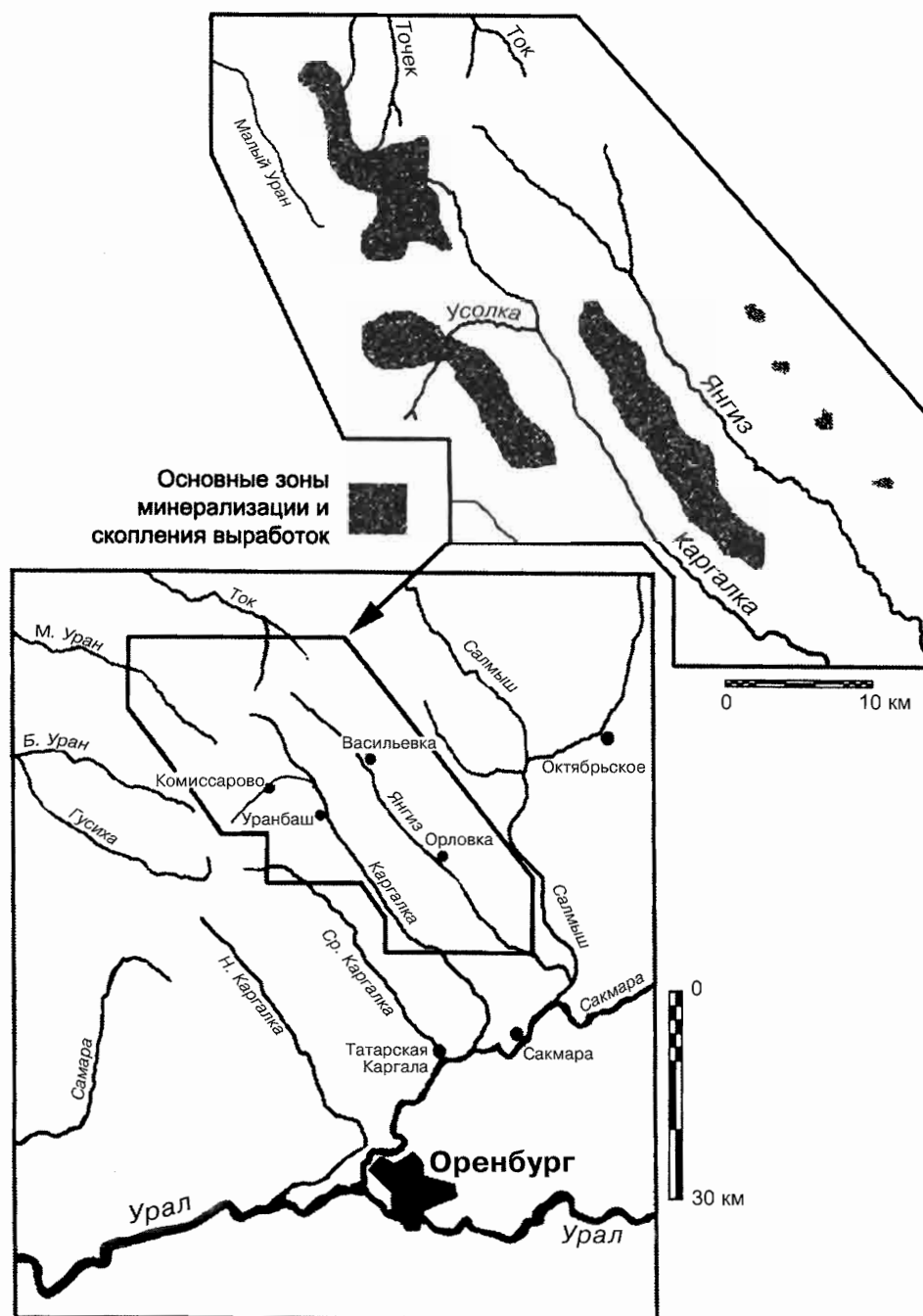

Рис. 1. Географическое положение Каргалинского горно-металлургического центра.

– в XVIII – XIX вв. Каргалинский комплекс имел ведущее значение для промышленного развития России; накануне восстания Емельяна Пугачева 1773 – 1774 гг. из его руды выплавляли примерно четверть меди всей Российской империи; в XIX в. каргалинскую медь вывозили в Западную Европу, вплоть до Англии и Франции.

Местоположение

Каргалинский центр расположен на Южном Урале в административных пределах Оренбургской области Российской Федерации. Фактически этот район является собой малозаметную по ландшафтным особенностям границу между Европейским и Азиатским

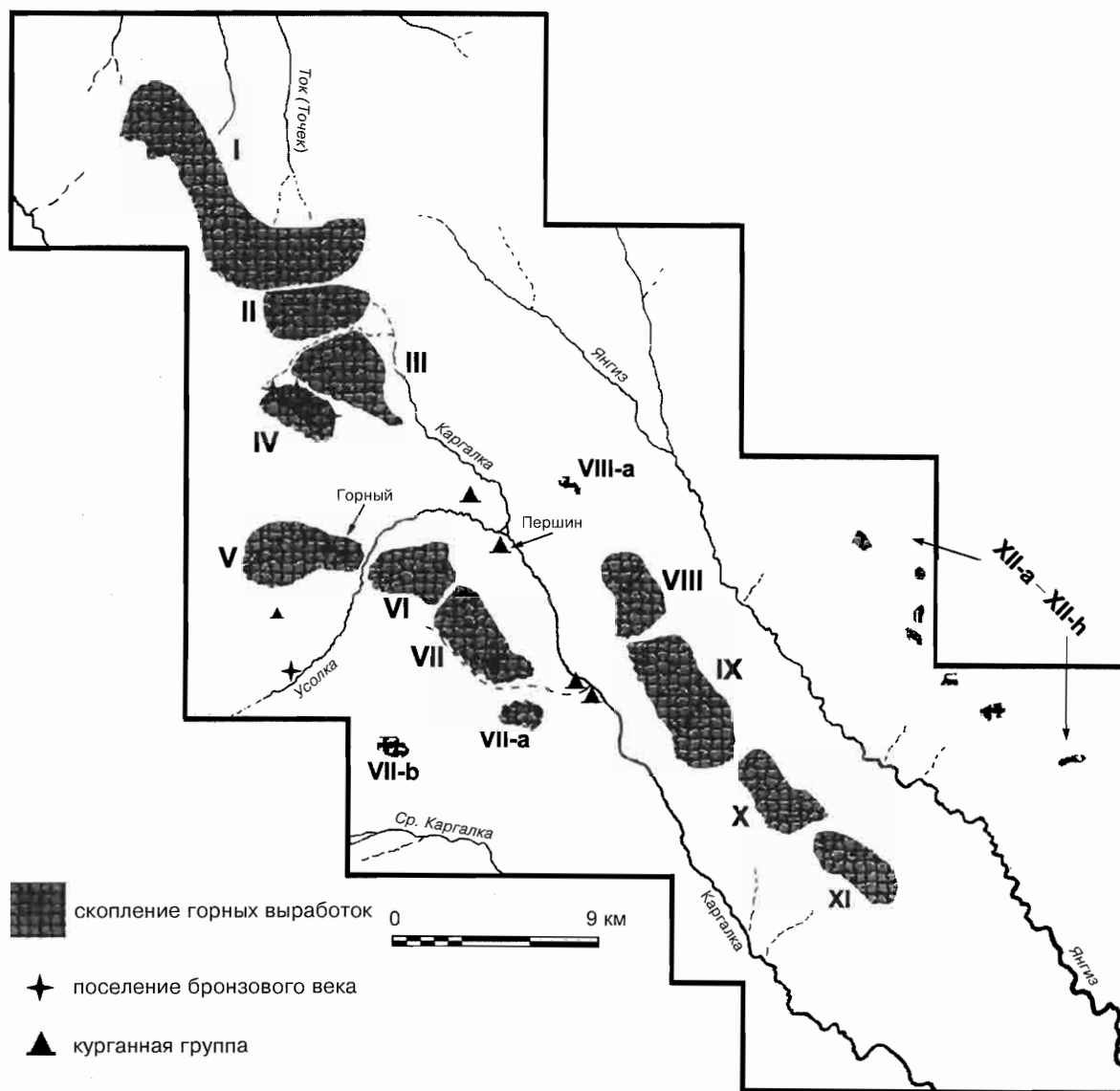

Рис. 2. Ситуационный план Каргалинского центра.

континентами. Каргалы приурочены к северной части Великой Евразийской степи и локализованы в разнотравно-ковыльной зоне последней [Географический атлас..., 1999, с. 44, 45]. Рудное поле окружает типичный степной ландшафт с редкими пойменными островками лесной растительности (ольха, береза, осина, ивовые). Ближайшие крупные массивы леса находятся в 200 – 250 км к северо-востоку: это горнотаяжная растительность Южного Урала.

Каргалинское рудное поле, имеющее форму овала, вытянутого в направлении СЗ – ЮВ, охватывает площадь приблизительно 50 × 10 км (рис. 2). Географические координаты периферийных точек распространения основных групп горных выработок следу-

ющие: северо-западный край всего рудного поля – 52°16'186" с.ш., 54°36'980" в.д. (группа I, располагающаяся в бассейне Волги); юго-восточный – 52°11'114" с.ш., 55°14'48" в.д. (группа XII-h восточнее речки Янгиз в бассейне р. Урала).

Богатая медная минерализация проявляется по преимуществу в бассейне р. Урала и главным образом его правых крупных притоков – Сакмары и Салмыш. Наиболее богатые выходы медных руд связаны с правыми притоками последних – Каргалкой и Янгизом (см. рис. 1). Меднорудные разработки сосредоточены вокруг маловодной степной речки Каргалки (точнее – Верхняя Каргалка); от нее и получили название эти знаменитые рудники.

Рис. 3. Ствол вертикальной шахты на плато Мясниковского (IV) участка; хорошо видны сохранившиеся ступени на стенке ствола.

Минерализация и характер оруденения

Каргалинское рудное поле принадлежит к классу месторождений в осадочных горных породах типа медистых песчаников и сланцев. Эти месторождения и мелкие рудопроявления протянулись широкой и длинной (около 2000 км) полосой с севера на юг вдоль западной периферии Уральского складчатого пояса; Каргалы относятся к южной группе. Медистые песчаники Западного Приуралья приурочены к т. н. верхнепермской красноцветной формации [Гаряинов, Твердохлебов, 1964; Наркелюн, Салихов, Трубачев, 1983; Лурье, 1988]. Стратиграфически здесь выделяются уфимский (наиболее ранний), казанский и татарский ярусы, представленные разнообразными осадками континентального и прибрежно-морского генезиса. Рудовмещающие породы – косослоистые песчаники и мергели, зачастую густо насыщенные остатками окаменелых деревьев пермского возраста.

На Каргалах выявлены два основных типа руд: 1) сероцветные песчаники, в которых и сосредоточена основная масса медных минералов; 2) рудные мергели, распространенные преимущественно по периферии средоточия рудных тел. Ведущие медные минералы – окисленные, вторичные, медные карбонаты: наиболее распространен малахит и – уже сильно

Рис. 4. Сохранившиеся подземные выработки.

уступающий ему – азурит. Сульфидные меднорудные минералы (халькопирит, халькозин, ковеллин) различимы лишь под микроскопом и никакого практического значения не имели.

Именно на Каргалах было сосредоточено наиболее богатое “гнездо” медных минералов во всей обширной западноуральской зоне медистых песчаников. Рудные минералы залегали на различной глубине: начиная от поверхностных выходов, заметных на обнажениях крутых склонов оврагов, вплоть до уровня 80 – 90 м. Рудные тела представляют собой рассеянные в толще рудовмещающих песчаниковых и глинистых пород бессистемно разбросанные линзы минералов, а также “неправильные”, короткие и прерывистые жилы. Скопления рудных минералов чрезвычайно сильно отличаются между собой размерами (от нескольких сантиметров до десятков метров). Неупорядоченность в залегании минеральных линз обусловила бессистемный поиск этих скоплений разведчиками-рудокопами как в бронзовом веке, так и в XVIII – XIX вв., о чем ярко свидетельствует бесчисленное количество беспорядочных следов разведывательных работ на всех участках Каргалинского рудного поля.

Основные типы горнопроходческих объектов

Шахты – вертикальные или близкие к вертикальным (наклон до 60°) выработки в песчаниковых, мергелевых породах, а также в перекрывающем их глинистом (или суглинистом) поверхностном чехле, заложенные с целью достижения рудных тел (линз или жил медных минералов), которые затем подвергались разработкам. Шахты служили также для вентиляции подземных выработок и доставки минералов на поверхность. В настоящее время только очень редкие объекты сохранились в исходном состоянии (рис. 3); их подавляющее большинство затянато и заполнено оплывшей глинистой породой и щебнем или же перекрыто отвалами более поздних проходок.

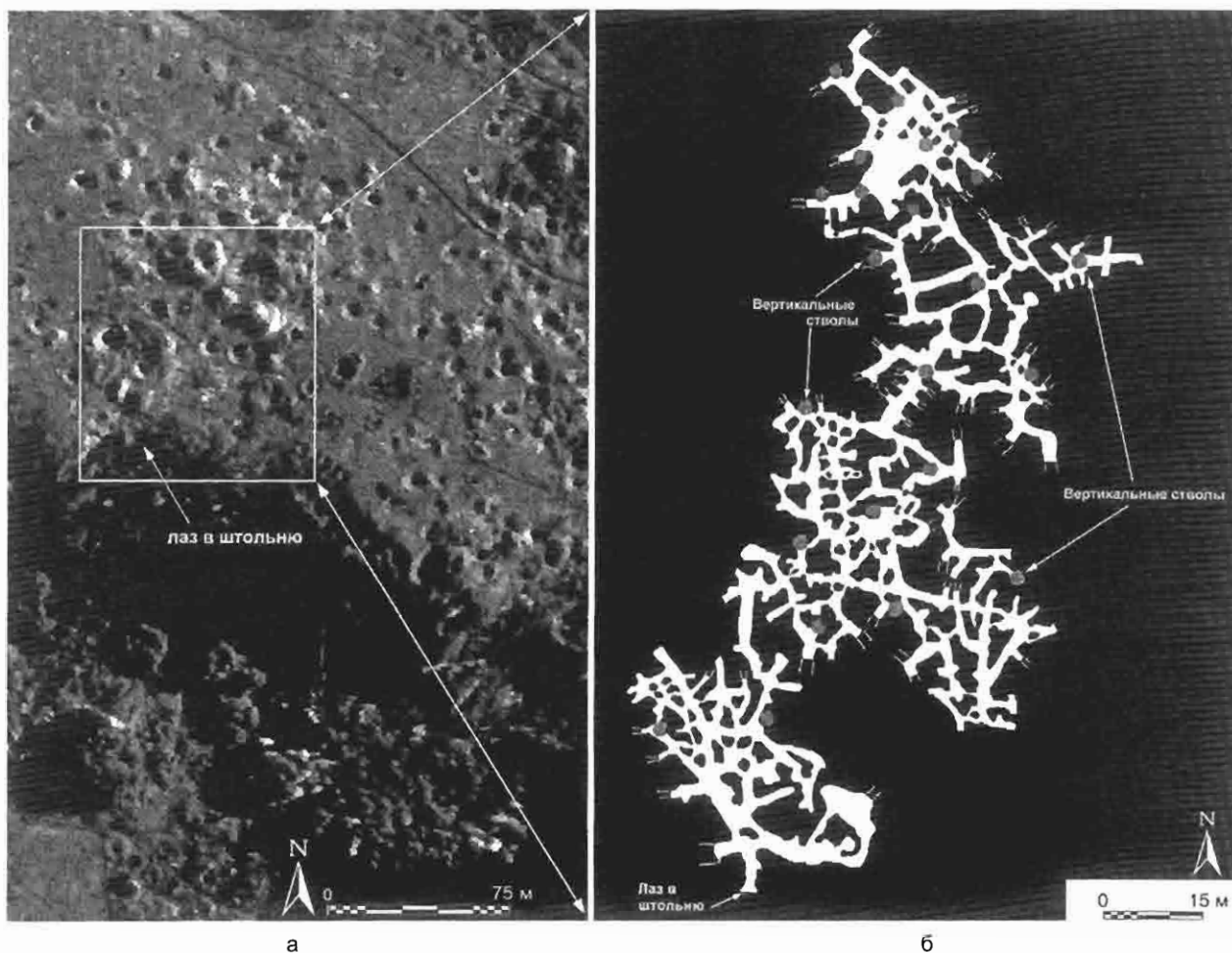

Рис. 5. Аэрофотоснимок части поверхностных следов на плато Мясниковского (IV) участка (а); выделен квадрат, где расположен лабиринт подземных выработок (б).

Штольни – горизонтальные или же близкие к горизонтальным (слегка наклонные) выработки в песчаниках и мергелях. Шахты и штольни являются наиболее распространенными типами выработок на Каргалах. Как правило, форма штолен причудлива. Она определяется строением рудовмещающих пород, а также различными поисковыми признаками, которыми руководствовались рудокопы во время поверхностных или подземных поисков медных минералов. Именно поэтому плавно или же довольно резко одна форма переходила в другую и весьма редко штольни отличались правильным “геометризмом” своего сечения или же четкостью направления (рис. 4; 5, б). Поскольку на Каргалах преобладали т. н. линзовые скопления медных минералов, то штольни могли разрастаться в громадные подземные залы с очень высокими (до 20 м) сводами, из которых вели в разные стороны иные штольни и штреки (или же “слепые” подземные горизонтальные выработки). Порой среди выходящих на поверхность шахт и штолен можно обнаружить устья очень крупных или же “извозных”,

т.е. служивших для транспортировки добытой в недрах руды; такие “извозные” шахты и штольни отличаются от иных благодаря наличию расположенных рядом громадных отвалов т. н. пустой породы.

Разносы – разведочные шурфы и карьеры в поверхностном глинистом “чехле” для расчистки коренной породы с целью выявления на ней следов медной минерализации. Отличаются, как правило, окружающим разносом отвалом, представленным глиной и отчасти песчаником.

Сопровождающие выработки поверхностные следы

Провалы – обвалы скальной или глиняной кровли над сравнительно неглубокими (5 – 15 м) горными проходками типа горизонтальных или наклонных штолен либо крупных линзообразных подземных выработок, подобных большим или даже громадным залам. Строго говоря, провалы – это лишь следы, отражающие прежние подземные горные работы, по-

этому можно считать, что они служат своеобразной маркировкой сравнительно неглубоких, но невидимых с поверхности глубинных выработок. Провалы могут быть от 2 – 3 до 50 – 70 м в диаметре и глубиной от 1 до 20 – 25 м (рис. 6).

Заметим, кроме того, что выработки бронзового века, с одной стороны, и горные проходки XVIII – начала XIX столетия – с другой, по своей форме практически не различались между собой. Лишь только во второй половине XIX в. на Каргалах кое-где стали закладывать геометрически правильные шахты и штольни. Однако последние здесь крайне редки, да и к тому же они зачастую пролегли уже на значительной глубине (50 – 80 м).

Отвалы – одни из наиболее характерных и многочисленных следов горных работ. Как правило, они локализируются близ устья штолен и шахт, но могут располагаться и в значительном отдалении от них, покрывая, к примеру, склоны оврагов на протяжении многих сотен метров (порой до 1 км и более). При генеральных подсчетах следов выработок мы не придавали отвалам самостоятельного значения: последние как бы являлись сопровождающими следами при шахтах, штольнях, карьерах и шурфах.

Некоторые признаки облика и содержимого отвалов позволяют различать их относительный возраст, определяемый либо эпохой бронзы, либо XVIII – XIX вв. Древнейшие отвалы, датируемые бронзовым веком, как правило, представлены мелкодробленой рудовмещающей породой с относительно богатой примесью малахита и азурита. Поэтому древнейшие отвалы нередко напоминают места т. н. сухого обогащения руды, каковыми, вероятно, они являлись и в реальности. В XVIII в. подобные древнейшие отвалы с высоким содержанием медных минералов российские промышленники пытались даже использовать для извлечения малахита и азурита.

Более поздние отвалы заметно отличаются от ранних. Они зачастую представлены огромными кучами крупнообломочного материала – песчаниковых блоков и плит. В сравнении с древнейшими эти груды обломочного материала менее насыщены кусками рудных минералов. Вероятно, появление такого рода отвалов на поверхности следует связывать с относительно более глубокими выработками, характерными для XVIII – XIX вв.

Основные зоны медного оруденения и сосредоточения горных выработок

На Каргалах четко различаются три основные зоны богатой медной минерализации: северо-западная, центральная и юго-восточная. Кроме того, к востоку от Янгиза можно выделить и четвертую – периферий-

Рис. 6. Озеро в провале над огромной подземной полостью (участок V).

ную или восточную (эта последняя в сравнении с первыми тремя выглядит, конечно, менее впечатляющей). В каждой зоне намечено по несколько участков, более или менее насыщенных скоплениями выработок. Всего на Каргалинском рудном поле оконтурено 11 основных, а также ряд существенно более мелких периферийных участков. Последние либо примыкают к основным, либо составляют уже всю сеть периферийной восточной зоны (см. рис. 2).

Северо-западная зона (А) связана по преимуществу с верховьями Каргалки (бассейн Урала), водоразделами, отделяющими ее от малых речек, относящихся уже к Волжскому бассейну. Представлена скоплениями четырех практически непрерывно следующих друг за другом участков (I – IV). Общее число поверхностных следов выработок колеблется от 11 450 до 12 300.

Центральная зона (В) охватывает оба берега правого притока Каргалки – речки Усолки и простирается вплоть до правобережья среднего течения Каргалки. Включает многочисленные выработки трех основных участков (V – VII), а также двух периферийных, расположенных к югу от основных (VII-a, VII-b). Общее количество поверхностных следов выработок в пределах 10 650 – 11 600.

Юго-восточная зона (С) представлена преимущественно медной минерализацией и многочисленными выработками на водораздельных высотах (сыртах) между долинами Каргалки и Янгиза. Здесь выделяются четыре основных участка (VIII – XI), а также к северу от них единственное периферийное скопление выработок (участок VIII-a). Общее число поверхностных следов выработок колеблется от 7 950 до 8 600.

Восточная периферийная зона (D) охватывает левобережные водораздельные высоты к востоку от долины Янгиза и включает до восьми сравнительно маловыразительных участков скоплений древних и старинных выработок (XII-a – XII-h). Общее количество поверхностных следов выработок здесь многократно уменьшается – до 1 200 – 1 400.

Таблица 1. Оценка числа поверхностных следов выработок по участкам и основным зонам, а также их площадей

Участок	Зона	Минимум	Максимум	Площадь, км ²	Среднее число выработок на 1 км ²
I	A	3 200	3 400	25 – 26	130
II		850	1 000	7	143
III		4 600	4 800	17 – 18	267
IV		2 800	3 100	6	517
Всего		11 450	12 300	55 – 57	216
V	B	3 900	4 100	15 – 16	256
VI		2 200	2 400	8	300
VII		3 800	4 200	10 – 11	382
VII-a		650	750	3	250
VII-b		100	150	2	75
Всего		10 650	11 600	38 – 40	290
VIII (+VIII-a)	C	1 500	1 700	7	243
IX		3 900	4 100	17 – 18	228
X		2 100	2 300	7	329
XI		450	500	6	83
Всего		7 950	8 600	37 – 38	226
XII-a – h (Янгиз)	D	1 200	1 400	~8 – 10	140
Итого по Каргалам		31 250	33 900	138 – 145	235

Горные выработки: их количество, совокупная площадь и линейная протяженность

“Хаос” различного рода следов выработок на Каргалах (см. рис. 5, а) поддается системному анализу лишь с большим трудом. Поэтому наши подсчеты поверхностных следов почти всегда носили более или менее приближенный и вероятностный характер (табл. 1). Наиболее эффективным методом являлись расчеты на основании дешифровки и сканирования аэрофотоснимков. Визуальные наземные наблюдения никогда не могли иметь самостоятельного значения; мы использовали их лишь в некоторых случаях и только для уточнения ряда мелких деталей общей картины.

Подавляющее число поверхностных следов горных работ (примерно 70%, или до 23 – 24 тыс.) сосредоточено в непрерывно следующих одна за другой северо-западной (А) и центральной (В) зонах, около четверти – в юго-восточной (С). И только чуть более 4% устьев древних и старинных шахт и штолен зафиксировано в границах восточной периферийной зоны (D). Суммарная площадь всех намеченных

и относительно строго оконтуренных участков, на которых и концентрируются скопления до 34 тыс. следов древних и старинных горных работ, оценивается примерно в пределах 138 – 145 км². По плотности распределения поверхностных следов горных выработок на 1 км² первое место занимает центральная зона (290). Однако лидером по этому признаку является участок IV – самое южное скопление следов в границах северо-западной зоны: здесь зафиксировано около 517 выработок на 1 км².

Совокупная протяженность подземных выработок на Каргалах может быть оценена только очень грубо и приблизительно: по всей вероятности, она должна исчисляться сотнями километров. Приведем лишь один пример. На весьма ограниченной – всего около 1 га – площади в пределах участка IV на возвышенном плато Мясниковского оврага (см. рис. 5, а) удалось провести подробную спелеологическую съемку* относительно хорошо сохранившихся подземных штолен и штореков (см. рис. 5, б). Общая длина вы-

* Съемку проводила группа спелеологов под руководством И.О. Грека (г. Одесса).

работок лишь на одном подземном “этаже” (глубина 10 – 15 м) составила здесь примерно 1,5 км. Поскольку один гектар для Каргалинского рудного поля, по существу, является величиной микроскопической, можно представить, какой гигантской была протяженность всех подземных выработок.

Периоды эксплуатации

Выделяются два крупных, но весьма неравноценных по протяженности периода эксплуатации каргалинских недр. Один длился около 2 000 лет – со второй половины IV до второй половины II тыс. до н.э., другой был весьма короток: немногим более 150 лет – с 1744 – 1745 гг. до рубежа XIX и XX вв. Характер и суть каждого из них мы в состоянии ныне документировать богатейшими полевыми, археологическими или же – для позднего времени – архивными и литературными материалами.

Периоды разделяют почти три тысячелетия фактически полного забвения Каргалинских рудников. В середине XVIII в. российские купцы и промышленники скупали у местных башкир необозримые пространства, включая и Каргалы, по смехотворно низкой цене [Черных, 1997, с. 92 – 98]. Номинальные хозяева этих мест – башкиры – тогда даже не подозревали о невероятном богатстве, таящемся у них под ногами, по этим холмам они сотни лет пасли свои стада. Факт трехтысячелетнего забвения сам по себе является загадкой и парадоксальной чертой исторического развития культур этого обширного региона.

История изучения Каргалинского комплекса

Реальное открытие Каргалинского центра в качестве уникального историко-археологического памятника произошло лишь в 1989 – 1990 гг. Столь позднее появление здесь археологов не может не озадачивать, если к тому же учитывать ряд примечательных обстоятельств. Среди всех прочих рудников на территории России древние разработки на Каргалах удостоились едва ли не самого раннего упоминания в научной литературе. Вскоре после начала их эксплуатации в 1744 – 1745 гг. российскими промышленниками выразительной мощью древних выработок на Каргалинских увалах восхищался известный оренбургский ученый-краевед П.И. Рычков; сведения об этих рудниках появились в печати уже в 1762 г. [Рычков, 1999, с. 279 – 283]. Однако далее наблюдалось нечто странное: в последующий более чем двухвековой период археологи по какой-то совершенно неясной для нас причине не удосужились посетить и хотя бы бегло обследовать этот замечательный комплекс.

Равнодушие археологов выглядит еще более труднообъяснимым, если учесть, что предположение о начале эксплуатации Каргалинского рудного поля в раннем бронзовом веке (ямная культура) высказывалось более 35 лет назад. Основанием для подобного вывода послужили значительные серии спектрально проанализированного металла из погребальных памятников ямной культуры раннебронзового века, локализованных на Южном Урале и в Поволжье [Черных, 1966, с. 68, 69]. Весьма чистая, с точки зрения химического состава, медь (группа МП, или “медистых песчаников”) совершенно недвусмысленно указывала на Каргалы в качестве наиболее вероятного источника этого металла.

С 40-х гг. XVIII до первых десятилетий XIX в. на Каргалинский регион – этот, казавшийся тогда неисчерпаемым, источник богатств – устремляли жадные взоры исключительно русские промышленники. Лишь ближе к середине XIX в. сюда стали прибывать – сначала с краткими экскурсиями, а затем и более продолжительными экспедициями – первые профессионалы-геологи и горняки, а также палеонтологи [Мурчисон, Вернейль, Кейзерлинг, 1849; Антипов-2, 1860, с. 292 – 296, 306 – 315; Ефремов, 1954, с. 11 – 73, 370 – 375]. И наконец, только десятилетние комплексные работы Каргалинской археологической экспедиции (1990 – 1999 гг.)* открыли новый этап в изучении истории эксплуатации Каргалинского рудного поля.

Археологические памятники и селище Горный

На пространстве всего Каргалинского рудного поля удалось обнаружить до двух десятков поселений бронзового века, четыре курганных могильника, относящихся к тому же времени, и одиночный курган, по видимому, сарматского периода. Неопределенность выражения “до двух десятков” в отношении селищ обусловлена прежде всего неясностью границ древних поселений. Во многих случаях эти границы полностью нарушены или же перекрыты многометровыми отвалами рудных выработок. Порой очень трудно определить, где же точно кончается одно поселение и начинается другое: следы культурных слоев могут тянуться иногда едва ли не непрерывной полосой более 2 км (рис. 7). На всех обследованных селищах доминируют материалы срубной культуры. В погребальных памятниках среди также преобладающих здесь могил срубной культурно-исторической общности встречаются захоронения ямной (ямно-полтавкинской) культуры, а также погребения сарматского времени.

* За это время сотрудники экспедиции опубликовали в России и за рубежом более 50 разнообразных по характеру работ, целиком или хотя бы частично посвященных Каргалинскому комплексу.

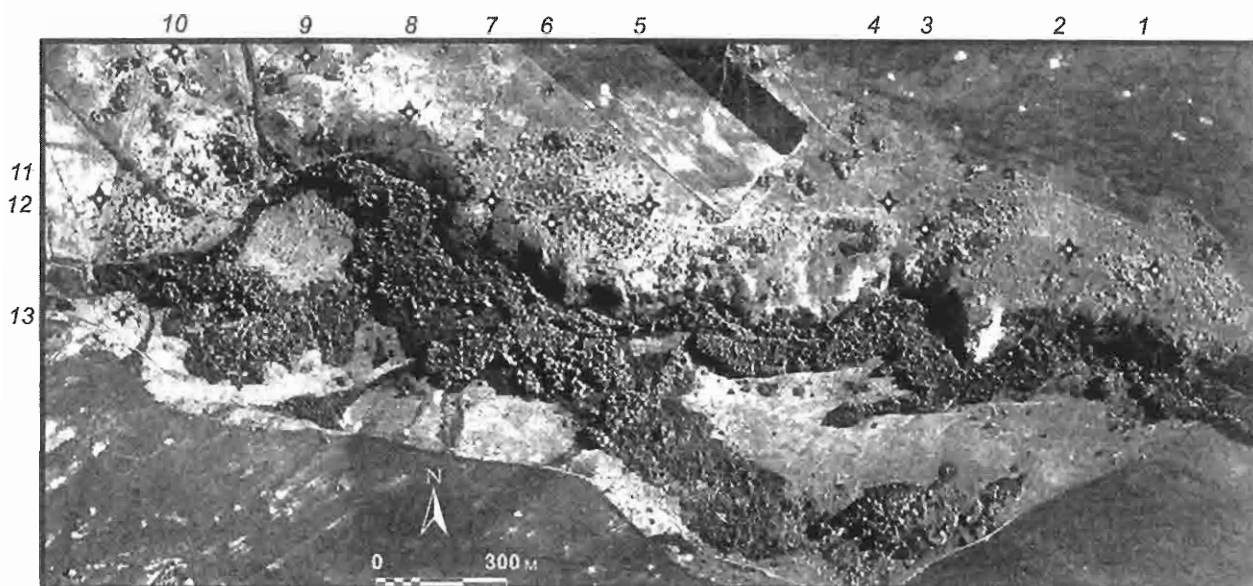

Рис. 7. Аэрофотоснимок поверхностных следов горных выработок и культурных слоев (помечены звездочками и цифрами на полях снимка) на плато Мясниковского оврага.

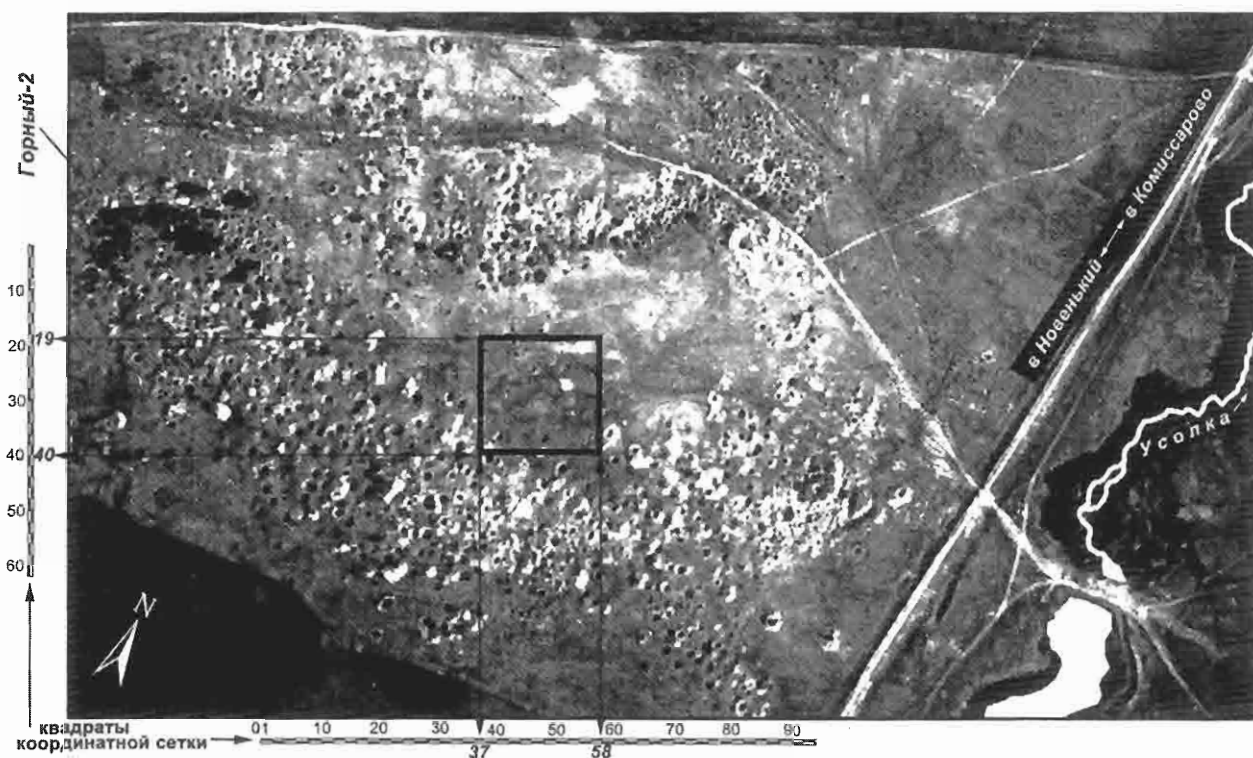

Рис. 8. Аэрофотоснимок холма Горный с площадкой поселения, окруженной тысячами следов древних и старинных выработок; черный квадрат – место основных раскопок на селище.

Центральным объектом археологических раскопок на Каргалах стало поселение Горный на V участке скоплений горных выработок (см. рис. 2, 8). Селище располагалось на вершине холма; его площадка плотно окружена тысячами поверхностных следов горных выработок. Это поселение горняков и металлургов

срубной культурно-исторической общности было открыто еще в экспедиционный сезон 1991 г., но уже со следующего лета оно стало для Каргалинской экспедиции важнейшим пунктом изысканий. Всего же раскопки на Горном продолжались восемь полевых сезонов (1992 – 1999 гг.).

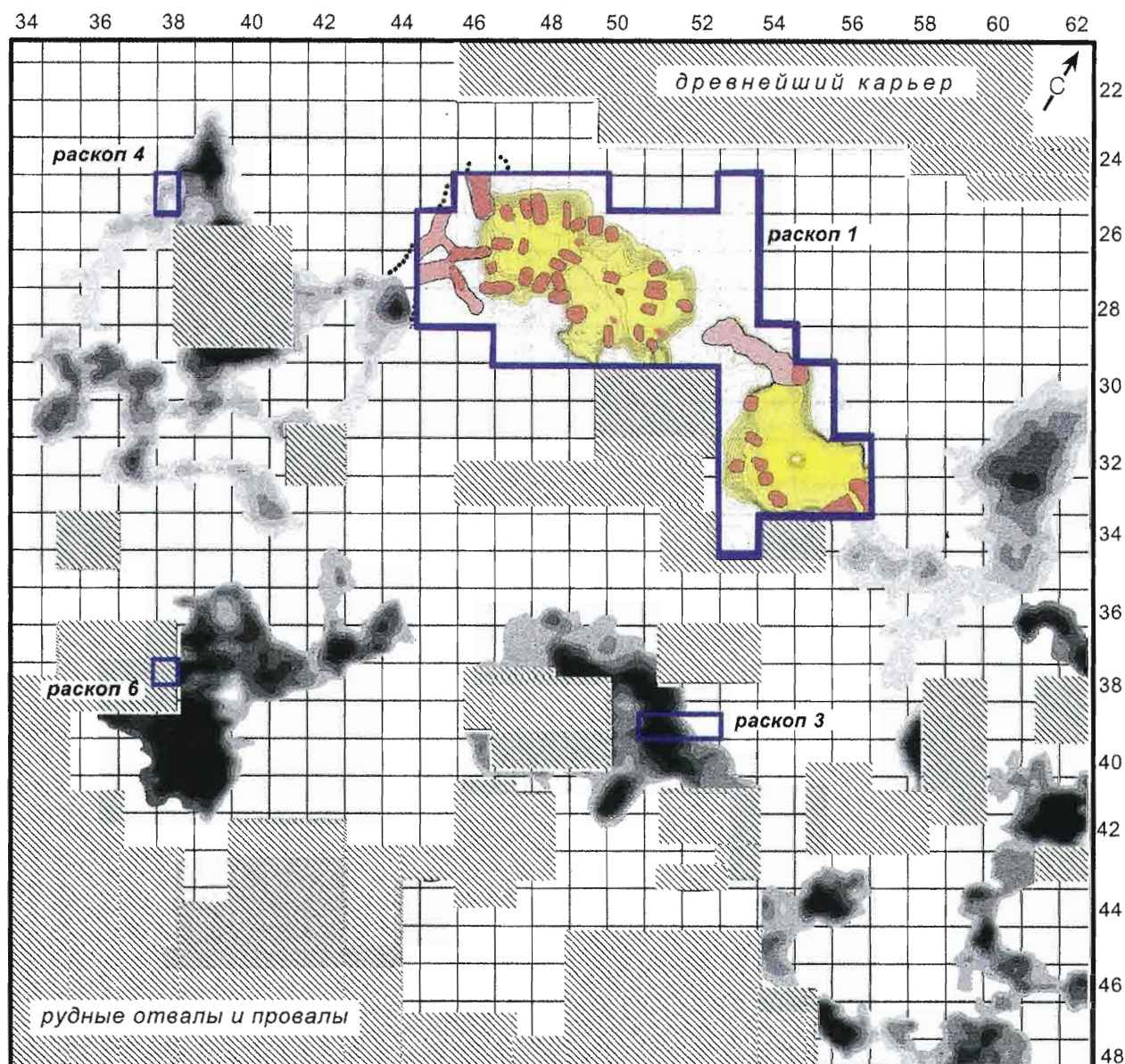

Рис. 9. Выявленные геофизической (электрометрической) разведкой аномалии на поверхности Горного, места раскопок и план изученных комплексов (см. рис. 19).

Материалы

За восемь сезонов вскрыта относительно небольшая площадь – несколько более 1 000 м². Параллельно и с опережением раскопок последние пять лет активно проводилась геофизическая электрометрическая съемка, результаты которой оказались исключительно эффективными. Выявленные геофизической разведкой (И.В. Журбин, В.П. Зверев) аномалии позволили составить оценочно-перспективную картину положения раскопанных объектов среди еще не исследованных, но намеченных к обследованию в будущем (рис. 9).

Относительно низкие темпы раскопок определялись не только мощностью культурных напластований (до 2 – 2,5 м), но и невиданно высокой концентрацией находок в изученном слое. Извлечено более 3 100 медных образцов, почти 4 500 тыс. кусков шлака, 110 000 фрагментов керамики, около 170 обломков и целых литейных форм, более 1 300 осколков и целиком сохранившихся каменных молотков и молотов. Однако наиболее выразительной даже среди всего этого огромного богатства явилась, пожалуй, фантастическая гора костей домашних животных (преимущественно коровы) – почти 2,3 млн экз.!

Таблица 2. Сопоставление концентрации находок в культурных слоях Горного и Аркаима

Показатель	Аркаим	Горный
Общая площадь (га)	1,7 – 1,75	3 – 4
Вскрытая площадь (м ²)	8 055	880 (основной раскоп № 1)
Керамика: фрагменты / восстановленная форма сосудов (хотя бы до половины)	9 000 / 304	~ 110 000 / 758
Медь: образцы / изделия (в т.ч. неопределенные)	? / 15?	3 053 / ~600
Литейные формы	?	169
Каменные молотки и молоты	~ 40	1 290
Шлак (куски)	?	4 326
Кость: фрагменты / изделия и их заготовки	11 834 / ?	2 230 869 / ~ 26 000

Не исключено, что полученные здесь коллекции медных образцов и костей животных перекрывают по своей представительности все, что можно было собрать с огромного числа раскопанных памятников бронзового века Евразийской степи. В желании продемонстрировать это мы ограничимся здесь лишь одним примером сопоставления культурных слоев Горного и Аркаима по степени их насыщенности материалами (табл. 2). Последний памятник был выбран именно потому, что в последние 10 – 15 лет его стремятся провозгласить едва ли не “городом” или, по крайней мере, “протогородом” [Аркаим..., 1995; Зданович, 1997]*, по сути, провозвестником никому не ведомой цивилизации Великого Евразийского степного пояса. Феномен Горного на фоне “города/протогорода” Аркаима особенно впечатляет: превосходство каргалинского поселка по показателям насыщенности слоя может выражаться сотнями раз.

Из всего изобильного материала лишь глиняная посуда достаточно определенно соответствует керамическому “стандарту” срубной культуры. Здесь господствуют формы так называемых банок и горшков (рис. 10, 5 – 12); заметная доля сосудов несет отчетливые признаки андроновской керамики – федоровского и алакульского типов (рис. 10, 1, 3).

Металлический комплекс – формы изделий и химический состав меди – отличается существенным своеобразием. Подавляющая доля находок (81%) связана с металлургическим и металлообрабатывающим

производствами: фрагменты крупных слитков и слиточки, капли, сплески, обрезки и т.п. Лишь около 5% всей коллекции морфологически определимые предметы (153 экз.) – орудия и оружие (рис. 11). Крайне мало украшений – только 15 экз. Около 14% находок (434 образца) представляют собой лом неопределенных изделий. Среди фрагментов морфологически определенных предметов почти половина – это обломанные концы тяжелых горнопроходческих орудий типа кайл. Прочие изделия являют собой двулезвийные ножи, шилья, иглы, куски крупных секачей (“серпов”). Исключая два чуждых для Каргалинского комплекса втульчатых наконечника стрел, сделанные из оловянной бронзы (см. рис. 11), металл всех остальных объектов является химически чистой медью – типичной группой МП, столь хорошо известной и широко распространенной в Восточной Европе.

Морфологическое своеобразие металлического инвентаря находит свое соответствие и среди набора литейных форм, где также преобладают матрицы заготовок для отливки кайл (рис. 12, 13). Уникальна форма для отливки двух секачей (рис. 14). Для плоских створок с матрицами часто использовались крышки, на которых сохранялись следы высокотемпературных воздействий. Полости для отливки грубых и массивных орудий вырезались в блоке обычного плотного каргалинского песчаника. Литейные формы для более изящных орудий типа ножей изготавливались из тонкозернистых местных пород – сланца и мергеля. Полости последних нередко покрывались тонким слоем белой огнеупорной каолиновой глины.

Огромная коллекция молотков (см. рис. 13) и массивных молотов (рис. 15) состоит по большей части из осколков орудий, хотя сохранились и великолепные целые экземпляры. Четко различаются два вида этих ударных инструментов. Первый из них – крупные окатанные окремненные речные гальки и небольшие валуны, доставленные в Горный за несколько

* Спекулятивные утверждения о “стране городов” в Зауралье, о “городе” или “протогороде” Аркаиме появились во многих псевдонаучных статьях и заметках (см., к примеру, только одно их перечисление в специальном библиографическом справочнике [Аркаим..., 1999]). Своеобразной кульминацией этого странного процесса стало переходящее все грани курьезов объявление *Москвы третьим Аркаимом* [Асов, 2001, с. 427 – 435]. Обзор феноменальной аркаимской “эпопеи” см. также в специальной статье [Шнирельман, 2001].

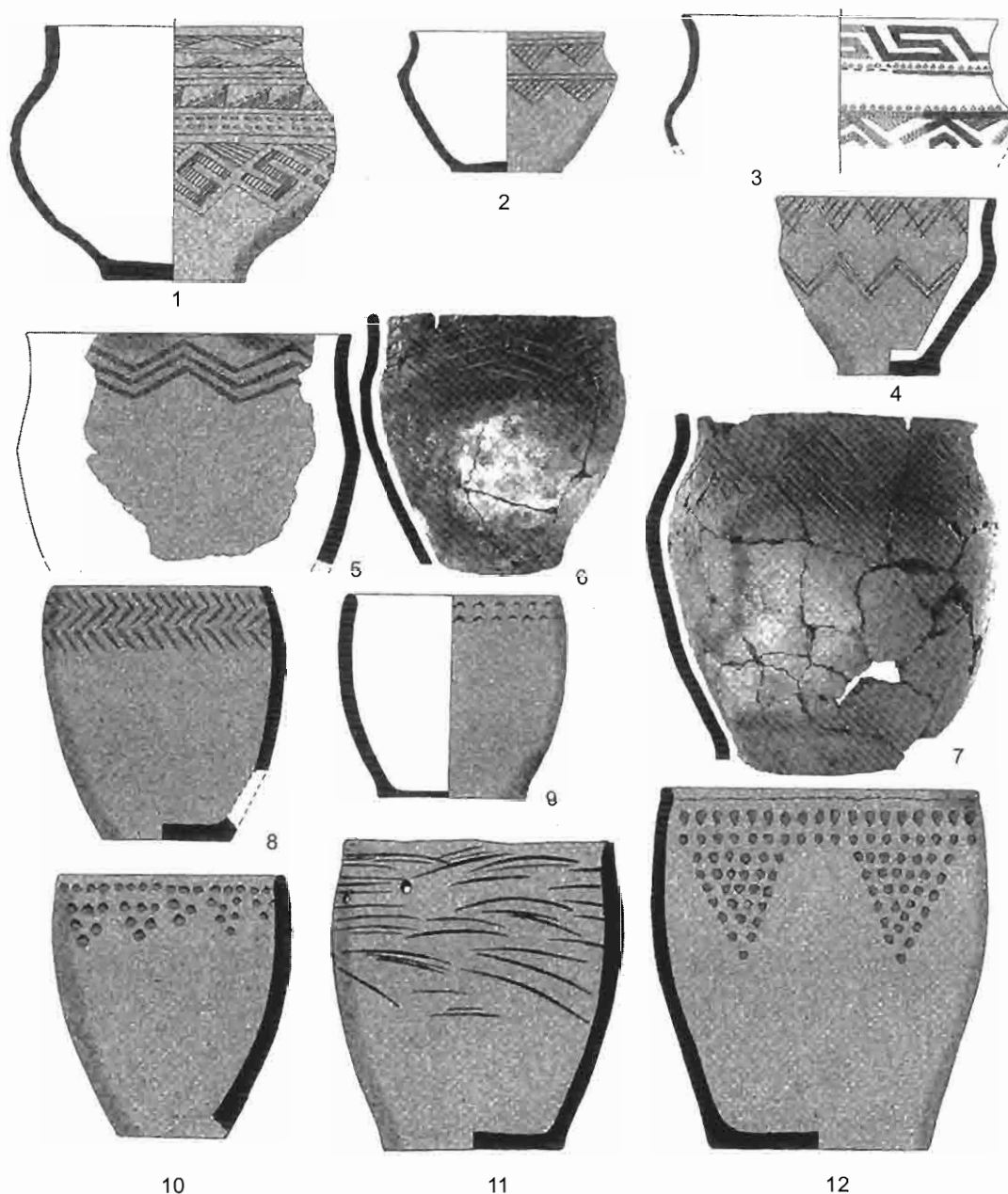

Рис. 10. Глиняные сосуды с Горного.

десятков километров из речных долин (к примеру, Салмыша). Второй – удобные для целей дробления руды обломки твердых окаменелых деревьев пермского периода, извлеченных из подземных выработок (рис. 16).

Гигантская коллекция остеологического материала (рис. 17) на 99,8% состоит из костей домашних животных: крупного рогатого скота (80%), овец и коз (около 17%), лошадей (2%), свиней (0,3%); собака представлена всего сотыми долями процента (хотя в одном из ранних жилищ встречено намеренное захоронение этого животного). Число костей, являю-

щихся либо орудиями, либо их явными заготовками, около 26 тыс., что составляет чуть более 1% коллекции. К орудиям принадлежат лопатки, шпатели, тупики из челюстей коров и многие другие изделия. Еще об одной категории находок упомянем особо: это т. н. заготовки под клинья, сделанные путем простого продольного раскалывания длинной кости коровы. Получался сразу острый клин, которым могли выкалывать куски насыщенной медными минералами породы. Наши эксперименты показали, что такое орудие вполне эффективно для работы в горных выработках в течение одного-двух часов. Заготовки под клинья

Рис. 11. Морфологически определяемые медные предметы с Горного, а также бронзовый втульчатый наконечник стрелы.

Рис. 12. Литейная форма для отливки заготовки массивного медного кайла.

Рис. 13. Комплекс из массивной каменной наковальни (вес 36 кг), желобчатого галечникового молотка и литейной формы для отливки болванки кайла.

Рис. 14. Створка литейной формы для отливки крупных секачей.

Рис. 15. Желобчатый молот, изготовленный из небольшого речного кремневого валуна.

Рис. 16. Молотки для дробления руды из обломка окаменевшего дерева.

Рис. 17. Холм из обследованных археозоологом костей (более 2 млн) домашних животных с Горного.

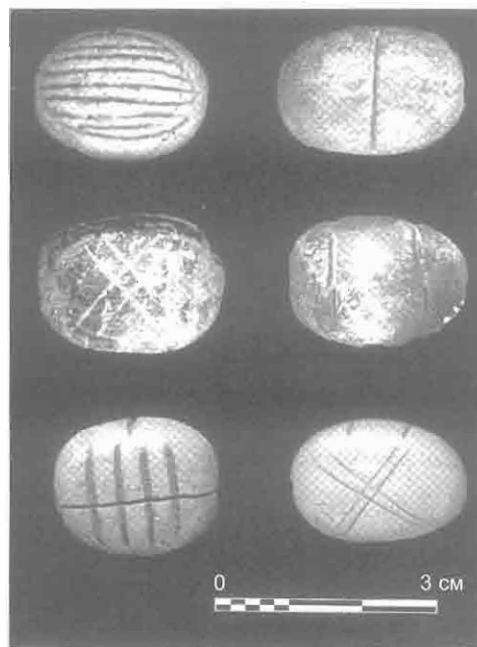

Рис. 18. Гадальные кости; на каждой из четырех их граней обычно нанесены насечки, обозначающие “один”, “два”, “четыре”, “много”.

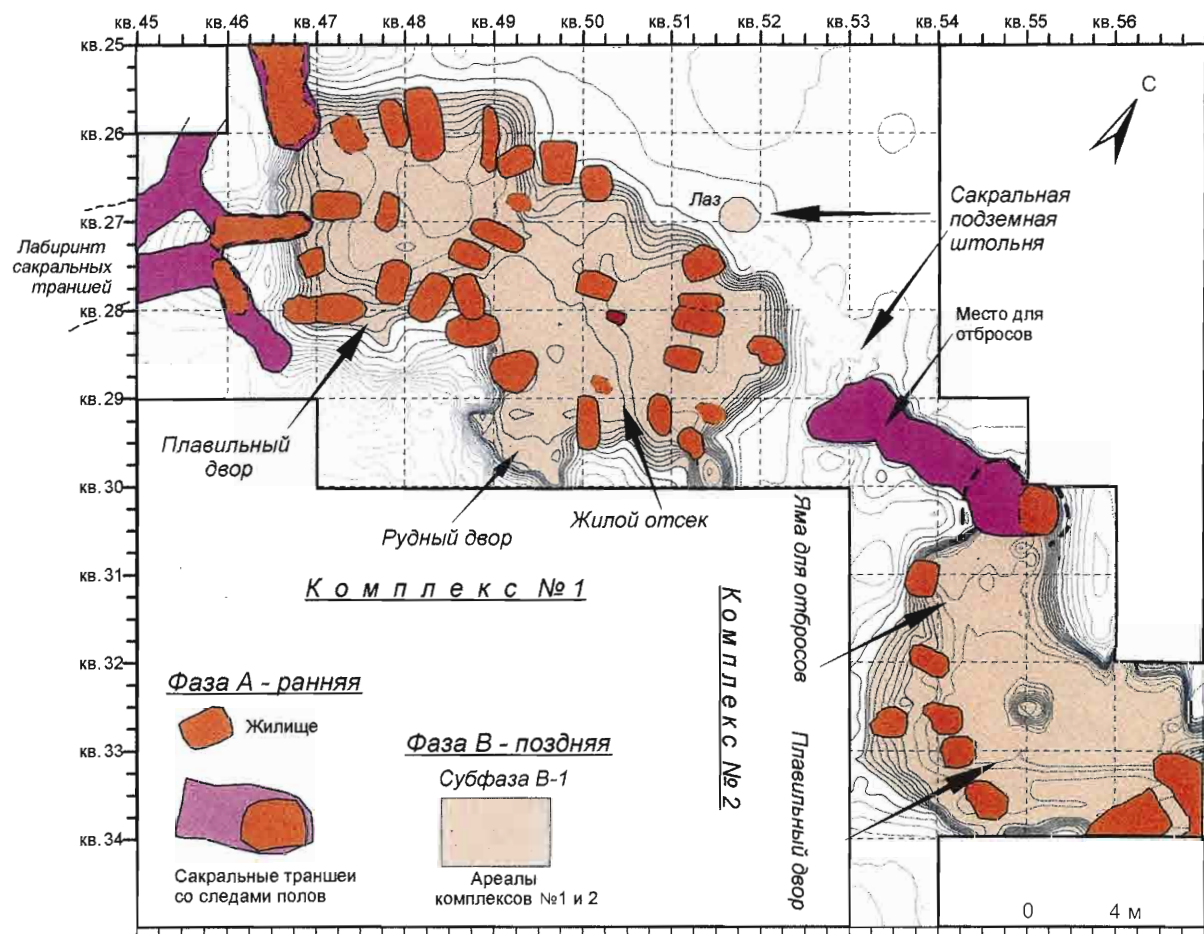

Рис. 19. Ранние жилища-норы на фоне более поздних комплексов № 1 и 2.

составляют больше половины громадного числа костяных заготовок. И наконец, еще одной весьма специфической категорией находок являются гадальные кости (рис. 18).

Сооружения на Горном и периоды функционирования селища

Культурный слой селища содержал множество следов совершенно необычных для «стандартных» построек срубной культуры сооружений, таких как малые жилища-норы, огромные жилищные и производственные комплексы, сакральные и жертвенные траншеи. И каждый объект занимал чрезвычайно ясное стратиграфическое положение, что исследователи отмечали с особым удовлетворением. Ведь установить четкую стратиграфию культурных напластований на памятниках степной зоны зачастую крайне проблематично. На Горном же легко выделяются две основные фазы функционирования селища.

Ранняя фаза (А) связана с множеством глубоких (до 190 – 220 см) и узких ям-жилищ, или жилищ-нор,

видимо, сезонного характера (их раскопано уже около полусотни), а также разветвленной сетью канав – сакральным сооружением, имитирующим лабиринт горных выработок (рис. 19, 20). В торцах этих траншей сохранились следы временного обитания людей. Площадь пола жилищ в основном колебалась от 2 до 3 м², лишь несколько из них были больше. Жилища предназначались для ночлега и отдыха от одного до трех-четырех человек. Здесь относительно мало археологического материала (всего в среднем около 2,5 – 3,0%), и происходит он из придонной части заполнения ям ранних жилищ, которые были засыпаны при генеральной перепланировке поселения в последующей хронологической фазе. Регулярный культурный слой раннего периода за пределами придонных частей жилищных ям, по существу, отсутствует или же его невозможно корректно выделить.

Поздняя фаза (В) характеризовалась резкой сменой в стратегии жизнедеятельности и жизнеобеспечения на Горном. На месте разрушенных и намеренно засыпанных жилищ-нор откапываются котлованы огромных всесезонных комплексов с жилыми отсе-

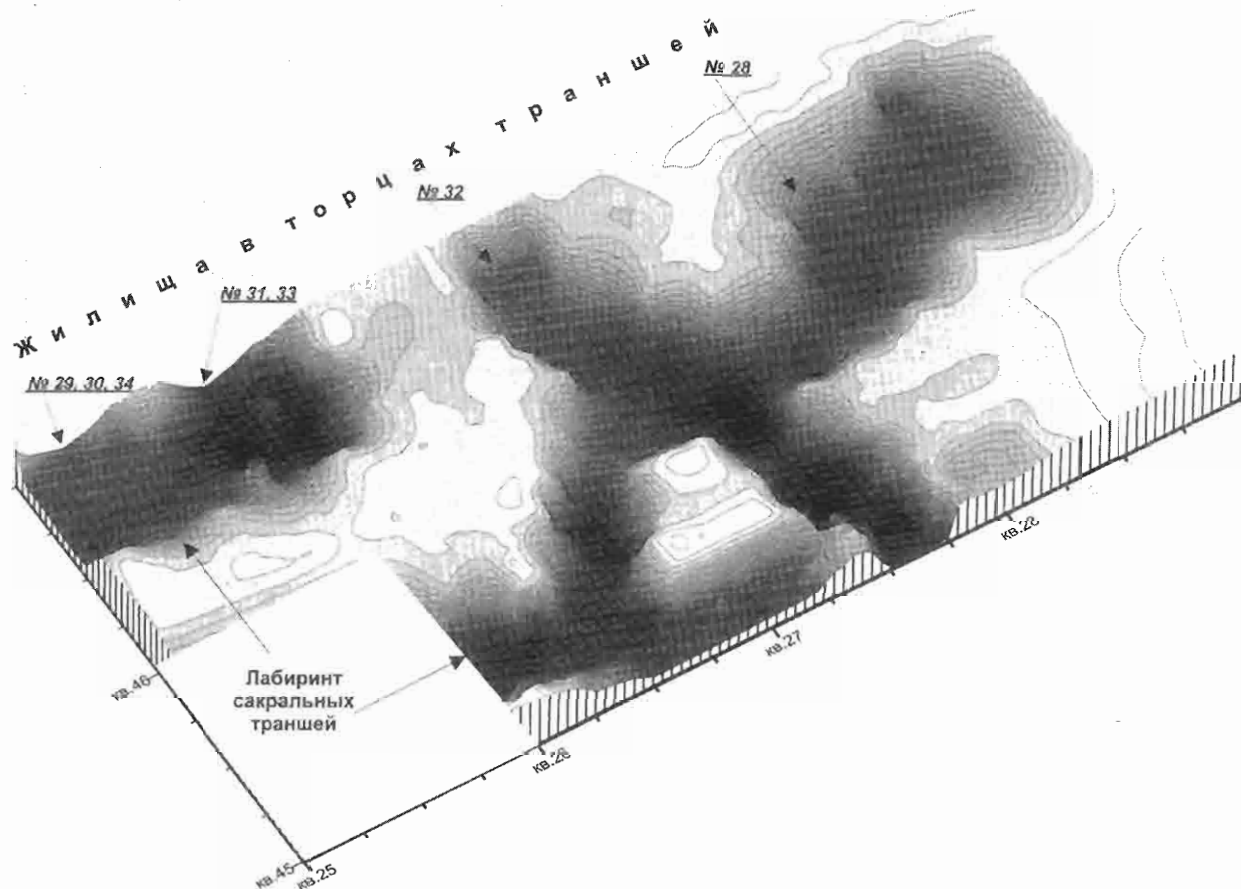

Рис. 20. Восточный край лабиринта сакральных траншей на Горном (обозначены номера жилищ в торцах траншей).

ками, плавильными и рудными дворами (см. рис. 19). К примеру, комплекс № 1, единый котлован которого имел общую площадь до 230 – 240 м², представлял собой довольно сложное сочетание жилых и производственных помещений и состоял из пяти основных частей: 1) жилого помещения (115 – 120 м²), 2) плавильного двора (около 100 м²), 3) рудного двора (до 15 м²), 4) сакральной ямы-штольни, проходившей под обваловкой жилого отсека, 5) отстоящей несколько в стороне ямы-траншеи для отбросов (тогда для свалки была использована сакральная траншея ранней фазы). Другой комплекс (№ 2) состоял из подпрямоугольно-округлого котлована, в котором располагался плавильный двор площадью до 140 – 150 м², и примыкавшей к нему обширной ямы для свалки отбросов производства.

Во время генеральной перепланировки селища, а также выемки суглинка при рытье этих крупных котлованов все верхние части ранних ям-жилищ были снесены; остались нетронутыми лишь их нижние части, по преимуществу полы; были также засыпаны

доверху и плотно утрамбованы сакральные траншеи. Практически все основные археологические материалы с Горного (до 97%), равно как и наиболее яркие находки, относящиеся к срубной культуре, связаны с регулярным культурным слоем фазы В.

Однако в фазе В плавного и непрерывного развития жизни на Горном не наблюдалось: в ней столь же определенно можно выделить три субфазы: В-1, В-2 и В-3. Большие комплексы (субфаза В-1) в какой-то момент гибнут от пожара, вероятно, при нападении чужеземных групп. Два втульчатых бронзовых наконечника стрел (см. рис. 11), из которых один был обнаружен в обгоревшей кровле жилого отсека, могут наводить на мысль о восточных корнях нападавших.

Следы обитателей этого периода, ютившихся уже на руинах крупных комплексов, немногочисленны, с ними сопряжена субфаза В-2, небогатая материалами. Однако в какой-то момент люди решают покинуть сам жилой холм. Прощание с этим местом их длительного обитания было ознаменовано перемещением накопившихся за продолжительное время громад-

Рис. 21. Набор челюстей коровы из жертвенной ямы комплекса № 1.

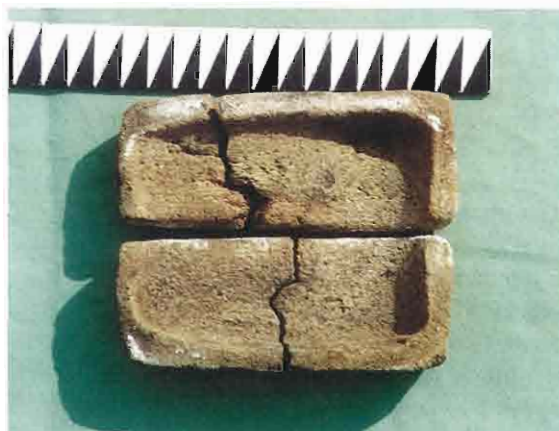

Рис. 23. Двустворчатая литейная форма из погребения юноши-литейщика.

Рис. 22. Погребение юноши-литейщика с литейной формой у виска (Першин, кург. 1, мог. 1).

Рис. 24. Медное тесло времени ранней – средней бронзы из кургана 1 в Першине.

диоуглеродная калиброванная дата – 2 900 – 2 700 гг. до н.э. В этом же кургане обнаружено и плоское тесло близкого времени (рис. 24).

И наконец, следует отметить распространение в обширном Волго-Уральском регионе исключительно “каргалинской” меди, связанной с разнообразными

ных куч производственных и бытовых отходов в еще хорошо заметные котлованы былых комплексов. В результате площадка селища вновь оказалась намеренно выровненной (субфаза В-3). Лишь 3 тыс. лет спустя русскими промышленниками здесь были отстроены небольшие обложенные камнем землянки, предназначенные, судя по всему, для отдыха горной стражи и иных рудничных нужд. Но, видимо, уже в самом начале пугачевского мятежа повстанцы спалили и эти сооружения, а в последующие годы хозяева их так и не восстановили.

Таким образом, в позднем бронзовом веке имело место по меньшей мере двукратное перемещение материалов Горного не только по горизонтали, но и по вертикали. Первое из них произошло в результате перепланировки селища при переходе к постоянному обитанию на холме, второе – уже в финале существования поселения, когда огромные массы отходов были свалены в котлованы. Этот мусор накапливался здесь в течение субфаз В-1 (львиная доля) и В-2. Археологические материалы из перемещенных отвалов мусора составляют почти 2/3 всех находок (!) из слоя Горного. Следствием таких передвижений явилось нарушение четкого стратиграфического положения материалов, что особенно бросается в глаза на фоне отчетливо выраженной стратиграфии сооружений.

По всей вероятности, в существенной мере перемещение мусорных куч явилось причиной того, что серия из 16 радиоуглеродных калиброванных дат позволила определить лишь совокупное время бытования этого специфического селища срубной общности по преимуществу в рамках XVII – XV вв. до н.э. или же 1690 – 1390 гг. до н.э. (при 68%-м пороге вероятности). Уловить различия в хронологических диапазонах основных фаз и субфаз нам не удалось.

Организация производства

Мы предполагаем, что первая фаза функционирования Горного была связана с сезонными (по преимуществу летними) посещениями этого холма горняками. В основном они добывали руду, которую, по всей видимости, транспортировали за пределы Каргалинского рудного поля. Пирометаллургические операции, связанные с выплавкой меди, если и имели место на жилом холме, то их масштаб был относительно невелик. То же можно сказать и по поводу отливки здесь медных предметов.

Во второй фазе уже практически все бытовые (жизненные) проявления и различные операции горно-металлургического цикла оказались максимально приближены друг к другу, т.е. все как бы сплетается в единый клубок: повседневный быт – добыча руды – ее обогащение – выплавка меди – отливка и отковка орудий – сакральная жизнь – обменные операции.

На Горном обитали и трудились давно профессионально выделившиеся (видимо, в течение жизни многих поколений) группы горняков и металлургов, чье высокое мастерство не подлежит сомнению. Бытовая и профессиональная обособленность каргалинских аборигенов от прочих (“обычных”) групп оседлых скотоводов срубной культурно-исторической общности также вполне очевидна, и это отразилось едва ли не на всех сторонах бытия. Яркие следы их труда не вызывают ни малейших сомнений в том, что здесь не только добывали руду, но и выплавляли множество меди, а из нее отливали большое число орудий.

Весьма существенное значение имела экологическая ситуация. Степная растительность, исключительно бедная пригодным для топлива лесом, обуславливала жесткий лимит на пирометаллургические операции. Вот почему львиную долю выплавленной на Каргалах меди пускали здесь на изготовление тяжелых горнопроходческих орудий, совершенно необходимых для нормального функционирования горного промысла. Добытая же руда стала, по всей вероятности, объектом активнейших торгово-обменных операций. Косвенное подтверждение этого можно усматривать в несоразмерно малом объеме шлака в слое Горного на фоне гигантского масштаба добычи медных минералов. Очевидно, что медь здесь выплавляли почти исключительно для собственных нужд. На Каргалах всегда была проблема с топливом, и, видимо, поэтому обитатели рудоносных холмов предпочитали экспортировать минералы за пределы центра. Руда (возможно, и некая часть меди) двигалась от рудников только в западном направлении. Значительное число памятников срубной культуры (вплоть до Волги) содержит следы плавки руды, доставленной в эти отдаленные районы, скорее всего, с Каргалинского рудного поля. Восточный же путь торговли по непонятной причине был заказан. Напрашивается наиболее естественное и, по всей вероятности, справедливое объяснение: перед нами бесчисленные следы менового продукта – скота, пригонявшегося на Каргалы в основном за руду и лишь отчасти за металл.

О магии и ритуалах

Множество сторон жизни и труда каргалинских аборигенов остаются для нас труднообъяснимыми на базе рационального подхода. К примеру, вызывает удивление исключительный дискомфорт местных условий труда и быта. Жилые и производственные комплексы находятся на вершине холма, где господствуют ветры – свирепые и студёные зимой или знойные летом, а источник воды находится примерно в 0,5 км от поселения... Подобная ситуация более или менее удовлетворительно может быть объяснена лишь че-

рез призму верований обитателей Горного, подчинявшихся неведомым нам условиям и требованиям высших сил.

Культурный слой Горного буквально забит остеологическим материалом (см. рис. 17). Количество костей домашних животных (в основном коров) превышает 2 250 тыс. экз.! Истребленное здесь когда-то стадо было столь невообразимо огромным, что наш ведущий археозоолог Е.Е. Антипина отвергает возможность регулярного содержания такого количества скота каргалинскими аборигенами, главным занятием которых являлось горное дело и металлургия. Маловероятно, что все это мясо шло исключительно в пищу. Этнографические материалы свидетельствуют о принесении в жертву порой неправдоподобно большого количества скота во время магических ритуалов, сопровождавших горно-металлургические операции. Почти не вызывает сомнения, что, по крайней мере, весьма значительная часть животных умерщвлялась в угоду верованиям каргалинских мастеров.

Под полами комплексов сохранилось множество жертвенных ям, до отказа забитых костями – по преимуществу челюстями коров (рис. 21) и ребрами. Именно кости (а не части туши) укладывали в них при освящении плавильных дворов. Подобные ямы залегали в основании котлованов раскопанных комплексов, и после перекрытия их полами во время перепланировки селища (фаза В) жертвенники уже не были доступны.

Исследованные материалы показывают, что магия проникала буквально во все сферы как повседневного быта, так и особенно труда каргалинских обитателей. Следы магических обрядов на Горном постоянны и многообразны. Культурный слой, к примеру, дал большое количество гадальных костей (см. рис. 18). По всей вероятности, то был совершенно необходимый аксессуар шахтера в его трудных и рискованных подземных поисках руды. Еще более впечатляет сложный лабиринт глубоких и узких канав – весьма специфическая имитация запутанных ходов подземных горных выработок (см. рис. 20), занимавшая значительную площадь к юго-западу от больших жилищно-производственных комплексов (см. рис. 19). В этих извилистых траншеях, по всей вероятности, и совершали свои обряды горняки, заклинавшие невидимых “хозяев” глубоких и коварных каргалинских недр быть к ним милостивыми.

Перечисленным здесь не ограничивается набор зафиксированных на Горном следов магических обрядов. Металл везде и всюду в мире архаичных обществ почитался как материал совершенно особый, достойный религиозного почитания, как дар неких сверхъестественных сил, всегда требовавших строгого соблюдения необычных ритуалов. Верования кар-

галинских горняков и металлургов, без сомнения, были принципиально вполне созвучны с таким мировоззрением*.

Ранний бронзовый век – время открытия Каргалинских рудников

Судя по имеющемуся у нас материалу, открытие Каргалинских рудников и начало их активной эксплуатации связывается с явной скотоводческой культурно-исторической общностью. Ее металлургия в значительной степени определяла облик культур северной зоны обширного ареала этой общности, входившего в Циркумпонтийскую металлургическую провинцию [Chernykh, 1992, p. 54 – 171]. Со временем существования и деятельностью южноуральских групп ранних номадов на Каргалах связывают поисковый (разведывательный) карьер на месте древнего селища Горный**. Длинный (около 45 или 50 м) и глубокий (до 9 м) карьер был заложен древнейшими здесь горняками-разведчиками с целью выявления выходов богатой медной руды в коренном песчанике холма. Тяжелая работа оказалась напрасной – медно-рудные проявления на вскрытом участке были весьма бедными. В результате раскопок этого поискового карьера по образцам из заполнения нор древних грызунов мы смогли получить серию радиоуглеродных дат, ставшую для нас своеобразным репером при определении времени сооружения карьера: оно могло быть только *terminus ante quem* по отношению к периоду появления нор в отвале карьера. Всего получено шесть дат. Основная их группа указывает на 2 700 – 2 100 гг. до н.э. при 68%-м пороге вероятности. Однако характеризующаяся стратиграфически максимально глубоким залеганием проба дала существенно более раннюю дату: 4 000 – 3 600 гг. до н.э. Следовательно, в любом случае радиоуглеродные данные позволяют утверждать, что горняки не могли начать свои поиски на холме Горного позднее IV – III тыс. до н.э.

В определенном отношении еще более показательны результаты исследования могилы молодого мастера. В самом центре Каргалинского рудного поля, в курганном некрополе Першин (см. рис. 2) раскопано погребение 12- или 13-летнего юноши-литейщика (рис. 22), где найдена литейная форма втульчатого топора раннего типа (рис. 23). Для могилы получена раи-

* Поразительно разнообразный и с трудом поддающийся смысловому анализу набор магических ритуалов отмечен, например, у большинства кланов горняков и металлургов в тропической Африке (см.: [Cline, 1937, p. 114 – 140]). Впрочем, вряд ли менее богатой была обрядовая магия и у старинных мастеров Евразии, хотя о ней и сохранилось меньше ярких свидетельств.

** Естественно, что позднебронзового селища на этом холме тогда еще не было.

делями времени ранней и средней бронзы. Кроме того, встречаются находки из “каргалинской” меди и среди инвентаря богатых (“княжеских”) подкурганых погребений того же времени в соседних регионах (могильники Утевка, Тамар-Уткуль VII) [Васильев, 1980, с. 38 – 42, 57; Моргунова, Кравцов, 1994, с. 14 – 17].

Открытие и начавшиеся исследования Каргалинского комплекса весьма существенно изменили наши изначальные представления о характере, масштабах и организации горно-металлургического производства в Великом степном поясе Евразийского континента. Все ключевые звенья этого промысла представили перед нами в новом свете, а связующие их нити оказались намного более сложными. Высветились новые запутанные вопросы и проблемы, ответы на которые можно будет ожидать лишь от будущих изысканий.

Список литературы

- Антипов-2.** Характер рудоносности и современное положение горного, т.е. рудного дела на Урале // Горный журнал. – 1860. – Кн. 1. – С. 3 – 315.
- Аркаим:** Исследования, поиски, открытия / Под ред. Г.Б. Здановича. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1995. – 224 с.
- Аркаим 1987 – 1997:** Библиографический указатель. – Челябинск: Аркаим, 1999. – 120 с.
- Асов А.И.** Атланты, арии, славяне: история и вера. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. – 560 с.
- Васильев И.Б.** Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье // Археология восточноевропейской степи. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1980. – С. 32 – 58.
- Гаряинов В.А., Твердохлебов В.П.** О медистых песчаниках Оренбургского Приуралья // Вопросы геологии Южного Урала и Поволжья. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1964. – Вып. 2. – С. 3 – 23.
- Географический атлас** Оренбургской области / Под ред. А.А. Чибилева. – Оренбург: Кн. изд-во, 1999. – 96 с.
- Ефремов И.А.** Фауна наземных позвоночных в пермских медистых песчаниках Западного Приуралья. – М.: Наука, 1954. – 380 с. – (Тр. Палеонтологического института; Т. 54).
- Зданович Г.Б.** Аркаим – культурный комплекс средней бронзы Южного Зауралья // РА. – 1997. – № 2. – С. 47 – 62.
- Лурье А.М.** Генезис медистых песчаников и сланцев. – М.: Наука, 1988. – 182 с.
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю.** Памятники древнейшей культуры на Илеке. – Екатеринбург: Наука, 1994. – 153 с.
- Мурчисон Р.И., Вернейль Э., Кейзерлинг А.** Геологическое описание Европейской России и хребта Уральского. – СПб.: [Тип. И. Глазунова и К^о], 1849. – Ч. 1. – 540 с.
- Наркелюн Л.Ф., Салихов В.С., Трубочев А.И.** Медистые песчаники и сланцы мира. – М.: Недра, 1983. – 413 с.
- Рычков П.И.** Топография Оренбургской губернии. – Уфа: Китап, 1999 (1-е изд. – 1762 г.). – 312 с.
- Черных Е.Н.** История древнейшей металлургии Восточной Европы. – М.: Наука, 1966. – 144 с.
- Черных Е.Н.** Каргалы: Забытый мир. – М.: Nox, 1997. – 176 с.
- Шнирельман В.А.** Страсти по Аркаиму: арийская идея и национализм // Язык и этнический конфликт / Московский центр Карнеги. – М.: Гендальф, 2001. – С. 58 – 85.
- Chernykh E.N.** Ancient Metallurgy in the USSR: The Early Metal Age. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – 335 p.
- Cline W.** Mining and metallurgy in Negro Africa. – Menasha, Wisconsin: George Banta Publishing Company, 1937. – 151 p.

Материал поступил в редколлегию 25.02.02 г.

УДК 903

А.Д. Цыбиктаров

Бурятский государственный университет,
ул. Смолина, 24а, Улан-Удэ, 670000, Россия
E-mail: hist@bsu.ru

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ НА ЗАРЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА (проблемы этнокультурной истории Монголии и Южного Забайкалья в конце III – начале II тыс. до н.э.)*

Введение

Период энеолита – ранней бронзы на территории Центральной Азии до сих пор остается малоизученным. Первые материалы этого времени были получены Г.П. Сосновским в 20-х гг. XX в. при раскопках Нижнеберезовской стоянки в Южном Забайкалье [Сосновский, 1933], где степная зона Центральной Азии постепенно сменяется тайгой Восточной Сибири. Примерно тогда же в противоположной части Центральной Азии, в Гоби материалы времени позднего неолита – ранней бронзы собрали Р.Ч. Эндрюс, Н. Нельсон, Ф. Бергман и Д. Марингер. В 1949, 1960 гг. гобийские стоянки обследовал А.П. Окладников, который датировал их поздним неолитом [Окладников, 1962а, с. 88 – 89]. В последующее время памятники позднего неолита – ранней бронзы исследовались в Монголии А.П. Окладниковым, А.П. Деревянко, В.В. Волковым, Э.А. Новгородовой, а в Южном Забайкалье – И.И. Кирилловым, Ю.С. Гришиным, Л.Г. Ивашиной, Л.В. Семиной, О.И. Кирилловым.

В.В. Волков и Э.А. Новгорода на основании анализа имеющихся материалов сделали вывод о делении археологической карты Монголии на три зоны: западную, восточную и южную. Западную зону, по их мнению, характеризуют могильники афанасьевского типа Алтан-сандал и Шатар-чулуу, петроглифы и случайные находки, имеющие аналогии в Южной Сибири; восточная представлена лишь одним погребением в Норовлийн-уул, а южная – находками с разветвленных гобийских стоянок [Волков, 1967, с. 11 – 12; 1981,

с. 7; Новгорода, 1989, с. 86 – 87]. В конце 1980-х гг. Э.А. Новгорода, заканчивая обзор известных к тому времени памятников этой эпохи, отмечала, что сделанные выводы носят предположительный характер, дальнейшие раскопки и исследования позволят рассмотреть проблему культурных зон Монголии более фундаментально [Новгорода, 1989, с. 119].

И.И. Кирилловым [1979, 1981; Окладников, Кириллов, 1980; Кириллов И.И., Ковычев, Кириллов О.И., 2000], Ю.С. Гришиным [1975, 1981], Л.Г. Ивашиной [1979, 1983], Л.В. Семиной [1986] и О.И. Кирилловым [1994] в Забайкалье были получены более многочисленные, по сравнению с монгольскими, материалы. Следует особо отметить, во-первых, наличие памятников с хорошо сохранившимися культурными слоями в четких стратиграфических условиях, во-вторых, большее количество погребений и, в-третьих, расположение памятников как в степных, так и в горно-таежных районах края. Перечисленные выше исследователи выделили материалы рассматриваемой эпохи и установили их место в созданных ими региональных периодизациях неолита и бронзового века. Ю.С. Гришин отнес их к будунанскому этапу позднего неолита – ранней бронзы Забайкалья в пределах середины III – середины II тыс. до н.э. [1981, с. 191 – 193], И.И. Кириллов – к этапу ранней бронзы Восточного Забайкалья, синхронному глазковскому времени Прибайкалья (XVIII – XIII вв. до н.э.) [1979, с. 47 – 50; 1981, с. 31 – 33], Л.Г. Ивашина – к “фофановскому этапу энеолита и ранней бронзы” Бурятии (основная часть II тыс. до н.э.) [1979, с. 120 – 122, 124 – 125]. Л.В. Семина памятники раннебронзового времени таежных районов Хэнтэй-Чикойского нагорья датировала XVIII – VIII вв. до н.э.

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 02-01-00400а.

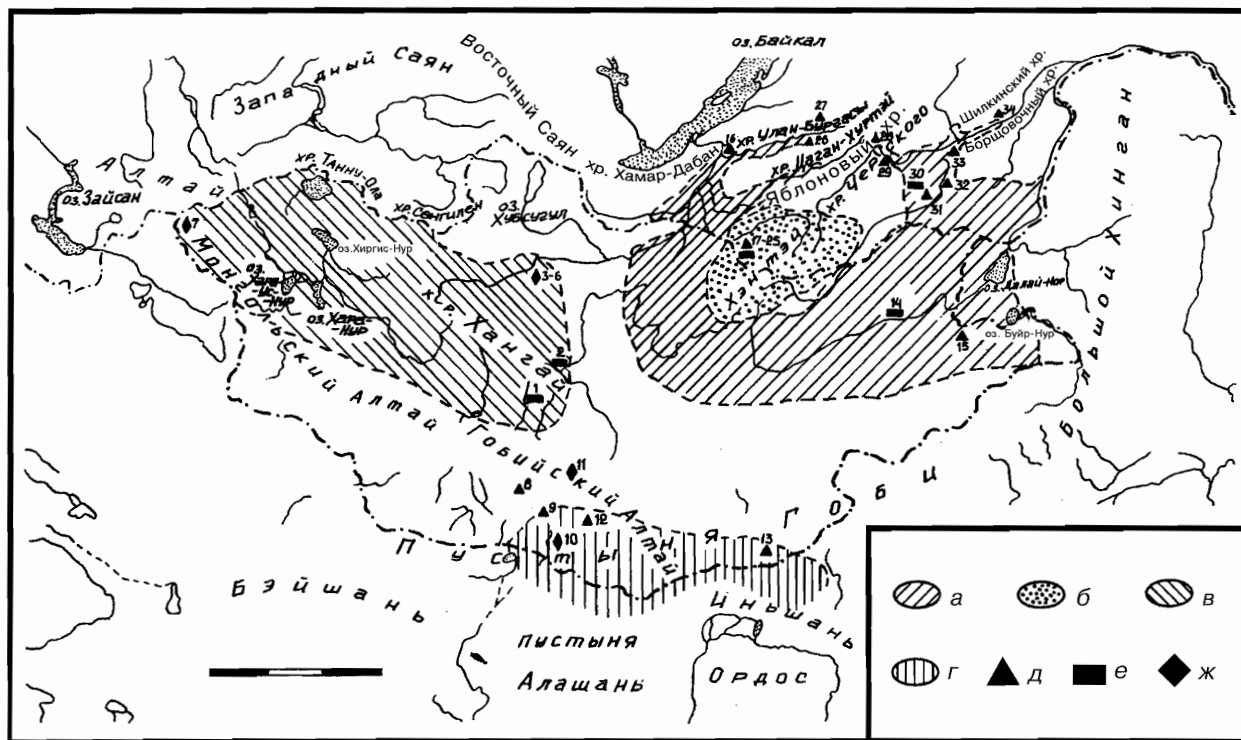

Рис. 1. Культурные области и памятники Центральной Азии эпохи энеолита и ранней бронзы.

1 – Шатар-чулуу, 2 – Алтан-санда, 3 – Чулуут I, 4 – Чулуут II, 5 – Чулуут III, 6 – Чулуут VII, 7 – Цаган-Салаа – Бага-Ойгур, 8 – Зуух I, 9 – Тугригийн-ширэт, 10 – Арабжах, 11 – Тэвш-ула, 12 – Шабарак-усу, 13 – Солонкер-сомон, Суланг-хад, 14 – Норовлийн-уул, 15 – Хуйтын-булак, 16 – Нижняя Березовка, 17 – Усть-Менза I, 18 – Усть-Менза II, 19 – Усть-Менза III, 20 – Усть-Менза V, 21 – Студеное, 22 – Нижняя Еловка, 23 – Алтан, 24 – Егоркина пещера, 25 – Кристинкина пещера, 26 – Кулькисон, 27 – Харга I, 28 – Дворцы, 29 – Жигуржинка, 30 – Озеро Ножий, 31 – Кункур, 32 – Кирочи, 33 – Ишихан, 34 – Молодовск.

а – селенгинско-даурская культура, б – хэнтэйская культура, в – монгольский (центральноазиатский) вариант афанасьевской культуры, г – южная культурная область в гобийских районах, д – поселения, е – могильники, ж – петроглифы.

[1986, с. 7, 10 – 11]. По материалам Восточного Забайкалья О.И. Кириллов выделил этапы энеолита (вторая половина III – начало II тыс. до н.э.) и ранней бронзы (XVIII – XVI вв. до н.э.) [1994, с. 8 – 9].

Таким образом, в настоящее время по начальному периоду бронзового века северной части Центральной Азии, в которую входят Монголия и Южное Забайкалье, накопился достаточно представительный материал. Его анализ позволяет осветить некоторые особенности культурно-исторического развития древнего населения Центральной Азии на заре бронзового века. Основу данной статьи составили материалы 33 памятников – могильников, поселений, петроглифов, нескольких стоянок гобийских районов (рис. 1), а также случайные находки. Они дополняются суммарной характеристикой серии примерно из 100 погребений Восточного Забайкалья [Кириллов О.И., 1994]*.

* См. также: Кириллов О.И. Погребальные памятники эпохи палеометаллов верховьев Амура: Дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1994. – Рукопись (хранится в лаборатории археологии ЧГПУ).

Заканчивая вводную часть, необходимо отметить, что на территории Монголии и Южного Забайкалья период энеолита как отдельный самостоятельный этап бронзового века с характерными для него особенностями (см.: [Энеолит СССР, 1982, с. 7]) изучен весьма слабо. На памятниках начала эпохи палеометалла встречаются как медные, так и бронзовые изделия, вследствие чего очень трудно провести грань между энеолитом и ранней бронзой. По этой причине в настоящее время, видимо, целесообразнее обозначать начальный период использования металла в виде меди и бронзы в разных сферах жизни центральноазиатского населения термином “эпоха раннего металла”.

Культурные области эпохи раннего металла

Период энеолита – ранней бронзы в степных и горно-степных зонах Евразии было временем сложения производящего хозяйства и формирования новых культур. Население этих зон завершило переход к скотоводству и земледелию, освоило металлургию меди и бронзы, в то время как обитатели горно-таежных

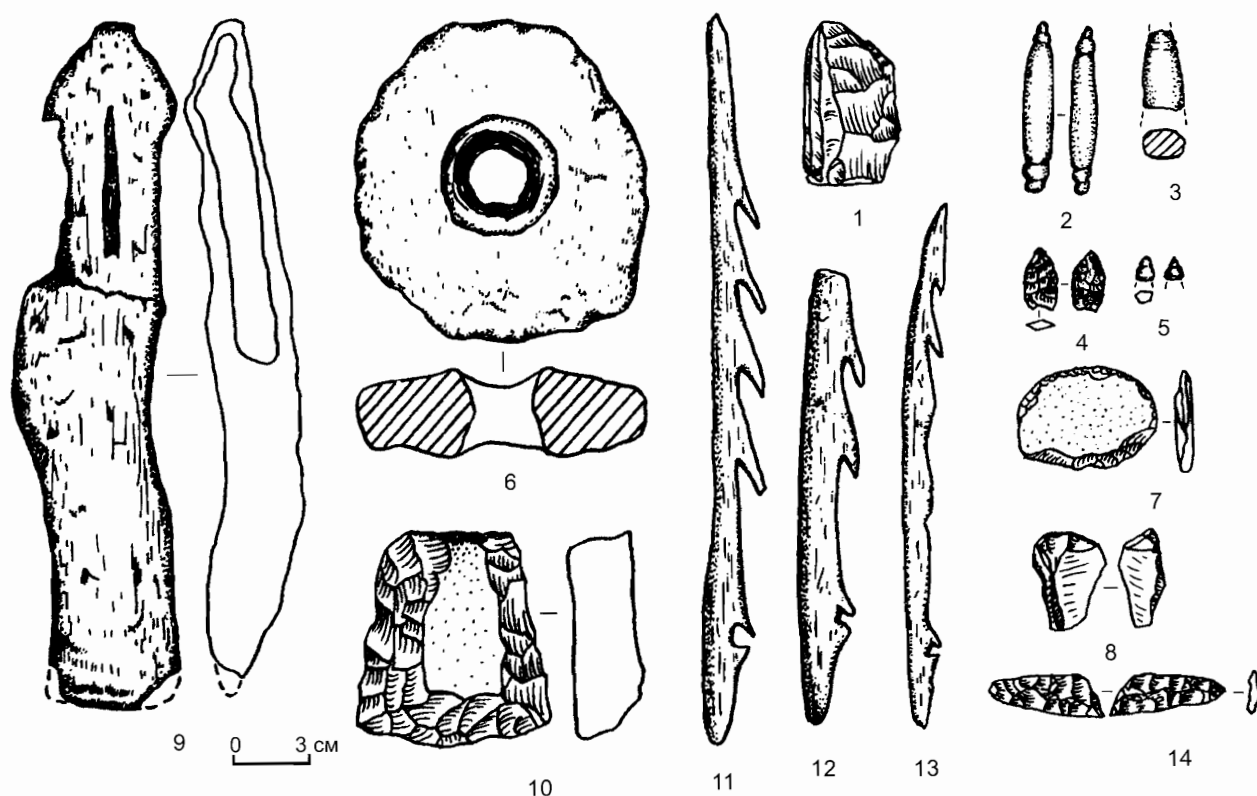

Рис. 2. Инвентарь поселений. Восточная степная культурная область.

1 – нуклеус; 2, 3, 5 – стерженьки рыболовных крючков; 4 – наконечник стрелы; 6 – диск-утяжелитель мотыги (камень); 7 – скребло; 8 – скребок; 9 – мотыга (кость); 10 – тесло громадухинского типа; 11 – 13 – гарпуны; 14 – нож.
1, 11 – 13 – Нижняя Березовка (по: [Сосновский, 1933]); 2, 6, 9 – Дворцы (по: [Кириллов И.И., 1979]); 10 – Жигуржинка I (по: [Кириллов И.И., Ковычев, Кириллов О.И., 2000]); 3 – 5, 7, 8, 14 – Харга I (по: [Ивашина, 1983]).

районов оставались охотниками, рыбаками, собирателями и сохраняли во многом неолитический уклад и образ жизни. Эти общие закономерности в полной мере проявились в облике культур населения горно-степных и горно-таежных районов Монголии и Южного Забайкалья. В эпоху раннего металла здесь складываются четыре культурные области (см. рис. 1): 1) восточная степная (Восточная Монголия и Южное Забайкалье); 2) восточная лесная (Восточная Монголия и Южное Забайкалье); 3) западная (Западная Монголия); 4) южная (гобийские районы Монголии и Северного Китая). Каждая из них имеет особенности в характере памятников, материалов, общем облике культуры и направлении культурно-исторических связей.

Восточная степная культурная область занимала степные и лесостепные районы Южного Забайкалья и Восточной Монголии. Наряду со стоянками дюнного типа она представлена серией поселений с хорошо сохранившимися культурными слоями: Нижняя Березовка (нижний слой), Кулькисон, Харга I, Дворцы, Ишахан (слой 2), Молодовск (слой 1), Жигуржинка (слой 4), Кункур-1, Антипиха (слой 1), Кирочи, поселение у оз. Хуйтын-Булак. Выявлен и ряд одновременных им могильников: Норовлийн-уул, Озеро Ножий (см. рис. 1).

Культурные слои поселений мощностью до 30 – 50 см свидетельствуют об оседлом образе жизни. Они содержали разнообразные артефакты из камня и кости, керамику, большое количество костей животных. Каменный и костяной инвентарь включал наконечники стрел, дротиков, скребки, вкладыши, проколки, скребла, ножевидные пластины, микроострия, резцы, стерженьки составных рыболовных крючков, заготовки блесны в форме рыбки, крупные рубящие орудия, молот-отбойник, плоские плитки, песты-терочники, роговые гарпуны с односторонне расположенными зубцами, острия, шилья, иглы, основы вкладышевых орудий (рис. 2) [Сосновский, 1933, с. 212, рис. 1; Деревянко, Окладников, 1969, с. 155 – 156; Деревянко, 1986, с. 245; История..., 1986, с. 78; Кириллов И.И., 1979, с. 35 – 37; 1988, с. 7, 12 – 13; Ивашина, 1979, с. 60, 64, 69, 71, рис. 42 – 44, 47 – 49, табл. 1; 1983, с. 47 – 52, 54 – 55, 58; Кириллов И.И., Ковычев, Кириллов О.И., 2000, с. 31].

Глиняная посуда изготавливалась методом выколачивания с помощью лопаточки, обмотанной нитью или пучком травы. В это время появляются толстостенные сосуды более сложной профилировки с отогнутым наружу округлым венчиком и плоским

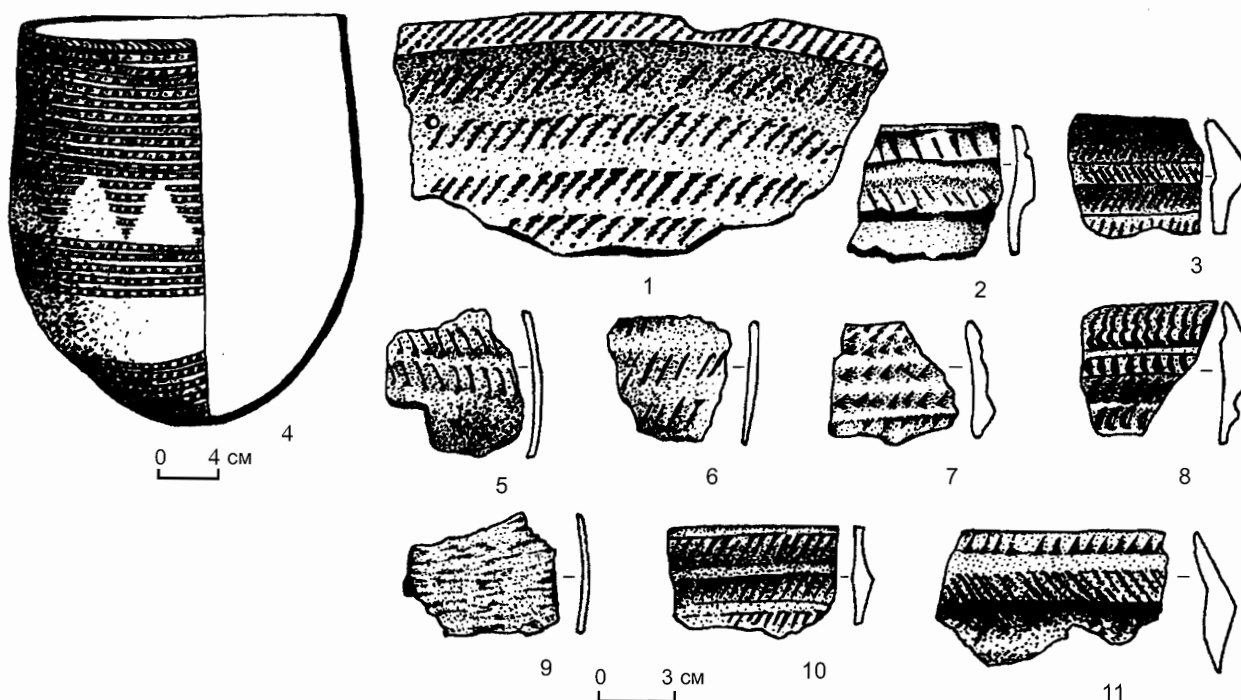

Рис. 3. Керамика. Восточная степная культурная область.

1 – Нижняя Березовка (по: [Сосновский, 1933]); 2, 5 – 7, 9, 11 – Харга I (по: [Ивашина, 1983]); 3, 8, 10 – Дворцы (по: [Кириллов И.И., 1979]); 4 – Жигуржинка I (по: [Кириллов И.И., Ковычев, Кириллов О.И., 2000]).

дном. Нередко венчики имеют треугольные утолщения-карнизики. В орнаментации появляются простейшие геометрические узоры в виде треугольников, взаимопроникающих фигур. Но чаще наносились горизонтальные полосы. Орнамент выполнялся в накольчатой, отступающей и прочерченной технике. Орнаментировалась в основном верхняя часть сосудов, но иногда – вся поверхность и внутренняя сторона венчиков. Появляются накладные валики, рассеченные разными штампами, пояски жемчужин (рис. 3) [Сосновский, 1933, с. 210 – 212, табл. I, 2; Окладников, 1952, с. 45; Кириллов И.И., 1979, с. 35 – 38; 1981, с. 33; 1988, с. 7 – 8, 13 – 14; Ивашина, 1979, с. 59 – 61, 64 – 66, рис. 45, 50, 51; 1983, с. 46 – 57; Кириллов И.И., Ковычев, Кириллов О.И., 2000, с. 30 – 31].

Костные остатки принадлежали рыбам (карась, плотва, окунь, щука), диким (косуля, лось, благородный олень (марал), кабан, сайга, заяц, утка и гусь) и домашним (лошадь, корова, длиннорогий бык, овца) животным [Сосновский, 1933, с. 212; Окладников, 1951, с. 446; 1952, с. 45; Рыгдылон, 1950, с. 28; Кириллов И.И., 1979, с. 36; 1988, с. 8; Ивашина, 1979, с. 64, 133; 1983, с. 54, 57 – 59; Кириллов И.И., Ковычев, Кириллов О.И., 2000, с. 30]. Преобладание костей диких животных и рыб над костями домашних животных, захоронения собак, орудия охоты и рыболовства свидетельствуют о том, что при-

сваивающие виды хозяйства по-прежнему играли значительную роль, скотоводство и, возможно, земледелие еще не стали основой хозяйства обитателей степей и лесостепей Южного Забайкалья и Восточной Монголии этого времени. Мотыгообразные орудия, каменные кольца-утяжелители из Дворцов (см. рис. 2, 6, 9), Кирочей, Баин-Булака, Ишахана [Кириллов И.И., 1979, с. 36; 1981, с. 32; 1988, с. 7, рис. 1, 22, 23; Окладников, Кириллов, 1980, с. 164 – 166], погребений Приаргунья [Асеев, 1997, с. 23]*, Нижнеберезовского поселения [Сосновский, 1933, с. 212]** интерпретируются исследователями как земледельческие орудия.

В жизнь обитателей стоянок Забайкалья и Восточной Монголии в это время впервые входит металл – медь и бронза. Свидетельствами не только знакомства с металлом, но и начала его выплавки являются как отдельные изделия, так и медно-бронзовые шлаки и капельки металла. В Дворцах были найдены куски медно-бронзового шлака и два фрагмента металлических изделий,

* См. также: **Кириллов О.И.** Погребальные памятники эпохи палеометаллов верховьев Амура: Дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1994. – С. 47. – Рукопись.

** См. также: **Сосновский Г.П.** Энеолит Селенгинской Даурии. – Архив ИИМК РАН. Архив Г.П. Сосновского. Ф-42, № 164, л. 5.

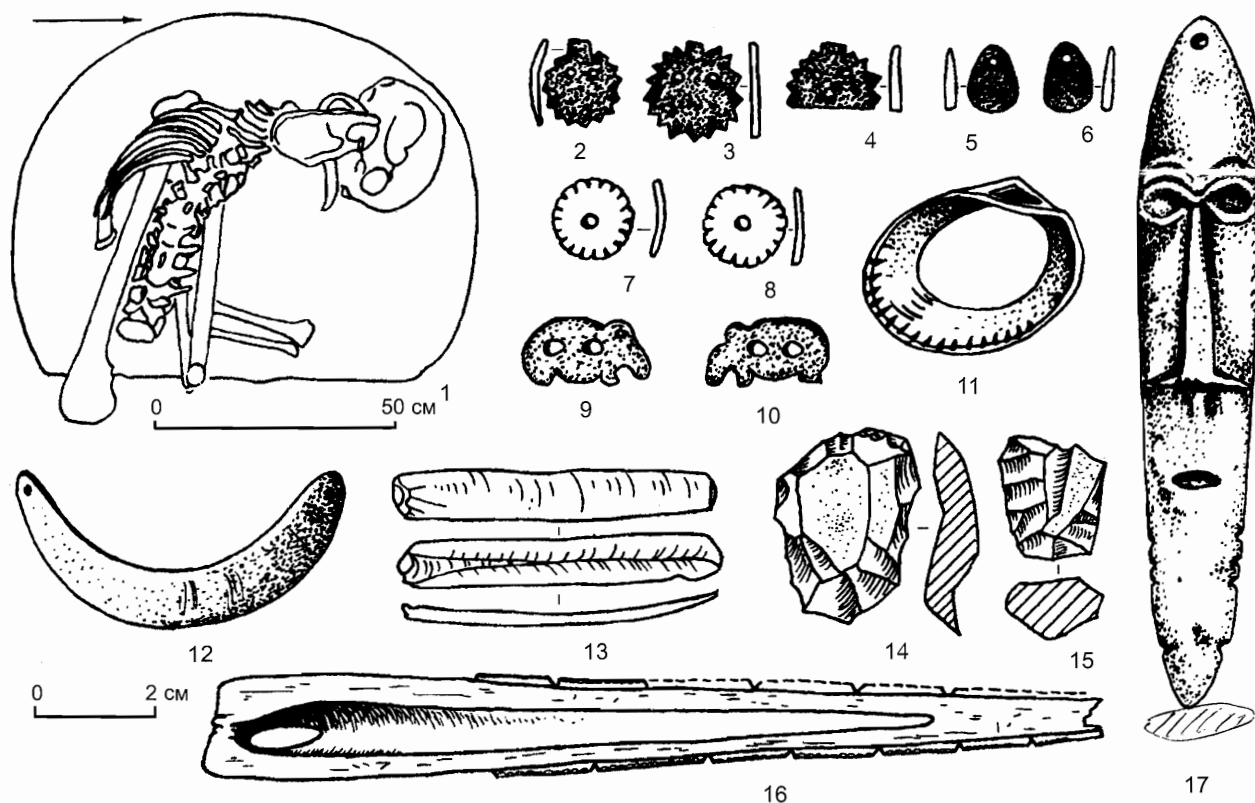

Рис. 4. План захоронения и инвентарь энеолитического погребения. Норовлийн-уул. Монголия.

Восточная степная культурная область.

1 – по: [Волков, 1975], 2 – 17 – по: [Новгородова, 1989; Novgorodova, 1980].

в Молодовске – медный рыболовный крючок, в Антипихе – четырехгранное шило, в Ишахане и Кирочах – фрагменты медно-бронзовых изделий, на последнем памятнике – еще и фрагменты глиняных льячек [Кириллов И.И., 1979, с. 36; 1981, с. 32; 1988, с. 7, 14], в Кулькисоне – обломок бронзового (медного?) кольца [Ивашина, 1983, с. 51, 60], в Харге I – два фрагмента бронзовой бусины-пронизки [Ивашина, 1979, с. 64; 1983, с. 54, 60]. В Хуйтын-Булаке у некоторых очагов обнаружены шлаки с капельками запекшейся меди [Дорж, 1971, с. 77].

Использование изделий из металла обусловило изменение отношения к камню. По данным И.И. Кириллова, в это время наблюдается кризис техники торцового нуклеуса и пластинчатой индустрии, сокращается количество дополнительно обработанных пластин, из которых до 45 – 50% составляют вкладные лезвия с краевой ретушью. Соответственно возрастает число отщепов и колотых галек, удельный вес орудий из них. Крупные орудия представлены теслами, скреблами дисковидной формы, грузилами, отбойниками, пестами, мотыгами [Кириллов И.И., 1979, с. 36 – 37; 1981, с. 27, 33; 1988, с. 6 – 7, 12 – 13].

Погребальные комплексы эпохи раннего металла Восточной Монголии и Южного Забайкалья представ-

лены несколькими типами захоронений. Первый во многом сохраняет неолитические традиции. Наиболее ярким из этих памятников является погребение в Норовлийн-уул (рис. 4) (описание см.: [Волков, 1975; Новгородова, 1989, с. 78 – 80]). В нем сочетаются черты, свойственные как неолитическим погребениям Восточной Монголии и Восточного Забайкалья (сидячая поза умершего, устройство могильной ямы в виде углубления-шахты, отсутствие внешних признаков над захоронением, обильное присутствие охры), так и энеолитическим (более богатый и разнообразный инвентарь, его типологическая близость к некоторым энеолитическим изделиям). К этому же типу относится выделяемая О.И. Кирилловым аргунская группа энеолитических погребений Восточного Забайкалья*.

Второй тип отличается каменными выкладками длиной до 4 – 6 м. В могильных ямах глубиной до 1 м захоронения производились на боку или спине с согнутыми в коленях ногами, изредка в вытянутом по-

* Кириллов О.И. Погребальные памятники эпохи палеометаллов верховьев Амура: Дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1994. – С. 44 – 48. – Рукопись.

ложении на спине. Охра использовалась, но не часто*. Происходит переход к ориентировке погребений по линии запад – восток. В инвентаре появляются полушарные пуговицы и столбчатые подвески из раковин, миндалевидные подвески из минералов, послужившие основой для аналогичных изделий из бронзы. Каменный инвентарь по-прежнему преобладает, но резко сокращается его ассортимент. Бронзовые вещи немногочисленны (черешковые ножи, пронизки, пуговицы, нашивные восьмерковидные накладки из листовой меди). Керамика сильно фрагментирована. Появляются плоскодонные сосуды баночной формы, встречаются триподы небольших размеров**.

Третий тип представлен погребениями у оз. Ножий. Для него характерны кладки прямоугольной в плане формы, ориентированные длинными осями по линии восток – запад, их толщина 40 – 70 см, длина до 6 – 7 м. Неглубокие могильные ямы (до 45 см) имели перекрытие из плит, положенных поперек них. Умершие были погребены в вытянутом положении на спине, головой на восток. Присутствует охра. Инвентарь представлен различными по форме и размерам бусинами из сердолика, агата, пирофиллита, кости и большой круглой подвеской. В одной из кладок были найдены нижняя челюсть лошади и мелкие кости животных. Керамика отсутствовала [Окладников, Кириллов 1980].

Охарактеризованные три типа погребений Южного Забайкалья и Восточной Монголии времени раннего металла, по нашему мнению, показывают эволюцию от неолитических захоронений (с погребенными в сидячем, полусидячем или сильно скорченном положении), слабо или практически не обозначенных на поверхности (см.: [Деревянко, Окладников, 1969, с. 152 – 153, рис. 3, 4; Окладников, Деревянко, 1970, с. 8, рис. 3; Дорж, 1971, с. 44 – 45; Кириллов, Верхотуров, 1985]), к погребениям с невысокими овальными кладками курганного типа, а затем прямоугольными кладками толщиной до 70 см. В целом они отражают, видимо, развитие погребального обряда на протяжении этого времени, сопряженное, как нам представляется, с процессом утверждения производящего хозяйства. В эпоху ранней бронзы скотоводство постепенно становится, вероятно, одной из главных отраслей хозяйства населения степей Восточной Монголии и Забайкалья.

Погребения под овальными многоярными кладками и особенно под прямоугольными кладками у оз. Ножий свидетельствуют о принципиальной смене, по сравнению с неолитическим временем, концепции погребального обряда у степного населения Монголии

и Южного Забайкалья в эпоху энеолита и ранней бронзы. Сидячее или сильно скорченное положение и различная ориентировка погребенных, характерные для неолитической эпохи (см.: [Деревянко, Окладников, 1969, с. 152 – 153, рис. 3, 4; Окладников, Деревянко, 1970, с. 8, рис. 3; Дорж, 1971, с. 44 – 45; Ивашина, 1979, с. 103 – 106; Окладников, Кириллов, 1980, с. 111 – 119; Кириллов, Верхотуров, 1985]), сменяются вытянутым положением на спине и ориентировкой погребенных головой на восток. Появляется такая особенность, как использование домашних животных в погребальном обряде. Если в неолите могилы на поверхности не обозначались или над ними располагались неплотные каменные выкладки, которые быстро задерновывались, то раннебронзовые могилы перекрываются поперечно лежащими плитами и над захоронениями устанавливаются достаточно мощные кладки подпрямоугольной формы, хорошо видимые издали на фоне степного ландшафта. Они как бы обозначают право владения скотоводов пастбищами в местах расположения родовых и семейных могильников.

Эти новации были связаны с процессом утверждения производящего хозяйства. Они свидетельствуют о формировании новых особенностей в культуре населения степных и лесостепных районов Южного Забайкалья и Восточной Монголии с вхождением в эпоху металла. К сожалению, никто из отечественных или монгольских исследователей специально не занимался вопросами культурно-хронологического соотношения западно-, восточнозabayкальских и восточномонгольских памятников рассматриваемого времени с целью объединения их в одну культуру или, наоборот, разделения на разные культурные комплексы. Не вводилось и специального названия для обозначения культуры населения этих трех частей, по сути, одной культурно-исторической области.

И.И. Кириллов, характеризуя период ранней бронзы Восточного Забайкалья, отметил, что памятники типа Дворцов располагаются в зоне ононской культуры неолита и указывают на ее сохранение в эпоху палеометалла [1981, с. 32; 1988, с. 13]. Его поддержал О.И. Кириллов при обобщении материалов этого времени [1994, с. 9]. Однако вряд ли можно признать удачным сохранение для обозначения памятников совершенно новой эпохи наименования культуры предшествующего времени. Материалы Западного Забайкалья Л.Г. Ивашина определила как “фофановский этап энеолита и ранней бронзы” [Ивашина, 1979, с. 124 – 125, 157]. Д. Дорж [1971] и Д. Наваан [1975] при анализе памятников неолита и бронзы Восточной Монголии акцентированного внимания комплексам раннебронзового времени не уделяли.

Вышеприведенная сводка материалов памятников степных и лесостепных зон Забайкалья и Восточной Монголии показывает, как нам представляется, зна-

* Кириллов О.И. Погребальные памятники... – С. 34 – 35, 39 – 42, 44 – 45.

** Там же. – С. 51.

чительную степень близости каменного, костяного инвентаря и, что особенно важно, керамики (в технологии ее изготовления, технике нанесения и композиционном построении орнамента) населения данных районов. Это свидетельствует об их принадлежности если не к одной культуре, то к одной культурно-исторической области, внутри которой существовали локальные варианты. В территориальном отношении она охватывала обширные степные и лесостепные районы в бассейне среднего течения Селенги, междуречье Шилки и Аргуни, бассейне р. Онон и в Восточной Монголии. Южные степные районы Забайкалья с давних времен известны под названием Даурия. Предлагаем для восточной степной культурной области времени раннего металла использовать название “селенгинско-даурская культура или культурно-историческая общность”. Оно объединяет территории Монголии и Южного Забайкалья, поэтому будет приемлемо для археологов как России, так и Монголии и позволит избежать двойного обозначения этой культуры или культурно-исторической общности, как это нередко случается*.

Восточная лесная культурная область охватывала горно-таежные районы Южного Забайкалья и Восточной Монголии. Культура таежного населения эпохи раннего металла представлена материалами поселений Усть-Менза I (три горизонта), II, III (по одному), Студеное, Нижняя Еловка (также по одному), Алтана (пять горизонтов), комплексом Егоркиной пещеры и несколькими захоронениями из Усть-Мензы III и V (см. рис. 1). Из металлических изделий здесь найдены только бронзовые предметы (см.: [Константинов, Семина, 1980; Семина, 1983, 1985, 1986; Семина, Пинскер, 1988; Базарова, Васильев, Конюхов, 1986; Родникова, Селин, 1986; Сухопарова, Непомнящий, Семина, 1990]).

В лесных районах в эпоху ранней бронзы жило население, которое, судя по материалам раскопок в Чикойско-Мензенской провинции на севере Хэнтэйской горной системы, несмотря на знакомство с металлом, по-прежнему во многом сохраняло неолитический уклад и образ жизни (присваивающее хозяйство: охота, рыболовство и собирательство). Появление здесь металла (бронзы) относится примерно к началу II тыс. до н.э. Следы выплавки металлов (кусочек окисленной медной руды, кусочки шлака, капельки бронзы, яма для обжига древесного угля)

и металлообработки (фрагменты литейных форм) указывают на зарождение очага бронзовой металлургии, основанного на эксплуатации местной сырьевой базы [Семина, 1986, с. 12; Семина, Пинскер, 1988]*. Однако металлические орудия лишь в незначительной степени потеснили камень, который по-прежнему играл ведущую роль в сфере производства в рассматриваемое время [Семина, 1986, с. 10; Константинов, Семина, 1980, с. 102, 104; Сухопарова и др., 1990, с. 188 – 189]**. Поэтому можно полагать, что в эпоху раннего металла в горно-таежных районах Южного Забайкалья и Северной Монголии металлургия бронзы не получила широкого распространения и развития.

В технике обработки камня, наборе орудий сохраняются все достижения неолитического времени. Однако с вступлением в новую, палеометаллическую, эпоху сокращается количество изделий на пластинах, хотя по-прежнему ведущая роль остается за ними, и, соответственно, увеличивается число орудий на отщепках [Константинов, Семина, 1980, с. 98 – 102; Семина, 1984, с. 129 – 130; 1986, с. 10 – 11; Сухопарова, Непомнящий, Семина, 1990, с. 189].

Глиняная посуда изготавливалась техникой выколачивания колотушкой, обмотанной нитями. Но появляется стремление к заглаживанию и легкому лощению поверхности сосудов. Венчики стали слегка отгибаться наружу, обозначая зону шейки. Используется овальное оформление среза венчика или дополнение карнизиками. Появляется плоскодонная посуда. Более разнообразной и богатой становится орнаментация. Орнамент покрывает зону венчика и тулова, а иногда и доньшко. Украшается внутренняя сторона венчика и его торец. Орнаментальные пояса располагаются в линию, чередуясь со свободными участками, или под углом друг к другу. Орнамент наносится в накольчатой, отступающей, прочерченной технике (рис. 5) [Семина, 1985, с. 113 – 119; 1986, с. 11; Семина, Пинскер, 1988, с. 68].

В погребальном обряде лесных жителей Хэнтэй-Чикойского нагорья, судя по погребениям из Усть-Мензы III и V, сохранялись типично неолитические черты. В могилы помещался невыразительный инвентарь, или он отсутствовал вообще, обильно использовалась охра, умерших укладывали в сильно скорченном положении. Но вместе с тем появляются и новые черты: каменные надмогильные выкладки, сравнительно большие размеры могильных ям, ориентировка погребений по линии запад – восток (рис. 6) [Родникова, Селин, 1986; Базарова, Васильев, Конюхов, 1986].

* В качестве примеров можно привести ононскую неолитическую культуру Восточного Забайкалья и ее аналог – тамцаг-булакскую Восточной Монголии; уюкскую скифского времени в Туве и ее аналог – чандманьскую на сопредельной территории Монголии. В свое время Г.Ф. Дебец предложил термин “даурская” для обозначения культуры неолитической эпохи в Южном Забайкалье. Однако он не прижился.

* См. также: Семина Л.В. Эпоха неолита и палеометалла Юго-Западного Забайкалья: Дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1986. – С. 156. – Рукопись (хранится в лаборатории палеоэкологии и археологии ЧГПУ).

** См. также: Там же. – С. 154.

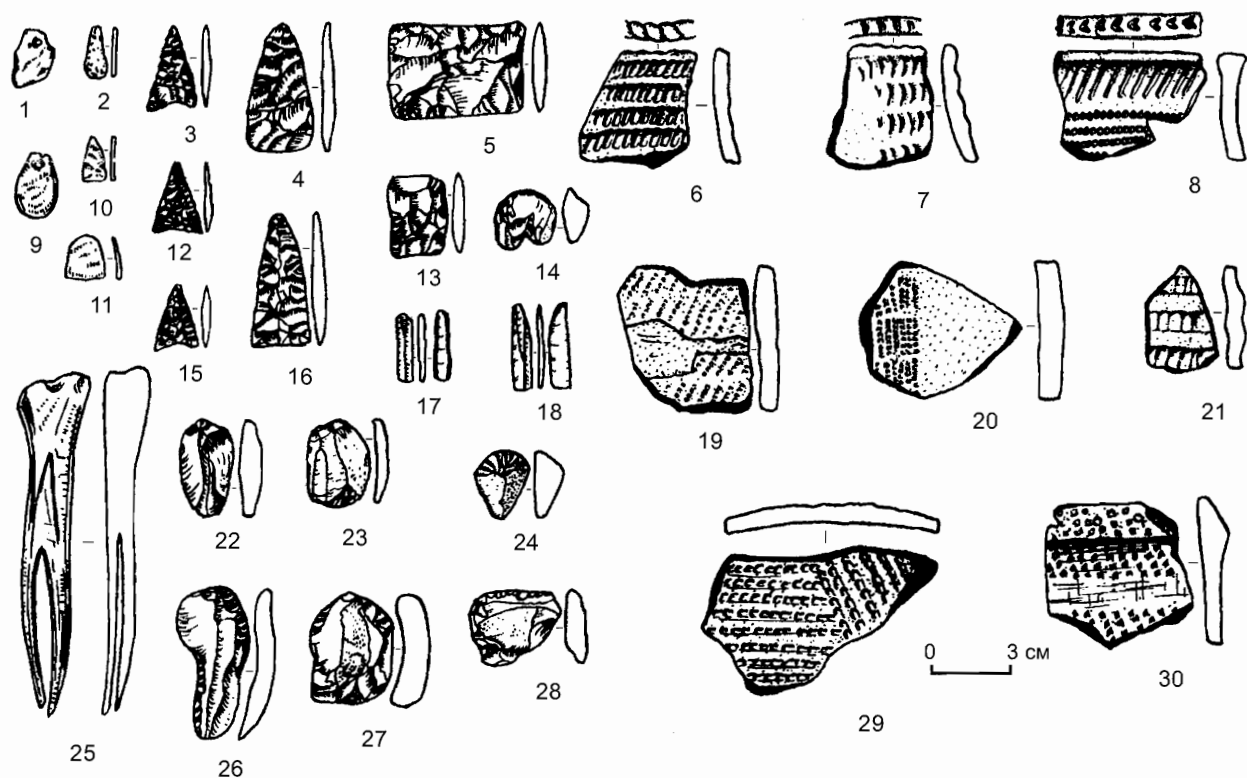

Рис. 5. Инвентарь памятников (по: [Семина, 1983, 1985]). Восточная лесная культурная область.

1, 9 – подвески; 2, 10 – бронзовые наконечники стрел; 3, 4, 11, 12, 15, 16 – каменные наконечники стрел; 5, 13 – вкладыши; 6 – 8, 19 – 21, 29, 30 – керамика; 14, 22 – 24, 26 – 28 – скребки; 17, 18 – ножевидные пластины; 25 – вязальный инструмент. 1 – 5, 9 – 18, 22 – 28 – Кристинкина пещера; 6, 8, 21 – Усть-Менза I; 7, 19, 20, 29 – Усть-Менза II; 30 – Егоркина пещера.

Археологическая культура бронзового века Хэнтэй-Чикойского нагорья, выделенная Л.В. Семиной [1986, с. 14], до сих пор не имеет названия. Предлагаем именовать ее хэнтэйской по названию горной системы, расположенной и в Забайкалье, и в Монголии, что, как и в случае с селенгинско-даурской культурой, позволит избежать двойного обозначения одной и той же археологической культуры российскими и монгольскими археологами.

В целом в лесных и степных районах Южного Забайкалья и Восточной Монголии в эпоху раннего металла проживало монголоидное население, в материальной культуре которого прослеживался ряд общих черт. Они проявлялись в технике изготовления керамики и ее орнаментации, а также в некоторых типах каменного и костяного инвентаря. Однако это население не было единым в этнокультурном отношении, на что указывают различия в погребальном обряде. Захоронения степных жителей, как показано выше, существенно отличаются от неолитических. Редкие же погребения в таежных районах, напротив, сохраняют во многом неолитические черты. Это означает, что развитие культур данных групп населения пошло разными путями. Причины заклю-

чались, вне всякого сомнения, в формировании уклада скотоводов и земледельцев у жителей степей и сохранении присваивающего хозяйства у обитателей таежной зоны. Лесные охотники и рыболовы продолжали совершенствовать прежние формы адаптации к окружающей среде, а жители степей вырабатывали новые, осваивая скотоводство и, возможно, земледелие. Большое значение имели изменения в природной обстановке, происходившие в конце III – начале II тыс. до н.э. В это время на территории Забайкалья и Монголии шел процесс аридизации климата [Виппер и др., 1978, с. 21 – 22; 1981; 1989, с. 164 – 165; Динесман и др., 1989, с. 198 – 199, рис. 1, 7], сыгравший, в конечном итоге, решающую роль в утверждении скотоводческого направления в производящем хозяйстве степного населения к эпохе развитой и поздней бронзы. Изменения в хозяйственной сфере вызывали появление новых черт в материальной культуре и погребальном обряде. Постепенно различия в материальной и духовной культуре степного и лесного населения Южного Забайкалья и Восточной Монголии начинают, по всей видимости, приобретать этнокультурный характер.

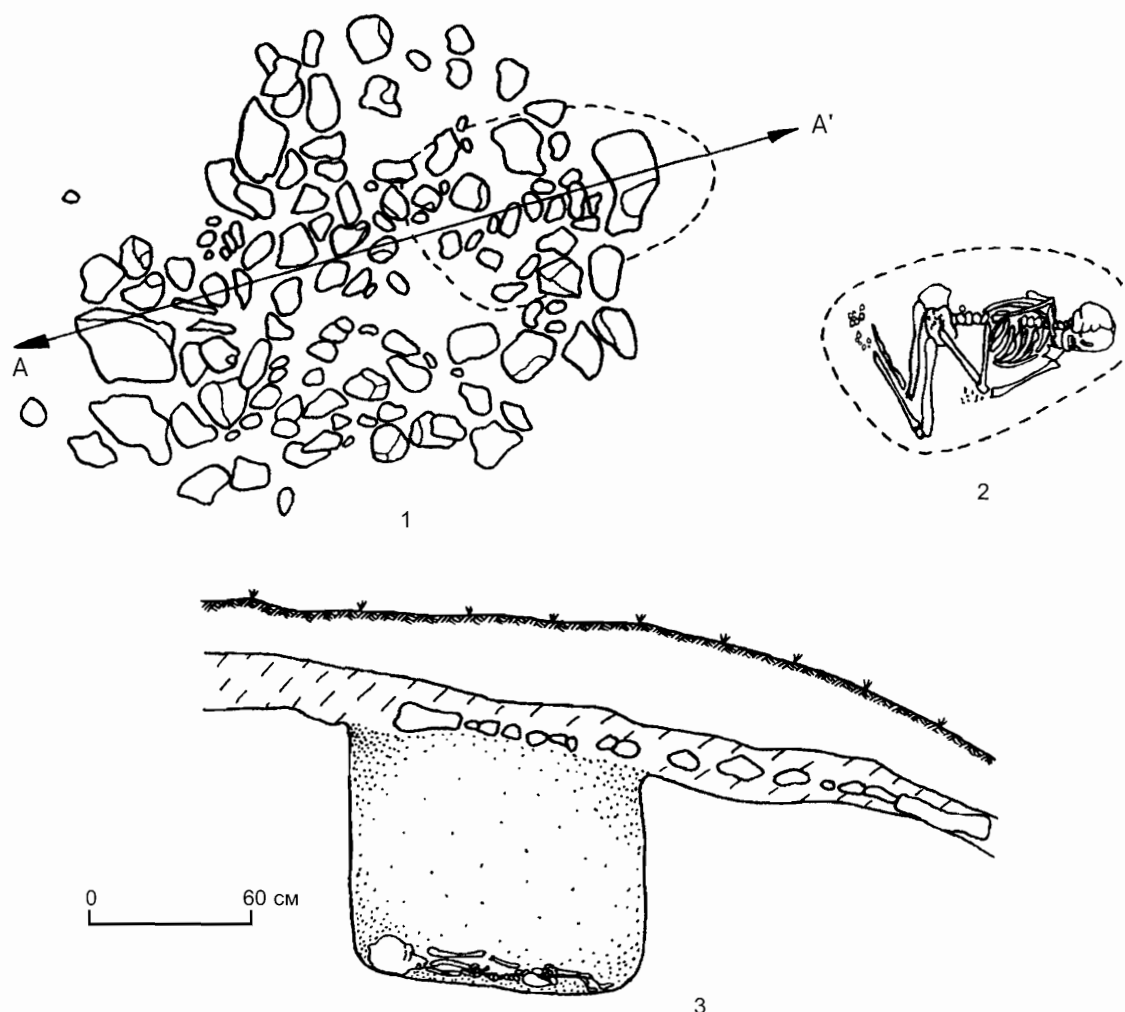

Рис. 6. Погребение бронзового века (по: [Родникова, Селин, 1986]). Усть-Менза V. Восточная лесная культурная область.
1 – кладка над могилой; 2 – костяк; 3 – разрез по линии А – А'.

С нашим предположением о существовании различий этнокультурного характера между населением степной и лесной зон рассматриваемой части Монголии и Забайкалья согласуются материалы петроглифов [Окладников, Запорожская, 1970, с. 129 – 132; Окладников, 1981а, с. 6, 69; Мазин, 1988, 1994]. В типологическом и хронологическом отношении они лучше изучены в верховьях Амура и Восточном Забайкалье благодаря исследованиям А.И. Мазина, который выделил в наскальной живописи времени неолита и бронзы на этой территории резко различающиеся между собой по стилистическим особенностям и тематике “таежные” петроглифы лесной зоны и “степные” – лесостепной [1988, с. 21; 1994, с. 81]. В “таежных” преобладают охотничьи и оленеводческие сюжеты [Мазин, 1988, с. 22 – 23, 28, 33, 36; 1994, с. 83, 95], для “степных” характерны изображения антропоморфных фигурок, оградок, заполненных пятна-

ми, и систематизированные ряды пятен. Петроглифам второй группы автор находит аналогии в степных районах бассейна Селенги в Западном Забайкалье и Северной Монголии [Мазин, 1988, с. 25 – 26, 33, 36; 1994, с. 94]. Жертовники в виде плиточных оградок, располагавшиеся рядом с наскальными изображениями “степного стиля”, наряду с другими находками содержали кости домашних животных – челюсти коровы, овцы, лошади [Мазин, 1988, с. 12; 1994, с. 73].

Вне всякого сомнения, петроглифы “степного стиля” (по А.И. Мазину) или “селенгинского типа” (по А.П. Окладникову [Окладников, Запорожская, 1969, 1970]) связаны именно с производящим хозяйством, которое появилось в период развитого неолита в среде носителей ононской культуры [Кириллов И.И., 1981, с. 23 – 26, 30], а окончательно утвердилось в течение первой половины II тыс. до н.э. К середине этого тысячелетия скотоводство уже иг-

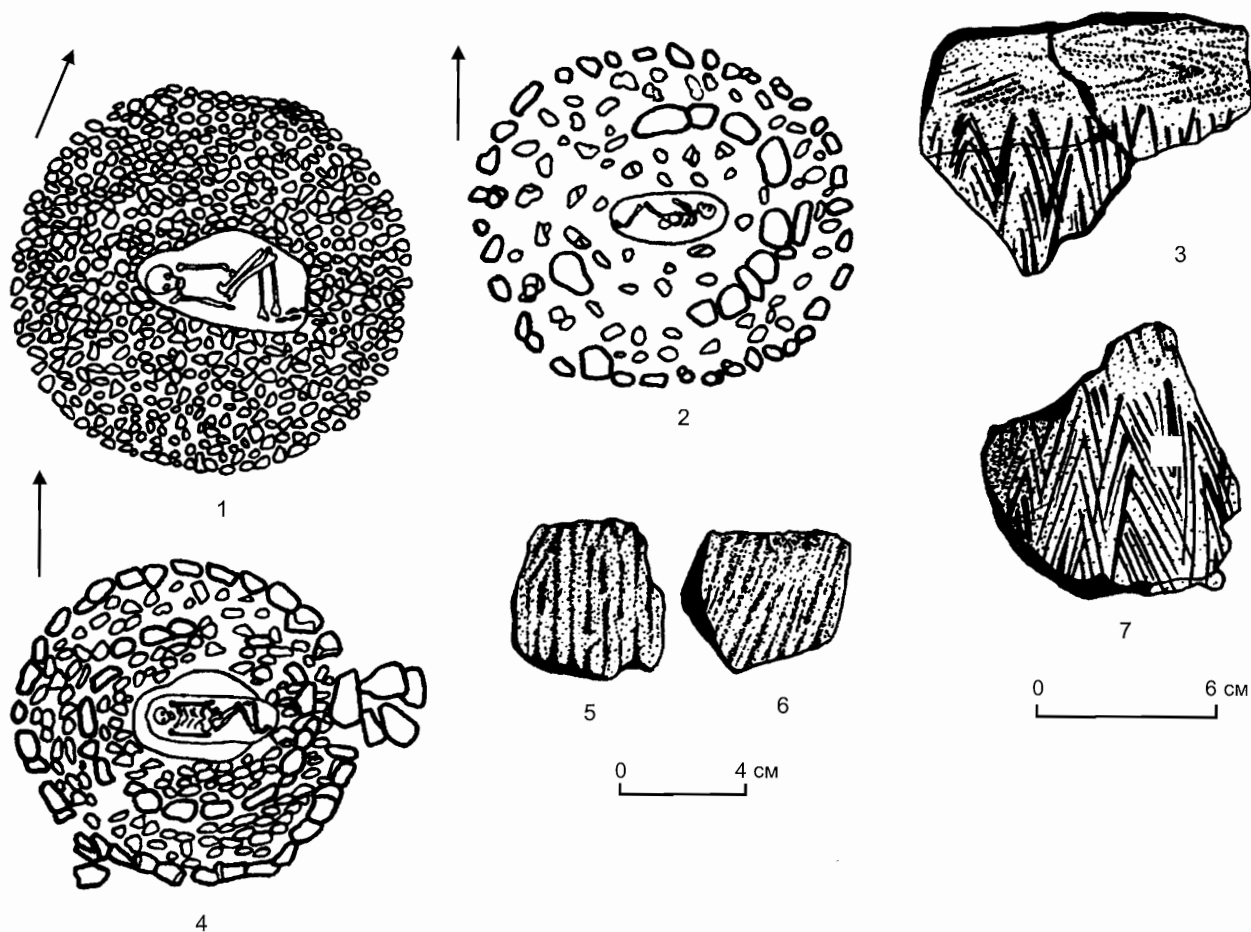

Рис. 7. Планы курганов афанасьевского типа могильников Алтан-санда, Шатар-чулуу и керамика из них.

Западная культурная область.

1 – Алтан-санда, кург. 3; 2, 5, 6 – Шатар-чулуу, кург. 1; 3, 4, 7 – Шатар-чулуу, кург. 3.

1, 2, 4 – по: [Новгородова, 1989], 3, 5 – 7 – рисунки автора.

рало ведущую роль в хозяйстве степного населения [Цыбиктаров, 1999, с. 95 – 97, 99]. Таким образом, создателями петроглифов “степного стиля” могли быть группы степного и лесостепного населения Южного Забайкалья и прилегающих районов Монголии, связанного с производящим хозяйством, в т. ч. эпохи раннего металла.

Совершенно иной облик по сравнению с южнозabayкальскими и восточномонгольскими имеют памятники Западной Монголии времени энеолита и ранней бронзы, которые представляют западную культурную область. Каменно-земляные курганы могильников Алтан-санда в Ара-Хангайском аймаке и Шатар-чулуу в Баян-Хонгорском содержали захоронения людей европеоидного типа, погребенных на спине с согнутыми в коленях ногами в неглубоких могильных ямах. Костяки были окрашены охрой. Инвентарь в могилах отсутствовал. Немногочисленные находки были обнаружены между камнями кладок (рис. 7). Принадлежность курганов к памятникам афанась-

евского типа, отмеченная В.В. Волковым [1980] и Э.А. Новгородовой [1989, с. 81 – 84], ни у кого не вызвала возражений. К афанасьевскому типу европеоидной расы относились и черепа из них [Мамонова, 1980, с. 73; Тумэн, 1985, с. 4; Алексеев и др., 1987, с. 226, 238]. При этом В.В. Волков и Э.А. Новгородова отмечали, что курганы Алтан-санда и Шатар-чулуу более близки горноалтайским, чем минусинским [Волков, 1980, с. 16; Новгородова, 1989, с. 85 – 86]. Они также выделили и другие материалы энеолитического времени, подобные южносибирским и саяноалтайским: керамику афанасьевского типа (случайные находки), жезлы с зооморфными навершиями и значительное число петроглифов в западных районах Монголии. На этом основании В.В. Волков и Э.А. Новгородова сделали вывод о том, что в энеолите Западная Монголия входила в состав большой этнокультурной области, которая включала также Туву, Горный Алтай и Минусинскую котловину [Волков, 1980, с. 16; Новгородова, 1989, с. 85 – 88, 118 – 119].

К курганам Алтан-сандаля и Шатар-чулуу в связи с анализом материалов афанасьевской культуры Алтая и Тувы неоднократно обращались исследователи. В.А. Семенов [1992, с. 78; 1993, с. 26, 28] и Д.Г. Савинов [Древние культуры..., 1994, с. 134 – 135] поставили вопрос о существовании особого локального варианта афанасьевской культуры в Монголии или Центральной Азии. В.И. Молодин высказал предположение о центральноазиатском происхождении афанасьевской культуры [1992, с. 27; 1993, с. 40]. Немногочисленные курганы афанасьевского типа были исследованы в Туве Л.Р. Кызласовым на могильниках Байдаг-Баары, Кызыл-Хая [1979], А.М. Мандельштамом и Л.И. Ревой в Хайыракане [Мандельштам и др., 1979; Рева, 1995].

Проведенный нами сравнительный анализ материалов Алтан-сандаля, Шатар-чулуу и памятников афанасьевской культуры Горного Алтая и Тувы [Цыбиктаров, 2002] позволил сделать следующие выводы. Обладая в целом явно афанасьевским комплексом черт погребального обряда, правда при наличии такой специфической особенности, как отсутствие какого-либо инвентаря в могиле, курганы Алтан-сандаля и Шатар-чулуу, тем не менее, не имеют ни одной полной аналогии среди афанасьевских памятников Алтая. В то же время они обнаруживают значительное, хотя и неполное, сходство с памятниками афанасьевского типа в Туве. Это может быть объяснено, вероятно, только тем, что в Монголии и, видимо, в примыкающей к ней с севера Туве в эпоху энеолита сложился локальный вариант культуры афанасьевского типа. Он характеризовался специфическими, присущими только ему особенностями. Из них отметим следующие: уплощенные каменно-земляные курганы, наличие одного и двухрядных кольцевых выкладок внутри насыпей, отсутствие в могиле инвентаря, который помещался между камнями кладок курганов, фрагментирование глиняной посуды с последующим оставлением не всех фрагментов, а только отдельных черепков и не в могиле, а между камнями кладок.

Наличие особого локального варианта афанасьевской культуры в Монголии и прилегающей к ней с севера Туве объясняет присутствие черт, характерных для памятников афанасьевского типа Монголии, в алтайских памятниках в качестве эпизодических или малораспространенных. Это редкость безынвентарного варианта погребального обряда – 13,5% (подсчитано по данным Н.Ф. Степановой [1996, с. 54]), наличие единичных каменно-земляных насыпей и двойных колец внутри них, редкие случаи помещения в могилы не целых сосудов, а отдельных черепков и некоторые другие черты. Они могли появиться в результате связей алтайских афанасьевцев с монгольскими.

Энеолитическая эпоха на территории Западной Монголии представлена целым рядом местонахождений петроглифов, известных благодаря исследованиям А.П. Окладникова, В.В. Волкова, Э.А. Новгородовой, Д. Доржа, Д. Цэвэндоржа, В.Д. Кубарева, Е. Якобсон и др. Крупнейшие святилища располагаются в долине р. Чулутын-Гол на западе Центральной Монголии на местонахождениях Чулуут I – III, VII [Окладников, 1981б; Новгородова, 1984, 1989]. Аналогичный памятник находится у горы Тэвш-уул на юге Увэр-Хангайского аймака в южной части Центральной Монголии [Окладников, 1980; 1981а; Новгородова, 1984, 1989]. Еще один крупный центр сосредоточения петроглифов различных эпох, в т. ч. энеолитической, выявлен в долинах рек Цагаан-Салаа и Бага-Ойгур в Баян-Улэгэйском аймаке на западе Монголии [Кубарев, 1996б; Кубарев, Цэвэндорж, Якобсон, 1997]. Петроглифы энеолитического времени обнаружены и в других местах Западной и Южной Монголии: Арабжах в Южногобийском аймаке, Наранбулак в Убсунурском [Новгородова, 1984]. Сюжеты представлены изображениями женщин-рожениц и прародительниц, масками-личинами, мужскими и женскими фигурами с воздетыми к небу трехпальными руками, трехступенчатыми изображениями женщин, образами матери-оленихи и отца-оленя, массивными статичными фигурами быков с лунообразными или направленными вперед рогами, изображениями козлов [Окладников, 1980, с. 91; 1981а, б; Новгородова, 1984, с. 40 – 58; 1989, с. 90 – 104; Кубарев, 1996а, с. 136; Кубарев, Цэвэндорж, Якобсон, 1997, с. 214].

Материалы петроглифов обычно датируют временем, соответствующим окуневскому этапу южносибирской периодизации бронзового века. Но какая-то их часть может быть и несколько древнее, синхронной с курганами афанасьевского типа Монголии и Тувы. В связи с этим следует отметить, что материалы из слоев окуневского времени стоянки Тоора-Даш в Саянском каньоне Енисея и антропологические находки из погребений окуневского типа могильника Аймырлыг свидетельствуют об участии афанасьевцев в сложении окуневского населения Тувы, которое в отличие от своих минусинских соседей имело афанасьевский антропологический облик [Семенов, 1992, с. 83; Гохман, 1980, с. 28]. Поэтому не исключено, что окуневы Тувы исполняли различные культовые обряды и поклонялись духам на святилищах, созданных их непосредственными предшественниками – носителями культуры афанасьевского типа Тувы, представляющими центральноазиатский вариант афанасьевской культурной общности. Параллели между сюжетами энеолитических петроглифов Тувы и Монголии неоднократно отмечались исследователями. В совокупности материалы курганов афанасьевского типа, петроглифы и случайные находки – керамика, жезлы

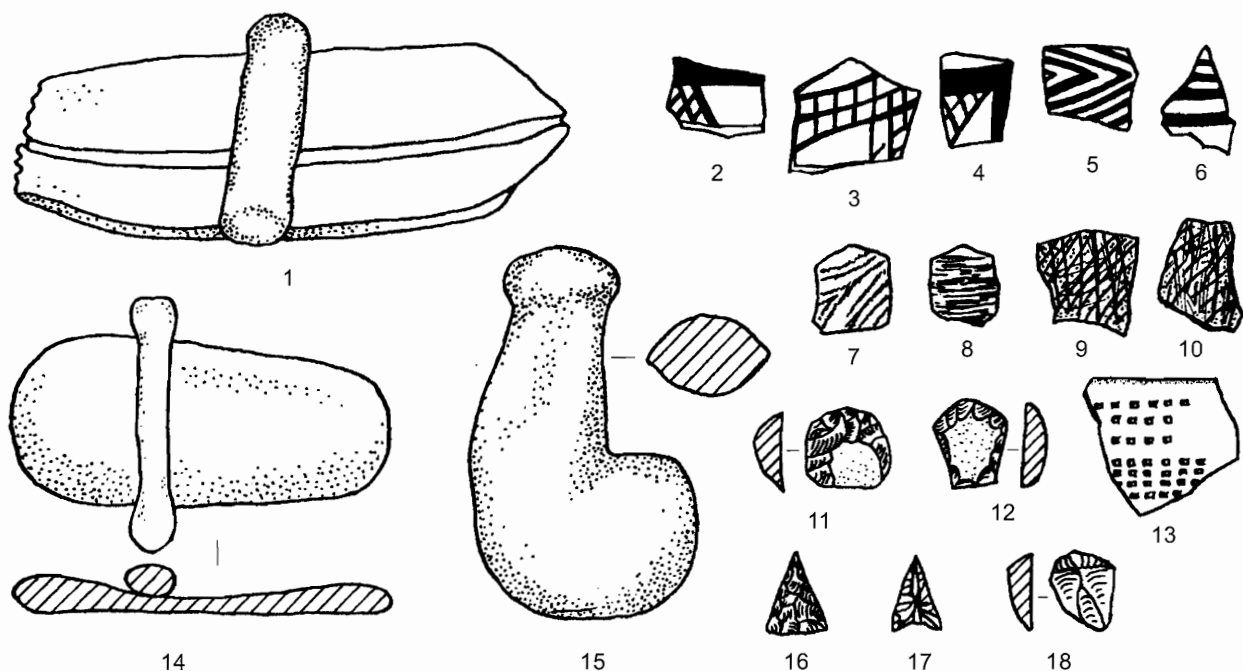

Рис. 8. Находки со стоянок времени неолита – энеолита в гобийских районах Монголии (по: [Новгородова, 1989]).

Южная культурная область.

1 – Восточная Гоби; 2 – 10 – Южная Гоби, Тугриггин-ширэт; 11, 16 – Восточная Гоби, Эхэн усны барун энгэр; 12, 17, 18 – Восточная Гоби, Сухэ-Баторский аймак; 13 – Восточная Гоби, долина р. Керулен; 14 – Восточная Гоби, Монх-хан-сомон; 15 – Южная Гоби.

с навершиями в виде головок копытных животных [Волков, 1967, с. 11, рис. 1, 6; 8, 1, 7; 1980, с. 16; Новгородова, 1989, с. 87 – 88] – позволяют предполагать достаточно широкое расселение европеоидного населения на западе Монголии. Этнокультурные связи афанасьевцев Монголии были ориентированы, вне всякого сомнения, прежде всего на запад и северо-запад, о чем свидетельствуют памятники афанасьевского облика в Южной Сибири и Сынцзяне [Семенов, 1993, с. 26; Заднепровский, 1993, с. 99 – 100; Молодин, Алкин, 1997; Варёнов, 1998].

К сожалению, в курганах Алтан-сандаля и Шатарчулуу отсутствовали материалы, позволяющие судить о хозяйственной деятельности афанасьевцев Монголии. Подвеска из клыка кабана, обнаруженная в одном из курганов Шатарчулуу, косвенно указывает на то, что они занимались охотой. Представление о палеоэкономике этого населения в какой-то мере могут дать сведения о хозяйстве афанасьевцев из соседних районов Тувы и Алтая. Тем более что природно-климатические условия западных районов Монголии, Тувы и Горного Алтая во многом близки. Как известно, афанасьевское население Южной Сибири вело комплексное хозяйство, сочетавшее производящую и присваивающую отрасли [Киселев, 1949; Грязнов, 1999]. У алтайских афанасьевцев, по мнению ряда исследователей, при скотоводческо-охотничьей направленности хозяйственных занятий

преобладало скотоводство [Погожева, Молодин, 1980, с. 97; Абдулганеев и др., 1982, с. 66; Цыб, 1984, с. 15 – 17]. На стоянке Тоора-Даш в Туве остеологическими материалами из афанасьевского слоя широко были представлены дикие животные, а из домашних – крупный рогатый скот и, возможно, коза или овца [Семенов, 1992, с. 23, 50]. А.В. Гальченко считает, что пока нет достаточных оснований говорить о преобладающей роли скотоводства в хозяйственных занятиях афанасьевского населения Южной Сибири [1994, с. 18].

Южная культурная область включала гобийские районы Монголии и, вероятно, Северного Китая. Она представлена развеевыми дюнными стоянками, культурные слои которых сохранились лишь местами и исследовались далеко не всегда. Обычно осуществлялся сбор материалов на поверхности котловин выдувания. Тем не менее они дают общее представление об этой области (рис. 8). Наиболее яркой особенностью памятников гобийской зоны Монголии является наличие в них расписной керамики [Окладников, 1962а, с. 89]. Преобладают рисунки из треугольников, квадратов, ромбов, косых насечек, “лесенок” [Новгородова, 1989, с. 59, 77]. По данным А.П. Деревянко, В.В. Волкова, Э.А. Новгородовой, стоянки с расписной керамикой найдены в разных районах Гоби [Деревянко, 1986; Волков, 1967, с. 10; Новгородова, 1989, с. 59, 77].

Другой не менее важной особенностью гобийских памятников является наличие огромного количества обломков зернотерок, курантов и пестов. В совокупности с изделиями в виде мотыг, связанных с обработкой земли, они свидетельствуют, по мнению А.П. Окладникова, А.П. Деревянко, В.В. Волкова, Э.А. Новгородовой, о важных изменениях в хозяйстве – переходе к земледелию [Окладников, 1962а, с. 89; Волков, 1967, с. 10 – 11; Деревянко, 1986, с. 246 – 247; Новгородова, 1989, с. 59, 77].

Расположение стоянок в больших котловинах на берегах высохших рек и озер [Окладников, 1962б, с. 423; Волков, 1967, с. 90; Деревянко, Окладников, 1969; Новгородова, 1989, с. 59 – 60], результаты палеогеографических исследований [Вишпер и др., 1978, с. 21 – 22; 1981; 1989, с. 164 – 165; Динесман и др., 1989, с. 198 – 199, рис. 1, 7] свидетельствуют о более влажном и мягком климате во время существования этих поселений. Обитатели Гоби эпохи неолита и раннего металла жили в условиях лесостепных ландшафтов с умеренно сухим климатом [Крюков, Сафронов, Чебоксаров, 1978, с. 83; Кучера, 1986, с. 291].

Вследствие развешанности культурных слоев вопрос о датировке гобийских стоянок с расписной керамикой и инвентарем, указывающим на то, что их обитатели занимались земледелием, очень сложен. А.П. Окладников и А.П. Деревянко относят их к поздненеолитическому времени [Окладников, 1962а, с. 88 – 89; Деревянко, 1986, с. 246] – III тыс. до н.э. В.В. Волков и Э.А. Новгородова, не отрицая такой датировки, допускают возможность существования этих поселений до начала бронзового века [Волков, 1967, с. 10 – 11; Новгородова, 1989, с. 77] – конец III – начало II тыс. до н.э. В любом случае это время в определенной мере синхронно как афанасьевскому этапу в Южной Сибири, так и эпохе раннего металла в Южном Забайкалье.

Занимая достаточно четкое место на территории Центральной Азии, стоянки с расписной керамикой и специфическим набором орудий земледельческого типа маркируют особую культурную область времени неолита и, видимо, раннего металла этой части Евразийского материка. Она локализуется в южных гобийских районах Монголии и Китая, граничащих с обширной зоной раннеземледельческих культур Восточной Азии. Залегание на ряде стоянок слоев с керамикой расписного типа над слоями с керамикой, имеющей аналогии в памятниках неолитического времени Прибайкалья и Забайкалья, указывает, видимо, на продвижение в период позднего неолита на север южного населения – носителей культур с расписной керамикой, – принесшего с собой и новый хозяйственный уклад, земледелие. Отсутствие стоянок с керамикой расписного типа в восточных, центральных и запад-

ных аймаках Монголии свидетельствует, вероятно, о формировании в южных гобийских районах Монголии и Китая особой культурной области. Развешанный характер памятников в Гоби и материалы, собранные на поверхности, не позволяют пока ставить вопрос о выделении особой культуры времени позднего неолита или эпохи раннего металла в этой части Центральной Азии. Однако культурную специфику памятников южной гобийской зоны при характеристике эпохи раннего металла Центральной Азии необходимо учитывать.

Отсутствие керамики расписного типа к северу от Гоби свидетельствует о том, что носители культур с такой керамикой не проникали далее на север. Однако это вовсе не исключает существования связей населения гобийских районов Монголии с их северными соседями. Но в результате контактов с носителями северокитайских неолитических культур у автохтонного населения Гоби получила распространение керамика расписного типа и, возможно, более значительную роль стало играть земледелие.

Культурно-исторические процессы в Центральной Азии на заре бронзового века (некоторые выводы)

В эпоху раннего металла на территории Монголии и Южного Забайкалья сложились четыре большие культурные области, представленные селенгинско-даурской, хэнтэйской культурами, центральноазиатским вариантом афанасьевской культурной общности и особой культурной областью в гобийских районах Монголии и Северного Китая (см. рис. 1). Три из них были связаны с лесостепными и степными зонами и одна – с горно-таежными районами Хэнтэй-Чикойского нагорья. Различия между культурами проявлялись в особенностях керамики, погребального обряда, некоторых категорий инвентаря, а также, возможно, в памятниках наскального искусства. Таким образом, население каждой из этих областей отличалось своеобразием культуры. Следовательно, различия между культурами и культурными областями носили этнокультурный характер. Это означает, что в Центральной Азии на заре бронзового века существовали по крайней мере три древние этнические общности. Две из них локализовались на востоке Монголии и в Южном Забайкалье и одна – на западе Монголии. Они различались между собой не только своеобразием материальной и духовной культуры, но и особенностями антропологического типа. Носители селенгинско-даурской и хэнтэйской культур были монголоидами, а афанасьевцы – европеоидами. Следовательно, уже на заре бронзового века население Центральной Азии было неоднородным в антропологическом отношении.

В целом отчетливо заметных проявлений явных контактов между группами населения западной и восточных культурных областей не прослеживается, что говорит об отсутствии постоянных, устойчивых связей между ними. Это, как нам кажется, объясняется стабильностью этнокультурной ситуации в Центральной Азии на заре бронзового века, обусловленной относительно высоким (для того времени) уровнем развития палеоэкономики ее населения, полностью удовлетворявшей жизненные потребности людей. Вследствие этого не возникало особой необходимости осуществлять какие-то перемещения с целью хозяйственного освоения новых угодий, расширения зоны расселения, а значит, и выхода на более широкие этнические контакты. Ограничение подвижности степного населения обуславливалось и некоторыми особенностями хозяйственного развития.

Анализ палеоэкономики энеолитического населения Центральной Азии показал, что у селенгино-даурцев и афанасьевцев она носила комплексный характер. Производящее хозяйство в лучшем случае могло иметь примерно такое же значение, как и присваивающее, но не более, оно все еще не заняло доминирующего положения в хозяйственной деятельности степного и лесостепного населения. Можно предположить, что носители обеих культур еще не накопили такого объема опыта в области развития производящего хозяйства, который позволил бы им если не полностью, то в основном отказаться от присваивающих отраслей и целиком переключиться на скотоводство и земледелие. А значит, с наступлением палеометаллической эпохи в Центральной Азии этап утверждения производящего хозяйства в качестве ведущего направления в экономике носителей селенгинско-даурской и афанасьевской культур все еще не был пройден. Это, в свою очередь, предполагает оседлость центральноазиатского населения, ограничение подвижности. Освоение производящего хозяйства абсолютно несовместимо с подвижным образом жизни. Таким образом, уровень хозяйственного развития не способствовал расширению внешних контактов.

Хозяйственные и культурные связи осуществлялись в основном внутри выделенных областей, не выходя широко за их пределы. Эпоха раннего металла была, вероятно, временем относительно замкнутого существования общинных поселков ранних скотоводов и земледельцев Монголии и Забайкалья. Значительным подспорьем в хозяйстве в это время являлись охота, рыболовство и собирательство. Поскольку природная обстановка в то время все еще оставалась достаточно благоприятной, видимо, можно не сомневаться, что отрасли укреплявшегося производящего и развитого присваивающего хозяйства стабильно и в достаточном объеме обеспечивали

население лесостепных и степных районов Центральной Азии необходимыми для жизни продуктами питания. Поэтому и не было необходимости шире вовлекать в зону активного освоения окружающие области и проникать на территории, занятые инокультурным населением. Во всяком случае, нам пока не известны находки афанасьевского типа на территории восточной степной культурной области и селенгинско-даурского – на территории западной культурной области. Вместе с тем какие-то культурные связи, в том числе и хозяйственные, конечно, существовали, особенно в “пограничных” зонах расселения носителей степных культур, но они были ограниченными.

В соответствии с локализацией выделенных этнокультурных областей на географической карте региона выявляется и направление культурных и этнических связей населения эпохи раннего металла Монголии и Южного Забайкалья. Носители селенгинско-даурской и хэнтэйской культур вследствие специфики природно-ландшафтной ситуации на северной окраине Центральной Азии поддерживали постоянные контакты друг с другом. На юге Забайкалья и на севере Монголии размещение степных и лесных ландшафтов характеризуется значительной мозаичностью. По этой причине столь же мозаично расселялись в пределах региона скотоводы-земледельцы степей и охотники-рыболовы тайги. В результате отсутствовали и четкие территориальные границы между выделенными этнокультурными областями Северной Монголии и Южного Забайкалья. А это, в свою очередь, обуславливало постоянные хозяйственные, культурные и, вероятно, этнические связи между их населением. Афанасьевцы западных районов Монголии контактировали, вне всякого сомнения, в основном с населением Горного Алтая, Тувы и, возможно, Сынцзяна. Хотя не так отчетливо, но просматриваются их связи с обитателями восточных областей Монголии. На юге, вероятно, и те и другие контактировали с населением южной культурной области гобийских районов Монголии и Северного Китая. Распространение в гобийских памятниках керамики прибайкальско-забайкальского типа указывает на северное направление культурных связей обитателей этой зоны – с населением Северной Монголии и Южного Забайкалья, а керамики расписного типа – на южное – с носителями северокитайских культур земледельческого типа.

Итак, период энеолита и ранней бронзы в северной части Центральной Азии ознаменовался сложением четырех крупных культурных областей. Эпоха раннего металла была временем дальнейшего утверждения производящего хозяйства в среде носителей степных и лесостепных культур. Жители таежной зоны продолжали совершенствовать присваивающие

отрасли. В жизнь и быт носителей всех культур в это время входят изделия из металла — меди и бронзы. В целом историческая и этнокультурная ситуация в пределах региона характеризовались стабильностью и устойчивостью. Имеющиеся на сегодняшний день материалы свидетельствуют о наличии связей между населением соседних культурных областей, но не содержат информации о крупных перемещениях разнотипных культурных групп в пределах северной части Центральноазиатского региона.

Список литературы

- Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадилов Б.Х.** Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. — Барнаул: Изд-во АГУ, 1982. — С. 52 — 77.
- Алексеев В.П., Гохман И.И., Тумэн Д.** Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век — эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропология Монголии. — Новосибирск: Наука, 1987. — С. 208 — 241.
- Асеев И.В.** Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Новосибирск, 1997. — 46 с.
- Базарова Л.Д., Васильев С.Г., Конюхов А.Ю.** Усть-Менза-3: проблемы стратиграфии и поиск палеокультуры // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири: Тез. докл. Всесоюз. конф. — Улан-Удэ: Изд-во БФ СО РАН, 1986. — Ч. 2. — С. 68 — 69.
- Варёнов А.В.** Южносибирские культуры эпохи ранней и поздней бронзы в Восточном Туркестане // Гуманитарные науки в Сибири. — 1998. — № 3. — С. 60 — 72.
- Виппер П., Дорофеюк Н., Лийва А., Метельцева Е.П., Соколовская В.Т.** Палеогеография голоцена и верхнего плейстоцена Центральной Монголии // Изв. АН СССР. Биология. — 1981. — Т. 30, № 1. — С. 74 — 82.
- Виппер П.Б., Дорофеюк Н.И., Метельцева Е.П., Соколовская В.Т.** Опыт реконструкции растительности Западной и Центральной Монголии в голоцене // География и динамика растительного и животного мира Монгольской Народной Республики. — М.: Наука, 1978. — С. 19 — 24.
- Виппер П.Б., Дорофеюк Н.И., Метельцева Е.П., Соколовская В.Т.** Ландшафтно-климатические изменения в Центральной Монголии в голоцене // Палеоклиматы позднеледникового и голоцена. — М.: Наука, 1989. — С. 160 — 167.
- Волков В.В.** Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии. — Улан-Батор: Б.и., 1967. — 148 с.
- Волков В.В.** Погребение в Норовлин уула (Монголия) // Археология Северной и Центральной Азии. — Новосибирск: Наука, 1975. — С. 76 — 79.
- Волков В.В.** Курганы афанасьевского типа в Монголии // Studia archaeologica. — Улаанбаатар, 1980. — Т. 9, fasc. 2. — С. 13 — 16.
- Волков В.В.** Оленные камни Монголии. — Улан-Батор: Б.и., 1981. — 254 с.
- Гальченко А.В.** К вопросу о хозяйственной деятельности афанасьевских племен // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. — С. 14 — 19.
- Гохман И.И.** Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Сб. МАЭ. — 1980. — Т. 36. — С. 5 — 34.
- Гришин Ю.С.** Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. — М.: Наука, 1975. — 136 с.
- Гришин Ю.С.** Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. — М.: Наука, 1981. — 204 с.
- Грязнов М.П.** Афанасьевская культура на Енисее. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. — 136 с.
- Деревянко А.П.** Древние культуры Монголии // Археология зарубежной Азии. — М.: Высш. шк., 1986. — С. 234 — 250.
- Деревянко А.П., Окладников А.П.** Древние культуры восточных районов МНР // СА. — 1969. — № 4. — С. 141 — 156.
- Динесман Л.Г., Киселева Н.К., Князев А.В.** История степных экосистем Монгольской Народной Республики // Биологические ресурсы и природные условия Монгольской Народной Республики. — М.: Наука, 1989. — Т. 32. — 215 с.
- Дорж Д.** Неолит Восточной Монголии. — Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1971. — 171 с.
- Древние культуры Бертековской долины.** — Новосибирск: Наука, 1994. — 223 с.
- Заднепровский Ю.А.** Культурные связи населения эпохи бронзы и раннего железа Южной Сибири и Синьцзяна // Проблемы культурогенеза и культурное наследие: Материалы конф. — СПб., 1993. — Ч. 2: Археология и изучение культурных процессов и явлений. — С. 99 — 102.
- Ивашина Л.Г.** Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. — Новосибирск: Наука, 1979. — 158 с.
- Ивашина Л.Г.** Поселения эпохи позднего неолита — раннего металла у озер Кулькисон и Харга // По следам древних культур Забайкалья. — Новосибирск: Наука, 1983. — С. 45 — 61.
- История народов Восточной и Центральной Азии** с древнейших времен до наших дней. — М.: Наука, 1986. — 580 с.
- Кириллов И.И.** Восточное Забайкалье в древности и средневековье: Учеб. пособие. — Иркутск: Б.и., 1979. — 96 с.
- Кириллов И.И.** Восточное Забайкалье в древности: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Новосибирск, 1981. — 38 с.
- Кириллов И.И.** Стоянка Дворцы и некоторые вопросы периодизации развития культуры населения Восточного Забайкалья в эпоху палеометалла // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. — Улан-Удэ: Б.и., 1988. — С. 3 — 17.
- Кириллов И.И., Верхотуров О.Г.** Новые неолитические могильники из Восточного Забайкалья и их значение в определении этнокультурных связей местных племен // Древнее Забайкалье и его культурные связи. — Новосибирск: Наука, 1985. — С. 7 — 21.
- Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И.** Дарасунский комплекс археологических памятников. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. — 176 с.
- Кириллов О.И.** Погребальные памятники эпохи палеометаллов верхневьева Амура: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1994. — 20 с.
- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. — 364 с. — (МИА; № 9).
- Константинов М.В., Семина Л.В.** Таяжные племена на восточной окраине скифо-сибирского мира // Скифо-

сибирское культурно-историческое единство. – Кемерово: Б.и., 1980. – С. 96 – 104.

Крюков М.В., Сафронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: Проблемы этногенеза. – М.: Наука, 1978. – 342 с.

Кубарев В.Д. Работы в Западной Монголии // АО 1995 года. – М.: ИА РАН, 1996а. – С. 391 – 392.

Кубарев В.Д. Исследование петроглифов Монголии // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Материалы IV Годовой итоговой сессии ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1996б. – С. 136 – 139.

Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Е. Некоторые итоги работ по изучению петроглифов Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы V Годовой итоговой сессии ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1997. – С. 213 – 214.

Кучера С. Археология Китая: Каменный и бронзовый века // Археология зарубежной Азии. – М.: Высш. шк., 1986. – С. 252 – 319.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 208 с.

Мазин А.И. Петроглифы таежной зоны Приамурья и Восточного Забайкалья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1988.

Мазин А.И. Древние святилища Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 241 с.

Мамонова Н.Н. Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии // Сб. МАЭ. – 1980. – Т. 36. – С. 60 – 74.

Мандельштам А.М., Шаровская Т.А., Бестужев Г.Н. Раскопки в зоне строительства г. Новый Шагонар // АО 1978 года. – М.: Наука, 1979. – С. 246 – 247.

Молодин В.И. Бронзовый век Южной Сибири – современное состояние проблемы // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. – С. 25 – 33.

Молодин В.И. Современное состояние проблемы бронзового века Горного Алтая // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири: Тез. докл. – Томск, 1993. – С. 39 – 41.

Молодин В.И., Алкин С.В. Могильник Гумугоу (Синьцзян) в контексте афанасьевской проблемы // Гуманитарные исследования: итоги последних лет: Тез. науч. конф. к 35-летию НГУ. – Новосибирск, 1997. – С. 35 – 38.

Наваан Д. Дорнод Монголийн хурлийн уе. – Улаанбаатар, 1975. – 200 с. (на монг. яз.)

Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. – М.: Наука, 1984. – 168 с.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. – М.: Наука, 1989. – 383 с.

Окладников А.П. Археологические исследования в Бурят-Монголии // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. – 1951. – Т. 8, № 5. – С. 440 – 450.

Окладников А.П. Работы Бурят-Монгольской археологической экспедиции в 1947 – 1950 гг. // КСИИМК. – 1952. – Вып. 45. – С. 40 – 47.

Окладников А.П. Новое в изучении древнейших культур Монголии (по работам 1960 г.) // СЭ. – 1962а. – № 1. – С. 83 – 90.

Окладников А.П. О начале земледелия за Байкалом и в Монголии // Древний мир. – М.: Изд-во АН СССР, 1962б. – С. 418 – 431.

Окладников А.П. Петроглифы Центральной Азии. – Л.: Наука, 1980. – 271 с.

Окладников А.П. Петроглифы Монголии. – Л.: Наука, 1981а. – 228 с.

Окладников А.П. Петроглифы Чулутын-Гола. – Новосибирск: Наука, 1981б. – 182 с.

Окладников А.П., Деревянко А.П. Тамцаг-Булак – неолитическая культура Восточной Монголии // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. – Улан-Удэ: Б.и., 1970. – С. 3 – 20.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. – Л.: Наука, 1969. – Ч. 1. – 220 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. – Л.: Наука, 1970. – Ч. 2. – 264 с.

Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.

Погожева А.П., Молодин В.И. Раскопки на поселении Кара-Тенеш (1978 г.) // Археологический поиск: Северная Азия. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 92 – 98.

Рева Л.И. Хайыракан I – могильник эпохи бронзы // Южная Сибирь в древности: Археологические изыскания. – СПб., 1995. – Вып. 24. – С. 17 – 22.

Родникова Е.А., Селин В.В. Усть-Менза-5: погребение бронзового века // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири: Тез. докл. Всесоюз. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БФ СО АН СССР, 1986. – Ч. 2. – С. 74 – 75.

Рыгдылон Э.Р. Неолитические находки на Нижнеберезовской стоянке // СА. – 1950. – № 12. – С. 287 – 288.

Семенов В.А. Неолит и бронзовый век Тувы. – СПб.: ЛНИАО, 1992. – 136 с.

Семенов В.А. Древнейшая миграция индоевропейцев на восток // Петербург. археол. вестн. – 1993. – № 4. – С. 25 – 30.

Семина Л.В. Кристинкина пещера – памятник раннего металла Южного Забайкалья // По следам древних культур Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 61 – 70.

Семина Л.В. Исследования эпохи неолита и бронзы в Юго-Западном Забайкалье // Проблемы исследования каменного века Евразии: Тез. докл. краевой конф. – Красноярск, 1984. – С. 127 – 131.

Семина Л.В. Керамика эпохи неолита и бронзы Юго-Западного Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 104 – 122.

Семина Л.В. Эпоха неолита и палеометалла Юго-Западного Забайкалья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1986. – 16 с.

Семина Л.В., Пинскер М.П. Памятники эпохи ранней бронзы Усть-Мензенского комплекса // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: Тез. докл. – Барнаул, 1988. – С. 67 – 68.

Сосновский Г.П. Древнейшие следы скотоводства в Прибайкалье // Изв. ГАИМК. – 1933. – Вып. 100. – С. 210 – 222.

Степанова Н.Ф. К вопросу об эпохе бронзы Горного Алтая // Актуальные проблемы сибирской археологии. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1996. – С. 53 – 54.

Сухопарова С.А., Непомнящий А.С., Семина Л.В. Металл и камень Чикойско-Мензенской тайги в эпоху ранней бронзы // Палеоэтнология Сибири: Тез. докл. XXX РАЭСК. – Иркутск, 1990. – С. 188 – 189.

Тумэн Д. Вопросы этногенеза монголов в свете данных палеоантропологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1985. – 20 с.

Цыб С.В. Афанасьевская культура Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1984. – 19 с.

Цыбиктаров А.Д. Бурятия в древности. – Улан-Удэ: Изд-во БурГУ, 1999. – 264 с.

Цыбиктаров А.Д. Могильники афанасьевского типа Монголии и Тувы (вопросы культурной принадлежнос-

ти и датировки) // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ – Чита: Изд-во БурГУ, 2002 (в печати).

Энеолит СССР. – М.: Наука, 1982. – 359 с. – (Сер. “Археология СССР”).

Novgorodova E. Alte Kunst der Mongolei. – Leipzig, 1980. – 280 p.

Материал поступил в редколлегию 1.04.02 г.

УДК 903.5

Ю.С. Худяков¹, К.Ш. Табалдиев², О.А. Солтобаев²¹*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия**E-mail: bronz@nus.nsc.ru*²*Кыргызский государственный национальный университет
Абдымомун кочосу, 207, Бишкек, 720000, Кыргызская Республика
Факс (3312) 26-35-06*

КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ С РУНИЧЕСКИМИ НАДПИСЯМИ В МЕСТНОСТИ КОК-САЙ В КОЧКОРСКОЙ ДОЛИНЕ НА ТЯНЬ-ШАНЕ

Введение

Памятники древнетюркской рунической письменности являются важнейшим источником по истории тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху раннего средневековья. Они содержат ценные сведения о многих исторических событиях в изложении самих тюрков, а не иноземных наблюдателей [Кляшторный, 1975, с. 260]. Поэтому каждая вновь обнаруженная руническая надпись привлекает внимание и становится объектом изучения специалистов – тюркологов, историков, археологов. Особое значение имеют находки руники из тех районов, где их ранее не обнаруживали.

Одним из регионов, где в эпоху раннего средневековья существовали государства тюркоязычных кочевых этносов и применялась древнетюркская руническая письменность, является Тянь-Шань в пределах современной территории Республики Кыргызстан. Впервые памятники древнетюркской руники были обнаружены в Таласской долине Тянь-Шаня еще в конце XIX в. В дальнейшем большая часть надписей была найдена в районе р. Талас. Отдельные рунические надписи зафиксированы на оз. Иссык-Куль и в Баткенском р-не Кыргызстана. Изучением таласских рунических надписей занимались многие выдающиеся ученые-тюркологи России, Кыргызстана, Финляндии, Турции. Они предложили свои варианты чтения, перевода, датировки и исторической интерпретации этих памятников письменности [Джумагулов, 1987, с. 9 – 10, 12, 14, 19].

По оценке С.Г. Кляшторного, таласские рунические надписи относятся ко второй половине существо-

вания в Семиречье и на Тянь-Шане Тюркешского каганата, или к 716 – 739 гг. [2001б, с. 74]. Вместе с тем И.В. Кормушин, опираясь на результаты палеографического анализа таласских рун, считает их производными от поздних енисейских аллографов [2001, с. 95]. Енисейские кыргызские надписи в Саяно-Алтае, начертания рун которых послужили прототипами для таласских рунических знаков, датируются в основном IX – X вв. н.э.

В 1998 и 2000 гг. серия рунических надписей была обнаружена в восточной части Кочкорской долины Тянь-Шаня археологами Кыргызского государственного национального университета К.Ш. Табалдиевым и О.А. Солтобаевым в ходе поиска наскальных рисунков в местности Кок-Сай. Эти находки имеют важное значение не только для изучения памятников древнетюркской рунической письменности в Кыргызстане, поскольку они обнаружены в горном районе внутренней части Тянь-Шаня, где ранее не были известны, но и для исторической реконструкции, т.к. найдены в сочетании с наскальными рисунками и тамгами. Поблизости от местонахождения Кок-Сай находятся древнетюркские каменные изваяния и могильники.

Предварительные сведения о рунических надписях в Кочкорской долине были оперативно введены в научный оборот К.Ш. Табалдиевым и О.А. Солтобаевым в периодических и научных изданиях в Кыргызстане [2001, с. 69 – 72]. Эти материалы привлекли внимание специалистов, исследующих древнетюркские рунические памятники Центральной Азии. Свои варианты чтения, перевода и ин-

терпретации кок-сайских надписей предложили С.Г. Кляшторный [2001а, с. 213 –215] и А. Аманжолов [2001, с. 97 – 98].

Описание находок

Кочкорская долина, в восточной части которой находится местность Кок-Сай, занимает важное географическое положение во внутренней части Тянь-Шаня. С севера она отделена горными хребтами от Чуйской долины и оз. Иссык-Куль, с юга – от долины р. Нарын.

Памятники средневековых кочевников в Кочкорской долине начали исследоваться в конце XIX в. С 1989 г. планомерное изучение поминальных и погребальных комплексов, петроглифов, относящихся к культурам древних и средневековых кочевых племен, проводится археологами Кыргызского государственного национального университета при участии специалистов из России и Германии.

Наиболее результативными были раскопки древнетюркских погребений в сопровождении коня или барана и поминальных оградок с изваяниями на памятниках Беш-Таш-Короо I, II, III, Бел-Саз и Сутуу-Булак (расположен на пути из Кочкорской в Нарынскую долину). Они позволили уточнить особенности погребальной и поминальной обрядности древних тюрков на Тянь-Шане, охарактеризовать основные этапы развития древнетюркской культуры, реконструировать конское убранство, описать образцы декоративно-прикладного искусства [Табалдиев, 1996, с. 16 – 24, 70 – 82; Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1997, с. 142 – 147; Худяков, Табалдиев, 1999, с. 50 – 58; Табалдиев, Худяков, 1999, с. 59 – 64; 2000, с. 68 – 70].

Комплекс Кок-Сай с руническими надписями, тамгами и рисунками существенным образом расширяет круг источников, относящихся к духовной культуре тюркоязычных кочевников, которые обитали в Кочкорской долине в эпоху раннего средневековья. А. Аманжолов называет кок-сайские надписи чуйскими, хотя они не приурочены к Чуйской долине [Аманжолов, 2001, с. 97].

Рунические надписи выполнены в сочетании с изображениями тамг и всадников. Лошади и птицы нанесены точечной выбивкой на вертикальных или наклонных плоскостях отдельных массивных камней, расположенных на северном склоне горного хребта Укек от подножия до отвесной части склона на расстоянии 20 – 100 м друг от друга по направлению с севера на юг.

Надпись № 1. Расположена горизонтально на поверхности массивного камня. Прослеживается восемь рунических знаков. В переводе С.Г. Кляшторного надпись гласит: “Мое мужское имя Адык (медведь). Десять стрел...” [2001б, с. 74]. Под надписью выбита тамга в виде трапециевидной скобы с загнутыми в разные стороны концами. Перед основанием скобы – черта (рис. 1).

Рис. 1. Камень с надписью № 1. Кок-Сай.

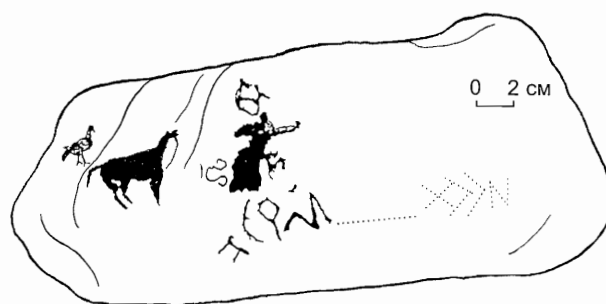

Рис. 2. Камень с надписью № 2 и изображениями птицы, лошади и антропоморфа. Кок-Сай.

Надпись № 2. Расположена горизонтально на массивном камне удлинённых очертаний. Часть знаков в центральной части насыпи разрушена. Выше надписи в профиль изображены стоящая птица, лошадь и нечетко различимая фигура антропоморфа в длинном одеянии. Между силуэтами лошади и антропоморфа выбита тамга с округлым основанием и концами, загнутыми в противоположные стороны, а также горизонтальной чертой под основанием. Данная тамга, в отличие от тамги в составе надписи № 1, развернута основанием в другую сторону (рис. 2). Ввиду того, что часть знаков разрушена, надпись “недостаточно разборчива для уверенного чтения” [Там же].

Надпись № 3. Расположена горизонтально на массивном камне, на темной патенизированной поверхности, обращенной на запад. Несколько ниже ее в центральной части плоскости выбито изображение сидящего на коне всадника в защитном облачении, с боевым топором на поясе и ловчей птицей на руке.

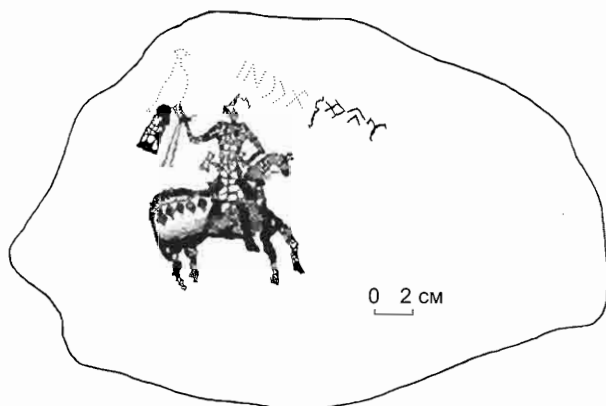

Рис. 3. Камень с надписью № 3 и изображением всадника с птицей на руке. Кок-Сай.

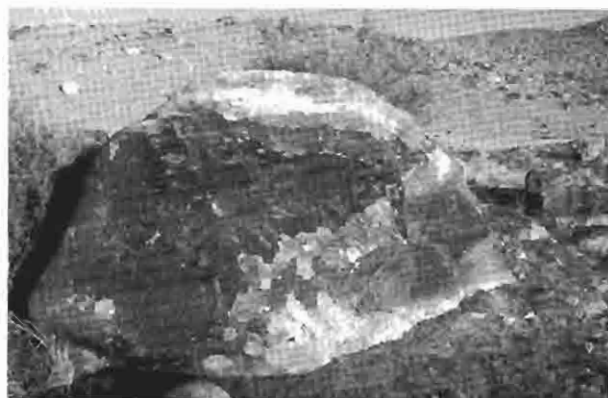

Рис. 4. Камень с надписью № 3 и изображением всадника. Кок-Сай.

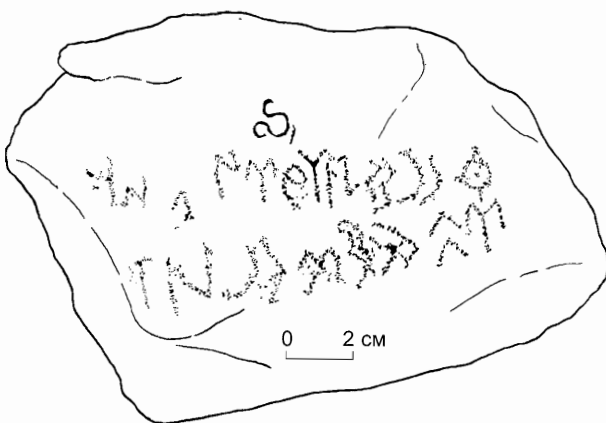

Рис. 5. Камень с надписью № 4. Кок-Сай.

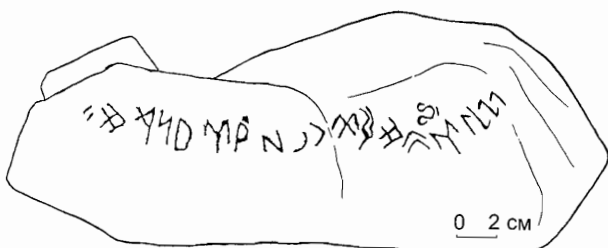

Рис. 6. Камень с надписью № 5. Кок-Сай.

Часть знаков и изображение птицы на поверхности камня повреждены эрозией.

В переводе С.Г. Кляшторного надпись идентична тексту № 1: “Мое мужское имя Адык. Десять стрел...” [Там же]. Вероятно, данный текст можно считать подписью к изображению всадника (рис. 3, 4).

Надпись № 4. Нанесена на восточной поверхности массивного валуна. Надпись состоит из двух горизонтальных строк. Часть знаков нижней строки сохранилась не полностью. Выше надписи выбита тамга с округлым основанием, загнутыми в противоположные стороны концами, под основанием – горизонтальная черта (рис. 5).

Перевод надписи: “Там впереди (т.е. на востоке. – **Авт.**) становище (кочевье). Мое мужское имя Адык. Десять стрел...” [Там же].

Надпись № 5. Расположена горизонтально на боковой поверхности массивного валуна удлинённых очертаний. Выше надписи – тамга с округлым основанием, загнутыми в противоположные стороны концами, под основанием – горизонтальная черта (рис. 6).

Перевод надписи: “Мое мужское имя Адык. Мой (наш?) Ярыш в стране десяти стрел” [Там же].

Надпись № 6. Два рунических знака нанесены на противоположной стороне этого же валуна. Они расположены вертикально в одну строку (рис. 7). Перевода нет.

Надпись № 7. Расположена горизонтально на массивном валуне удлинённых очертаний. Отчетливо видны 13 выбитых знаков. Прослеживаются очертания еще одного не полностью сохранившегося знака. Выше надписи – тамга в виде округлого основания с загнутыми в противоположные стороны концами и горизонтальной чертой под основанием (рис. 8).

Перевод надписи: “Мое мужское имя Адык. Наш Ярыш (в стране) десяти стрел” [Там же].

Надпись № 8. Расположена горизонтально на массивном валуне. Состоит из пяти знаков (рис. 9 – 11).

Перевод надписи: “Наш Ярыш” [Там же].

Надпись № 9. Нанесена на поверхности валуна. Горизонтально расположено пять знаков (рис. 12). По составу знаков надпись аналогична предыдущей. Она опубликована С.Г. Кляшторным только в транскрип-

ции, без перевода [Там же]. В переводе А. Аманжолова “геройское имя” персонажа, от имени которого нанесены надписи, звучит несколько иначе, чем у С.Г. Кляшторного. Имя Сагунак он производит от слова “сагун”, которым именовались “старшие по возрасту у карлуков” или “тюркские знахари”, и связывает с названием средневекового города Сугнак, или Сыгнак [Аманжолов, 2001, с. 97 – 98].

При осмотре местонахождения К.Ш. Табалдиевым и О.А. Солтобаевым в 2000 г. на поверхности камня была обнаружена еще одна руническая надпись, состоящая из семи знаков, выбитых не очень четко и частично поврежденных. Эта надпись пока не прочтена и не переведена тюркологами [Табалдиев, Солтобаев, 2001, с. 72, рис. 10].

Комплекс памятников с руническими надписями в местности Кок-Сай является не единственным относящимся к культурам кочевников эпохи раннего средневековья местонахождением в восточной части Кочкорской долины. Поблизости от него, на расстоянии от 1 до 5 км, находится несколько древнетюркских курганных могильников, поминальных комплексов и каменных изваяний.

В местности Калмак-Таш ранее располагались древнетюркские каменные изваяния, изображающие воинов с сосудом в правой руке и саблей и кинжалом на поясе или женщину в трехрогом головном уборе, которые были перевезены местными жителями в с. Кара-Сас. Эти изваяния относятся к VII – VIII вв., времени существования Западного Тюркского и Тюркешского каганатов [Табалдиев, Худяков, 2000, с. 68 – 69, 72 – 73].

На могильнике Бел-Саз К.Ш. Табалдиевым исследованы древнетюркские погребения с конем, захоронения лошадей, одиночные погребения взрослых людей и детей, поминальная ограда [Табалдиев, 1996, с. 20, 22 – 23]. Они датируются VII – IX вв. н.э.

На памятниках Чап, Бойок-Булак и Кызыл-Булак были найдены древнетюркские каменные изваяния. На изваяниях низким барельефом изображены мужчины с широкоскулым лицом, миндалевидными глазами, широкими бровями вразлет, прямым носом, рельефными усами, маленьким ртом и приостренным подбородком. Некоторые мужчины были запечатлены с небольшими сосудами, чашами или пиалами в правой, согнутой в локте руке, с левой согнутой в локте рукой, ладонью на поясе (рис. 13, 14).

По стилистическим особенностям и отдельным реалиям эти изваяния могут быть отнесены к VII – VIII вв., времени существования Западного Тюркского и Тюркешского каганатов [Табалдиев, Худяков, 2000, с. 72 – 73].

Местонахождение Кок-Сай, которое находится в восточной части Кочкорской долины, насыщенной

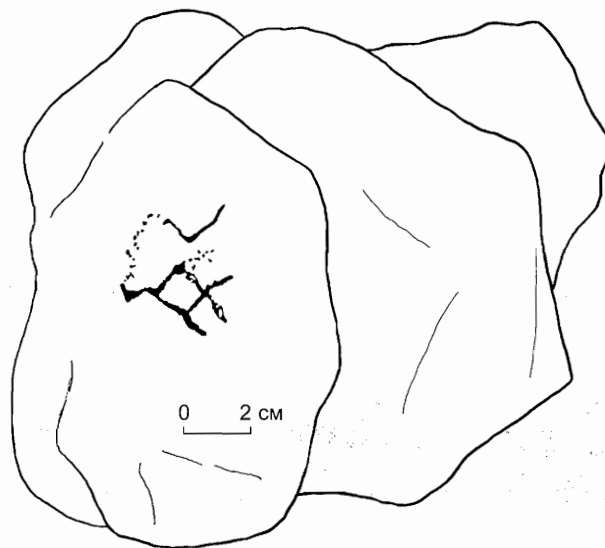

Рис. 7. Надпись № 6. Кок-Сай.

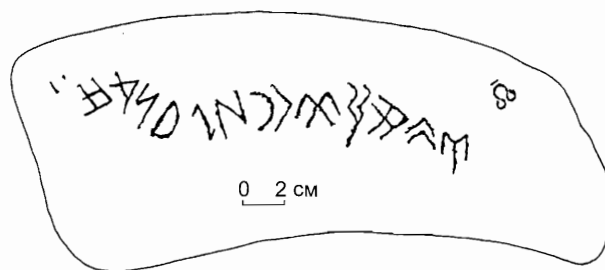

Рис. 8. Камень с надписью № 7. Кок-Сай.

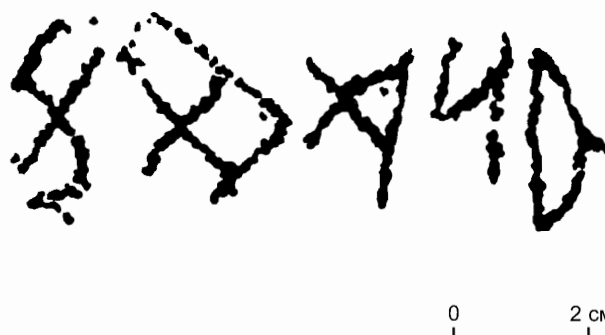

Рис. 9. Камень с надписью № 8. Кок-Сай.

памятниками древнетюркского времени, отличается своеобразием. Хотя руническая надпись обнаружена и на соседнем памятнике Калмак-Таш, кок-сайские надписи характерны тем, что представляют собой, по существу, один и тот же текст в разных редакциях, повторяющихся неоднократно на отдельных камнях на склоне горы Укек на площади в несколько сотен квадратных метров. На камнях № 5 и 7 представлен наиболее полный вариант надписи: “Мое геройское имя Адык (Медведь). Наш (или мой) Ярыш в стране

Рис. 10. Вид камня с надписью № 8. Кок-Сай.

Рис. 11. Вид камня с надписью № 8. Кок-Сай.

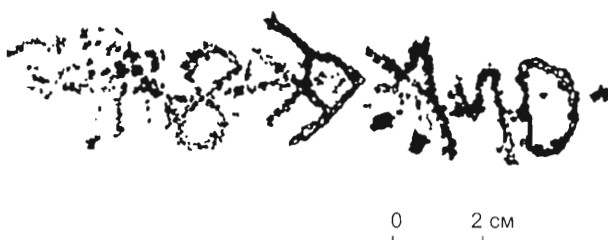

Рис. 12. Надпись на камне № 9. Кок-Сай.

десяти стрел”. В остальных семи надписях тот же текст приведен в сокращенном варианте, в котором упоминаются только имя героя, название страны и принадлежность долины. Лишь в одной, четвертой, надписи о герое сообщается дополнительная подробность: его становище или кочевье находится “на востоке”, вероятно, от долины Ярыш. О том, что надпись касается одного и того же человека, свидетельствуют изображения тамг на камнях № 1, 2, 4, 5, 7. Хотя начертания тамги на отдельных камнях несколько

Рис. 13. Каменное изваяние.

Рис. 14. Каменное изваяние.

ко различаются и повернуты основанием в разные стороны, это, несомненно, один и тот же знак.

Подобные тамги зафиксированы и на памятниках в других районах Кыргызстана. Аналогичные тамгообразные знаки были обнаружены среди наскальных рисунков в Алайской долине и на северном берегу оз. Иссык-Куль, у подножия хребта Кунгей Ала-Тоо [Табалдиев, Солтобаев, 2001, с. 71].

Ближние по начертанию тамгообразные знаки с округлым основанием и загнутыми в разные стороны концами зафиксированы на разновременных памятниках в Средней Азии, Казахстане, Северном Причерноморье, Монголии. В западном ареале своего распространения преобладают тамги с основанием, обращенным вниз, концами вверх. Исследователи связывают эти знаки с ираноязычными кочевыми племенами сарматов и юэчжей [Вайнберг, Новгородова, 1976, с. 69 – 72]. В восточных районах евразийского пояса степей подобные тамги изображались основанием вверх, концами вниз. Наиболее полной аналогией кок-сайским является изображение тамги с округлым основанием, загнутыми концами и горизонтальной чертой под ними с петроглифического памятника Цаган-Толгой в Ховдосском аймаке Монголии [Пэрлээ, 1976, тал. 174, 181]. Этот памятник содержит рисунки, относящиеся к разным историческим эпохам от бронзового века до средневековья. Э.А. Новгородова датирует изображения тамг хуннским временем [1984, с. 118 – 123]. Ближние по начертанию тамги в виде округлого основания с загнутыми в разные стороны концами распространены у современных тюркских и монгольских народов. А. Аманжолов отметил сходство кок-сайских знаков с тамгами родоплеменных подразделений чомекей и канглы в составе казахов [2001, с. 97 – 98]. Похожие тамги известны у алтайцев и монголов [Сагалаев, Октябрьская, 1990, с. 23, табл. 1; Вайнберг, Новгородова, 1976, с. 71]. Аналогичные тамги имеются у родоплеменных подразделений бельтыр и каргинцев в составе современных хакасов [Бутанаев, 1990, с. 208, 219, 231, 234, 248].

Интересно, что тамги алтайцев и монголов расположены основанием вниз, концами вверх, а у хакасов, наоборот, – основанием вверх, концами вниз или повернуты горизонтально, совершенно аналогично кок-сайским.

Зона распространения хакасских тамг соотносится с ареалом древних тамг на территории Монголии, а алтайских и монгольских – с древними тамгообразными знаками западного ареала евразийского пояса степей. Кок-сайский вариант тамги, видимо, связан с цаган-тологийским вариантом из Монгольского Алтая.

Весьма примечательно, что “муж и герой Адык” дважды, а может быть, и трижды, изображен на камнях Кок-Сая. Наиболее совершенное по технике ис-

полнения и набору реалий изображение выбито на камне с надписью № 3. Это настоящий петроглифический портрет конного воина Адыка с надписью над изображением всадника. Все исследователи уделили значительное внимание этому рисунку. Всадник изображен развернутым анфас корпусом, верхом на идущей слева направо лошади, которая дана в профиль. Воин с головой, обращенной назад, показан в острове верхом головном уборе, вероятно, в шлеме с коническим навершием с плюмажем. У мужчины широкие плечи, мощный корпус, узкая талия. Правая рука согнута в локте, кисть поднята вверх. На ладони сидит крупная птица. Ее изображение сохранилось не полностью. Видны две лапы и длинный, расширяющийся к концу хвост. С ладони руки свисает двойная веревочка или ремешок. Вероятно, это ремешок, которым связывали ноги ловчей птицы. Левая рука всадника согнута в локте, держит поводья. На туловище воина изображены широкие прямоугольные пластины. Видимо, всадник одет в пластинчатый панцирь-куяк с подолом выше колен. За его спиной показан высокообушный боевой топор на прямой рукоятке. Возможно, он прикреплен ремешком к поясу. На левом боку всадника показан небольшой выступ. Может быть, это рукоять палаша или сабли. Ноги всадника вытянуты, ступни свисают ниже туловища лошади. Конь изображен с маленькой головой и приостренными ушами, тонкой, изогнутой шеей, с поводьями. Тело и круп лошади непропорционально крупные. На крупе показан подфейный ремень с пятью крупными бляхами ромбовидной или сердцевидной формы. Левая передняя нога лошади слегка согнута в колене, остальные ноги прямые (см. рис. 3, 4).

Рисунок выполнен в технике точечной выбивки с большим мастерством. Реалии переданы с большой точностью и выразительностью.

Еще одно, аналогичное по композиции и технике исполнения, изображение всадника с ловчей птицей на лошади выбито на поверхности массивного камня, расположенного в сотне метров западнее камня с надписью № 3. Оно сохранилось не полностью и беднее реалиями. Всадник изображен с развернутым назад корпусом. На правой руке у него сидит ловчая птица, в левой руке повод. У лошади показаны голова, шея, поводья, туловище и хвост. Не сохранилось изображения шлема воина и ног лошади. У всадника не детализирован панцирь и не показан топор. Зато полностью сохранилась фигура сидящей птицы. У нее маленькая головка с загнутым клювом и гребнем, тонкая шея и крупное туловище (рис. 15).

Вероятно, тот же мужчина-воин, но уже в спешенном положении запечатлен в составе композиции на камне с надписью № 2. Изображение антропоморфа не вполне четкое. Возможно, мастер изобразил воина, опустившегося на одно колено и стреляющего из

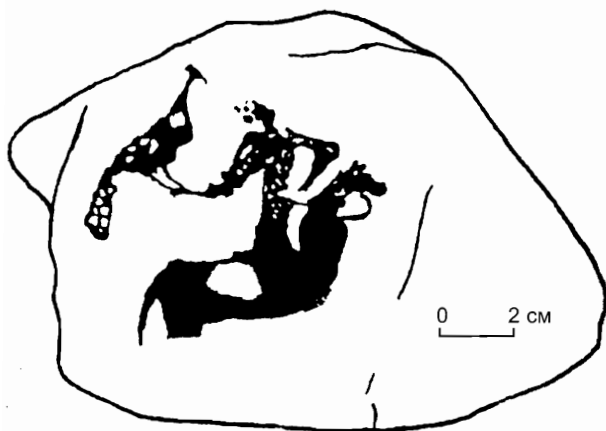

Рис. 15. Камень с изображением всадника с птицей на руке. Кок-Сай.

лука. Во всяком случае силуэт напоминает отдельные реалии, характерные для изображений пеших стрелков. За спиной у антропоморфа показана стоящая лошадь с опущенными поводьями. Ее передние ноги соединены вместе, возможно, спутаны. За лошадью изображена стоящая птица (см. рис. 2). По предположению С.Г. Кляшторного, птица на руке изображает павлина, а сам рисунок связан с согдийским искусством [2001а, с. 214 – 215]. На наш взгляд, больше оснований считать эту птицу ловчей, например, беркутом, а саму сцену связывать с богатырской охотой. В этом случае на всех трех камнях Кок-Сая изображены разные эпизоды охоты “мужа-воина Адыка”. Нет достаточных оснований считать, что “круп лошади покрыт коврой попоной, седло отсутствует” [Кляшторный, 2001б, с. 74] или что всадник изображен “верхом на боевом бронированном коне” [Аманжолов, 2001, с. 98]. Судя по подфейному ремню с подвесными бляхами, на крупе лошади Адыка нет ни коврой, ни защитной попоны. Кроме того, охотиться на лошади, покрытой попоной, в горах очень непросто.

Фигура “мужа-воина Адыка” имеет ряд отличий от выполненных в традиционной манере изображений древнетюркских конных и пеших воинов, которых показывали с длинными, распущенными или заплетенными в мелкие косички волосами, развевающимися за спиной [Худяков, 1986, рис. 72, 3, 4; Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1997, рис. 2, 1]. Подобная манера изображения тюрков существовала и в согдийском искусстве [Могильников, 1981, рис. 22, 1, 2, 8]. Иначе изображены и древнетюркские панцирные всадники на петроглифах в Монголии. У них рогатые шлемы, длиннополые катафракты, лошади в защитных пополах [Новгородова, 1984, рис. 60].

Кок-сайский всадник в панцире имеет черты сходства с конным воином с Сулекской писаницы в Хакасии, который изображен в шлеме с плюмажем, в пан-

цире, с разворотом корпуса анфас. Благодаря технике резной гравировки и контурной манере исполнения сулекский всадник выполнен более детально [Худяков, 1980, табл. LI]. Отдельные детали на кок-сайском рисунке, пластинчатый панцирь и крупные подвесные бляхи на подфейном ремне коня должны относиться к более позднему времени, чем период существования Тюргешского каганата.

Нуждается в определенной корректировке и историческая интерпретация самого Кок-Сайского комплекса. По предположению С.Г. Кляшторного, кок-сайские надписи, содержащие имя человека и название местности, должны соответствовать месту зимней стоянки владельца угодий. В Южной и Восточной Монголии, Гоби и Хэнгэ им были изучены аналогичные по содержанию рунические надписи [Кляшторный, 1978, с. 157 – 158]. “Одна и та же формула, – отмечает исследователь, – многократно, скорее всего, ежегодно повторялась, а сами надписи высекались на видном месте крупными знаками и были предельно кратки” [Кляшторный, 2001б, с. 75]. В этом предположении не объяснено, для чего ежегодно высекать на видном месте надпись одного и того же содержания, если факт пребывания владельца на данном месте уже зафиксирован предшествующей надписью, которая ни куда не исчезла и хорошо видна. Кроме того, в текстах названо не место стоянки, а “наш Ярыш”, т.е. вся Кочкорская долина, и отмечено, что кочевье или становище Адыка находится не в Кок-Сая, а “на востоке” от него [Там же, с. 74].

По нашему мнению, мужу-воину Адыку понадобилось многократно письменно заявлять о своих претензиях на владение долиной “Ярыш в стране Десяти стрел” потому, что в реальности она ему не принадлежала, а являлась спорной территорией, и претендовал он отнюдь не на участок каменистого склона горной цепи Укек, а на всю Кочкорскую долину. Однако реально он смог заявить о своих претензиях лишь во время своих непродолжительных походов в восточную часть долины, куда приходил с места своего кочевья, находившегося восточнее Ярыша на Восточном Тянь-Шане.

Трудно согласиться с тем, что выражение “наш Ярыш в стране Десяти стрел” свидетельствует о тюргешской принадлежности мужа-воина Адыка, который “как бы говорит от имени государства” – Тюргешского каганата [Там же, с. 75]. Скорее его заявление напоминает утверждение завоевателя, которое можно понять так: “Я муж-воин Адык. Долина Ярыш в стране Десяти стрел теперь наша (или моя). Я пришел со своего кочевья на востоке”. А долину Ярыш Адык хотел, вероятно, видеть своим охотничьим заповедником, поскольку повелел изобразить себя с ловчей птицей на руке.

Очевидно, стоит обратить внимание на “геройское имя” Адыка – “медведь”. Представляется, что

для тюркешского знатного воина, предки которого обитали на Тянь-Шане и в Семиречье уже два столетия, выбор в качестве геройского имени названия представителя северной таежной фауны маловероятен. Конечно, имена богатырям совсем не обязательно подбирались из названий местной фауны. Устрашающие прозвища давались воинам и в тех странах, где львы, тигры и другие свирепые хищники не водились. Но чтобы назвать человека медведем, надо знать, что это за зверь, реальный или мифический.

Заключение

Итак, судя по всему, “муж-воин Адык” неоднократно совершал походы в долину Ярыш, поскольку хотел завладеть ею и включить в свои охотничьи угодья. О своих претензиях он заявлял в надписях, подтверждал своими тамгами и портретами на камнях Кок-Сая, сохранившихся в восточной части долины. Происходило это в то время, когда долина носила тюркское название Ярыш и принадлежала во время походов или в недавнем прошлом Тюркешскому каганату. Свое взрослое, мужское, геройское имя Адык получил потому, что в представлении нарекивших этим именем медведь был внушающим уважение зверем, именем которого не зазорно назвать повзрослевшего мужчину. Воин Адык совершал походы в долину Ярыш с востока, из восточных районов Тянь-Шаня – мест его кочевья. Его сородичи или предки некогда обитали в Монгольском Алтае (здесь на скальных плоскостях Цага-Толгой были обнаружены аналогичные кок-сайским тамги).

Предки Адыка, возможно, проживали в тех местах, где медведь является почитаемым животным, хозяином тайги, а на восточном Тянь-Шане оказались, пройдя через Монгольский Алтай. Если правы те тюркологи, которые считают рунические надписи в Тянь-Шане более поздними по сравнению с енисейскими, то походы Адыка в долину Ярыш должны относиться ко времени после разделения единого этнического массива кыргызов на енисейскую и восточно-туркестанскую ветви, которое произошло вслед за киданьским завоеванием Центральной Азии в первой четверти X в. н.э., завершившем эпоху кыргызского великодержавия.

Список литературы

- Аманжолов А.** К интерпретации чуйских рунических надписей // Байыркы кыргыз тарыхынын ауткалдуу проблемары: Эл аралык илимий конгресстим билдируу ворунун тезистер. – Бишкек: Б.и., 2001. – С. 97 – 100.
- Буганаев В.Я.** Этническая история хакасов XVII – XIX вв. Хакасы. – М.: Институт этнологии и этнической антро-

пологии АН СССР, 1990. – 273 с. – (Материалы к серии “Народы Советского союза”; Вып. 3).

Вайнберг Б.И., Новгорода Э.А. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии. – М.: Наука, 1976. – С. 66 – 74.

Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. – Фрунзе: Илим, 1987. – Вып. 3. – 168 с.

Кормушин И.В. К палеографическим особенностям таласских надписей // Байыркы кыргыз тарыхынын ауткалдуу проблемары: Эл аралык илимий конгресстим билдируу ворунун тезистер. – Бишкек: Б.и., 2001. – С. 94 – 97.

Кляшторный С.Г. Наскальные рунические надписи Монголии // Тюркологический сборник 1975. – М.: Наука, 1978. – С. 151 – 158.

Кляшторный С.Г. Всадники Кочкорской долины // Евразия сквозь века. – СПб.: Б.и., 2001а. – С. 213 – 215.

Кляшторный С.Г. Новые открытия древнетюркских рунических надписей на Центральном Тянь-Шане // Изв. Национальной Академии наук Кыргызской Республики. – 2001б. – С. 73 – 75.

Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 29 – 43. – (Сер. “Археология СССР”).

Новгорода Э.А. Мир петроглифов Монголии. – М.: Наука, 1984. – 168 с.

Пэрлээ Х. Монгол тумний гарлыгтамгаар хайж судлах нь. – Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны академи туухийн хурээлэн, 1976. – 270 тал.(на монг. яз.).

Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Знак и ритуал. – Новосибирск: Наука, 1990. – 209 с.

Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. – Бишкек: Айбек, 1996. – 256 с.

Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Рунические надписи Кочкорской долины // Изв. Национальной Академии наук Кыргызской Республики. – 2001. – № 1. – С. 68 – 73.

Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С. Древнетюркский памятник Беш-Таш-Короо // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: НГУ, 1999. – С. 55 – 81.

Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С. Древнетюркские поминальные памятники на Тянь-Шане (по материалам исследований Нарынского отряда) // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. – Новосибирск: НГУ, 2000. – С. 65 – 85.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI – XII вв. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 268 с.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Реконструкция конского убранства древних тюрков Центрального Тянь-Шаня // РА. – 1999. – № 3. – С. 50 – 58.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Новые находки предметов изобразительного искусства древних тюрков на Тянь-Шане // РА. – 1997. – № 3. – С. 142 – 147.

Материал поступил в редколлегию 25.10.01 г.

ЭВЕНКИЙСКИЙ ОБРЯД “ПРОВОДОВ МЕДВЕДЯ” КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА

Мифологические представления о медведе, сопряженный с ними комплекс ритуальных действий, который образно именуется медвежьим праздником и включает т. н. проводы (“захоронение головы”) зверя, широко распространены в среде охотников-рыболовов таежной зоны Сибири. В многочисленных публикациях, посвященных этому циклу представлений, обряды “медвежьего праздника”, как правило, рассматриваются сквозь призму промысловых культов, культа предков или магических действий, обозначающих поклонение сакральному животному [Мифы..., 1992, с. 128 – 130; Фрезер, 1984, с. 473 – 485].

Очевидно, что в том виде, в котором ритуалы “медвежьего праздника” зафиксированы исследователями XIX – XX вв., они хотя и стоят вне шаманских “мистерий”, но все же существенно “модернизированы” шаманистической космогонией. В этой связи “медвежий праздник” и в особенности его кульминационная часть – “захоронение головы” зверя могут, как нам кажется, рассматриваться в том же ключе, что и шаманский цикл календарных обрядов весеннего праздника *икэнипкэ*, основное содержание которого состоит, как известно, в репликации “космического порядка” и “связей” общества с “макромиром высших духов”, организующих “жизненное пространство” локальной общины и подтверждающих ее права на общинно-родовые угодья.

Наши оригинальные сведения о “медвежьем празднике” ограничены двумя записями 1972 и 1978 гг., произведенными со слов информантов, входящих в северную и южную диалектно-территориальные группы. Южная (административное название Мендзинкур) до начала 1960-х гг. обитала в бассейне левого притока Ангары – р. Чуны (Уда в верховьях и Тасеева после слияния с р. Бирюсой) и объединяла несколько родовых патронимий (около 40 чел.). Наблюдавшийся

нами ритуал “захоронения головы” убитого медведя исполнялся одной из последних представительниц этой группы – Е.И. Рукосуевой (1914 года рождения). Свежие впечатления об обряде и сопровождавшие его рассказы наших информантов (сестер Е.И. и Н.И. Рукосувых) об аналогичных действиях, совершавшихся данной группой в прошлом, опубликованы [Туров, 1978].

В кратком изложении обряд состоял в следующем. Освобожденную от шкуры голову медведя отделяли от туловища на уровне третьего шейного позвонка, в раскрытую пасть вставляли оструганный деревянный колышек – распорку, а в ноздри – веточки пихты. Как поясняли наши информанты, это делалось для того, чтобы медведь “никого не поймал” (“колышек ему мешать будет, пасть не закроется – человека схватить не сможет”) и “не учуял охотника”.

Очевидно, сам обряд “захоронения головы” и указанные меры предосторожности связаны с представлениями эвенков о “возрождении” убитого ими зверя, который мог отомстить “обидчикам”. Скорее всего, именно этими соображениями могут объясняться следующие стереотипные – по словам наших информантов, предписанные “традицией предков” – действия: подготовленную к “захоронению” голову медведя относили от места разделки добычи на 50 – 60 м в том направлении, “откуда зверь пришел”, и закрепляли на пеньке (в нашем примере была срублена сосна диаметром около 15 – 20 см) высотой около 1,5 м; голову устанавливали лицевой частью также в сторону, “откуда медведь пришел”, и в этом же направлении на стоящих друг за другом деревьях по числу прожитых медведем лет делали затесы на высоте несколько больше человеческого роста. Как поясняла Е.И. Рукосуева, “так *амака* (медведь) свою тропу видит, по ней уходит, снова живой делается, на эвенков не сердится”.

По словам информантов, отдельные части медведя (ost penis, лапа в шкуре) и, вероятно, его стилизованное изображение в металле или кости присутствовали в комплекте “семейных охранителей”. О сакральном значении “медвежьей лапы” свидетельствует и использование ее в качестве колотушки шаманского бубна. Хранение ost penis (“особая кость” – по словам наших информантов), как нам кажется, в силу “единства человеческой психики” и конвергентного повторения стереотипов мифологического сознания может иметь достаточно глубокую предысторию. Во всяком случае, память подсказывает такие аналогии, как известные стилизованные изображения медведя в погребениях Приангарья, а также три экземпляра ossa penis среди пока не опубликованного сопроводительного инвентаря одного из неолитических погребений, раскопанных В.И. Базалийским на берегу оз. Байкал.

По нашим данным, среди приангарских эвенков бытовало поверье, что “у медведя одна тропа, у человека – другая; потому без нужды эвенки медведя не убивают”. Семантически близкие этому представления зафиксированы еще С.М. Широкогоровым [1923]. По его сведениям, полученным от приамурских эвенков, между человеком и медведем складывались определенные отношения, которые создавали «своеобразную организацию – “таежное сообщество”, управляющееся своими нормами, обычаями и т.д.», а ментальное, закрепленное в верованиях разграничение мест обитания человека и медведя могло быть причиной того, что “многие тунгусы считают некоторые речки для себя недоступными”, чужими, занятыми хозяевами-медведями [Там же, с. 72]. Нивхи, согласно дневниковым записям Е.А. Крейновича [1973], наблюдавшего “медвежий праздник” у них, называли медведя не иначе как “горный человек, сосед”.

Логично было бы полагать, что зафиксированные С.М. Широкогоровым представления приамурских эвенков о медведе – сопернике человека, представителе иной, “соседней группы”, сформировались в результате их контактов с “дотунгусскими” нивхоязычными аборигенами. Так, по мнению Г.М. Василевич, происхождение иносказательных наименований медведя *манги*, *нгамэн-дзи*, *торгандзи* связано с включением в состав верхнеленских, северобайкальских, некоторых подкаменнотунгусских и охотских эвенков одноименных субстратов “дотунгусского населения” и с наследованием “от аборигенов представления о медведе-предке” [Василевич, 1969, с. 216]. Вместе с данными других источников наши сведения позволяют предполагать, что сакральный образ медведя мог в сознании эвенков ассоциироваться не столько с предком (на что якобы указывает его эвенкийское иносказательное название *амака*), сколько с мифическими первожителями, чужеродными соседями и бытовать в культуре всех диалектных групп, расселенных к западу от бассейна р. Амура.

Очевидно, что зафиксированные нами в среде “русифицированных” эвенков Приангарья следы “медвежьих обрядов” и связанных с медведем верований являются реликтами мифологического сознания. Наши информанты сообщали, что в определенных ситуациях добыча медведя являлась благоприятным знаком. Вестником удачи считали зверя, пришедшего на стойбище, не боящегося ни лая собак, ни криков людей, ни дыма костра, ни “холостых” выстрелов, а нападение сытого медведя, встреченного летом на охотничьей тропе, предвещало несчастье. Нельзя исключать того, что случайно забредший на стойбище зверь ассоциировался у эвенков с гостем, а предписанное традицией убийство такого зверя – с ритуалом приема приносящего удачу гостя. В свою очередь, нападение сытого зверя могло восприниматься в качестве вызова на поединок, не принять который значило в какой-то мере уступить зверю в своем “родовом праве” владения угодьями.

Все известные материалы об эвенкийских “медвежьих праздниках” указывают на то, что на медведя не охотились как на копытных и пушного зверя. По данным всех работавших по этой теме исследователей, добыча медведя была, как правило, результатом непреднамеренного (не связанного с целенаправленным поиском) обнаружения берлоги в границах “родовых угодий” охотника, а “медвежий праздник” устраивался лишь по случаю добычи медведя в берлоге.

В этом контексте единственное зафиксированное нами в группе ангаро-чунских эвенков ритуальное “захоронение” головы медведя вроде бы выпадает из стереотипного комплекса обрядов “медвежьего праздника”, поскольку обрядовые действия совершались над зверем, добытым вне берлоги. Однако сопоставление наблюдавшегося нами ритуала с описаниями “классических” образцов показывает, что атипичность данной ситуации компенсируется совпадением в ряде деталей действий Е.И. Рукосуевой со стереотипами поведения участников обряда “захоронения головы”, характерными для традиции “праздника медведя”.

Наблюдавшиеся нами действия, как и все известные по литературе аналогичные им, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что данный обряд имеет иную, нежели промысловый культ или культ предков, семантику. В поведении совершавшей ритуальное “захоронение головы” Е.И. Рукосуевой наше внимание привлекли следующие детали. Как бы осуждая противоречащие “нормам” действия убитого зверя, она заметила: “Видишь вредный какой, мы сохатого (лося, которого “задавил” медведь. – М.Т.) вон откуда следим, неделю ходим, а он нас опередил”. Наибольшее удовлетворение наш информант получил от того, что из множества выпущенных

в медведя зарядов именно ее *последняя* пуля (Е.И. Рукосуева подчеркнула это) поразила зверя. Все вместе, по нашему мнению, указывает на то, что добытый медведь воспринимался как соперник, а “неурочное” проведение обряда “захоронения головы” символизировало победу “настоящего хозяина угодий”, закрепления за ним “первичного права” их эксклюзивного освоения.

Связанный с медведем комплекс эвенкийских обрядов подробно рассмотрен в публикациях российских тунгусоведов [Анисимов, 1958; Василевич, 1936, 1969, 1971; Васильев, 1948]. Подробный анализ их материалов не имеет прямого отношения к теме данной статьи, и потому позволим себе акцентировать внимание лишь на тех деталях, которые аргументируют наши интерпретации как образа самого животного, так и семантики финальной части “медвежьего праздника” – обряда “захоронения головы”.

Прежде всего следует заметить, что многочисленные иносказательные наименования медведя (что, кстати, относится ко всем животным, представленным в космогонических мифах эвенков), по определению Г.М. Василевич, должны рассматриваться как “родственные термины без притяжательных суффиксов”. В этой связи можно предположить, что медведь, как и другие сакральные животные (лось, олень, волк, ворон и т.д.), в конце XIX – XX в. уже вряд ли воспринимался эвенками в качестве тотема или предка-прародителя. Характеру традиционных верований эвенков, отражающих “социальные” связи медведя и людей, на наш взгляд, более соответствует та категория наименований и понятий, которая определяется терминами “классификационного родства”, в частности, употребляется для обозначения возрастной группы “все те, кто старше меня”. Такие наименования медведя, как *амака*, *онёко*, *атырканна*, *этыркэн*, *ама*, *эне*, вероятно, обозначают возрастную категорию “старик ~ дед ~ бабушка ~ отцы ~ матери” вообще, безотносительно к связям по родству и свойству, и именно по этой причине бытуют без суффиксального обозначения персональной принадлежности.

Косвенным указанием на “классификационный” характер связей между медведем и “настоящим человеком – эвенком”, на наш взгляд, служит то, что табуированным считалось лишь мясо с головы медведя и этот запрет распространялся только на женщин в репродуктивном возрасте. Возможно, в сознании эвенков данный запрет ассоциировался с мифологическим сюжетом “брачной связи” между медведем и девушкой Хеладан, волей случая попавшей в “стойбище медведей” и прожившей в нем до весны в качестве члена “общины” наделенных свойствами человека медведей [Василевич, 1936, с. 38 – 40].

Все сюжеты этого типа характеризует один существенный момент. Через некоторое время зверь приказывает Хеладан убить себя, голову положить рядом с собой на “малу” (священное место в чуме за очагом напротив входа). Выполнив это и ряд других повелений медведя, Хеладан обнаружила по утру у себя в постели молодого, здорового парня, от которого через положенное время родилось двое детей. Есть все основания полагать, что в представлениях эвенков голова не только мифического, но и убитого в берлоге медведя ассоциировалась с образом живого, дееспособного наместника реального существа. Скорее всего, с этим связаны до сих пор бытующие среди эвенков поверья, согласно которым употребление половозрелой женщиной (особенно беременной) мяса с головы медведя наказывается рождением ребенка с “медвежьей отметиной” – большим родимым пятном на лице. Более того, в эвенкийских мифах медведь в качестве теоретически допустимого брачного партнера женщин экзогамного общества, на наш взгляд, выступает не иначе, как представитель чужого, инородного, не связанного кровным родством сообщества.

Все опубликованные данные по “культу медведя” позволяют предполагать, что в религиозных воззрениях эвенков с этим животным связано несколько антропоморфных образов: а) первого обитателя земли; б) трикстера; в) соперника, с которым эвенки ведут борьбу за охотничью территорию; г) богочеловека, участвующего в сотворении вселенной; д) существа, наделенного свойствами оборотня. Такая трактовка заложена в мифах и волшебных сказках о животных из фольклорного наследия западных эвенков, действующие лица которых – человек и медведь – противопоставляются друг другу как члены разных по происхождению сообществ. Первый идентифицирует свою принадлежность к роду “настоящих людей” по антропологическому признаку – разрезу глаз и именует себя и своих соплеменников “*Эвуники ~ эвеники ~ эвенки есачи* – поперечноглазые” [Василевич, 1969, с. 217; 1971, с. 157; Сравнительный словарь..., 1977, с. 435]. Медведь, подчеркивая свое пренебрежительное отношение к физически более слабому существу, в диалогах с другими животными и самим “настоящим человеком” называет эвенка “пенек поперечноглазый” [Василевич, 1936, с. 16 – 17].

Идентификация человека и зверя лишь по антропологическому признаку, на наш взгляд, может оцениваться как указание на то, что медведи и “поперечноглазые *эвенки есачи*” соотносят себя с “этнически” изолированными общностями, совместно обживающими территорию смежных угодий. Итог нашим размышлениям по поводу реальности эвенкийских представлений о родственных связях медведя и человека подводит Г.М. Василевич. В ряде публикаций она

убежденно настаивает на том, что какие-либо подтверждения их наличия как в мифологическом фольклоре, так и в общем комплексе космогонических представлений эвенков, ею не обнаружены (см., в частности: [Василевич, 1971, с. 159]), а попытка А.Ф. Анисимова увязать наименование медведя *манги* с семантикой “родовых предков” одной из территориальных общин эвенков [1958, с. 70 – 71], категорически ею отвергается.

Следует отметить, что, этимологизируя термин *манги*, А.Ф. Анисимов ссылается также на записи Е.И. Титова [1923, с. 96] относительно прибайкальских эвенков, в которых фиксируются представления последних о двойной (антропозооморфной) природе медведя и их сообщения о нем “как о первом обитателе земли – предке людей” [Анисимов, 1958, с. 111 – 114]. Косвенные аргументы в пользу альтернативного современному (генетическому) толкования термина “предок” содержатся и в сборнике разновременных записей текстов эвенкийского фольклора [Василевич, 1936], объединившем результаты работ нескольких ученых-тунгусоведов. Так, в тексте № 30 медведь фигурирует как одно из первых созданий верховного творца (в разных группах – *Сэвэки* ~ *Хэвэки* ~ *Шэвэки*, *Маин*, *Амака*, *Буга*) – черта *Харги*, который после сотворения вселенной становится хозяином нижнего мира, мира мертвых, откуда не возвращаются [Там же, с. 29 – 30]. Важно подчеркнуть, что данный миф отражает представления о последовательных актах “творения космоса”, установления организующих его норм, правил поведения и взаимоотношений между людьми и животными, с одной стороны, теми и другими жителями среднего мира и “божественными” обитателями верхнего и нижнего миров – с другой. В этой последовательности “бывший в те времена человеком” медведь появляется на “новой земле” раньше “настоящих людей” – эвенков и, следовательно, может рассматриваться как запечатленный в сознании этноса ее первый житель. Этот же сюжет отмечен нами в мифологической сказке, записанной В.И. Левиным от аянских эвенков [Там же, с. 216].

Во введении к помещенным в указанный сборник “Материалам по устному творчеству эвенков Прибайкалья”, собранным на верхней Лене, Витиме, Киренге и Нерчи, автор записей Е.И. Титов утверждает, что у ленских и северобайкальских эвенков со словом *манги* связаны образ “великана – охотника на космического лося *Хоглэн*” (Млечный Путь – след охотника *Манги*) и видовое название медведя [Там же, с. 162]. В этом же контексте следует указать на сообщение Г.М. Василевич о том, что в некоторых вариантах космогонических мифов о “творении средней земли” медведь, как и прочие “имевшие дар речи животные” (собака, ворон, волк в группах верхнеалданских

и илимпейских эвенков), является помощником “верховного духа – творца *Сэвэки*”, участвует в “акте творения человека” [1969, с. 215].

Таким образом, фраза А.Ф. Анисимова о медведе “первый обитатель земли – предок людей” должна быть разделена на две семантически разные части. Г.М. Василевич выделила и считала неверной лишь ту, которая якобы является указанием А.Ф. Анисимова на то, что сознание подкаменнотунгусских эвенков ассоциирует медведя с понятием “генетический предок”, – в ее многолетней практике исследований эвенкийских верований “ничего подобного” не отмечалось. В свете этого замечания Г.М. Василевич, очевидно, иначе, нежели указание на родственную связь, должно интерпретироваться и сообщение Б.А. Васильева о том, что охотские эвенки и орочи называли медведя “наш брат” [1948, с. 80 – 81].

Ряд обстоятельств, на наш взгляд, дает основания к соотнесению имени медведя *Манги* с образом черта – хозяина нижнего мира. Указания на адекватность такой связи, как нам кажется, содержатся в том же мифе о Хеладан. Напомним, что миф повествует о путешествии эвенкийской героини по шаманской реке – *энгдекит*. Поскольку путешествие по *энгдекит*, в ходе которого актер не только посещает мир умерших, но и возвращается в мир живых, доступно лишь шаманам, образ Хеладан, вероятно, сопоставим с образами легендарных женщин-шаманок “незапамятных времен, когда земля еще только становилась” (т.е. когда складывался существующий миропорядок). В таком случае, очевидно, “события мифа” предшествуют формированию исторических сказаний и бытовых рассказов, что, на наш взгляд, подчеркивается в финальной части мифологического сюжета, где Хеладан получает от “супруга-медведя” оленей, ряд бытовых предметов и “заповеди” относительно ритуальных действий “медвежьего цикла”.

По шаманской космогонии, вход в нижний мир расположен за девятым порогом *энгдекит* [Василевич, 1969, с. 213], и именно за девятым порогом Хеладан сходит на землю, попадает в мир “нелюдей”, которые не понимают ее речи (стереотипное обозначение “чужеродца”). То было “стойбище медведей”, от “брака” с одним из них у Хеладан родились два сына (младший – человек, старший – медведь). Развитие сюжета о двух братьях – их поединке, победа младшего и естественно предусматривающийся уход старшего – медведя в мир мертвых (*буни*; *улламрак* – букв. “угольная чернь”; *чунгудек* – букв. “место пупа, место центра”; *долбонитки* – букв. “по направлению к ночи”), – на наш взгляд, может коррелировать с космогоническим мифом о сотворении вселенной, где младший брат *Сэвэки* ~ *Экшэри* становится верховным божеством, а старший *Манги* ~ *Харги* – его противником, творящим все зло хозяином нижнего мира.

Можно, очевидно, полагать, что миф о путешествии Хеладан как вариант космогонических мифов, кроме “объяснения” происхождения основных компонентов бытовой культуры эвенков, имеет второй, скрытый смысл – объяснение того порядка отношений и связей человека с силами макромира, который устанавливается в первые дни “творения космоса”. В этом контексте понятия “эвэники ~ эвенки – настоящие люди”, “младший сын Хеладан”, “младший брат, хозяин верхнего мира Сэвэки”, могут быть выделены в один семантически однородный ряд культурных героев, которые через поединок со своими старшими по рождению соперниками (в том числе старшим, превратившимся в медведя сыном Хеладан) завоевывают “верховное право” освоения “средней земли”.

В этой связи вторая часть фразы А.Ф. Анисимова “предок людей”, на наш взгляд, семантически подчинена первой – “первый обитатель земли” и может рассматриваться как указание на то, что термин “предок” прежде всего соответствовал представлениям о существе, предшествующем человеку и участвующем в акте его “творения”. Сходство внешнего облика медведя и человека (не случайно первого не только в мифах, но и в бытовой лексике иногда именуют “большой мужик”) и стереотипный для первобытных верований эвенкийский вариант “очеловечивания” действующих в сказках и мифах животных позволяют предположить, что именно это лежит в основе представлений о медведе – первом человеке, “вторая, человеческая натура” которого проявляется как в “человекоподобном” реальном поведении, так и в “способности” являться в кругу людей в человеческом образе. В этой трактовке первичному семантическому слою понятий “брат”, “предок” могут соответствовать понятия “подобный, похожий на нас, людей”, однако “чужой, инородец”.

Такая семантика образа медведя логична еще и в свете того, что в героических сказаниях и бытовых рассказах эвенков и иноязычные соседи, и эвенки – члены чужих территориальных общин нередко обозначались словом “нелюди”, как и медведь, назывались *чулугды*, *манги* (!), *чангит*, *дептылы* – в русском переводе это соответствует понятиям “враг”, “силач”, “людоед”. Столь же широко известно, что “дикие люди – предшественники настоящих людей – *илэл*, *эвенки*” в сознании эвенков всегда рисовались существами антрополоморфного вида. В вариантах сказаний эвенков Чирингды их легендарные *нгаменди* (название которых сопоставимо с медведем) обычно характеризуются как инородные существа (“невидимые люди, их голоса не слышат... они могут брать что угодно, и предмет уходит”). Наличие этих ассоциаций, на наш взгляд, может свидетельствовать о том, что реальные иноэтнические соседи эвенков, как все

чужое, были мифологизированы и “совмещены” с образом медведя – существа “двойственной натуры” [Там же, с. 212].

Скорее всего, в мифологии эвенков образ медведя стоит в одном ряду с понятиями о всем инородном и, следовательно, потенциально враждебном – соседях-инородцах *манги* ~ *торганди*, соседях вообще, наконец, о первых обитателях среднего мира, где медведь как первое человекоподобное существо обживает и “обустраивает” землю вслед за мамонтом *Сэли*, гигантским змеем *Дябдар* и восьминогим железнорогим гигантским оленем *Калир*. В этот контекст органично вписывается вывод С.М. Широкогорова о том, что в практике хозяйственного освоения охотничьих угодий человек является одним из членов некоего “таежного сообщества” людей и зверей. В качестве примера он приводит таежные экосистемы Северной Маньчжурии, являющиеся объектами совместной “хозяйственной деятельности” двух подвидов медведя, тигра и человека. Для каждого из них поиск и добыча средств жизнеобеспечения связаны с постоянной сменой сезонных “охотничьих угодий”, при этом “большой (черный. – М.Т.) медведь идет впереди и занимает лучшие угодья, за ним идет, оспаривая иногда у него территорию, тигр, на худших местах... поселяется малый бурый медведь и, наконец, охотники-тунгусы”. Последние, “изучив хорошо этот порядок деления территории (между зверями. – М.Т.)... охотно принимают участие в боях (столкновениях зверей из-за угодий. – М.Т.)”, причем “охотник обычно убивает обоих бойцов” и тем самым как бы подтверждает и закрепляет свое право на территорию [Широкогоров, 1923, с. 73 – 74].

Те же примеры символической борьбы за владения зафиксированы в наших наблюдениях и в публикациях Г.М. Василевич. Отражающие это соперничество ритуальные поведенческие акты, на наш взгляд, логически и ментально связаны с соответствующими мифологическими сюжетами. Так, заметив оставленные на коре деревьев следы медвежьих когтей, охотник воспринимал их как вызов на поединок и оставлял выше медвежьей метки свою зарубку, “медведь делал свою выше. Таким образом, метки (человека и зверя. – М.Т.) доходили до вершины”, или на какой-то высоте от корней дерево подрубалось наполовину толщины ствола и загибалось к земле [Василевич, 1969, с. 217]. Как поясняли наши информанты, такого рода действия производились обязательно и должны были показать зверю, кто настоящий хозяин тайги.

Изложенные выше сведения о “культе медведя” и описания обряда “захоронения головы” в сопоставлении с материалами исследований Е.С. Новик [1984, с. 206 – 215] по семантике мифологического фольклора и шаманистическим верованиям коренного на-

селения Сибири представляются нам не чем иным, как отражением изначального (“первородного”) противостояния двух “хозяев средней земли” и регулярным воспроизводством мифического акта “первого раздела нового мира между человеком и зверем”. Следует при этом напомнить, что “медвежий праздник” эвенков и связанный с ним комплекс мифологических представлений сохранились и зафиксированы этнографами в редуцированном виде и являются этническими вариантами однотипных верований и обрядов, существовавших в прошлом и бытующих до сих пор в культуре всех коренных этносов Евразии и Северной Америки [Алексеев, 1960; Крейнович, 1973; Соколова, 1971; Цинциус, 1971; Штернберг, 1936].

Опубликованные разными авторами описания “медвежьего праздника” эвенков, без сомнения, демонстрируют общую схему стереотипного ритуального поведения, в некоторых деталях аналогичного характеру действий при совершении промысловых обрядов. В частности, как и “проводы зверя-гостя”, «обряд над медведем, добытым в берлоге, включал... действия, связанные с выслеживанием, добычей, свеживанием и распределением мяса... инсценировку гостин, когда голову медведя или его изображение “угощают”, “развлекают”, снабжают подарками для его сородичей, а затем торжественно “проводят”, водружая череп, кости или их макеты на дерево, на помост, в родовой амбар и т.д. ...Однако в отличие от обрядов, завершающих тот или иной промысловый сезон, медвежий праздник» не имел фиксированных традиций календарных рамок и сопровождал каждую добычу зверя в берлоге [Новик, 1984, с. 213].

Второй блок собранных нами опросных данных о “медвежьем празднике” был получен почти случайно, в ходе уточнения этимологии гидронимов на территории расселения т. н. катангской группы эвенков (бассейн Нижней Тунгуски, ербогаченский, наканновский и непский говоры северного диалекта). Здесь нами выделен гидроним *Чукиль*, которым обозначаются две небольшие реки в границах угодий двух соседних общин. Входящие в общины семьи расселились в этом районе относительно недавно (не ранее второй половины XIX в.) и представляют собой выходцев из двух территориально обособленных, некогда соперничавших между собой “диалектно-племенных” групп – еромо-тетейской и наканновской.

По сообщению наших информантов, гидроним *Чукиль* имеет прямое отношение к последнему акту трехдневного цикла обрядов “медвежьего праздника”, а именно, к ритуальной “борьбе мальчика” с “чучелом” медведя и последующему “захоронению головы” убитого зверя. Такая (народная) этимология гидронимов логична, поскольку “чучело” медведя и используемый для “захоронения головы” объект (дерево,

помост на высоких опорах) обозначаются одним и тем же словом – *чуки*. Весьма реальным представляется предположение о связи происхождения гидронима с тем, что добыча медведя в берлоге и в особенности сопровождавший ее ритуал “проводов – захоронения” зверя были для эвенков неординарным, “знаковым” актом, фиксировались в памяти нескольких поколений жителей данной территории [Василевич, 1971, с. 160].

В свете замечаний С.М. Широкогорова о постоянной борьбе человека и зверя за жизненное пространство логично предполагать, что медвежья берлога и лежащий в ней зверь связывались воображением эвенков с представлениями о “доме чужака”, “захвате” территории родовых угодий общины “инородцем”. В этом контексте добыча медведя в берлоге и следовавший за ней обряд “захоронения *чуки*” могли символизировать установленные “актами творения космоса” нормы и порядок организации “жизненного пространства”. Вероятность именно такого “прочтения” финала “медвежьего праздника” подтверждается данными Е.С. Новик, полагающей, что обряды этого цикла, “как и шаманские инициации”, могли “в ряде случаев становиться языком для установления космических связей во время календарных праздников, когда... налаживаются... коммуникацию со всеми (или с главными) божествами, от которых зависит благополучие...” [Новик, 1984, с. 213 – 214] (см. также: [Василевич, 1971, с. 162]).

Более того, Е.С. Новик полагает, что по структуре ритуальных действий “медвежий праздник” совпадает “с сезонными обрядами возрождения душ добытых животных...” и использует тот же “тотемический принцип классификации этносов в качестве языка моделирования связей... всего коллектива людей в их отношении с природной средой, где медведь выступает в роли универсального медиатора, кодирующего эту связь” [Новик, 1984, с. 215]. В частности, как и нганасанский обряд “чистого чума”, календарный праздник *икэнипкэ* подкаменно-тунгусских эвенков включает в целом нетипичную для этого типа шаманских “мистерий” сцену охоты на космического лося. Главное действующее лицо этой пантомимы, как и медведь, именуется *Манги*, представляет собой собирательный образ, соответствующий понятиям “великан”, “сказочный богатырь”, “черт”, “людоед”, “дух-предок”. Производным от *манги* является название Млечного Пути – *Манги тулнэдзек*, *Манги янкан*, *Манги кингнэдзенэн*, *Манги удзян* – букв. “лыжный след Манги” [Сравнительный словарь..., 1975, с. 530]. С этим же лексическим пластом, связанным с мифологическими образами “космических охотников”, очевидно, сопоставимы ороцкое, ульчское, орокское, нанайское *Mana*, удэгейское и маньчжурское *Мафа* [Там же, с. 531].

Тот же смысл “репликации космического порядка”, очевидно, вкладывался в пантомиму “борьба мальчика с *чуки*”. Являясь одним из обязательных элементов последнего акта “медвежьего праздника”, – обряда “захоронения головы”, эта инсценировка, кроме “передачи” *Сэвэки* сообщения о том, что участвующие в обряде члены эвенкийской общины чтут заповеданные нормы общения людей с миром “высших духов”, вероятно, обозначала очередную (после мифологической, связанной с теми временами, “когда земля нарождалась”) победу “младшего брата – человека” над “старшим” (в данном случае – реальным медведем) и тем самым дублировала “первородный” акт “божественной организации жизненного пространства”. Назначенный для “борьбы” мальчик (“младший брат”?) крепко обхватывал *чуки* (оплетенную ветками голову медведя) поперек “туловища” и изображал жестокую схватку, за которой, подбадривая мальчика одобрительными замечаниями, внимательно наблюдали все участники обряда. Наконец, высоко подняв *чуки* над головой, мальчик с силой бросал воображаемого медведя на землю и придавливал коленом. Как следует из сделанных Г.М. Василевич в 1920-х гг. записей, касающихся обряда подкаменнотунгусских эвенков, изображавшее медведя *чуки* в прошлом (очевидно, до начала XX в.) представляло собой оплетенные ветками части медведя: голова и уложенные “в анатомическом порядке... все кости медведя” [Василевич, 1971, с. 163].

Помещение головы медведя на помост (в дупло дерева, в развилку ветвей) у разных этнографических групп эвенков с незначительными отклонениями от общей схемы производилось либо сразу по окончании пантомимы борьбы и торжественного (ритуального) угощения – *тэкэмивун* ~ *тэкэвун’ом* (праздничное блюдо из мелко нарубленных вареных кусочков медвежьего мяса, сердца, легких, печени, залитых медвежьим жиром [Сравнительный словарь..., 1977, с. 230]), либо на следующий день. Остатки *тэкэмивун* ~ *тэкэвун’а* обязательно разносились всем не участвовавшим в обряде членам родовой общины, которые через ритуальное угощение могли приобщиться к общему торжеству сородичей [Василевич, 1971, с. 163].

Локальной спецификой порядка проведения обряда “захоронения медведя”, очевидно, следует считать то, что у подкаменнотунгусских эвенков ему предшествовало “захоронение” вынутых из черепа глаз медведя, которые помещали на отдельной листовнице, также называвшейся *чуки*. За день до обряда “захоронения головы” участники “медвежьего праздника” уходили в тайгу, найдя подходящее дерево, обтесывали его с трех сторон и, сделав выемку на высоте 2 м, вкладывали в нее завернутые в бересту или оплетенные ветками глаза зверя со словами: “Дедушка, глаза твои прячем в *чуки*... кедровки кричат!” На следую-

щий день после пантомимы борьбы и ритуального угощения выследивший берлогу охотник уходил “хоронить” голову медведя в *конги* – дупле дерева (чаще всего кедра) [Сравнительный словарь..., 1975, с. 411], которое с этого момента получало название *чуки*. Охотник должен сказать: “Дед, твоей голове я нашел такой чум, что никто его не найдет”. Судя по рисункам, сопровождающим это сообщение Г.М. Василевич [1971, с. 163], рядом с *чуки*, на котором помещалась голова медведя, на специальном помосте *дэлкэн* размещались оплетенные ветками шкура и кости медведя.

Иногда (в группе сымских эвенков – как правило) шкура с головы медведя передавалась шаману, который использовал ее в обрядах “поиска души” больного (предполагавших, в частности, “путешествие в нижний мир – землю медведей”). Очевидно, это связано с тем, что шкура символизировала душу живого зверя, призванную “сопровождать” шамана в его “путешествии”.

Столь же интересны сообщения о том, что у сымских эвенков *чуки* включало челюсти, отдельные кости медведя, предназначенные ему подарки в виде разноцветных лент, гребня, которым перед “захоронением” расчесывали шкуру зверя, “серьги” из кедровой хвои, а также лук и стрелу, использовавшиеся во время праздника (очевидно, в его первой фазе) для имитации стрельбы в уже убитого медведя. Все вместе укладывалось на подстилку из бересты, обертывалось ветками и относилось на запад от стойбища. Этот сверток подвешивали к стволу заранее выбранного кедра, а голову зверя помещали на пенек (высотой в рост человека) молодого кедра, закрепляя ее между двумя оставленными вверх шпёнками.

Изложенное выше, как нам представляется, позволяет констатировать следующее:

1) по своему внутреннему, скрытому смыслу обнаружение медведя в берлоге, его добыча и последующие обряды могут, на наш взгляд, оцениваться как целенаправленные действия, пресекающие “попытку вторжения” в границы охотничьих угодий общины “чужого”, что рассматривалось как явное нарушение существующего “мирового порядка”;

2) стереотипные, освященные традицией формы ритуального поведения в течение всего “медвежьего праздника” и в особенности в финальной его части – “захоронения головы” косвенно (через предписанные вербальные “знаки”) и непосредственно (через предписанный состав участников) демонстрируют очередное восстановление сложившихся в “мифологическом безвременье” и нарушенных “вторжением медведя” связей и отношений двух общностей – “настоящих людей”, представленных двумя и более кровными родами, и медведей-“оборотней”, представителей инородной “соседней общины”;

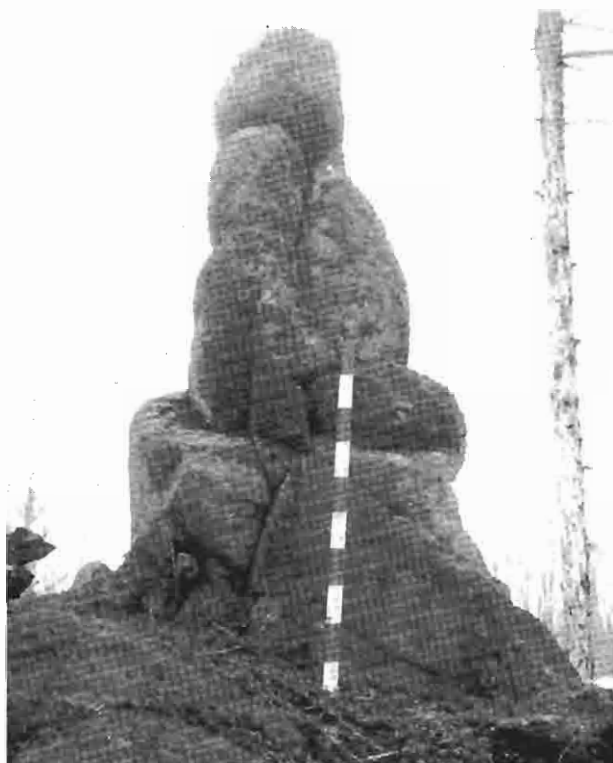

Рис. 2. Антропоморфный скальный останец в местности Ихэдекит.

Еще больший интерес представляет сообщение о том, что в границах охотничьих угодий эвенков илимпейской диалектной группы есть небольшая речка *Ихэдекит*, ее название в переводе с эвенкийского означает “площадка для танца с пением; место, где поют и танцуют” (возможно, от *икэ* – “петь”, *икэндзек* с суффиксальным окончанием *-кит*). Интересно также отметить, что в ряду производных от *икэ* стоит слово *икэвлэнни* – “совершать охотничий обряд над убитым медведем” [Сравнительный словарь..., 1977, с. 361]. Особый смысл данному гидрониму придает то обстоятельство, что охотившийся по этой речке эвенк обнаружил на ее левом высоком берегу (“на холме”) монументальную (высота около 2 м) фигуру, в которой он издаleка (“ближе боялся идти”) распознал “каменную бабу” (рис. 2). Даже если антропоморфная фигура является результатом естественного выветривания одиноко стоящего скального обнажения, она вполне могла (судя по названию речки, на берегу которой расположена) быть местом проведения регулярных обрядов.

В заключение следует особо подчеркнуть, что изложенные соображения, как и всякое осмысление явлений и феноменов, относящихся к верованиям, не более чем предварительные интерпретации самых

сложных для изучения элементов духовной культуры эвенков. В то же время обнаруженные нами дополнительные сведения о “необычных” гидронимах и связанных с ними природных объектах, на наш взгляд, выводят на новую проблему, которую можно было бы обозначить как “традиционные эвенкийские формы и способы маркирования жизненного пространства”.

Список литературы

- Алексеев Е.А.** Культ медведя у кетов // СЭ. – 1960. – № 4. – С. 90 – 104.
- Анисимов А.Ф.** Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. – М.; Л.: Наука, 1958. – С. 106 – 126.
- Василевич Г.М.** Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. – Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 286 с.
- Василевич Г.М.** Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVII – начало XX в.). – Л.: Наука, 1969. – 303 с.
- Василевич Г.М.** О культе медведя у эвенков // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. – Л.: Наука, 1971. – С. 150 – 169.
- Васильев Б.А.** Медвежий праздник // СЭ. – 1948. – № 4. – С. 78 – 104.
- Крейнович Е.А.** Нивхгу: Загадочные обитатели Сахалина и Амура. – М.: Наука, 1973. – 494 с.
- Мифы народов мира:** Энциклопедия. – М.: Сов. энцикл., 1992. – Т. 2. – 719 с.
- Новик Е.С.** Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. – М.: Наука, 1984. – 303 с.
- Соколова З.П.** Пережитки религиозных верований у обских угров // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. – Л.: Наука, 1971. – С. 211 – 238.
- Сравнительный словарь** тунгусо-маньчжурских языков. – М.: Наука, 1975. – Т. 1. – 672 с.; 1977. – Т. 2. – 992 с.
- Титов Е.И.** Некоторые данные по культу медведя у нижнеангарских тунгусов Киндигирского рода // Сибирская живая старина. – Иркутск, 1923. – Кн. 1. – С. 90 – 105.
- Туров М.Г.** К вопросу о религиозных воззрениях эвенков Ангаро-Чунского водораздела // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск, 1978. – Вып. 4. – С. 167 – 176.
- Фрезер Дж.Дж.** Золотая ветвь. – М.: Политиздат, 1984. – 702 с.
- Цинциус В.И.** Воззрения негидальцев, связанные с охотничьим промыслом // Религиозные верования и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. – Л.: Наука, 1971. – С. 170 – 200.
- Широкогоров С.М.** Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. – Шанхай, 1923. – 121 с. – (Изв. Восточного ф-та Дальневосточного ун-та).
- Штернберг Л.Я.** Первобытная религия в свете этнографических данных. – М.; Л.: Наука, 1936. – 572 с.

Материал поступил в редколлегию 28.03.02 г.

СИСТЕМЫ ПИТАНИЯ И ОБРАЗ ЖИЗНИ ПЕРВОБЫТНЫХ И ИСТОРИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ ОХОТНИКОВ-РЫБОЛОВОВ-СОБИРАТЕЛЕЙ

И сейчас настало время признать, что присваивающее хозяйство, то есть образ жизни рыболовов-собирателей-охотников, также имеет свое начало, не менее отчетливо выраженное, чем куда более часто обсуждаемое зарождение земледелия.

Иэйн Дэвидсон

Введение

Время окончания последнего оледенения, отступления ледника, глобального изменения климата было труднейшим для населения умеренных и высоких широт. Упрощая ситуацию, можно сказать, что популяции, пережившие эти события, получили "опыт", в значительной мере обеспечивший их выживание в последующие тысячелетия.

Резкое повышение влажности и температуры, таяние вечной мерзлоты привели к полному разрушению привычных миграционных путей, утрате стоянок, изменению флоры и фауны. Стремительность этих трансформаций, безусловно, была катастрофична для обитателей многих территорий. Если в предшествующие эпохи основными климатическими факторами естественного отбора были аридизация и похолодание, то в начале голоцена самые разные стороны жизни человеческих коллективов лимитировали влажность и повышение температуры. В самом общем виде, с точки зрения экологии человека, основной задачей раннеголоценового мезолитического населения Европы являлось приспособление к условиям умеренного климата.

Адаптация к резко континентальному климату значительно расширяет норму биологической реакции [Шмальгаузен, 1969], поэтому, с позиции нормальной физиологии, переход к более мягкому климату не представляет больших трудностей для организма. Основные проблемы раннемезолитического населения были связаны с освоением новых ландшафтов

и источников пищи, новых коммуникационных возможностей. Необходимость их решения обуславливала изменение культуры, которая адаптировалась к новой природной обстановке.

Общее повышение уровня Мирового океана, конечно, повлияло на расположение прибрежных поселений, многие были затоплены, образовались проливы на месте бродов и полосок суши, сформировались новые острова и архипелаги на месте прежнего морского побережья. Однако все эти изменения привели к сокращению обитаемых площадей и появлению новых водных преград, но не к смене экологической ниши. У обитателей побережий не было необходимости резко менять образ жизни. Ярким свидетельством тому служит сопоставление типов питания финальнопалеолитических и неолитических людей, оставивших погребения в Арене Кандидэ в Северной Италии.

Обитатели побережья Лигурийского моря и 10 – 11 тыс. л.н. [Bietti, 1987], и 4 – 3 тыс. лет до н.э. [Maggi, 1977; Tine, 1974] питались в основном животной пищей морского происхождения [Francalacci, 1989]. Важно подчеркнуть, что в эпоху неолита не происходит увеличения доли растительной пищи, как это можно было ожидать, исходя из общих соображений (табл. 1). Напротив, растительный компонент сокращается, а доля морепродуктов увеличивается. По сути дела, для людей зрелого неолита из Арены Кандидэ была характерна пищевая специализация: они питались морской рыбой и моллюсками приливно-отливной зоны. Для эппалеолита мы отмечаем широкое использование различных пищевых источников.

Таблица 1. Сопоставление концентраций некоторых элементов – индикаторов питания в костной ткани эпипалеолитического и неолитического населения из Арене Кандидэ (по: [Francalacci, 1989])

Элемент	Объект	Эпипалеолит			Неолит		
		n	X, ppm	C, %	n	X, ppm	C, %
Ba	Растительные	15	173,0	30,5	27	246,5	27,8
	Всеядные	3	99,0	26,0	13	218,9	33,2
	Хищники	1	69,9	–	4	158,3	25,3
	Люди	10	155,2	56,0	11	84,9	47,5
Cu	Растительные	15	14,66	31,61	28	12,57	48,3
	Всеядные	3	21,25	53,1	13	14,72	69,1
	Хищники	1	15,68	–	4	26,52	24,5
	Люди	10	16,21	33,7	11	195,4	50,8
Sr	Растительные	15	229,7	11,5	28	210,5	17,1
	Всеядные	3	195,2	34,7	13	242,1	28,8
	Хищники	1	174,8	–	4	199,9	17,3
	Люди	10	156,6	18,6	11	6,1	23,0
V	Растительные	15	7,44	31,6	28	7,25	46,2
	Всеядные	3	6,60	2,9	13	5,96	52,5
	Хищники	1	4,94	–	4	4,58	36,2
	Люди	10	5,56	36,0	11	5,13	44,4
Zn	Растительные	15	138,4	19,7	28	115,4	26,4
	Всеядные	3	200,9	22,2	13	152,2	18,8
	Хищники	1	223,3	–	4	205,1	9,8
	Люди	9	276,6	37,0	10	335,5	32,6

Более плавный процесс увеличения температуры и влажности сказался на всех обитателях ойкумены. Изменение условий предполагает перемены в структуре питания. Для первой половины голоцена актуально обсудить:

1) увеличение доли водных, в особенности морских, пищевых ресурсов в рационе человека;

2) появление прочной посуды длительного пользования, в которой можно термически обрабатывать, ферментировать и хранить пищу;

3) создание предпосылок для дальнейшей пищевой специализации, выразившейся в сельскохозяйственной деятельности.

Каждое из этих событий имело важные биологические и социальные последствия.

Мезо-неолитические сообщества побережий крупных водоемов

Появление на прибрежных поселениях раковинных куч характерно для голоцена Атлантического побережья Европы, побережий Восточной и Юго-Восточной Азии, Австралии, Северной и Южной Америки, т.е. это явление можно считать универсальным.

«Первые свидетельства собирательства морских моллюсков в дземоне известны на стоянке Нацуши-ма в Токийском заливе и датированы около 9 500 л.н.» [Кузьмин и др., 1998, с. 102]. Из десятков тысяч известных в настоящее время поселений культуры дземон 3 000 отмечены раковинными кучами [Раков, Вострцов, 1998].

Интересно, что «первооткрыватели» морских продуктов – обитатели Японских островов до сих пор держат первенство в мире по интенсивности использования морских ресурсов. Сегодня здесь добывается 16 видов съедобных красных водорослей, 5 видов зеленых и несколько бурых. «Для Японии известны не менее 50 видов двусторчатых морских моллюсков и 11 видов пресноводных моллюсков. Из иглокожих особенно ценится в Китае и Корее трепанг, который называется “морским женьшенем”» [Там же].

Многолетние исследования памятников бойсмановской археологической культуры в заливе Петра Великого позволили воссоздать образ жизни и тип питания обитателей побережья лагуны. Поселения носителей этой культуры функционировали в течение продолжительного времени (6 500 – 5 030 л.н.).

Таблица 2. Результаты изотопного анализа углерода в коллагене костей из погребений могильника Бойсмана-2 (по: [Йонедэ и др., 1998]), ‰

№ скелета	Возраст	Пол	$\delta^{13}\text{C}$
1а	18 – 20	Муж.	– 14,7
1б	40 – 45	Жен.	– 14,1
1в	10 – 12	Реб.	– 14,3
2а	55 – 60	Муж.	– 14,1
3а	14 – 15	»	– 15,1
3б	24 – 29	Жен.	– 13,9
3ж	40 – 45	Муж.	– 14,7
4а	24 – 25	Жен.	– 14,6
4б	22 – 25	Муж.	– 13,8
5	25 – 30	»	– 14,1

На стоянках Бойсмана-1 и 2 также есть раковинные кучи. Роль моллюсков в питании древнего человека – вопрос дискуссионный. Одни исследователи склонны видеть в них чуть ли не ведущий источник животного белка, другие – лишь добавочный в условиях голода. Особо важно, что безопасность получения этого продукта делает его незаменимо важным для женщин, детей и людей старшего возраста.

В раковинных кучах памятников бойсмановской культуры преобладают раковины тихоокеанской устрицы, обитающей на мелководье. На стоянке Бойсмана-1 представлены преимущественно субтропические и субтропическо-бореальные виды моллюсков, и ныне достаточно широко распространенные в заливе Перта Великого [Там же, с. 255]. Наличие этих теплолюбивых видов указывает на то, что в атлантическое время климат был теплее. Температуры, вероятно, на 10° превышали современные зимние и на 5° – летние. Раковинные кучи создавались в периоды трансгрессий океана (5 800 – 5 600 и 5 200 – 5 000 л.н.). Судя по наблюдениям и расчетам, “основной целью собирания моллюсков было получение белков в короткие периоды спада альтернативных источников получения белка, который обычно происходит в конце весны – начале лета” [Там же, с. 270].

Первостепенное значение для обитателей бойсмановских стоянок имела рыбная ловля. Судя по распространению костей рыб в культурном слое, ей занимались круглый год, наиболее активно в конце лета – начале осени. Морской промысел играл менее значительную роль, чем лагунный, особенно на ранних этапах существования поселений. Рыбная ловля в лагуне и собирательство моллюсков не требуют большой физической силы и особых навыков. Таким способом может обеспечить себя пишей подросток, пожилой человек, женщина с маленьким ребенком. Данные виды получения ценной белковой пищи чрезвычай-

но важны как в хозяйственном (малые затраты энергии), так и в социальном (более независимое и благополучное положение женщин, подростков, людей пожилого возраста) плане. Возможно, именно с этим связано появление скульптурных изображений рыб, использовавшихся в ритуальных целях [Вострецов, 1998].

Охота на наземных млекопитающих и морского зверя – отличительные виды деятельности мужчин поселений бойсмановской культуры. Наиболее часто встречающиеся на этих стоянках скелетные остатки принадлежат благородному оленю, косуле, кабану, енотовидной собаке. “Охота на морских млекопитающих уступала по своему значению охоте на наземных млекопитающих и практиковалась в период спада наземных и рыбных ресурсов. За время существования поселения Бойсмана-1 наблюдается тенденция к уменьшению роли охоты на наземных млекопитающих и некоторому увеличению – на морских” [Там же, с. 349]. Это наблюдение важно с точки зрения динамики социальной жизни обитателей бойсмановских стоянок. Археологические артефакты (охотничье оружие и снаряжение) указывают на то, что на наземных животных охотились чаще по одиночке. Охота же на кита предполагает наличие слаженного, умелого и подготовленного коллектива охотников.

О существенной роли охоты на морского зверя свидетельствуют и результаты изотопного анализа костей погребенных на памятнике Бойсмана-2 (табл. 2). Содержание изотопа ^{13}C указывает на явно океаническое происхождение пищи. Обращает на себя внимание очень низкая изменчивость показателей, отсутствие какой-либо специализации у мужчин, женщин и детей, что приходит в противоречие с вышеприведенными предположениями археологов.

Таблица 3. Результаты изотопного анализа углерода в коллагене костей из мезолитических погребений Скатехолм, Люммелунда и Кунда (по: [Liden, 1995]), ‰

Погребение	Пол	$\delta^{13}\text{C}$
Скатехолм-28	Муж.	– 24,80
Скатехолм-29	Жен.	– 24,51
Скатехолм-30	Реб. 15 лет	– 16,29
Скатехолм-31	Муж.	– 16,15
Скатехолм-32	Жен.	– 26,82
Люммелунда-5	?	– 17,9
Люммелунда-6	?	– 19,1
Кунда	?	– 21,1
Кунда	?	– 23,3

Анализ антропологических материалов поселения Бойсмана-2 позволяет составить представление о демографической структуре этого сообщества [Попов, Чижишева, Шпакова, 1997]. Половозрастное распределение 20 индивидов достаточно узнаваемо: около 30% – дети до 10 лет, 40% – мужчины и 30% – женщины. Такая структура типична для оседлого населения с умеренной рождаемостью. Большое число детей до 5 лет связано с естественной уязвимостью младенческого и раннего детского возраста. Численное преобладание мужского населения – достаточно универсальный феномен позднего каменного века, еще не получивший однозначного объяснения. Однако на стоянке Бойсмана-2 это преобладание невелико и во всех возрастных группах представлены оба пола, что отличается от демографической структуры ряда сообществ мезолитических охотников (например, Минино I, Звейниекы, Васильевка), в которых численное превосходство мужского населения выражено гораздо отчетливее и свидетельствует о сходстве в данном плане с неолитическими обитателями побережий водоемов, ведшими более оседлый образ жизни (например, Сахтыш II).

Поскольку значительного пика смертности в женской части популяции в возрасте около 20 лет не наблюдается, можно говорить об умеренном уровне рождаемости и отсутствии особых стрессов, связанных с вынашиванием, рождением и вскармливанием детей.

Состояние зубной системы дает некоторую информацию об особенностях питания населения. Прежде всего следует отметить отсутствие кариеса, что можно расценивать как косвенное свидетельство преобладания протеинов и сырой пищи в ежедневном рационе. Прижизненная утрата зубов отмечена лишь у одного индивида, парадонтоз – только у людей старшего возраста. Все это указывает на полноценное

сбалансированное и достаточное питание населения, удовлетворительное обеспечение не только питательными веществами, но и витаминами. В целом можно предполагать преобладание белкового компонента при большом разнообразии источников питания.

Растительные ткани сохраняются хуже кости, поэтому сведения о растительной пище крайне скудны. Изотопный анализ скелетных останков человека с одновременных поселений на территории Японии показал, что растительный компонент преобладает во внутренних районах, а белковый – в прибрежных, где основу пищевого рациона составляли крупная рыба и морские животные, второе место занимала мелкая рыба, а третье – моллюски и наземные животные. Вероятно, такая же структура питания была присуща и обитателям стоянок бойсмановской культуры.

Ряд отмеченных особенностей позволяет предположить, что изначально население побережий придерживалось принципа использования максимально разнообразных пищевых источников, а впоследствии намечается специализация на рыбной ловле и охоте на морских животных.

Смешанный океаническо-материковый тип питания был характерен и для мезо-неолитических обитателей северных побережий Атлантического океана. Исследование изотопного и микроэлементного состава костных остатков людей с побережья Балтийского моря позволяет выявить особенности питания этого древнего населения.

Данные изотопного анализа костной ткани пяти скелетов из мезолитических погребений Скатехолм (Швеция) свидетельствуют о смешанном типе питания. Значение $\delta^{13}\text{C}$ варьирует от –26,82‰, что соответствует использованию наземных пищевых источников, до –16,15, что определенно связывается с употреблением морепродуктов [Liden, 1995]. Столь высокая изменчивость показателей позволяет судить об индивидуальных различиях в структуре питания мезолитического населения (табл. 3). Обращает на себя внимание то, что два индивида, характеризующиеся “морской диетой”, были погребены в соседних могильных ямах. Случайность ли это или, возможно, следствие их какой-либо связи (родственной или по роду деятельности)?

Могильник Люммелунда (конец VII тыс. до н.э.) расположен на о-ве Готланд, но не на самом побережье. Данные изотопного анализа костной ткани свидетельствуют, что здесь в рационе также присутствовала пища разного происхождения, но собственно морских продуктов было немного.

Микроэлементный состав костной ткани скелетов с этих двух мезолитических памятников ясно указывает на происхождение белковой пищи. В некоторых случаях (Скатехолм) обнаружено рекордно высокое

содержание меди – около 100 ppm, что свидетельствует об очень интенсивном употреблении в пищу морских беспозвоночных. Концентрации цинка значительные, при этом наблюдается высокая изменчивость показателей, указывающая на индивидуальные вариации использования в пищу мяса и рыбы. Изотопный состав костной ткани двух скелетов из погребений мезолитического памятника Кунда на Балтийском побережье Эстонии свидетельствует о полностью материковом типе питания, что находит подтверждение и в палеозоологических материалах этого памятника [Паавер, 1965].

О своеобразии питания мезолитического населения побережья Атлантики пишут М. Ричардс и Р. Хеджес [Richards, Hedges, 1999]. Авторы сопоставляют данные изотопного анализа, проведенного на материалах мезолитических памятников Европы и Америки (береговые могильники: Оронсэу, Шотландия; Тевбек, Бретань; необозначенные памятники побережий Португалии и Дании). Общая численность образцов – 15. Приведенное среднее значение $\delta^{13}\text{C}$ (–14,5‰) свидетельствует о морской специализации. Причем именно рыба, а не морские хищники составляли основу рациона. Авторы акцентируют внимание на том, что древнее население на территории Ньюфаундленда ($\delta^{13}\text{C}$ –20,3), Британской Колумбии ($\delta^{13}\text{C}$ –18,6), Калифорнийского побережья ($\delta^{13}\text{C}$ –20,3), в отличие от европейских жителей, в большей мере использовало охоту на морских животных, а не рыбную ловлю или зоособирательство. Это замечание важно, если вспомнить о заселении Америки популяциями специализированных охотников, которые благодаря мобильности их образа жизни преодолевали огромные расстояния и быстро “заполняли” территории.

Достаточно крупные пресные водоемы создавали природные условия, скорее приближающиеся к таковым морских и океанических побережий, а не к материковым. Исследование эпохальной изменчивости типов питания населения неолита и бронзового века на побережье Байкала и на берегах Лены и Ангары позволяет проиллюстрировать этот тезис [Katzenberg, Webre 1999; Вебер, Линк, 2001]. Изотопный анализ антропологических материалов памятников неолита (5 800 – 4 900, 4 200 – 3 000 лет до н.э.) и бронзы (3 400 – 1 700 лет до н.э.) послужил основой для таких реконструкций.

Как и ожидалось, наиболее изменчивы показатели, полученные для неолитических памятников: в костной ткани скелетов из Прибайкалья (Локомотив) $\delta^{13}\text{C}$ составляет –15,8‰ и указывает на употребление в пищу озерной рыбы, причем вида, обитающего на мелководье; а в образцах из могильников Макрушина и Турука на р. Лене этот показатель – 20,2‰, что соответствует питанию в основном мя-

сом наземных травоядных животных [Katzenberg, Webre 1999; Вебер, Линк, 2001]. Такое крупное озеро, как Байкал, существенно влияет на формирование типа питания населения, поскольку его пищевые ресурсы значительно разнообразнее, чем реки. Обитатели речных побережий предпочитают использовать богатые пищевые ресурсы тайги.

Несколько иная картина наблюдается при реконструкции типов питания населения озерных побережий северо-запада европейской части России. Яркий расцвет мезо-неолитических культур на этих территориях, конечно, был обусловлен благоприятной природной обстановкой и в первую очередь богатыми пищевыми ресурсами.

В 1993 г. на берегу Кубенского озера вологодская экспедиция Научно-производственного центра “Древности Севера” под руководством С.Ю. Васильева обнаружила многослойный могильник с погребениями позднего каменного века [Суворов, 1998]. Полученные радиоуглеродные даты подтвердили мнение о том, что памятник относится к периоду позднего мезолита (начало VI – начало V тыс. до н.э.). Результаты микроэлементного анализа костной ткани нескольких скелетов из погребений каменного века данного могильника позволяют говорить о значительных индивидуальных вариациях рациона питания, как это отмечалось и для скандинавских мезолитических памятников. Однако концентрации цинка в костной ткани всех индивидов недостаточно высоки, чтобы предполагать специализацию на рыбной пище (табл. 4). Скорее, в данном случае население придерживалось смешанной диеты (мясо наземных млекопитающих, моллюски или насекомые, растения). К сожалению, среди обследованных погребенных всего одна женщина, поэтому мы не можем составить мнение о гендерных различиях в питании. Кости женщины обнаружены в парном погребении, и концентрации трех химических элементов в них сходны с таковыми в костной ткани мужского скелета из этого же погребения. Компактное возрастное распределение индивидов также не позволяет выделить типы питания детей и стариков. Отмеченная значительная индивидуальная изменчивость дает основание предполагать не только структурные, но и количественные расхождения в рационах питания разных людей. Так, индивиды, захороненные в погр. 4, 11, 13, возможно, переживали периоды длительного недоедания или голода.

Наиболее изменчивые компоненты рациона в группе из Минино I – растительная пища и мясо. Это находит аналогии в материалах позднемезолитического Оленеостровского могильника. К. Джейкобсом была предпринята попытка выделить различные по “богатству” погребения, что, по его мнению, должно отражать социальное положение погребенного [Jacobs, 1995]. Автор провел корреляционный анализ

Таблица 4. Индивидуальные данные о концентрации цинка, меди и стронция в костной ткани скелетов из могильника Милино I, ppm

№	Возраст*	Пол	Zn	Cu	Sr
3	30 – 39	Муж.	86,48	3,16	46,12
4	25 – 35	»	71,76	1,38	88,32
5	20 – 29	»	86,61	3,38	40,14
10	20 – 29	»	105,31	8,70	113,14
11	50	»	81,46	2,02	53,12
13	30 – 39	»	72,94	2,67	56,65
15	25 – 35	»	142,83	2,91	50,80
16	35 – 45	»	113,46	3,69	71,73
17	35 – 45	»	107,04	8,42	59,96
19/2	20 – 25	Жен.	125,85	5,72	77,94
19/3	18	Муж.	126,94	4,85	51,14

* Половозрастные определения выполнены А.П. Бужиловой.

с целью выяснения связи между статусом погребенного и его физическим развитием, состоянием здоровья, типом питания. В качестве индикатора типа питания был выбран стронций. К сожалению, этот элемент может быть использован только для оценки растительного компонента в пище, да и то в основном зерновых злаковых.

Полученные К. Джейкобсом результаты указывают на обратно пропорциональную зависимость между концентрацией стронция и “богатством” погребения. Концентрации стронция, как правило, выше у женщин, что соответствует, вероятно, большему количеству растительной пищи в их рационе. В самых “богатых” погребениях захоронены индивиды, у которых этот показатель ниже, т.е. они употребляли меньше растительной пищи. Такая связь ожидаема. В рационе человека более высокого социального ранга более ценная и сытная пища. Показатели физического развития не обнаруживают связи с “богатством” погребения. Из этого можно заключить, что различия в питании были не так велики.

Таким образом, у охотников-рыболовов-собираателей, обитавших на берегах озер северо-запада Европейской России, не наблюдается такой специализации на водных ресурсах, как у жителей мелководных побережий Тихого, Атлантического океанов, Байкала. Традиции их питания скорее сопоставимы с таковыми носителей культуры, к которой относится мезолитический памятник Кунда, а также обитателей внутренних районов Швеции. Это может быть связано с некоторым культурным единством, а может объясняться экологической целесообразностью. Вероятнее второе. Как показали исследования большого числа мезо-неолитических групп населения Скандинавии, тип питания в большей мере диктуется ло-

кальными пищевыми источниками, а не культурной традицией [Liden, 1995]. Эта закономерность нарушается лишь с появлением производящих форм экономики.

Мезо-неолитические сообщества лесной полосы Восточной Европы

В особую экологическую нишу можно выделить бореальные леса Восточной Европы. Умеренные и низкие температуры, высокая влажность, густой лес, затрудняющий передвижение, реки как основные коммуникации – все это объединяет обширные территории и позволяет описывать обитавшие здесь мезо-неолитические сообщества как единую структуру. Имеющиеся в моем распоряжении материалы позволили на примере некоторых памятников, расположенных в этих ландшафтах, реконструировать особенности питания, состояния здоровья населения.

К вопросу о типе питания обитателей стоянки Ивановское VII

Многослойный памятник Ивановское VII, расположенный у пос. Ивановское в 30 км к северо-востоку от Переславля-Залесского, был обнаружен в 1973 г. Д.А. Крайновым и в течение ряда лет исследовался Верхневолжской археологической экспедицией ИА РАН [Уткин, 1998]. Антропологические находки, происходящие из его сухоходной части и связанные с неолитическими слоями [Жилин, Энговатова, 1998], имеют большое значение для воссоздания физического облика позднеловского финально-неолитического населения. Изучение краниологических материалов различных волосовских могиль-

Таблица 5. Результаты химического анализа образцов кости со стоянки Ивановское VII, ppm

№ п/п	Шифр	Пол	Возраст	Cu	Zn	Sr
1	Ив-VII, череп в культурном слое	Муж.	30 – 40	2,44	164,27	69,09
2	Ив-VII, кость животного	—	—	1,71	210,01	116,59
3	Ив-VII, погр. 5	Жен.	Около 20	6,05	237,99	63,59
4	Ив-VII, кв. IIa	»	?	3,81	55,65	74,11
5	Ив-VII, погр. 2	Муж.	?	6,17	306,54	55,55

ников показало, что это население можно считать генетически родственным древнейшим мезолитическим обитателям лесной полосы, оставившим такие известные погребальные памятники, как Южный Олений остров, Попово, Звейниeki [Алексеева, 1997]. На территории стоянки обнаружено пять погребений различной сохранности [Костылева, Уткин, 1998].

Палеоантропологи зачастую сталкиваются с уникальными материалами плохой сохранности и малой численности, на основе которых невозможны палеопопуляционные построения. Мы вынуждены обращаться к индивидуальным экспертизам. Информационная достоверность последних вызывает дискуссии, однако сегодня это единственный инструмент, позволяющий работать с малочисленными палеоантропологическими материалами [Козловская, 1998].

В данном случае был проведен микроэлементный анализ пяти образцов. Определялись концентрации меди, цинка и стронция (табл. 5). Все эти элементы традиционно используются для реконструкции типа питания. Хотя в данной маленькой выборке очень большая индивидуальная изменчивость концентраций цинка и стронция, все индивиды (за исключением № 5) могут быть охарактеризованы как употреблявшие большое количество мяса наземных позвоночных или рыбы и немного растительной пищи.

Обращает на себя внимание тот факт, что химический состав костной ткани скелетов из погр. 2 и 5 отличается от такового скелетных остатков, обнаруженных в культурном слое стоянки. Показатели, полученные по образцам из погребений, вполне соответствуют ожидаемым. Высокие концентрации цинка вызваны употреблением мяса наземных позвоночных и рыбы. В данном случае, вероятно, мы имеем дело именно со смешанной диетой без подавляющего преобладания рыбы, как это было определено для погребенных на могильнике Сахтыш IIa [Козловская, 1996, 1997]. О том, что люди, оставившие захоронения на поселении в льяловское время (IV тыс. до н.э.), вели комплексное охотничье-рыболовческо-собираческое хозяйство, свидетельствуют и данные палеозоологии [Кириллова, 1998; Карху, 1998; Сычевская, 1998].

Полученные данные наиболее близки к результатам анализа костной ткани двух скелетов с неолитического поселения Замостье*, которое изучается на протяжении многих лет А.Н. Сорокиным. Для скелета мужчины из погр. 4 концентрация цинка составляет 180 ppm, женщины из погр. 3 – 357, концентрации стронция соответственно 35 и 43 ppm, а меди – 9 и 18. Вероятно, мужчина из Замостья в большей мере питался охотничьей добычей, а женщина – рыбой. У мужчины и женщины со стоянки Ивановское VII подобных ярких различий мы не наблюдаем. В костной ткани скелетных остатков из культурного слоя концентрации меди и цинка (индикаторов животной пищи) гораздо ниже, а стронция (маркера растительной пищи) – более высокие. В образце № 4 концентрации цинка крайне низкие. Чем это вызвано? В настоящее время я могу предложить только три гипотезы:

- 1) в культурном слое по какой-то причине оказались останки индивидов, которые питались иначе, чем обитатели стоянки;
- 2) скелетные фрагменты из культурного слоя были некоторым образом обработаны, что повлияло на состав костной ткани;
- 3) различия в химическом составе образцов из слоя и погребений обусловлены плохой сохранностью первых.

Стоянка Сахтыш IIa: здоровье, образ жизни и питание населения

Комплексные антропоэкологические исследования скелетных остатков с могильника Сахтыш IIa позволяют соотнести динамику характеристик питания, демографических особенностей, показателей физического развития и состояния здоровья. Антропологическая серия этого могильника может рассматриваться как модель энеолитического сообщества охотников-рыболовов-собираателей лесной полосы умеренной зоны. Памятник открыт в 1986 г. Д.А. Крайновым, Е.Л. Костылевой и А.В. Уткиным. В 1993 г. раскопки могильника завершены [Алексеева и др., 1997].

* Материалы для химического анализа любезно предоставлены А.Н. Сорокиным.

Это исследование посвящено анализу встречаемости маркеров стресса в антропологических материалах могильника Сахтыш Па и гипотетическим реконструкциям причин, вызвавших эти стрессы.

Согласно концепции стресса, применительно к палеоантропологическим материалам [Goodman et al., 1984], его индикаторы могут быть подразделены на две группы: маркеры кумулятивного стресса и эпизодического.

Маркеры кумулятивного стресса (демографические показатели). Анализ палеодемографических данных о льяловской популяции представлен в недавней коллективной монографии [Федосова и др., 1997]. Наибольшее внимание авторами обращено на значительный процент детей среди погребенных и небольшую продолжительность жизни (26 лет для взрослого населения). После сведения различных источников половозрастных определений удалось составить следующую демографическую картину.

Серия доступных в настоящее время скелетов из льяловских погребений представляет 15 индивидов, из них 6 (40%) – дети, 5 (33%) – мужчины, 4 (27%) – женщины. Это соотношение вполне соответствует представлениям о палеопопуляции, а не о некоторой искусственной выборке из нее. Если за 100% принять количество взрослых индивидов, то мужчины составят несколько больше половины (55%), а женщины – меньше (45%). Преобладание мужских скелетов в могильниках доисторического времени – достаточно универсальное явление.

Итак, имеющийся материал позволяет предполагать, что демографические особенности льяловского населения соответствуют ожидаемым величинам по следующим признакам: соотношение полов, ранняя смертность, тенденция к увеличению продолжительности жизни в мужской части палеопопуляции. Что неожиданное в этих данных? Вероятно, достаточно большое количество детей среди погребенных и незначительные различия в продолжительности жизни мужчин и женщин. Как правило, высокая рождаемость сопряжена со стрессами беременности и послеродового периода и, соответственно, с высокой смертностью среди женской части популяции детородного возраста. Как упоминалось в публикации В.Н. Федосовой с соавторами, сохранность скелетных остатков оставляет желать лучшего, поэтому половозрастные определения не должны считаться высокодостоверными. Более ответственным является утверждение о достаточно высокой рождаемости для данной популяции.

Демографическая картина для волосовского населения гораздо более достоверная, благодаря большей численности и лучшей сохранности материалов [Там же]. Исследователями отмечается кардинальное улучшение такого важнейшего показателя, как средняя продол-

жительность жизни. Для обобщенной волосовской выборки она составляет 32,9 лет. По данным, опубликованным в указанной работе, продолжительность жизни мужчин и женщин в ранне- и поздневолосовское время была неодинаковой. Мужчины среди ранних волосовцев доживали в среднем до 34,3 лет, а женщины – до 32; в поздневолосовский период соответственно до 37 и 35 лет. Для древних охотников-рыболовов-собирателей это очень высокие показатели. Особого внимания заслуживают детские захоронения волосовского времени. Их число очень невелико и составляет 11,5% от общего количества погребений. По мнению исследователей, это связано с бытованием среди волосовского населения иных форм обрядов захоронения детей.

Увеличение продолжительности жизни женщин чаще всего сопряжено с уменьшением стрессов беременности и родов. Возможно, малое число детских погребений – не только следствие того, что детей хоронили в иных местах и по иному обряду, но и признак изменения демографической структуры.

Несмотря на указанные неясности, можно резюмировать: уровень жизни волосовских сообществ на поздних этапах существования культуры был выше, чем льяловских.

Маркеры эпизодического стресса. 1. Эмалевая гипоплазия. Характеризуя палеопопуляцию, оставившую могильник Сахтыш Па, в целом, следует отметить высокий процент встречаемости эмалевой гипоплазии (79,31%), заметно превышающий значения этого показателя, полученные для средневековых охотников-собирателей Нового Света (45%) и доисторических популяций охотников-собирателей с территории Калифорнии (16%) [Goodman et al., 1984]. Хотя есть данные, свидетельствующие и о крайне высокой частоте встречаемости эмалевой гипоплазии в сообществах охотников-собирателей каменного века (86 – 94%) [Cassidy, 1984, p. 307].

Эмалевая гипоплазия указывает на значительные стрессовые нагрузки в детском возрасте. Следует отметить, что частота встречаемости этого признака в одонтологических материалах слоев различной древности неодинакова: в льяловских – 100%, ранневолосовских – 85, а в относящихся к этапу развитой волосовской культуры – 66%. Таким образом, несмотря на фрагментарность данных, очевидно, что со временем уровень стрессовых нагрузок снижается.

Картина эпохальной динамики индикатора физиологического стресса становится еще более понятной при рассмотрении результатов с учетом пола. У женских скелетов из льяловского слоя гипоплазия представлена только в варианте множественных проявлений. В группе, относимой к слою ранней волосовской культуры, все женские скелеты имеют ту или иную степень поражения эмали зубов, а из двух мужских гипоплазия обнаружена у одного.

Среди погребенных в волосовском слое наблюдается следующая картина: 100% женщин имели различные дефекты эмали зубов, а среди мужчин – лишь каждый второй (50%). Сопоставление частот встречаемости эмалевой гипоплазии в разных возрастных группах взрослых не выявило какой-либо закономерности.

На основании полученных результатов можно судить о некоторых общих характеристиках интенсивности стрессовых воздействий на палеопопуляцию. Фрагментарность данных заставляет воспринимать сформулированные суждения как гипотетические:

- 1) уровень стрессовых воздействий на палеопопуляцию очень высок;
- 2) со временем происходит его снижение;
- 3) уменьшение стрессовых нагрузок в первую очередь относится к мужской части палеопопуляции.

Исходя из вышеизложенного можно предполагать оптимизацию образа жизни нео-энеолитического населения. Связывать эти “достижения” непосредственно с изменениями окружающей среды (температура, характер растительности, влажность) в настоящее время оснований нет. Данные слишком фрагментарны, а картина климатической динамики в нео-, энеолите очень яркая и пестрая. Направленность изменения уровня стрессовых воздействий дает возможность предполагать ведущую роль социальных факторов. Как уже упоминалось, уменьшение частоты встречаемости индикатора стресса происходит в основном за счет мужской части популяции. Данный источник не позволяет ответить на вопрос, что было причиной этого явного полового диморфизма: известная более быстрая адаптация именно мужской части популяции или половые различия социальных условий в древнем сообществе. Стопроцентная встречаемость эмалевой гипоплазии на зубах из льяловских погребений свидетельствует о большом количестве стрессов детства [Козловская, 1997] (ср.: по поздненеолитическим материалам могильника Эетбелле в Южной Швеции [Liden, 1995] – 7%). С какими именно обстоятельствами связано столь неблагоприятное положение детей в сахтышских популяциях? В настоящее время невозможно реконструировать причины этих стрессов. Наиболее вероятные – недоедание, голод, патологии желудочно-кишечного тракта. Частота встречаемости индикатора стрессов детства уменьшается только в группе из поздних волосовских погребений, причем в основном среди мальчиков, где она составляет около 50%. Снижение именно за счет мужской части популяции может объясняться двумя причинами: более качественными условиями жизни мальчиков или более суровым отбором среди мальчиков, вследствие чего до взрослого возраста доживали только наиболее здоровые индивиды.

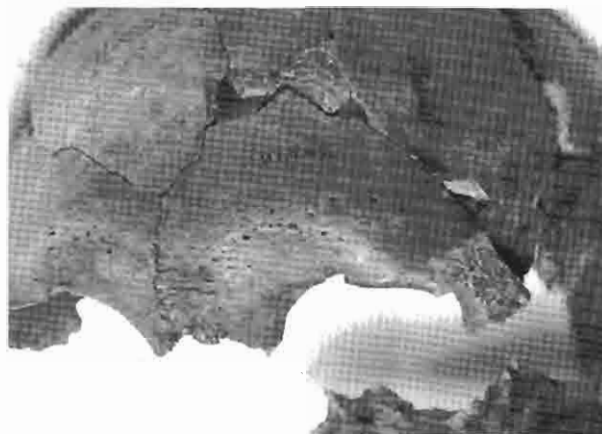

Рис. 1. Расширенные питательные отверстия на лобной кости в области надглазничного рельефа. Череп взрослого мужчины из культурного слоя поселения Ивановское VII.

2. *Васкулярная реакция на костях черепа.* Низкотемпературный стресс – фактор, влияющий на самые различные особенности макро- и микроморфологии скелета. Пониженные температуры, влажность, ветер сказываются на состоянии периферической кровеносной системы открытых частей тела человека. Расширение этих сосудов, интенсивность периферического кровотока могут сказываться и на состоянии питательных отверстий определенных участков костей (рис. 1). В результате адаптации к переохлаждению на поверхности костной ткани возникают характерные поры [Бужилова, 1998]. Частая встречаемость таких поверхностей в скелетной серии может расцениваться как свидетельство длительного пребывания людей на открытом воздухе в холодное время года.

Васкулярная реакция достаточно часто встречается на женских и мужских черепках льяловской выборки – 67 и 100% соответственно; в той или иной степени выражена на всех черепках волосовского времени. Столь широкое распространение этого признака свидетельствует о том, что люди долгое время проводили на открытом воздухе и их сосудистая система адаптирована к таким условиям.

3. *Продырявленность глазницы.* Специфические изменения на верхней внутренней поверхности глазницы, получившие название *cribra orbitalia*, широко используются как маркеры стресса. Причины, вызывающие такие изменения, точно не установлены. Анализ данных по частоте встречаемости *cribra orbitalia*, приводимых А.П. Бужиловой [1999], убеждает в том, что этот признак связан с интенсивностью распространения инфекционных заболеваний. Маркер *cribra orbitalia* не встречен на льяловских черепках, но обнаружен на 18% волосовских: одном мужском и трех женских из 22. Во всех случаях признак выражен

Таблица 6. Частота встречаемости периостита на скелетах из погребений могильника Сахтыш Па, %

Культура	n	Периостит
Льяловская	9	22
Ранневолосовская	11	84
Поздневолосовская	38	39

очень слабо (балл 1). Его появление у поздневолосовских индивидов может быть истолковано как наличие некоего патогенного фона.

4. *Периостит*. Это реакция костной ткани на широкий круг патогенных причин [Orthner, Puchar, 1981]. В самом общем виде можно сказать, что образование порозных слоев на поверхности костей связано с хроническими воспалительными процессами в периосте. Воспаления травматического происхождения, анемические синдромы, инфекции являются причиной таких проявлений [Ibid].

Периостит и парапериоститные проявления на большеберцовых костях встречаются в льяловской и волосовской скелетных сериях (табл. 6). В первой группе этот маркер отмечен у двух мужских скелетов. В выборке, относящейся к ранневолосовским слоям, он обнаружен у всех женских и у 90% мужских, а в поздневолосовской – у 61% мужских и 37% женских скелетов.

Какие причины возникновения периоститных явлений наиболее вероятны в данном случае? Слабая степень выраженности признака склоняет к тому, чтобы расценивать эти проявления как физиологическую реакцию, находящуюся на грани между нормой и патологией. Во всех случаях они локализованы на костях голени (рис. 2), что имеет достаточно ясные причины. Вены голени – одно из наиболее уязвимых “звеньев” нашего кровообращения. Именно в этой области в первую очередь развиваются застойные явления, отеки; вены голени в первую очередь теряют эластичность при малоподвижном образе жизни.

Обратим внимание на распределение признака в сериях из льяловских и волосовских погребений. В первой он встречается гораздо реже, чем во второй. Наиболее часто периостит наблюдается на ранневолосовских скелетах. Малочисленность серий не позволяет нам с большой уверенностью опираться на статистические показатели. Однако интересно, что в группе льяловских и поздневолосовских погребенных этот признак чаще фиксируется у мужчин, значительно реже у женщин, а на детских и подростковых скелетах не встречается вообще. Такое распределение не соответствует картине распространения инфекции в популяции. Более веро-

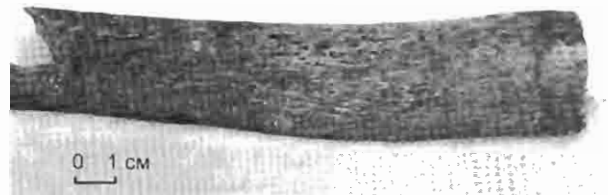

Рис. 2. Периоститные изменения на фрагменте правой большеберцовой кости женщины 30 – 39 лет из поздневолосовского погребения могильника Сахтыш Па.

ятно, что периостит вызван стрессами, связанными с видом деятельности взрослого населения, особенно мужчин.

Исследование копролитов из волосовского культурного слоя поселения Воймежное I [Хрусталева, 1997] показало значительную зараженность широким лентецом (*Diphyllobotrium latum*). Дифиллоботриоз – гельминтоз, нарушающий работу тонкого кишечника. Так как именно тонким отделом кишечника осуществляется всасывание большей части белков, жиров и углеводов, то нарушение его работы может приводить к анемии.

Наиболее благоприятными биотопами для широкого лентеца являются неглубокие, хорошо прогреваемые водоемы с медленным течением. Человек, волк, собака, медведь – окончательные хозяева паразита, т.е. именно в них живет половозрелая особь лентеца. Промежуточный хозяин – пресноводные рачки, а дополнительный – ряд видов пресноводных рыб. На основании этих сведений можно с высокой степенью достоверности утверждать, что население, занимавшееся рыбной ловлей и охотничьим промыслом, было заражено пресноводными гельминтами.

Может ли хронический гельминтоз явиться причиной периоститных явлений на голени? Прямых указаний на документированные связи между тем и другим в литературе нет. Однако такое предположение небезосновательно.

Другое гипотетическое предположение связывает возникновение периоститных явлений с ограниченной подвижностью. Как отмечалось В.Н. Федосовой, слабый рельеф на костях нижних конечностей сахтышцев связан с малыми физическими нагрузками на ноги [Федосова, 1997]. По ее мнению, такая ситуация возможна, когда человек значительное время проводит в лодке в положении сидя.

Возможно, густые смешанные леса затрудняли пешее передвижение и основными коммуникациями являлись реки и озера, по которым можно было двигаться на лодках и плотах. Долгое и малоподвижное пребывание в прохладной или холодной влажной среде

Таблица 7. Частота встречаемости межпозвоночных грыж и дегенеративных изменений на суставах и позвоночнике в скелетных сериях из льяловских и волосовских погребений могильника Сахтыш Па, %

Культура	Дегенеративно-дистрофические изменения		Узлы Шморля
	на суставах конечностей	на позвоночнике	
Льяловская	22 (9)*	25 (4)	50 (4)
Ранневолосовская	75 (13)	17 (6)	50 (6)
Поздневолосовская	44 (32)	37 (19)	15 (20)

* В скобках указано количество скелетов, пригодных для оценки признака.

могло быть причиной переохлаждения ног, развития застойных явлений в периферической кровеносной и лимфатической системах, а это провоцировало реактивные состояния периоста.

Важно подчеркнуть, что наиболее высокая частота встречаемости периостита как у мужчин, так и у женщин отмечена для ранневолосовского времени. Вероятно, стресс, вызывавший такие проявления, был наиболее значителен именно в этот период.

5. *Дегенеративно-дистрофические изменения на суставах конечностей.* Как известно, скелет человека подвержен значительным возрастным изменениям. Разнообразные патологии старшего возраста связаны с износом скелета. Появление же дегенеративных изменений на суставах молодых людей свидетельствует о значительном стрессе (механическом, инфекционном, метаболическом – в зависимости от вида патологических изменений). Частота встречаемости данного признака в различных группах приведена в табл. 7.

В выборке из льяловских погребений краевые артритные разрастания на суставах встречены у двух мужских скелетов (погр. 40 и 42) из трех. В одном случае поражены суставные поверхности ключиц в грудинно-ключичных суставах (погр. 40), в другом – суставные поверхности ключиц в грудинно-ключичном и ключично-плечевом суставах, а также верхний эпифиз локтевых костей. Характер изменений и возраст индивидов позволяет предполагать, что это результат механического стресса. На суставах конечностей женщин дистрофические изменения не обнаружены.

В выборке из ранневолосовских погребений данный признак отмечен у 90% мужских скелетов. Связи между возрастом и развитием поражения суставов не наблюдается, на основании чего можно также высказать предположение о чрезвычайно значительном механическом стрессе. К ранневолосовским относятся всего два женских погребения. Только в одном из них скелет (погр. 10, 30 – 40 лет) имеет следы дегенеративных изменений на локтевых суставах.

Поздневолосовская выборка наиболее многочисленна. Из 13 мужских скелетов 6 имеют следы дегенеративных изменений на суставах (46%), из 19 женских – 8 (42%).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что интенсивность нагрузок на пояс верхних конечностей и на мышцы рук у ранневолосовского населения была гораздо большей, чем у поздневолосовского. Судить о различиях между волосовцами и льяловцами сложно, так как последние представлены слишком малым числом скелетов.

6. *Дегенеративные изменения на позвоночнике.* Частота встречаемости патологических изменений на позвоночнике ниже, чем на суставах (табл. 7). Обсуждать особенности распределения этого признака в льяловской выборке практически невозможно, так как всего четыре позвоночных столба взрослых индивидов сохранились должным образом. На одном из них (погр. 42) отмечен спондилолиз грудного отдела.

В ранневолосовской выборке из шести скелетов, пригодных для оценки признака, дистрофические изменения обнаружены у одного (погр. 10), а в наиболее многочисленной поздневолосовской – у 7 из 19.

Таким образом, сопоставление выборок затруднено ввиду малочисленности двух из них. Высокая частота встречаемости признака в поздневолосовской группе, безусловно, связана с увеличением продолжительности жизни, поскольку все дистрофические изменения обнаружены у погребенных в возрасте более 30 лет.

7. *Узлы Шморля.* Рассмотрим отдельно частоту встречаемости хрящевых грыж на межпозвоночных поверхностях (табл. 7). Узел Шморля формируется в результате механического сдавливания позвонков, поэтому может быть успешно использован для реконструкции физических нагрузок.

У двух (погр. 22 и 42) из четырех погребенных, относящихся к льяловской группе, обнаружены грыжи грудного отдела позвоночника.

Из шести ранневолосовских скелетов узлы Шморля у трех: у одного в нижней части грудного отдела позвоночника (погр. 15), у двух – в поясничном отделе (погр. 5 и 10). В поздневолосовской группе также отмечены межпозвоночные грыжи в нижней части грудного и поясничном отделе.

Малая численность ранних выборок делает статистические наблюдения малодостоверными, однако

Таблица 8. Концентрация химических элементов в костной ткани (ppm). Могильник Сахтыш Па. Льяловская культура

№ погребения	Пол	Возраст	Sr	Cu	Zn
12	Муж.	30 – 40	28,45	51,81	284,97
29	»	30 – 40	37,84	27,91	–
40	»	30 – 40	43,80	41,86	547,54
42	»	25 – 30	30,76	20,34	–
16	Жен.	20 – 25	23,43	34,46	224,01
22	»	20 – 25	22,28	27,04	367,70
43	Реб.	5 – 9	35,73	35,73	309,65
X			31,75	34,16	346,37

Таблица 9. Концентрация химических элементов в костной ткани (ppm). Могильник Сахтыш Па. Ранневолосовский этап

№ погребения	Пол	Возраст	Sr	Cu	Zn
1	Муж.	30 – 35	41,46	26,51	843,68
5	»	40 – 45	29,59	25,50	391,11
14	»	35 – 40	26,38	16,49	219,84
15	»	30 – 35	45,07	24,50	440,96
28	»	35 – 40	47,71	37,66	62,77
2	Жен.	30 – 35	29,99	18,43	639,21
X			36,70	24,85	432,93

можно отметить снижение частоты встречаемости маркеров механического стресса на более поздних скелетах.

Сопоставление различных систем биологических признаков. Приведенные данные о встречаемости маркеров стресса у населения, оставившего могильник Сахтыш Па, позволяют наблюдать динамику интенсивности стрессовых воздействий. Сравнение распределения этих маркеров в разных группах наглядно демонстрирует, что качество и образ жизни льяловского, ранневолосовского и поздневолосовского населения не были стабильны.

Частоты встречаемости таких признаков, как васкулярная реакция на костях черепа, *cribra orbitalia*, периостит, показывают более благоприятную картину для льяловского населения. Правда, высокий процент встречаемости эмалевой гипоплазии свидетельствует о несколько более суровом детстве в льяловском сообществе.

Как уже упоминалось, васкулярная реакция на костях черепа связана с локальным охлаждением. Поэтому данный признак наблюдается на всех черепах волосовцев, живших в более суровых климатических условиях [Спиридонова, Энговатова, 1997]. *Cribralia orbitalia* и периостит связываются с неспецифическими инфекциями и анемичными синдромами. Судя по этим маркерам, условия жизни льялов-

ского населения были более комфортными. Самые суровые стрессовые воздействия испытывали ранние волосовцы.

Высокая частота встречаемости дегенеративно-дистрофических изменений на суставах и периоститных проявлений на большеберцовых костях в ранневолосовской группе убедительно указывает на то, что приспособление к новому месту обитания было сопряжено с повышенным стрессовым фоном. Относительно причин стрессов на сегодняшнем уровне исследований мы можем высказывать лишь гипотезы.

В ранневолосовской группе чаще встречаются поражения суставов рук и пояса верхних конечностей, что, возможно, связано с большим механическим стрессом. Возможно, жизненный уклад волосовцев предполагал более интенсивную физическую работу. Однако реактивные состояния опорно-двигательного аппарата возникают не только в связи с тяжелой физической нагрузкой, но и под воздействием низких температур и влажности. Поэтому не следует исключать того, что ухудшение климатических условий сказывалось на состоянии скелета.

Жизненный уклад охотников-рыболовов-собирающих очень пластичен и, по сути дела, является адаптацией к тому или иному способу добычи пищи.

Таблица 10. Концентрации химических элементов в костной ткани (ppm). Могильник Сахтыш Па. Этап развитой волосовской культуры

№ погребения	Возраст	Sr	Cu	Zn
<i>Мужчины</i>				
24	20 – 25	27,86	35,21	153,09
31	40 – 45	24,50	75,50	350,00
32	35 – 40	32,41	38,89	496,97
34	30 – 35	38,85	38,35	489,99
36a	30 – 40	28,93	20,46	313,83
36b	30 – 40	15,59	37,63	470,35
39	25 – 30	33,93	36,10	342,96
44	35 – 45	34,97	34,98	446,94
45	30 – 40	28,25	30,90	375,19
62	30 – 40	42,45	27,99	419,91
X		30,72	37,60	348,40
<i>Женщины</i>				
7	20 – 25	10,23	23,17	304,88
8	30 – 40	44,36	28,43	511,80
19	30 – 35	31,60	29,62	493,83
21	20 – 25	27,39	35,60	635,88
25	30 – 35	28,77	27,40	671,42
37	25 – 45	17,89	24,10	385,68
46	30 – 40	45,65	35,97	626,50
50	45 – 50	31,17	23,37	405,17
57	45 – 50	23,83	23,47	288,88
X		28,98	37,72	488,16
<i>Дети</i>				
51	10 – 14	29,33	34,50	690,10
53	3 – 4	22,19	37,72	488,16
X		25,76	36,11	589,13

Реконструкция типа питания. Проведенные анализы минерального состава костной ткани позволяют судить о своеобразии питания населения, оставившего могильник Сахтыш Па. Индивидуальные данные и средние величины сведены в табл. 8 – 10. Отличительной чертой этой группы являются, в первую очередь, высокие концентрации цинка и меди, что характерно для палеопопуляций мезолита – неолита [Arrhenius, 1990, p. 15; Liden, 1990, p. 21]. Накопление этих двух элементов связано с интенсивным употреблением в пищу животных белков. Существует возможность и более детальной палеодиетологической реконструкции.

Высокая концентрация меди в костной ткани свидетельствует о присутствии в рационе населения моллюсков, насекомых, ракообразных [Liden, 1990, p. 22], а цинка (100 – 250 ppm) – об употреблении в пищу

мяса, в первую очередь, наземных млекопитающих. Анализ образцов кости с могильника Сахтыш Па показал гипервысокие концентрации цинка, достигающие до 700 – 800 ppm. Это уже не может быть объяснено только мясоедением. Существуют данные, позволяющие интерпретировать гипервысокое содержание элемента как следствие употребления в пищу рыбы или определенных органов млекопитающих (печень) [Underwood, 1977, p. 213].

Низкие концентрации стронция в костной ткани погребенных на могильнике Сахтыш Па свидетельствуют о незначительной доли растительного компонента в рационе.

Особое внимание стоит обратить на размах индивидуальной изменчивости показателей: для концентраций цинка минимальное значение 153 ppm, а максимальное – 843, меди – соответственно 16 и 75,

Таблица 11. Эпохальная динамика концентраций химических элементов в костной ткани (ppm).
Могильник Сахтыш Па

Период	Пол	n	Sr	Cu	Zn
Льяловский	Муж.	3	29,60	36,07	284,97
	Жен.	3	22,85	30,75	295,85
Ранневолосовский	Муж.	5	38,99	26,43	391,67
	Жен.	1	29,99	18,43	639,67
Волосовский	Муж.	9	30,72	37,60	348,40
	Жен.	10	28,98	27,90	480,45

стронция – 10 и 43 ppm. Такой высокий уровень индивидуальной изменчивости не свойствен, например, средневековым популяциям [Kozlovskaja, 1993, p. 102]. По-видимому, его можно рассматривать как свидетельство разнообразия питания и существования многих источников получения пищи. Столь же большая разница между минимальными и максимальными значениями концентраций элементов отмечена для неолитических популяций на территории Швеции [Arrenius, 1990, p. 19]. А наибольший размах индивидуальной изменчивости характерен для мезолитических групп [Ibid, p. 18]. Так, для могильника Скатехолм (Швеция) крайние значения концентрации меди 17 и 284 ppm, цинка – 98 – 832 ppm.

Реконструкция рациона питания населения, оставившего могильник Сахтыш Па, по данным о химическом составе костной ткани в общих чертах подтверждает выводы, основанные на анализе палеозоологических материалов волосовских стоянок. “Об охотничье-рыболовческом... хозяйстве волосовцев можно судить по топографии поселений, кухонным остаткам и характеру вещественных материалов. Тяготение всех волосовских поселений к водным пространствам свидетельствует о доминанте рыболовства в их хозяйстве” [Крайнов, 1987, с. 19].

Какую добавочную информацию предлагает данное исследование? Основываясь на стратиграфии могильника Сахтыш Па, попробуем проследить динамику концентраций элементов – индикаторов питания. Как следует из данных табл. 11, на протяжении льяловского, ранневолосовского и собственно волосовского периодов принципиальных изменений в структуре рациона не происходит. Прослеживается лишь одна тенденция – к увеличению концентраций цинка в волосовской группе по сравнению с льяловской. Это изменение можно интерпретировать как увеличение доли рыбы в рационе. Видимо, носители льяловских традиций в большей мере занимались охотой, а волосовцам было свойственно преимущественно рыболовство.

Анализ качества и предположительного состава пищи в различных возрастных группах взрослых показал отсутствие каких-либо градиентов в распределении изучаемых признаков. Видимо, возрастной дифференциации (в пределах зрелого возраста), по крайней мере в отношении качества питания, не было.

Сопоставление концентраций элементов – индикаторов питания в мужской и женской группах позволило выявить некоторые различия. Для женской части палеопопуляции характерны более высокие концентрации цинка и относительно низкие – меди, для мужской – наоборот, что позволяет предполагать существенные различия в структуре питания мужчин и женщин: у первых источником белкового компонента рациона были рыба, мясо наземных позвоночных, пресноводные моллюски; у вторых – в основном рыба.

Тенденция стабильно более интенсивного накопления стронция в костной ткани мужских скелетов настолько незначительна на фоне большой индивидуальной изменчивости, что судить о достоверности различий в употреблении растительной пищи мужчинами и женщинами не представляется возможным. Видимо, во всяком случае у носителей волосовских традиций таких различий не было.

Интересно, что тенденции эпохальной динамики и градиенты различий по полу некоторым образом совпадают. Поскольку переход к увеличению доли рыболовства осуществлялся, если можно так выразиться, женской частью популяции, логично предполагать, что он мог быть вызван простотой и надежностью данного способа получения пищи. Возможно также рассматривать увеличение доли рыболовства как хозяйственную предпосылку большей оседлости.

Есть основания предполагать, что поздневолосовское население, развивая хозяйственные традиции, заложенные предшествующими поколениями племенников, достигло известных успехов. Судя по суммарным показателям частоты встречаемости маркеров стресса (кумулятивного и эпизодического), поздневолосовское сообщество обеспечивало большую продолжительность жизни и лучшее состояние здоровья.

Таблица 12. Изменение спектра пищевых ресурсов на протяжении мезолита и неолита на территории Украины (по: [Lille, 1996])

Мезолит	Поздний мезолит – ранний неолит	Неолит
Охотничья добыча	Уменьшение доли промысловых животных	Уменьшение доли растительной пищи (?)
Рыба/моллюски	Рыба/моллюски	Рыба/моллюски
Дикие растения	Увеличение доли растительной пищи	Уменьшение доли охотничьей добычи

Особенности моделей питания мезо-неолитического населения лесостепи и степи Восточной Европы

Иные тенденции в поисках пищевых стратегий развивались среди сообществ охотников-рыболовов-собирателей позднего каменного века, связанных с более открытыми ландшафтами светлого широколиственного леса, лесостепи, степи.

Изучение изотопного состава костной ткани скелетных остатков из мезо- и неолитических погребений в Запорожье помогло воссоздать особенности пищевого рациона этого населения. Проведенный анализ показал сходство структур питания людей, оставивших такие широко известные памятники, как Деревка, Мариевка, Васильевка, Ясиноватка [Lille, Richards, 2000]. Значения $\delta^{13}\text{C}$ колеблются от $-23,6$ до $-21,7\text{‰}$, что соответствует употреблению в пищу растений и пресноводной рыбы. Доля охотничьей добычи в рационе была невелика. Значения, полученные для изотопа азота (^{15}N), также указывают на употребление пресноводной рыбы. На протяжении мезолита – неолита исследователи наблюдают некоторые изменения структуры питания [Lille, 1996]. В течение периода 10 – 4 тыс. л.н. в рассматриваемых районах складывается своеобразная картина. Если в мезолите структура питания населения этой территории вполне соотносима с таковой обитателей северных лесов (охотничья добыча, рыба, моллюски, растения), то при переходе к неолиту увеличивается роль растительной пищи (табл. 12). Этот факт даже послужил поводом для предположений К. Джейкобса о раннем появлении земледелия на Украине [Jacobs, 1994].

Интенсивное использование в пищу диких растений фиксируется значительным стиранием жевательной поверхности зубов. Исследователи отмечают высокую частоту встречаемости зубного камня (35 – 38 (?) % для мезолита и 47 – 87% для неолита), что указывает на постоянное употребление вязкой пищи. Отсутствие кариеса не может быть непосредственно связано с тем или иным типом питания, однако, скорее всего, большое количество грубоволокнистой растительной пищи не способствует развитию бактериальной флоры в полости рта.

Исследователями изотопного состава коллагена костной ткани мезо-неолитического населения Днеп-

ровских порогов отмечен значительный половой диморфизм в частоте встречаемости зубного камня: у мужчин он встречается гораздо чаще [Lille, Richards, 2000]. Это связывается с различной структурой питания: предполагается, что пища мужчин содержала больше протеинов, чем пища женщин. Причем более ярко эти различия выражены у неолитического, а не мезолитического населения. Эмалевая гипоплазия для мезолитических памятников Васильевка-2 и 3 составляет соответственно 7 и 22% (без указания половых различий), а для неолитических варьирует от 0 (Осиповка) до 19% (Ясиноватка). Таким образом, величины частоты встречаемости этих маркеров стресса детства значительно ниже значений, полученных по позднелитическим материалам Сахтыша, но выше отмеченных для мезолитической группы из Минино I [Бужилова, 2001].

Оседлые охотники-собиратели Нового Света (степь и полупустыня)

Фундаментальные исследования археологических памятников в долине р. Техуакан в Южной Мексике, проведенные в начале 60-х гг. прошлого века, позволили составить представление об особенностях образа жизни охотников-собирателей степных и полупустынных ландшафтов Нового Света [The prehistory..., 1967]. Анализ скелетных остатков человека, зоологических и ботанических материалов, капролитов, изучение культурного слоя пяти пещер высокогорной долины этой реки составили мощную базу для реконструкции образа жизни коренного населения Мезоамерики в позднем каменном веке. Сам проект задумывался в связи с изучением начала земледелия в данных районах, однако богатейшая информация получена и относительно более раннего периода. В общей сложности исследованиями охвачен период от 8 500 лет до н.э. до 1 500 г. н.э.

Эти уникальные по масштабности исследования позволили реконструировать структуру питания населения с присваивающим хозяйством, основные методы приготовления пищи.

Охотники-собиратели Техуакана охотились в основном на два вида – белохвостого оленя и кролика [Flannery, 1967]. Таким образом, универсальное пристрастие охотников к мясу травоядных млекопитаю-

щих обнаруживается и здесь. Доли мяса белохвостого оленя и кролика в диете были примерно одинаковыми на протяжении периода 6 500 лет до н.э. – 1 000 г. н.э. В более ранние эпохи преобладало мясо кролика, как и в более поздний период. Начиная со II тыс. н.э., охота на белохвостого оленя стремительно сокращается, а на кролика остается на прежнем уровне. Доля рыбы в рационе этих людей была ничтожно мала, что, вероятно, связано с засушливостью местного климата.

Растительная пища занимала не менее важное место, чем животная. По палинологическим материалам определено несколько десятков видов съедобных растений, плоды, цветы, стебли, семена, листья которых употреблялись в пищу. Несмотря на то что наиболее ранние формы домашней кукурузы известны с VII тыс. до н.э., существенной частью рациона питания культурные растения стали только около 3 500 лет до н.э. До этого времени пищей охотников-собирателей Техуакана были дикие растения и животные примерно в равных долях. В период 8 000 – 5 500 лет до н.э. мясо белохвостого оленя и кролика составляло больше половины рациона питания. В более позднее время преобладали дикие растения. Следует отметить, что тенденции, обозначенные в позднем каменном веке, усиливаются во все последующие эпохи: население специализируется на вегетарианской пище, а белки животного происхождения занимают минимальное место в питании. Роль беспозвоночной фауны также незначительна [Callen, 1967].

Таким образом, древние охотники-собиратели высокогорных районов Мезоамерики придерживались иных традиций в формировании пищевого разнообразия. Отличительной чертой данного населения можно назвать использование в пищу чрезвычайно большого количества видов диких растений и не столь важное значение охоты. Возможно, эта древняя традиция и явилась причиной возникновения на территории Мексики традиции земледелия с незначительным участием животноводства и с практически полным отсутствием подвижных форм скотоводства.

Реконструкции типов питания переднеазиатского мезолитического населения (степь и полупустыня)

Исследования химического состава антропологических материалов мезолитической натуфийской культуры и докерамического неолита Иерихона в Леванте позволили составить некоторое представление о своеобразии типа питания охотников-собирателей Передней Азии 10 – 6 тыс. л.н. На поселениях натуфийской культуры и докерамического неолита А стабильно преобладают кости газели. Только при переходе к докерамическому неолиту Б наблюдается сме-

на скелетных остатков газели на кости животных других видов, в т. ч. коровы [Smith, Bar-Yosef, Sillen, 1984]. Для мезолитического натуфийского населения отмечены величины соотношения Sr и Ca, отвечающие смешанной растительно-мясной пище, при переходе к докерамическому неолиту Б наблюдается увеличение протеинового компонента в рационе питания. Частота встречаемости кариеса у натуфийцев невелика (средние популяционные показатели 0,3 – 7,6%), эмалевой гипоплазии варьирует от 60 до 10%, а средняя частота встречаемости *cribra orbitalia* по всем натуфийским группам составляет 40% у взрослых и 50% у детей. Очевидно, что уровень жизни существенно различался в разных популяциях и в мезолите. Поэтому судить в целом о населении Леванта достаточно сложно. Качество жизни натуфийцев было связано только с локальными особенностями группы.

Территории современных Ирака и Ирана чрезвычайно важны для решения проблем происхождения производящего хозяйства. К сожалению, сведения, по которым мы можем судить о своеобразии, типе питания древнего населения этого региона, крайне фрагментарны [Rathbun, 1984]. Величины соотношения Ca и Sr в костных тканях индивидов из неолитических памятников Гандж Дарех (5,03) и Хаджи Фируз (6,7) дают основания предполагать, что рацион неолитического населения территории Ирана включал в основном мясо наземных млекопитающих, растения же были представлены в небольшом количестве. Переход от присваивающего к производящему хозяйству, по мнению указанного автора, не сопровождался на данной территории принципиальными изменениями структуры питания. Также предполагается, что мелкий рогатый скот в Загросе занимал более существенное место в ежедневном рационе, чем в Леванте.

Таким образом, по антропологическим данным, у нас пока нет оснований считать, что переход к земледелию провоцировался острым кризисом природных пищевых ресурсов.

Заключение

Вероятно, общее смягчение климата привело к тому, что энергетические потребности организма человека снизились. Вследствие этого не столь необходимыми стали высококалорийность и питательность еды, и заложенные в эпоху верхнего палеолита основы принципа наиболее широкого использования пищевых ресурсов получили свое развитие. Человек осваивает новый (в таком объеме) источник белковой пищи, это не крупная рыба и беспозвоночная фауна, добыча которой не сопряжена с опасностью для жизни. Они становятся надежным источником еды в самые тяжелые и неблагоприятные сезоны года. Большая обеспечен-

Таблица 13. Длина тела мезолитических обитателей побережий и внутренних районов Западной Европы (по: [Meiklejohn, Schentag, Venema, 1984])

Регион	Пол	n	Длина тела
Побережье	Муж.	48	168,11
	Жен.	36	155,13
Внутренние районы	Муж.	17	169,55
	Жен.	10	158,24

ность легкодоступными пищевыми ресурсами значительно облегчает жизнь менее защищенным членам общества – женщинам и детям. Результатом этого становится рост численности популяций, особенно заметный у неолитических охотников-рыболовов-собираателей.

Оценить общие тенденции в показателях физического развития мезо- и неолитического населения достаточно сложно, так как оно чрезвычайно разнообразно. Обобщенные данные указывают на уменьшение длины тела по сравнению с верхним палеолитом [Angel, 1984]. Сопоставление по этому признаку мезолитического населения Западной Европы из прибрежных и внутренних районов свидетельствует о том, что обитатели побережий имели несколько меньшую длину тела, чем жители внутренних районов (табл. 13). Данный факт можно трактовать как снижение показателей физического развития, вызванное экологическими факторами, а можно объяснять давно обозначившимся генетическим расхождением популяций, живших во внутренних и прибрежных районах.

Наибольшее внимание в обзоре было уделено населению прибрежных ландшафтов умеренного пояса и более высоких широт, а также лесных умеренного пояса. Это связано не только с тем, что большая часть имеющейся информации касается именно данных регионов, но и с объективными причинами. Как отмечалось выше, наибольшие изменения природных условий были в приледниковых районах. Общее потепление и увлажнение климата не так кардинально сказалось на более южных территориях. Мезолит, вероятно, можно назвать временем расцвета недифференцированных охотников-рыболовов-собираателей. Заложенный в верхнем палеолите принцип использования разнообразных пищевых ресурсов нашел свое воплощение именно в мезолитическую эпоху. “Удерживать” равновесное распределение нагрузки на все доступные пищевые источники в течение долгого времени – сложная задача. Сезонная смена основных источников пищи способствовала сохранению этого широкого спектра ресурсов. В самом явном виде сезонность и разнообразие пищевых источников выражены в береговых ландшафтах умеренных и высо-

ких широт. Возможно, поэтому в эпоху мезолита число поселений человека на морских побережьях явно больше, чем во внутренних районах.

Население, живущее в районах с менее выраженной сезонной сменой основных пищевых ресурсов, имеет возможность (а может быть, необходимость?) специализироваться на ограниченном спектре источников пищи. Вероятно, это – меньшее разнообразие пищевых ресурсов, – с точки зрения палеодиетологии, и является фундаментальной предпосылкой перехода к производящему хозяйству.

Список литературы

- Алексеева Т.И.** Неолитическое население лесной полосы Восточной Европы // Неолит лесной полосы Восточной Европы: Антропология Сахтышских стоянок. – М.: Научный Мир, 1997. – С. 15 – 17.
- Алексеева Т.И., Крайнов Д.А., Костылева Е.Л., Лебединская Г.В., Уткин А.В., Федосова В.Н.** Антропологические материалы из погребений на стоянках Сахтыш I, Сахтыш II, Сахтыш IIa, Ивановское VII, Ловцы и Озеро Ловецкое // Неолит лесной полосы Восточной Европы: Антропология Сахтышских стоянок. – М.: Научный Мир, 1997. – С. 7 – 14.
- Бужилова А.П.** Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека: Методика биологических исследований. – М.: ИА РАН, 1998. – С. 87 – 146.
- Бужилова А.П.** Анемия у древнего населения как один из индикаторов среды // Сб. тез. III Междунар. конгр. этнографов и антропологов России. – М.: ИЭА РАН, 1999. – С. 150.
- Бужилова А.П.** Адаптивные процессы у древнего населения Восточной Европы (по данным палеопатологии): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М.: ИА РАН, 2001. – 50 с.
- Вебер А.В., Линк Д.В.** Неолит Прибайкалья: итоги и перспективы изучения // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 1(5). – С. 135 – 146.
- Вострецов Ю.Е.** Реконструкция образа жизни, жизнеобеспечения и динамики заселения б. Бойсмана в неолите // Первые рыболовы в заливе Петра Великого: Природа и древний человек в бухте Бойсмана. – Владивосток: ИИАЭНДВ ДВО РАН, 1998. – С. 371 – 385.
- Жилин М.Г., Энговатова А.В.** Палеоэкология и заселение Ивановского торфяника // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. – Иваново, 1998. – С. 90 – 97.
- Йонедэ М., Кузьмин Я.В., Морита М., Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шибата Я., Шпакова Е.Г.** Реконструкция палеодиеты по стабильным изотопам углерода и азота в коллагене костей из неолитического могильника Бойсмана-2 (Приморье) // Гуманитарные науки в Сибири. – 1998. – № 3. – С. 9 – 13.
- Карху А.А.** Остатки птиц с поселения Ивановское VII (предварительные результаты) // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. – Иваново, 1998. – С. 84 – 86.
- Кириллова И.В.** Охотничья добыча обитателей стоянки Ивановское VII (по костным остаткам млекопитающих) //

Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. – Иваново, 1998. – С. 63 – 83.

Козловская М.В. Экология древних племен лесной полосы Восточной Европы. – М.: ИА РАН, 1996. – 243 с.

Козловская М.В. Палеоэкологические аспекты исследования антропологических материалов могильника Сахтыш Па // Неолит лесной полосы Восточной Европы: Антропология Сахтышских стоянок. – М.: Научный Мир, 1997. – С. 93 – 114.

Козловская М.В. Минеральная часть костной ткани: общие параметры и количественный анализ некоторых химических элементов // Историческая экология человека: Методика биологических исследований. – М.: ИА РАН, 1998. – С. 220 – 243.

Кольцов Л.В., Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья: Памятники Бутовской культуры. – М.: Наука, 1999. – 155 с.

Костылева Е.Л., Уткин А.В. Керамика восточно-прибалтийского типа на поселении Ивановское-VII // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. – Иваново, 1998. – С. 53 – 57.

Крайнов Д.А. Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы Восточной Европы. – М.: Наука, 1987. – С. 10 – 28.

Кузьмин Я.В., Алкин С.В., Оно Х., Сато Т., Сакаки, Мацумото Ш., Оримо К., Ито Ш. Радиоуглеродная хронология древних культур каменного века Северо-Восточной Азии. – Владивосток: Тихоокеанский ин-т географии ДВО РАН, 1998. – 127 с.

Паавер К. Формирование териофауны и изменчивость млекопитающих Прибалтики в голоцене. – Тарту, 1965. – 117 с.

Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г. Бойсманская археологическая культура Южного Приморья. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. – 95 с.

Раков В.А., Вострецов Ю.Е. Морское собирательство // Первые рыболовы в заливе Петра Великого: Природа и древний человек в бухте Бойсмана. – Владивосток: ИИАЭНДВ ДВО РАН, 1998. – С. 241 – 275.

Спирidonова Е.А., Энгватова А.В. Палеоэкологические события атлантического периода и их связь с культурами неолита и энеолита по материалам поселения Воймежное I // Древние охотники и рыболовы Подмосквья. – М.: ИА РАН, 1997. – С. 120 – 123.

Суворов А.В. Могильник Минино I на Кубенском озере (по результатам работ 1993 и 1996 гг.) // Тверской археологический сборник. – Тверь, 1998. – С. 193 – 202.

Сычевская Е.К. Остатки рыб с поселения Ивановское VII // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. – Иваново, 1998. – С. 87 – 89.

Уткин А.В. Хроника археологических исследований Ивановского болота // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. – Иваново, 1998. – С. 3 – 11.

Федосова В.Н. Морфологическая характеристика костей конечностей неолитического населения памятника Сахтыш Па // Неолит лесной полосы Восточной Европы: Антропология Сахтышских стоянок. – М.: Научный Мир, 1997. – С. 75 – 92.

Федосова В.Н., Крайнов Д.А., Костылева Е.Л., Уткин А.В. Палеодемография и половозрастные особеннос-

ти погребального обряда охотников-собирателей Сахтыш Па // Неолит лесной полосы Восточной Европы: Антропология Сахтышских стоянок. – М.: Научный Мир, 1997. – С. 55 – 68.

Хрусталева А.В. Данные гельминтологического анализа копролитов, найденных на поселении Воймежное I // Древние охотники и рыболовы Подмосквья. – М.: ИА РАН, 1997. – С. 132 – 133.

Шмальгаузен И.И. Факторы эволюции: Теория стабилизирующего отбора. – М.: Наука, 1968. – 451 с.

Angel J.L. Health as a crucial factor in the changes from hunting to developed farming in the Eastern Mediterranean // Paleopathology at the origin of agriculture / Eds. M.N. Cohen, G.J. Armelagos. – Orlando: Academic Press, 1984. – P. 51 – 58.

Arrenius B. Trace elements analysis on human skulls // Laborativ Arkeologi. – 1990. – Vol. 4. – P. 15 – 20.

Bietti A. Some remarks on the new radiocarbon dates from the Arene Candide cave (Savona, Italy) // Human Evolution. – 1987. – Vol. 2. – P. 185 – 190.

Callen E.O. Analysis of the Tehuacan coprolites // The prehistory of the Tehuacan valley: Environment and Subsistence / Ed. D.S. Byers. – L.: University of Texas Press, 1967. – P. 261 – 289.

Cassidy C.M. Skeletal evidence for prehistoric subsistence adaptation in the Central Ohio River Valley // Paleopathology at the origins of agriculture / Eds. M.N. Cohen, G.J. Armelagos. – Orlando: Academic Press, 1984. – P. 307 – 346.

Elements d'architecture / Ed. by S. Cassen. – Association des Publications Chauvinoises, 2000. – 814 p.

Flannery K.V. The vertebrate fauna and hunting patterns // The prehistory of the Tehuacan valley: Environment and subsistence / Ed. D.S. Byers. – Austin; L.: University of Texas Press, 1967. – P. 132 – 178.

Francalacci P. Dietary reconstruction at Arene Candide Cave (Liguria, Italy) by means of trace elements analysis // J. of Archaeological Science. – 1989. – N 16. – P. 109 – 124.

Goodman A.H., Martin D.L., Armelagos G.J., Clark G. Indications of stress from bone and teeth // Paleopathology at the origin of agriculture / Eds. M.N. Cohen, G.J. Armelagos. – Orlando: Academic Press, 1984. – P. 13 – 49.

Jacobs K. Replay to Anthony "On subsistence change at the Mesolithic-Neolithic transition" // Current Anthropology. – 1994. – Vol. 35. – P. 52 – 59.

Jacobs K. Returning to Oleni' ostrov: social, economic and skeletal dimensions of a boreal forest mesolithic cemetery // J. of Anthropological Archaeology. – 1995. – N 14. – P. 359 – 403.

Katzenberg M. A., Weber A.W. Stable isotope ecology and palaeodiet in the Lake Baikal region of Siberia // J. of Archaeological Science. – 1999. – N 26 (6). – P. 651 – 659.

Kozlovskaja M.V. Bone mineral content as an indicator of the diet and ecological situation in paleopopulations // Homo. – 1993. – N 44/26. – P. 134 – 144.

Liden K. A diet study from the Middle Neolithic site Ire // Laborativ Arkeologi. – 1990. – Vol. 4. – P. 21 – 28.

Liden K. Prehistoric diet transition. – Stockholm: Stockholm University, 1995. – 139 p.

Lille M.C. Mesolithic and Neolithic population of Ukraine: Indications of diet from dental pathology // Current Anthropology. – 1996. – Vol. 37. – N 1. – P. 135 – 142.

Lille M.C., Richards M. Stable isotope analysis and dental evidence of diet at the mesolithic-neolithic transition in Ukraine // J. of Archaeological Science. – 2000. – N 27. – P. 965 – 972.

Maggi R. Lo strato a ceramiche graffite delle Arene Candide // Prehistoria Alpina. – 1977. – N 13. – P. 205 – 211.

Meiklejohn N., Schentad C., Venema A., Key P. Socioeconomic change and patterns of pathology and variation in the Mesolithic and Neolithic of Western Europe: some suggestions // Paleopathology at the origin of agriculture / Eds. M.N. Cohen, G.J. Armelagos. – Orlando: Academic Press, 1984. – P. 13 – 49.

Orthner D.J., Putchar W.G.J. Identification of pathological conditions in human skeletal remains. – Wash.: Smithsonian Institution Press, 1981. – 480 p. – (Smithsonian contributions to anthropology; Vol. 28).

Rathbun T.A. Skeletal pathology from the Paleolithic through the Metal Ages in Iran and Iraq // Paleopathology at the origins of agriculture / Eds. M.N. Cohen, G.J. Armelagos. – Orlando: Academic Press, 1984. – P. 137 – 168.

Richards M.P., Hedges R.E.M. Stable isotope evidence for similarities in the types of marine food used by late Mesolithic humans at sites along the Atlantic coast of Europe // J. of Archaeological Science. – 1999. – N 26. – P. 717 – 722.

Smith P., Bar-Yosef O., Sillen A. Archaeological and skeletal evidence for dietary change during the Late Pleistocene / Early Holocene in the Levant // Paleopathology at the origins of agriculture / Eds. M.N. Cohen, G.J. Armelagos. – Orlando: Academic Press, 1984. – P. 104 – 136.

The prehistory of the Tehuacan valley: Environment and subsistence / Ed. D.S. Byers. – Austin; L.: University Texas Press, 1967. – 331 p.

Tine S. Il Neolitico e l'Eta' del Bronzo della Liguria alla luce delle recenti scoperte // Atti XVI Riunione Scientifica dell'Istituto Italiano di Preistoria e Protostoria. – 1974. – N 16. – P. 37 – 54.

Underwood E.L. Trace elements in human and animal nutrition. – N.Y.; L.: Academic Press, 1977. – 534 p.

Материал поступил в редколлегию 29.04.02 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГУ – Алтайский государственный университет
АИЧПЕ – Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АН МНР – Академия наук Монгольской Народной Республики
АО – Археологические открытия
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БашкГУ – Башкирский государственный университет
БГПИ – Барнаульский государственный педагогический институт
БГПУ – Барнаульский государственный педагогический университет
БурГУ – Бурятский государственный университет
БФ СО АН СССР – Бурятский филиал Сибирского отделения Академии наук СССР
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ГИМ – Государственный Исторический музей
ГПНТБ – Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН
ДВО РАН – Дальневосточное отделение РАН
ИА – Институт археологии РАН
ИАЭт – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИАЭНДВ – Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН
ИИФиФ – Институт истории, филологии и философии СО АН СССР
ИЭА – Институт этнологии и антропологии РАН
КГУ – Красноярский государственный университет
КемГУ – Кемеровский государственный университет
КНЦ – Красноярский научный центр СО РАН
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры РАН
МАЭ – Музей антропологии и этнографии
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НГУ – Новосибирский государственный университет
ОмГПИ – Омский государственный педагогический институт
РА – Российская археология
РАН – Российская Академия наук
РАЭСК – Региональная археолого-этнографическая студенческая конференция
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства (г. Кемерово)
СЭ – Советская этнография
ТГУ – Томский государственный университет
ТКАЭЭ – Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция
ТобГПИ – Тобольский государственный педагогический институт
УрГУ – Уральский государственный университет
ХакНИИЯЛИ – Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ЧГПУ – Читинский государственный педагогический университет